Естественный обмен

Сулмор

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказы Сулмор - это современные сказки про любовь. В них можно встретить прелестного чертика, исполняющего желания, поговорить по душам со своей тоской и прийти на помощь заколдованной лисице. Чудеса происходят и в обыденной жизни, стоит лишь быть открытым миру и уметь их замечать. Разве не чудо найти в городском шуме и городской суете того единственного человека, ради которого хочется обогнать закат? Также это светлые истории, которые зимой способны согреть весенним теплом и способны вернуть, пусть ненадолго,ощущение летних солнечных дней.

Эти и другие рассказы Сулмор можно найти на сайте Юри Тейнон.

Естественный обмен
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Драббл, Hurt/Comfort
Размер : min
Описание :
Отдать и получить взамен. Что может быть нормальнее?
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Встретиться ненамеренно, столкнуться как бы нечаянно, улыбнуться вежливо — чуть капельку даже холодно. И влюбиться, естественно. Предложить свидание, просто увидеться, пригласить на чашечку, купить шоколадку и угостить просто по-дружески. Развлекать анекдотами, историями, смешными случаями и философскими загонами. Строить планы, ловить мгновения.

Разлюбить. Казалось, невозможно, крайне нелепо — безумие. Нет влюблённости и того чувства нежности. Оглядываешь полки в поисках пропавшего, завалявшегося чувства, близкого и такого нужного. Посмотреть под кроватью, разбросать в комнате вещи — всё вытащить! Наизнанку, наружу выпотрошить. Ведь было же где-то… вот где-то же было! Чувствовалось ведь!

Замереть в отчаяньи, в беспорядке страшном и понять —

ограбили.

С серьёзным видом обратиться в полицию. И получить в ответ:

— Гражданка, вы не по адресу.

— А вы не понимаете! Лучше б меня вообще без средств оставили! — и хлопнуть дверью обязательно.

Сидеть потом и смотреть в такие знакомые глаза. Тянуться к ним, заглядывать. Молчать, видя в них — таких родных! — непонимание.

— Послушай, — прошептать: — Я...

— Что такое, милая?

Держат за руку, и в улыбке... чувствуешь то самое. Не потеряно, не украдено, а надёжно спрятано. И в сердце твоём стучит такая же — не твоя, но похожая нежность!

— Нашла, — говоришь. — Не потеряно. Всего лишь спряталось.

— Ты о чём?

Секрет

Автор : Сулмор

Бета : Dark_Flame

Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : G

Жанр : Fluff

Размер : min

Описание :

Заветный уголок посреди большого города.

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

Если идти долго-долго от станции метро, а потом неожиданно свернуть, пересечь перекрёсток по диагонали, игнорируя возмущённые сигналы водителей, а потом пройти сквозь дворы и леса ремонтируемого дома, обратить внимание на бессчетное количество бабушек, продающих носки, платочки, цветы и поварёшки, достать всё, что есть в кармане и, не глядя, опустить содержимое в чехол от скрипки девушки-музыканта, затем перейти мост, засмотревшись на волны неспокойной реки, то рано или поздно ты увидишь парк.

Но, по правде сказать, это и не парк вовсе. А просто кусочек зелёной травы посреди городских домов с причудливой архитектурой — квадрат, ограниченный кольцевыми дорогами,

пешеходными переходами и непонятной извилистой тропинкой.

Есть здесь недалеко и площадь с фонтаном, но туда нам не очень хочется попасть. Нас интересует именно тот самый кусочек вечнозелёного лета. Я как-то, в детстве ещё, проверяла: пошла на это место зимой, разгребла пушистый снег и сильно удивилась — трава как была зелёной, так ею и осталась. Чудеса.

Наверное, мы странно выглядим со стороны: несёмся куда-то на предельной скорости, в глазах непонятное другим желание, словно невидимая стрелка, указывает путь и направление, как в какой-нибудь компьютерной игре. Со стороны кажется, будто душу человека подцепили чем-то, опутали и тянут изо всех сил. Куда? Зачем? И почему?

Да не знаю, если честно, но сегодня такое замечательное солнце, а небо-то, небо! Вот и тянет на то место.

Но, собственно, вот мы и пришли. Тут что ещё самое главное — нужно не садиться на единственную скамейку, а лечь прямо на траву, положить руки под голову, а можно и рюкзак, ногу на ногу можно закинуть, либо просто в стороны раскинуть. В общем, удобно надо устроиться.

Как часто ты в своей жизни позволяла себе расслабиться посреди всего этого хаоса и бесконечного движения городских улиц? Хотя и кажется, что расслабляться нельзя — столько дел ещё надо переделать, а ты лежишь себе и лежишь на траве, пригретая солнцем.

Вот только скажу тебе один свой секрет: это место волшебное. Здесь время замирает, но не останавливается. Просто идёт по-другому. И каждый раз как-то так ...непредсказуемо, что ли? И любое желание, подуманное, либо произнесённое вслух, исполняется. Поэтому будь осторожна, ладно? Потому что представь, что начнётся, если сюда толпами повалят люди, желая исполнения всех своих мыслей?

Кому-то понадобится зачем-то машина, кто-то загадает квартиру в центре, кто-то захочет, чтобы все начали говорить правду, кто-то добрый загадает всемирного счастья. Вроде, ничего особенного, но...

Я тут подумала, что было бы, если б все загадали себе машину. Все улицы забиты техникой, во дворах не пройти, а дышать невозможно. Но тогда кто-нибудь бы пришёл сюда и подумал: «Вот было бы здорово ходить по небу!» И все стали бы ходить по небу. Но тогда бы пришлось куда-то девать машины. Ведь на кой они теперь нужны? По небу-то ходить гораздо приятней. Интересно, а как бы выглядела небесная пробка?

Я как-то раз загадала жареный пирожок с картошкой. Пришла домой, а ты мне и говоришь с виноватой улыбкой: «Милая,

не заходи на кухню, пожалуйста».

Помнишь, как я тогда испугалась: «А что случилось-то? Почему?»

Оказалось, что ты решила приготовить вдруг мне пирожки с картошкой и сожгла духовку. Но я почему-то всё равно была счастлива, хоть и стала осторожней в желаниях. Подумала, что надо было загадать не жареный пирожок, а просто пирожок.

Душа
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Romance, Fluff
Размер : min
Описание :
Расстояние - не преграда для любви, когда кое-что важное всегда остаётся рядом с любимым человеком.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Есть мнение, — я позволила себе ухмыльнуться, — что фотография забирает у человека кусочек его души.

Она удивлённо посмотрела на меня, наконец-то убирая камеру от лица.

— Ты тоже веришь в это?

— Возможно, — пожимаю плечами, тянусь за чашкой с кофе, — всё возможно.

— «Я знаю точно, невозможное — возможно», — пропела она известные строчки и скривилась:

— Тьфу, с утра в такси привязалась.

— Бывает... — вновь пожала плечами и уткнулась взглядом в окно.

— Угу.

— Когда поезд? — тихо, спокойным голосом спрашиваю, зная, что она внимательно на меня смотрит.

— Через сорок три минуты.

— Вот как... — поворачиваюсь к ней, улыбаюсь, — однако, рискуешь опоздать.

Только один человек в моей жизни умел настолько красиво поднимать бровь, выражая тем самым тонну иронии и пару грамм сарказма. И это была она.

— Хочешь, чтобы я побыстрее уехала? — опять тянется к камере и наводит древний агрегат на меня.

Спокойно смотрю в чёрный объектив, улыбаюсь:

— Хочу, чтобы ты опоздала.

Щёлк!

— А я хочу кусочек твоей души на память, — кладёт карточку с моментальной фотографией в тёмный карман.

Ухмыляюсь.

— Девочка моя, она и так вся твоя. Зачем тебе жалкие кусочки?

— Надо, — простой и ясный ответ. Устало отворачиваюсь к окну, пряча глупые слёзы, и думаю, что раз надо, то значит — надо.

Время идёт. Мы молчим. А время идёт. Мы смотрим друг на друга, улыбаемся и слушаем, как щёлкает секундная стрелка на её часах. И время идёт.

— Раз, — начинает считать.

— Два, — я улыбаюсь.

— Три, — она встаёт со стула.

— Опоздаешь, — поднимаюсь. — Пять.

— Успею, — широко улыбается, закидывает на плечо сумку.

— Стой! — Вдруг говорю, отнимаю камеру, навожу на неё и, не глядя, щёлкаю. Медленно вылезает карточка, я прижимаю снимок к себе.

— Зачем тебе жалкий кусочек? — возвращает мне мои слова.

Пожимаю плечами:

— А целой души-то нет, так хоть кусочек останется.

Она хмурится, делает шаг ко мне и отчаянно целует. Шепчет:

— Я вернусь. Обещаю.

— Конечно, — утыкаюсь носом в её плечо, закрываю глаза. — Я знаю. Беги на поезд.

И она уходит. А я осторожно отнимаю снимок от сердца и смотрю на неё: удивлённую, милую, родную, любимую.

* * *

Девушка стоит в очереди в магазине и постоянно смотрит на часы. Думает, что опять придётся спешить. Ведь ей никак нельзя опоздать.

— Спешите? — мужчина впереди неё по-доброму улыбается.

— Да. Поезд через сорок три минуты.

Кивает и отходит в сторону:

— Вам нужнее.

— Спасибо! — обрадованная, кладёт продукты на ленту и лезет в карман за деньгами.

— Девушка, — снова окликает её мужчина. — Вы уронили...

— М? — смотрит и чуть дрожащей рукой забирает снимок. — Ещё раз спасибо...

— Кто на ней?

— Мм-м, — лихорадочно засовывает продукты в сумку, — у неё хранится кое-что, что когда-то принадлежало мне.

— И что же это?

Девушка улыбается:

— Моя душа.

Мужчина удивлённо качает головой, а девушка вновь бежит. Ведь она обещала вернуться.

Ритм одиночества
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : R
Жанр : Romance, Hurt/comfort
Размер : mini
Описание :
Одиночество, вечерний город, холодный ветер... И рядом — другой человек, который чувствует что-то похожее.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Тихая музыка, лёгкий ритм — она плавно раскачивает полупустую бутылку с джином. Безвольно лежит на полосатом матрасе и смотрит на грязно-серый потолок. В открытое настежь окно влетает муха и, завораживая беспорядочным повторяющимся движением, мечется в центре тесной комнаты. И в солнечных лучах кружится пыль...

Небольшое зеркало видит коробки, стопки книжек в углу, пустое мусорное ведро и нарисованное звёздное небо на голой стене. Девушка слышит одну и ту же песню по кругу и ещё — как плещется в бутылке джин. На её губах усталая усмешка.

Музыка обрывается. Девушка приподнимается, опираясь на одну руку, делает большой глоток. И, закричав, швыряет бутылку в звёздное небо на стене.

От этого не легче, но она смеётся. Громко. Долго. Так, что начинает сводить живот, и из горла вырывается тихий сдавленный стон. Девушка не плачет. Девушка смеётся.

* * *

Последний поезд в метро приезжает на конечную станцию. Девушка отталкивается от двери с надписью «Не прислоняться» и выходит. Растеряно оглядывается, решая, куда идти, и поворачивает налево, легко шагая по платформе.

Эскалатор медленно поднимается, а она держит руки в лёгкой куртке, смотря вверх. Щёлкает в кармане зажигалкой.

Выйдя из метро, достаёт последнюю сигарету, сминает в руке пачку и кидает в ближайшую урну. Люди, что выходят вслед за ней, толкаются, шумят, куда-то спешат. Она отходит в сторону и прислоняется к стене.

Взгляд скользит по тёмному небу, затянутому сетью проводов, взгляд пробегает поверху, не касаясь огромной площади под ними. Холодный резкий ветер проникает под куртку и легко прикасается ледяными струйками к шее, рукам и спине, вызывая еле заметную дрожь.

Её отвлекает мягкий спокойный голос:

— Огня не найдётся?

Лёгкая ухмылка касается губ. Она протягивает зажигалку. Ждёт.

— Спасибо, — девушка кивает, отдаёт чужую вещь и отходит чуть в сторону.

Они курят вместе, каждая смотрит вверх и думает о своём. Ветер резко утих, гул толпы отдалился, превратившись в ненавязчивый фон где-то за гранью, и они остались вдвоём.

Девушка рассеянно щёлкает зажигалкой, вдруг улыбается и смотрит на ту, что стоит неподалёку. Отстранятся от стены, сокращает расстояние между ними и становится рядом. Смотрит на бесконечные провода, осторожно касается чужой руки, приглашая.

Негласное приглашение принято — её нежно берут за руку, переплетая пальцы.

* * *

Тихая музыка, лёгкий ритм — две девушки, обнявшись, лежат

на полосатом матрасе. Луна светит в открытое настежь окно. Запах разлитого джина до сих пор чувствуется в комнате, но это не кажется важным. Важным кажется целовать чужие губы, забываясь и отдаваясь во власть мягких прикосновений.

Запутаться пальцами в волосах, прижаться к тёплой коже всем своим телом, вновь почувствовать нарастающий жар внизу живота. Тихо застонать, поймать губами другой стон и двигаться в тихом лёгком ритме одной и той же песни по кругу.

Зеркало видит разбросанную одежду, нежный свет луны и огонь в глазах двух девушек, которые просто хотят немного согреться вместе.

Девушки слышат ночь, видят друг друга, и… девушки смеются.

Хочешь семечек?
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Fluff
Размер : min
Описание :
Лето, жара и встреча со знакомой из далёкого детства.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Я стояла на улице и искала глазами место, где было бы людей поменьше да солнышко светило поярче. А народ всё валил и валил из метро сплошным потоком, разбредаясь потом по разным сторонам света. Каждый третий носил солнечные очки, а каждый пятый пыхтел и подтягивал пляжные шорты. Я же пристроилась где-то с краю со стеклянной бутылочкой кока-колы в руке. Холодной. Пока что холодной. Будет жаль, если она нагреется. Поэтому-то и необходимо поскорее найти спокойное местечко.

Рядом с метро находился то ли музей, то ли очень старый кинотеатр, но самое важное, что меня заинтересовало, это большая лестница. По ней редко кто ходил, да и вообще люди старались огибать стороной столь неудобное препятствие. Тем лучше для меня. Улыбнувшись, надев солнечные очки, я и отправила себя на ближайшую ступеньку, которая мне

понравилась.

Села на широкую ступеньку, открыла всё ещё холодную бутылку кока-колы, сделала глоток и почувствовала себя просто прекрасно. Солнышко светило, кожу покалывало тепло, хотелось мурлыкать какую-нибудь милую хипповую песенку. Как вдруг...

— Хочешь семечек?

— Что?

Я оглянулась назад и увидела, что на паре ступенек выше меня сидит существо неопределённого пола, но судя по голосу — девушка, одетая в потёртые джинсовые шорты, свободную рубашку и сланцы за сто рублей. Из-за коротко стриженых волос с первого взгляда казалось, что это парень, но лицо довольно милое. Да и зрение у меня всегда было плохое, так что возможно, что это только мне парень привиделся, а девушка — вполне себе как девушка.

— Я тебе это, а ты мне колы, — она демонстративно приподняла кулёк с семечками. — Идёт?

— Можно, — пожала плечами и пересела к ней. Произведя обмен, я защёлкала семечками, а она пила мою колу.

— Вкусные семечки. Где купила?

— Ну, — она пожала плечами, — вообще-то я их продавать должна.

— Хм? — не поняла я.

— Да там, — кивнула в сторону, — должна стоять и продавать. Работа такая.

— А чего ты не там?

Тут она улыбнулась:

— Голуби налетели и всё склевали. Вот это всё, что осталось.

— А отогнать их не судьба была?

— Их много было! А я птиц с детства боюсь...

Отсмеявшись, я протянула ей руку:

— Саша.

— Женя, — она пожала мою ладонь. — А ты как здесь оказалась?

— Гуляла. Слушай, а тебе не влетит за потерю товара?

— Влетит, наверное. Но я думаю, что как-нибудь так, — подмигнула и задорно улыбнулась, — выкручусь. Придумаю правдоподобную историю, совру.

— А правду сказать?

— Да ты что?! Какой дурак в это поверит?

— Ну-у, я же поверила, — и смутившись, защёлкала семечками в удвоенной энергией.

— Ой, прости, я не то имела в виду.

— Да ничего, — махнула рукой. — Дай-ка колы.

— На.

Посидели в молчании. Я смотрела на проходящих мимо людей, а Женя смотрела на меня. Потом спросила:

— Ты часто здесь бываешь?

Я пожала плечами:

— Да теперь не то, чтобы часто. Хотя раньше жила недалеко, — посмотрела на неё и улыбнулась. — Ностальгия замучила. Захотелось дворовое детство вспомнить. А что?

— Да мне всё кажется, что я тебя видела раньше.

— Вполне возможно. Ты в каком дворе живёшь?

— Раньше его называли «Новый».

— Оу! — я рассмеялась. — А я из «Китайки». Ну, помнишь, большой такой дом, как стена.

— Ещё бы! — Женя тоже начала смеяться. — Мы с вами всё время воевали!

— Ага, воевали, — я подмигнула. — Только мы всегда выигрывали.

— А вот и нет! В футболе вы вообще профаны были!

— Зато зимой в снежки вас делали!

Вместе посмеялись. Но в голове у меня мелькнуло какое-то воспоминание, летнее...

— Жень, а я тебя, кажется, тоже помню...

— Да?

— Да, — сказала я и нахмурилась, вспомнив.

— Ты чего?

— Да так, — глянула на неё, улыбнулась. — Я тебя ведь ненавидела когда-то.

— Э-э? За что хоть?

— Было дело. Пошла я как-то гулять, да забрела в ваш двор. Помнишь, качели у вас там крутые стояли, а вы никого не пускали на них?

— Помню...

— А мне в тот день грустно было. Поругалась я со своей компанией из-за ерунды какой-то. Одна пришла, села на эти качели. Сидела, на меня никто внимания не обращал, только девчонка подошла. Стояла, смотрела на меня, а потом такая, с наглой улыбкой, говорит: «Хочешь семечек?». Ну, я смутилась, но ответила: «Хочу». А она достала семечки из кармана и мне под ноги бросила, дескать, ешь. Обиделась я тогда страшно. Вскочила и давай на неё кричать...

— А потом та девчонка толкнула тебя, и вы подрались, — Женя тоже вспомнила и теперь смотрела на меня с виноватой улыбкой.

— Угу, — кивнула я. — Всё бы ничего, да только потом мне

пришлось от твоей компашки удирать. Тоже мне герой — позвала подмогу.

— Не звала я! Они сами! Решили, что я за качели дерусь!

— Ну конечно. Я еле до дома добежать успела!

Мы сами не заметила, как начали кричать друг на друга, припоминая все прошлые обиды. То Женька вспомнит о подло брошенном снежке из-за угла, то я припомню проколотые шины папиного автомобиля.

В какой-то момент замолчали. Надулись, сидели и щёлкали семечки, запивая кока-колой. В конце концов, посмотрели друг на друга.

— Мир? — я протянула руку.

— Мир, — она, широко улыбаясь, сразу же пожала её. Но не отпустила, а потянула меня к себе, быстро поцеловала в щёчку и тихо сказала:

— Прости, ладно? Ты мне просто нравилась.

Отпустила она мою ладонь, а я сообразить всё не могла:

— Как так — нравилась?

— Просто нравилась, — Женька пожала плечами.

— А зачем семечки под ноги кинула?

— Ну, познакомиться хотела, — покраснела она.

— Да-а, — протянула я, ухмыльнулась. — Познакомились. Ничего не скажешь.

А я сидела и понимала, что до сих пор ведь зла на неё. Повертела в руках кулёк с семечками, глянула на неё и ласково так, нежно спросила:

— Хочешь семечек?

— Давай, — она протянула ладонь. А я ухмыльнулась и вывалила ей за шиворот все оставшиеся семечки.

— Теперь мы — квиты.

— Квиты? — В Жениных глазах загорелась весёлая ярость. — А вот так не хочешь?

Мне на голову полилась кока-кола. Я хватала ртом воздух, задыхаясь от возмущения.

— Вот зараза!

— Сама первая начала!

— Это справедливая месть была! — я повалила её на ступеньку, пустая бутылка звонко покатилась вниз. Мы замерли, наблюдая за ней.

— Уф, не разбилась.

— Угу, — кивнула Женя.

А я поняла, что держу её, смотрю на неё и мне хорошо. Затем, набравшись храбрости, быстро поцеловала и, подмигнув, сказала:

— Мир?

— Мир, — Женя улыбнулась. — Слушай, а у меня дома ещё семечки есть... Хочешь?

Я подумала, подумала, да и решила:

Не наше дело
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Angst, Hurt/comfort
Размер : min
Описание :

Вот так бывает — шатаешься весь день по знакомым, приходишь под градусом, и вроде надо скрывать свои похождения... А оказывается, что у взрослых — ещё больше секретов.

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

Я сидела на ступеньках в своём подъезде, на этаж выше, чем квартира, в которой живу. Курила. Голова до сих пор кружилась от выпитого, но соображать не мешало. Зазвенел телефон.

— Да? — я постаралась придать голосу твёрдость, серьёзность, но главное — трезвость.

— Ты когда дома будешь?

Ну вот. Сейчас начнут домой звать, а я не готова ещё.

— Не знаю. Только от подруги вышла, хотела ещё к Дашке зайти, — соврала, лишь бы выиграть ещё немного времени. Всё-таки показываться перед мамой в таком виде — это чревато неприятностями.

— Ладно... гуляй. К тому же ко мне сегодня подруга зайдёт в гости.

— Подруга? — я искренне удивилась. Чтобы к маме, да подруга!

— Ну да, — я слышала её улыбку. — Так что не удивляйся сильно, когда домой вернёшься.

— Хорошо. Пока.

— Долго не гуляй, — и она первой повесила трубку, что с ней на моей памяти не случалось уже давно.

— Чудны дела твои... — пробормотала я себе под нос, положила телефон в карман и крепко задумалась: куда и к кому

ещё пойти?

Решила действительно заглянуть к Дашке. Кряхтя поднялась, отряхнулась, покачивающейся походкой пошла к лифту. На морозе полегчает.

* * *

В полночь я начала волноваться. В час ночи всерьёз обеспокоилась. Мама ни разу не позвонила!

— Ладно, — я улыбнулась Дашке. — Домой пойду.

— Может, останешься? Протрезвеешь окончательно? Проспишься?

— Да не, я уже в порядке. К тому же мама может опять начать задавать лишние вопросы. А я до сих пор не знаю, что на них отвечать.

— Ммм, понятно... — Дашка нахмурилась, но старую тему поднимать не стала.

Я поднялась из-за стола, помыла за собой чашку и повернулась к ней:

— Проводишь?

— Конечно.

Застегнула куртку, зашнуровала кроссовки, шарф повязала вокруг шеи.

— Ну, до завтра.

— Удачи, — она меня обняла и скромно поцеловала.

Я хотела было продолжить, но...

— Фу, всё-таки от тебя до сих пор тащит, — Дашка засмеялась, а я покраснела.

— Сама ты «фу»! Всё-таки сессию закрыла — имею право!

— Не сердись, — меня снова поцеловали, и я тут же растаяла. — Завтра приходи — я тебя поздравлю.

— Хорошо! Приду! — и счастливая ушла.

Плутала дворами — сознание трезвого человека пугало меня мыслями о маньяках и убийцах. Поздние прохожие заставляли меня сворачивать на другие улицы и ускорять шаг. К счастью, вскоре я была у дверей своей квартиры. Не забыла проглотить пол-пачки мятной жвачки, вздохнула, позвонила. Постучала. Снова позвонила. Не отвечают.

— Хм, — порылась в карманах и достала ключ. — Ещё и домой не хотят впускать...

Открыв дверь, я не стала включать свет в прихожей. Тихо разделась, заметила чужую куртку и сапоги, хмыкнула — дескать, обещанная гостья всё-таки явилась.

Но странно, что в квартире так тихо. Заглянула в комнату,

где обычно ночевали либо мои друзья, либо просто родственники — никого.

«Неужели в маминой комнате спит?» — подумала я и решила, что это по меньшей мере странно.

На кухне налила себе стакан воды на утро и ушла спать.

* * *

Но мне не спалось. Проворочавшись примерно с час, откинула одеяло и решительно встала с кровати.

«Выпью чаю, — кивнула сама себе. — Да, именно то, что нужно».

На кухне опять не стала свет зажигать — и так знаю, что и где стоит. Пока закипал чайник, я смотрела в окно и думала о своём, о грустном. Что пора бы уже нормальную работу искать, да потихоньку съезжать от мамы. Конечно, она тут одна останется, но ничего. Вон, оказывается, у неё и подруги есть. Да и не тот она человек, который станет грустить. Щёлкнул чайник и, я услышала:

— ...ты... останешься? — шёпот. В коридоре.

Застыла. А сердце моё бешено забилось. Но я слушала.

— Не могу. Утром на поезд. Да и...

— Что?

— Боюсь я с твоей дочкой видеться.

И мне стало интересно. Не знаю, чёрт, наверное, дёрнул, но я присела на корточки и медленно стала двигаться к выходу из кухни.

— Я тебя провожу тогда, — заглянув за угол, я увидела свою маму, которая попыталась достать куртку из шкафа, но её удержала за руку та другая женщина.

— Постой. Не надо.

— Что «не надо»? — мама чуть повысила голос, развернулась и попыталась освободить запястье от чужих рук. — Что?! Опять жалеешь? Снова муки совести?..

Она не шептала, а почти шипела. Но другая женщина лишь покачала головой и... обняла мою мать. Поцеловала. Мама больше не сопротивлялась. А я отшатнулась, отползала, пока спиной не почувствовала холодильник, его тихое жужжание и вибрацию. Кровь стучала в висках, а сердце снова принялось стучаться о грудную клетку так отчаянно, что... я закрыла глаза, но слышала.

— ...люблю тебя.

— Знаю, — в голосе моей мамы слышались слёзы, а потом щёлкнул замок, чуть скрипнула дверь и так же тихо закрылась.

Услышав, что мама, всхлипывая, пошла в ванную, я дождалась, когда щёлкнет замок, быстро вскочила с пола и кинулась в прихожую. Сунула босые ноги в кроссовки, набросила куртку поверх широкой футболки и выбежала из дома на площадку. Вовремя — дверь парадной только сейчас хлопнула внизу.

Перепрыгивая за раз через четыре ступеньки, не заметила, как промелькнули восемь этажей. Запыхавшись, выскочила на мороз, по ходу пытаясь застегнуть куртку и увидеть ту женщину, что была у нас в гостях. Дёрнулась было в сторону, но, к счастью ли, заметила сбоку кого-то. Оглянулась. Она стояла, прислонившись к стене дома, и удивлённо смотрела на меня.

— Это вы... только что... с моей мамой... — слова застряли в горле. Я пыталась понять, что чувствую к этой женщине, и что вообще делаю здесь..

— Я, — она невольно улыбнулась, потом нахмурилась. — А ты...

— Видела. Случайно.

— Вот как...

— Да. Вы... — и тут я вспомнила, что мама никогда у меня не плакала. А теперь заплакала. Из-за вот этой вот... непонятно кого.

— Либо вы сейчас же возвращаетесь, либо больше никогда не смеете появляться рядом с моей мамой, — я старалась говорить твёрдо и уверено, но меня всю трясло — от этой ситуации, да и от холода тоже.

— Девочка, извини... — она покачала головой. — Иди лучше домой.

— Взрослые — идиоты! — зло сказала, решив, что это и вправду не моё дело, повернулась и хотела уйти.

— Почему? — меня остановили, аккуратно придержав за рукав.

— Потому что только и умеете делать друг другу больно! — резко выдернула руку и и ушла.

Я зашла в подъезд, пешком поднялась на свой этаж, тихо открыла дверь и столкнулась с мамой прямо на пороге.

— Ты так поздно? — казалось, что она ничего не видит перед собой. В том числе не замечает и того, как я одета.

— Да. Вернулась.

— Иди спать, — она устало вздохнула. — Утром поговорим.

— Хорошо, мам, — я кивнула, но она уже ушла в свою комнату.

В кровать я легла, но не сразу смогла заснуть. Так и пролежала с открытыми глазами почти до самого рассвета.

И мне всё время казалось, что моя мама тихо плачет у себя в комнате.

Но всё-таки под утро я уснула. И не слышала, как позвонили в дверь и как мама пошла открывать.

— Ты… зачем ушла — чтобы полночи на вокзале сидеть? Чтобы возвращаться, хоть и не можешь остаться? Опять меня мучать? Не хочу тебя отпускать, знаешь же…

— Я…

— Замёрзла? Билет оставила?

Билет на счастье
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Fluff
Размер : min
Описание :
Весна — время, когда на небе проводится лотерея.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Я залезла на окно, свесив ноги вниз, и смотрела на солнце сквозь закрытые веки. Дул тёплый ветер — чувствовалась весна. Воздух просто звенел, а снег потихоньку таял где-то там — далеко, семь этажей вниз.

И казалось мне, что я зависла где-то между. В руке сжимала выигрышный лотерейный билет. Его я купила на последние деньги. Просто так купила, потому что мимо шла, по дороге домой.

«Как странно, — подумала я, — вот денег не было, а теперь есть. И много…»

Да, денег теперь много, если верить тем цифрам, что написаны в газете. Но верить не хотелось. Как-то, знаете, не верилось.

«Ну, заплачу за квартиру, на месяц вперёд. Куплю еды. Новую обувь. А дальше-то что?» — лотерейный билет жёг ладонь. Денег оказалось слишком много для меня одной. И вообще ничего не хотелось. А раньше всего хотелось: и в тёплую страну съездить, и покушать вкусно, и сходить куда-нибудь..

Теперь же за окном, точнее, в моём окне — весна и солнце, и ноги я вниз свесила, да зависла между.

— Бред, — открыла глаза, — просто не верится.

Я вновь посмотрела на солнце, но теперь уже не закрывая глаз, и громко сказала:

— Меняю кучу денег на любовь!

Подул ветер, я протянула вперёд руку и разжала ладонь, отпуская билет. Ветер, не будь дураком, подхватил жалкий обрывок бумаги и унёс. Далеко.

— Мама, твоя дочка дурочка, — ухмыльнулась, потянулась удовлетворённо, довольная тем, что смогла так просто избавиться от нежданного глупого выигрыша.

Стало прохладно и как-то зябко, смысла и дальше мёрзнуть в окне не было, а потому я залезла обратно в однокомнатную квартирку, закуталась в плед, легла на кровать и заснула.

* * *

— Эй, проснись.

— М-м-м, — уткнулась в подушку, желая ещё поспать.

— Я есть хочу.

— Поройся в холодильнике, — пробормотала, не открывая глаз.

— Там пусто. И вообще, — кто-то сел на кровать рядом, — мне скучно.

Наконец, я сообразила, что что-то явно не так. Открыла глаза. Зажмурилась. Снова открыла.

— Блин, — ошеломлённо подскочила, села на кровати, — ты кто?

Пока я пыталась забиться в угол ближе к стене, она смотрела на меня и ухмылялась.

— Любовь твоя.

— Да ну на фиг! Чур меня!

Она пожала плечами:

— Не хочешь — не верь, — кивнула на окно. — Сама меня позвала. Теперь корми.

— Э-э-э... — только и смогла я произнести.

— Есть, — она не сдавалась, упрямо повторила, — хочу. Хочу есть.

— Сейчас. Соображу что-нибудь.

Я сползла с кровати, стараясь лишний раз не касаться странной особы, что по-прежнему смотрела на меня с лёгкой ухмылкой. Пошла на кухню — она за мной.

— Слушай, может, у меня просто глюки от голода?

— Может, — она пожала плечами, развалившись на стуле. — Но вот как хочешь, а покормить ты меня обязана.

— С чего это вдруг? — я возмущённо указала на неё сковородкой.

— Потому что, если не кормить меня, то я могу и коньки отбросить.

— А копыта ты, случаем, отбросить не собираешься?

Она подняла ногу, демонстративно показывая пятку:

— Как видишь, нет. Я тебе не чёрт какой-нибудь, — тут она улыбнулась. — А любовь твоя.

Кинув на сковородку пару готовых блинчиков из упаковки, я немного грустно проворчала:

— Прожорливая нынче любовь пошла...

— Что-что?

— Не. Ничего, любовь моя, — ухмыльнулась, — говорю, что рада тебя покормить.

— То-то же.

Блинчики разогревались на сковородке, я сидела за столом и с обречённость поглядывала на так называемую свою Любовь. Любовь же сидела с независимым видом и передвигала с места на место пустую сахарницу.

— Слушай, — сказала я, — а как так получается, что ты моя любовь, а я тебя не люблю?

— Просто, — она посмотрела в мои глаза, — ты боишься меня.

— Да?

— Да.

— Вот как, значит.

— Угу.

Мы снова замолчали. Я думала о том,что надо будет сходить к врачу, показаться, провериться. Вылечиться от глюков. А о чём думала моя Любовь — не знаю...

— И всё-таки, — упрямо гну свою линию, — не верю. Не люблю.

— Глупая. Поверь. Я всегда с тобой рядом была. И всегда буду.

— Хм, — встала, перевернула блинчики. — Тогда, поцелуй меня, что ли? Может, я что-нибудь и почувствую.

-Ты хочешь, чтобы я тебя поцеловала?

Я вдруг смутилась.

— Хочу... — встряхнулась, глянула на неё с улыбкой. — Надо ведь проверить. Да и..

— Что? — она тоже улыбалась. И, знаете, мне понравилось то, как она улыбалась.

— Меня никогда моя любовь не целовала...

— О, ты ошибаешься, — она медленно, лениво так, встала, подошла ко мне. Я же загородилась от неё сковородкой с блинчиками.

— Опять боишься, — её спокойная улыбка, добрая насмешка в глазах, — дай сюда.

Она вынула из моих рук сковородку, поставила её на плиту, обняла меня, прижав в стене. Я шумно сглотнула, смутилась от близости, от того, что почувствовала её тепло...

— Не бойся, — прошептала, — верь...

Она нежно поцеловала меня. Я ответила ей, подалась всем телом навстречу, веря той лёгкости, той нежности, что охватила моё сердце. И...

* * *

— Эй, проснись.

— М-м-м? — не открывая глаз, махаю куда-то рукой. — Есть нечего. Отстань.

— Сама отстань! Я тебя кормить пришла. Поднимайся и дуй на кухню.

Я открыла глаза и успела увидеть, как кто-то прошёл на кухню.

— Моя любовь? — с робкой надеждой.

Потом я почувствовала запах еды и радостно кинулась на кухню.

Ты стояла у плиты, переворачивая блинчики. Я счастливо улыбнулась.

-Ты чего такая радостная? — Поглядываешь на меня, выкладывая блинчики на большую тарелку.

— Ничего, — качаю головой. — Я просто верю.

— Во что веришь?

— В то, что люблю.

А мысленно, про себя добавила:

«В то, что люблю... тебя. И в то, что ты всегда рядом».

— М-м-м, — садишься за стол. — Кого любишь?

— Да так, — улыбаюсь, подмигивая. — Есть кого.

— О'кей.

Мы молча едим. Потом ты убираешь со стола и моешь посуду. Хмуришься от чего-то. Я же решительно встаю и... обнимаю тебя, прижимаясь к твоей спине. Близко-близко.

— Знаешь, — говорю, — сегодня на небе лотерея.

— Да ладно, — хмыкаешь, но перестаёшь мыть посуду, вдруг замерев, шёпотом, — и какой главный приз?

— Любовь, — шепчу в ответ. — И ...
— Что? — ты поворачиваешься ко мне.
Я улыбаюсь:
— Мы выиграли.
Нежно целую тебя, улыбаюсь твоей улыбке и верю...

Случайность
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : NC-17
Жанр : Hurt/Comfort, PWP
Размер : min
Описание :
От сессии до сессии живут студенты весело. Но только малость аморально.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Пустая комната. Отлично! Спотыкаясь, дохожу до кровати. Ложусь, и всё тут же начинает вертеться, кружиться и мелькать перед глазами. Сосредотачиваю взгляд на люстре — становится легче. Дышу медленно и глубоко.

«Какой тут потолок, — мысль спотыкается, я зажмуриваюсь, — неустойчивый. И резвый шибко — вертится».

Подавляю желание побежать в туалет. Борюсь с тошнотой и «вертолётами». Не знаю, сколько времени я так пролежала, но в какой-то момент меня отпустило.

Стягиваю с себя кофту, футболку оставляю, с трудом снимаю джинсы, носки и кладу всё это, не глядя, под кровать — утром найду. Каким-то чудом удаётся забраться под одеяло, расслабиться и позволить спасительной темноте унести меня в крепкий сон смертельно пьяного человека...

* * *

Понимаю, что кто-то рядом. Возится, шумит, пытается устроиться сбоку, толкается, скулит — в общем, раздражает. Решаю прекратить это безобразие самым простым, на мой взгляд, способом — обнимаю этого человека со спины, одну свою руку кладу ему под голову и крепко прижимаю, лишая возможности

и дальше беспокойно шевелиться.

«Всё, — думаю, — теперь спать».

Улыбаюсь, вновь начинаю падать в тяжёлый сон без сновидений, как вдруг слышу — тихий плач. Недовольно приоткрываю один глаз:

— Ну, что ещё?

От моих слов плач становится ещё громче, тело в моих руках начинает судорожно всхлипывать и дрожать.

— Господи, да что такое-то?! — окончательно просыпаюсь, голова болит, плохо мне, а тут ещё и... Присматриваюсь, до меня медленно доходит, что рядом со мной девушка. Она плачет, а я больше не злюсь.

— Эй, повернись ко мне, — тихо так прошу, но меня слышат. Поворачивается в моих руках, утыкается лицом в шею. Непослушная грива чужих волос лезет в лицо — хочется чихнуть. Но запах приятный, фруктовый такой.

— Ты чего ревёшь? Эй?

— Я... она... — бормочет что-то бессвязно, и давай выть с большей силой.

Глажу её по голове, крепче обнимаю, ничего не говорю — что-то втолковывать ей сейчас бесполезно. При этом пытаюсь лихорадочно сообразить нетрезвой головой, что можно сделать? Когда же я понимаю, что человек уже просто прорыдал насквозь мне футболку, вновь выбираю самый простой и действенный способ успокоить — нахожу в темноте губы, целую. Нежно, но настойчиво.

Как это ни странно, но мой план сработал: она перестала плакать, даже дышать перестала, замерла, вообще не двигалась. Я испугалась.

— Эй? — вновь легко коснулась её губ, чуть отстранилась и прошептала: — Ты чего?

— Ничего, — тихий шёпот. Она обнимает меня руками за шею и притягивает к себе, призывая, видимо, продолжить. Я улыбаюсь.

Обнимаю, ласкаю чужое тело, которое откликается на любое моё движение. Покрываю поцелуями всё лицо, шепчу что-то неожиданно для себя самой доброе и успокаивающее, бессвязное. Целую ресницы, покусываю губы, глажу по спине, по волосам, путаясь пальцами в них, наслаждаюсь теплом и её дыханием.

Рукой нахожу грудь, легко сжимаю — робею, смущаюсь даже, но... Продолжаю целовать. Целую шею, кусаю и слышу тихое «ах!».

Я хотела лишь сделать всё, чтобы успокоить её. Чтобы она больше не плакала, расслабилась, забылась на какое-то время.

Но вместо того, чтобы забылась она, забываюсь я, окончательно потеряв голову.

Расстёгиваю её рубашку, особенно долго провозившись с последней пуговицей. Она стягивает с меня футболку и больно царапает ногтями спину. Я изгибаюсь и шёпотом прошу:

— Не так сильно. Окей?

— Больно? — она испуганно замирает.

— Немного, — кусаю её за мочку ушка, улыбаюсь. — Терпимо.

Стаскиваю с нею рубашку, несмело целую живот и….

«Джинсы, — с отчаяньем и возмущением смотрю на следующую преграду. — Ну кто в кровать в джинсах ложится?»

Не глядя расстёгиваю пуговицу, продолжая целоваться. Неловко пытаюсь стянуть джинсы…. В конце концов, полностью сосредотачиваюсь на них, резко тяну на себя. От падения с кровати меня спасло только чудо. Слышу её смех, да и сама уже начинаю смеяться — от напряжения, странного неловкого волнения.

Смотрю на неё, на джинсы, снова на неё…

Отбрасываю джинсы куда-то в глубину комнаты — потом найдёт, с улыбкой ложусь на теперь уже желанное в большей степени тело. Да, я понимаю, что это просто желание. Сейчас во всём этом нет какой-то там любви и прочего, хотя я и стараюсь быть осторожной — никогда не любила делать людям больно.

Мы отчего-то вдруг молчим. Я смотрю на неё, а она внимательно смотрит на меня, как будто-то ждёт чего-то такого, особенного. А я…

А я вдруг снова начинаю смеяться. Всё так нелепо, странно…. Вскоре она смеётся вместе со мной, обнимает, тянет к себе и постоянно целует. Целует мои руки, моё лицо, мои губы, шею, плечи….

Я совсем уже ничего не понимаю. Лишь позволяю её рукам жадно ласкать меня, разрешаю ей царапать мою спину, прижимаюсь к ней и вдыхаю фруктовый запах волос… Кажется, я даже сошла с ума, когда тонкие длинные пальцы, которые всего-то пару мгновений назад я целовала, вошли в меня, вынуждая двигаться им навстречу всё быстрее, шептать, умоляя не останавливаться и продолжать…

Резко стало не хватать воздуха. Я чувствовала лишь, как тяжело она дышит, как горяча её кожа, как сильно, быстро она двигается во мне… Кончики моих пальцев на руках и ногах онемели, глаза широко открылись, я хотела закричать, но она вдруг на долгое мгновение замерла:

— Тихо, т-ш-ш… — её шёпот и мои широко открытые глаза.

Медленно, она снова продолжила двигаться. Я целовала её губы, обнимала её, прижимая к себе. И молила небо где-то там над головой, чтобы она не вздумала снова остановиться. А иначе...

Вскоре ни одной чёткой мысли в голове не осталось. Сознание полностью сосредоточилось на ней: на её ритмичных движениях, горячем дыхании, фруктовом запахе волос... А потом...

Потом я поняла, что кусаю её плечо и стараюсь не закричать. Закрываю глаза и тяжело дышу, чувствуя, как расслабляется каждая клеточка моего тела. Дышу. Ласково, извиняясь, целую её плечо. Улыбаюсь. Смотрю в её глаза в темноте.

Помню, как зачем-то очень нежно и трепетно она обняла меня. Помню и то, что я честно старалась не засыпать. Хотелось, как это обычно бывает, что-то сказать, но слова застревали в горле. Я могла лишь улыбаться и целовать её закрытые глаза. Могла молчать и бороться со сном за нас двоих, но...

Мы всё-таки заснули.

* * *

Я открыла глаза и огляделась: по комнате ходила девушка, собирая свои вещи, хмурилась. Застегивала рубашку, старательно не смотрела в мою сторону. Казалось, она полностью сосредоточилась на безусловно важном и трудном деле — натягивала узкие джинсы, которые я ночью так отчаянно пыталась снять.

— С добрым утром, — улыбаюсь. На меня по-прежнему не обращают внимания.

Мысленно пожимаю плечами — может, голова у неё болит, вот и злая ходит — встаю с кровати и одеваюсь. Девушка косится на меня, хмурится и молчит.

— Как тебя зовут? — наконец, не выдержав, спрашиваю.

Кажется, это было ошибкой. Девушка разворачивается, стремительно уходит из комнаты, хлопнув дверью. Я пожимаю плечами, смотрю на время и понимаю, что опаздываю на встречу, но выпить чашечку кофе просто необходимо. А так же было бы неплохо забежать к себе домой, помыться и привести себя в порядок.

Заправляю кровать, проверяю — не забыла ли я где-нибудь свои вещи? Открываю дверь и буквально сталкиваюсь с ней на пороге. Теперь я молчу. Жду.

Она молча берёт мою руку, закатывает рукав и пишет

зелёным маркером: «Здесь была я», и добавляет свой номер телефона. Улыбается. Разворачивается. Уходит.

Я, в который уже раз за утро, пожимаю плечами, закрываю за собой дверь в чужую комнату и иду домой.

Пришла гроза
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Fluff
Размер : min
Описание :
Если знакомый некстати закроет дверь на ключ, то придётся себя чем-то занять.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Хей, хей! — кричу.

— М?

— Мне просто захотелось так сказать, — я пожала плечами и улыбнулась, спустя мгновенье нахмурилась и проговорила чуть слышно:

— Мне скучно.

— А что делать? — она безразлично смотрела в потолок. — Нас всё равно заперли в комнате и до вечера уж всяко не выберемся.

— Н-да, угораздило же нас заснуть тут, — встаю с кресла и ложусь рядом с ней на пол.

Она сурово на меня глянула:

— А всё ты! Пойдём, да пойдём! Хочу, видите ли, хоккей посмотреть, — очень похоже изобразила мои интонации.

— Ну, прости, я не знала, что мы так засидимся. Ещё и Димка

рано куда-то уехал, будить не стал...

— Да ладно, забей, — она махнула на меня рукой, точнее попыталась. Из-за того, что в комнате было невыносимо жарко, и это несмотря на давно открытое окно, любое резкое движение требовало огромной концентрации силы воли. Поэтому махнула она на меня как-то уж очень вяло.

А ещё и в хоккей мы не выиграли, что тоже довольно-таки обидно.

— Дима твой просто козёл, — вдруг сказала ни с того ни с сего.

— Э? Чего это он мой? — возмутилась я. — Да ещё и козёл?

— Даже фильм сейчас посмотреть не можем — наставил паролей везде, прогер недоделанный, — очевидно, её настроение лучше не становилось.

Я ничего не ответила. А она продолжила злиться:

— Ходишь к нему постоянно. Дима то, Дима это. Мне, чтобы тебя найти, приходится к нему заходить...

Я улыбнулась.

— Как будто ревнуешь?- полушутя, полусерьёзно спросила.

На этот раз она замолчала, отвернулась от меня и что-то сказала, но я не расслышала.

— Что?

— Ничего, — буркнула она.

— Эх-х, — вздохнула. — Что делать будем?

— Я ничего не хочу.

Подумав немного, решила пойти на кухню от греха подальше. Если так и дальше пойдёт, то мы либо поссоримся, либо... либо поссоримся. На кухне всё было как и обычно: микроволновка, пустой холодильник, стол, заваленный всяким хламом, гитара

висела на стене.

Я поискала взглядом турку, достала её из раковины, вымыла, а кофе нашла в кастрюле в духовке. Поставила всё это дело вариться и лениво прислонилась плечом к стене.

— Грустно...

Ни мобильников, ничего с собой ведь не взяли, только чипсы, колу, да пиво Димке. Но всё это вчера благополучно съели, а скоро и кушать захочется. Связаться с ним никак нельзя, остаётся только ждать.

— Наська?

— М? — вяло отреагировала я, не поворачиваясь. Она подошла и вдруг обняла меня:

— Сваришь мне кофе?

— Конечно, солнце, — я улыбнулась, радуясь тому, что она больше не злится.

* * *

Залезли на подоконник, каждая со своей чашкой кофе, ноги свесили вниз на улицу. Она надела Димкины очки.

— Ну, как? Я похожа на него? — и скорчила совершенно глупую рожу, да так, что я не выдержала и рассмеялась.

— Сними лучше, они тебе не идут!

Она послушно сняла и кинула их куда-то на кровать, потом отпила кофе, поставила чашку рядом с собой.

— Гроза скоро будет.

Я кивнула, соглашаясь. Тучи действительно постепенно собирались, заполняя собой всё небо, да и ветер становился сильнее.

— Хотя бы не так жарко станет.

— Сыграй что-нибудь, — попросила она.

— Сейчас?

— Ну, да.

Мне было лень вставать и идти на кухню за гитарой, потом настраивать её, да и вообще играть. Хотела уже отказаться, но...

— Ты давно для меня не играла, — и что-то в выражении её глаз меня напугало. Не угроза, нет, ничего такого. Не грусть даже, а боль. И что-то ещё такое, что тут же скрылось обратно в глубину.

Я тряхнула головой, отгоняя лишние мысли, и пошла за гитарой. Вернулась, поставила стул посреди комнаты, удобно перехватила гитару.

— А ты давно мне не пела, — как бы в укор ей сказала, но улыбнулась, и она улыбнулась мне.

— Щас спою!

— А я сыграю, — мы рассмеялись понятной только нам шутке.

Помучившись немного с гитарой, настроила её и начала просто перебирать аккорды, вспоминая.

— А что играть?

— Давай, нашу!

— Это какую же?

— Не знаю, — она широко и открыто мне улыбнулась. — Мне просто захотелось так сказать.

Я засмотрелась на то, как красиво она улыбается, когда не злится, засмотрелась и на солнце, и на небо за окном...

— Эх... Давай тогда «Как на войне». А потом из Умки что-нибудь ещё сыграю.

— Окей, — кивнула она, устраиваясь поудобнее на подоконнике, подтянула к себе ноги и обняла коленки.

А я начала играть. Она петь. И стало как-то так хорошо и спокойно.

* * *

— Смотри-смотри!

— Классно летит!

— О, а если два запустить, то, может, они столкнутся?

— Давай попробуем!

От скуки решили написать записки с просьбой о помощи, где в красках описывалось, как же нам скучно и нечего делать. Написали и принялись делать самолётики, запуская их с десятого этажа.

— Ну, что? На счёт три?

— Ага, — я широко улыбнулась, — раз, два,...

— Три!

Одновременно запустили, самолётики сначала синхронно опускались по спирали вниз, а потом слились в один и упали вместе.

— Ва-а, как круто, — хором сказали, переглянулись и рассмеялись.

— Давай ещё?

— Давай!

Ну а что с нас взять? Развлекаемся, как можем.

* * *

Потом началась гроза. Мы сидели вместе на кровати, слушали, как гремит гром и шумит дождь за закрытым окном.

Почему-то не захотели даже включать свет. И, если честно, то я уже не очень хотела, чтобы Димка скорее вернулся.

— Скоро Димка придёт, — и зачем я это вслух сказала?

— Я не хочу, чтобы он приходил, — она положила голову мне на плечо.

— Что же ты его так не любишь?

— Он на тебя так смотрит...

— Как смотрит? — нахмурилась, как будто не понимая.

Её голос чуть дрогнул, видно, она очень не хотела отвечать:

— Как я.

Чуть было не ляпнула, что всё нормально тогда. Смотрит, как на друга. Собственно, друзья и есть. Но слова застряли в горле, когда она взяла мою руку и чуть сжала ладонь.

Поспешила поддержать её:

— Никуда я от тебя не денусь. Ты же и сама знаешь.

— Знаю, но... — мы переплели пальцы, — тебя не хватает в последнее время.

— Мы живём в одной общаге. Куда уж чаще видеться? — я улыбнулась, а она посмотрела на меня как на идиота.

— Я не о том, — отпустила мою руку и отсела на край кровати, намереваясь куда-то уйти. И выглядела при этом такой несчастной, такой замученной и непонятой, что я сразу разозлилась.

— Да, блин, надоела! Что с тобой?!

Она вздрогнула и удивлённо на меня посмотрела, явно не понимая, с чего я так на неё кричу.

— Со мной — что?

— Может, хватит изображать вселенскую мученицу?!

— Я изображаю?!

— Ну не я же! Что? Слабо прямо всё сказать?

— Э… ну… — она вдруг смутилась, опустила голову так, что волосы закрыли большую часть лица, а потом резко вскинулась и зло посмотрела:

— Да! Слабо!

— И почему же?!

Наверное, зря я это спросила. Потому что на меня тут же посыпались обвинения, в беспорядке. Такое чувство, что она просто вспоминала всё то, что накипело:

— Да потому что ты слепой эгоистичный и невыносимый человек! Думаешь всегда только о себе, лишь иногда обращая своё драгоценное внимание на близких и нужных тебе людей! Поступаешь всегда так, чтобы только тебе было хорошо и удобно! Раскрыться тебе, рассказать что-нибудь практически невозможно! А если я и набираюсь смелости, то чувствую себя потом как будто со стенкой поговорила… Дождаться от тебя взаимности хоть в чём-нибудь — это уже праздник! Ты…ты…

Решаю прекратить этот абсурд, воспользовавшись внезапной паузой:

— Ну, спасибо, дорогая моя, за тёплые слова, — резко встаю с кровати и хочу уйти. Потому как надоело слушать пустые обвинения — большинство из них полная чушь. И она знает это, как и то, что самого главного, причины нашей очередной ссоры так и не было сказано.

Уже на пороге комнаты в меня неожиданно кидают чем-то мягким, оглядываюсь в шоке и понимаю, что это игрушка, тигр, которого я подарила Димке на день рождения.

Поднимаю его и кидаю в неё, она увернулась и снова кинула игрушку в меня со словами:

— А ещё достало видеть, как ты всё время уходишь!

Я даже не пытаюсь увернуться, потому что она всё равно промахнулась.

— Косая, — кратко комментирую её бросок.

Делаю один шаг по направлению к ней, с намерением тоже высказать всё, что давно не даёт мне покоя:

— Я ухожу, потому что ты внезапно начинаешь впадать в депрессию и отказываешь говорить, что с тобой случилось! А потом начинаешь обвинять меня во всех смертных грехах!

— О, хочешь сказать, что это я во всём виновата?!

Она тоже не выдерживает и встаёт с кровати. Так и стоим мы друг на против друга посреди комнаты. У обоих уже глаза на мокром месте, но кулаки сжаты, а упрёки сыплются один за другим.

— Слушай, если я такая плохая и нехорошая, то признайся — почему ты до сих пор рядом со мной?! Да и что я такого делаю, что ты неожиданно начинаешь беситься?!

— Успеешь тут признаться, когда у тебя на неделе по десять встреч и гулянок назначено!

— А это-то здесь причём? — искренне удивилась я.

— Да, — кривая ухмылка, руки скрещены, взгляд мимо меня, — вообще не причём.

А гроза за окном вошла в полную силу, шум дождя, гром, наши крики — всё это смешивалось и эхом звенело в ушах, давило невыносимо на сердце. Хотелось найти специальную кнопку и выключить звук, но...

— Я повторяю ещё раз: скажи! Просто скажи. Пока ты мне не скажешь, я ничего не смогу сделать! Хотя бы раз в жизни прекрати бояться чего-либо и просто сделай, что хочешь!

— Сказать, да?! Ты точно этого хочешь?! — она подошла ко мне близко-близко, в глазах её была странная обречённость.

— Да! Хочу!

— Я…

В наступившей паузе услышали, как открылась входная дверь. Димка, ничего не подозревая, зашёл с улыбкой, весь мокрый, радостный и застыл, когда мы одновременно повернулись к нему и хором сказали:

— Дверь закрой!

Естественно, что он трезво оценил ситуацию, посмотрел на меня и предпочёл удалиться, ни слова не говоря. Дверь снова закрылась, а в комнате повисла тишина, даже дождь уже стучал в окно не так сильно…

— Отлично, можешь опять сбежать, — она кивнула мне на выход: дескать, давай, путь свободен.

Я лишь устало посмотрели ей в глаза:
— И упустить, возможно, последний шанс добиться от тебя правды?

— Э? — такого она явно не ожидала от меня услышать, а увидев, что я ещё и улыбаюсь, совсем растерялась.

— Да уж… Пока от тебя дождёшься…

С этими словами я осторожно притягиваю её к себе и, набравшись смелости, целую, чувствуя, как в душе растворяется изматывающая усталость и ноющая боль, и мне отвечают поцелуем на поцелуй.

В своём кругу
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Fluff
Размер : min
Описание :
Если встреча Нового Года оказывается сопряжена не только с привычной праздничной суетой, но и с непредвиденной работой, то дело может приобрести неожиданный поворот.
Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

В двухкомнатной квартире на пятом этаже зазвонил телефон, разрывая тишину зимнего утра. Девушка, до этого сладко спавшая на разобранном диване, недовольно что-то проворчала и поспешила закрыть голову подушкой.

На другом конце провода всё не унимались, поэтому, окончательно стряхнув с себя остатки сна, Аня бодро сползла с постели и протянула руку к трубке, почему-то лежавшей на полу:

— Слушаю?

Голос плохо её слушался, и вопрос прозвучал невнятно, поэтому она прокашлялась и попробовала ещё раз:

— Да, алло, говорите.

— Здравствуй, дочка! Я тебя не разбудила?

— Можно считать, что нет, — Аня посмотрела на часы — они показывали без пяти минут одиннадцать, — я всё равно скоро собиралась вставать.

— Вот и хорошо… Когда приедешь?

— Ну, не знаю, мне ещё собраться надо…

— Ладно, не буду тебя мучить. Приезжай, когда сможешь. А, кстати, можешь ещё фейерверков купить по дороге?

— Да, мам, всё сделаю, — Аня невольно улыбнулась.

— Вот и чудесно! Хорошо, целую, жду, люблю!

— Я тоже, мам, пока…

Анна повесила трубку и заползла обратно на диван. Она отбросила в сторону подушку и, положив руки за голову, задумчиво посмотрела в окно. А за окном шёл снег. Именно такой, какой и должен быть, по её мнению: пушистый, крупный, он кружился, танцевал, даря необыкновенное ощущение волшебства.

«Неудивительно. Новый год, как-никак, — Аня улыбнулась и сладко потянулась, прогибаясь всем телом, — да и день сегодня особенный…Сегодня мы впервые отмечаем этот праздник вместе».

Аня счастливо рассмеялась от переполнявших сердце чувств — девушка была уверена, что не вырази она таким образом свой восторг и радость, разум просто не выдержал бы настолько сильных эмоций.

Но случайно брошенный взгляд на часы вернул Аню к реальной жизни, и со словами: «Блии-и-и-ин, времени-то!», — она резко поднялась и побежала в ванную умываться…

* * *

Снег, снег, снег.... Он лежал внизу мохнатым мягким одеялом, он кружился в воздухе и всё норовил залететь за шиворот, а ветер игриво откидывал назад капюшон, наметал высокие сугробы, с детской непосредственностью стремясь показать, кто тут хозяин.

Аня счастливо улыбнулась и, разбежавшись, заскользила на ровной дорожке изо льда, которую ещё не успел испортить дворник, посыпав всю эту красоту песком. Она расстегнула куртку, смешно ёжась от ветра, и достала мобильный телефон из внутреннего кармана.

— Привет! Как дела? — сердце на мгновенье замерло, но вскоре застучало ещё быстрее, стоило услышать в ответ:

— Привет! Я ещё на работе. У нас тут народу — тьма! — на том конце трубки послышался посторонний шум, Вика что-то прокричала, потом засмеялась и вернулась к разговору. — Прости...

— Ничего страшного, — Аня, улыбаясь всему миру, быстро шагала к остановке. — Когда освободишься?

— Скоро уже. Зайдешь ко мне?

— Да, сейчас как раз собиралась украсть тебя у этих эксплуататоров!

— Отлично! Тогда жду тебя! — Вика старалась перекричать посторонний шум, но последние слова она произнесла довольно тихо:

— И, Ань, я тебя люблю.

— И я тебя люблю, — девушка не могла не улыбнуться, — до встречи....

Аня повесила трубку и ускорила шаг.

* * *

Девушка осторожно ступала по покрытой слоем льда подъездной дорожке, прекрасно помня, что именно здесь в прошлый раз, когда заходила навестить Вику, больно упала, ушибив локоть и коленку. Она улыбнулась, вспомнив, как трогательно любимая переживала по этому поводу и как обиженно жаловалась на ни в чём не повинную зиму в течение всего вечера.

Анна вошла в небольшое здание, мало чем отличавшееся от своих соседей по этой улице, не забыв вежливо поздороваться с пожилым охранником. Перепрыгивая через две ступеньки, она

весело и уверенно поднялась на второй этаж. Подойдя к кабинету Вики, девушка постаралась унять предвкушающее волнение от встречи.

«Боже, как будто в первый раз её увижу! Что я нервничаю-то, как школьница перед свиданием?» — Анна улыбнулась и вошла, не постучав — сразу открыла дверь.

Сначала показалось, что в кабинете никого нет, потому как взгляд сразу упал на пустое место за письменным столом, погребённого под большим количеством всевозможных папок и бумаг и то тут, то там в хаотичном порядке прилепленных цветных стикеров с напоминаниями о неотложных делах. Каждый раз, входя сюда, Аня испытывала благоговейный страх, боясь нарушить хрупкую гармонию в расположении вещей, поэтому старалась ничего не трогать — мало ли что важное потеряется в этом творческом беспорядке из-за её неосторожных действий?

Сама хозяйка кабинета что-то увлечённо искала в шкафу, стоя на крутящемся стуле, всё время норовящем повернуться то влево, то вправо, в зависимости от того, в какую сторону смещалась девушка.

Аня остановилась у самой двери и в который уже раз залюбовалась своей милой, самой родной и любимой. До сих пор ей не верилось, что они вместе, это казалось чем-то невероятным, но так хотелось, наконец, осознать, что это не сон.

Аня сбросила куртку на ближайший стул и, бесшумно подойдя к вращающемуся стулу, положила на его спинку руки, тем самым фиксируя положение. Почувствовав это, Вика настороженно и слишком резко развернулась, но тут же облегчённо вздохнула, увидев Аню, спокойно и немного лукаво наблюдающую за ней:

— Ты меня напугала!

— Прости, не хотела, — Аня пожала плечами и даже не потрудилась изобразить на своём лице хоть какое-то подобие раскаяния.

— Ну да, как же. А кто спорит? — Вика обняла любимую за плечи и наклонилась, и только Аня чуть подалась навстречу, как стул решил снова показать свой беспокойный нрав и... в прямом смысле слова земля ушла у Вики из-под ног.

— А-а-а-а! — девушки от испуга в один голос закричали и вместе упали на пол.

— М-м-м-м...вот, блин, так и знала, что этим всё и закончится, — но счастливая улыбка на Анином лице никак не сочеталась с только что сказанными словами. Вика засмеялась, и, завороженная этим смехом, Аня, не в силах подавить столь сильное желание, аккуратно потянула любимую на себя, невесомо

обняла за талию и нежно поцеловала.

— М-м-м, у тебя хорошее настроение? — Вика чуть ли не мурлыкала, буквально растворяясь в объятьях Ани, а то, что на полу неудобно и холодно из-за сквозняков — разве же это было для неё важно?

— А почему нет?

— Вот войдёт сюда сейчас кто-нибудь — узнаешь!

— Хм, ты же говорила, что сотрудники знают о твоей, — Анна на мгновение замялась, подбирая нужное слово, — знают о твоей нестандартной личной жизни?

Вика умильно посмотрела на неё и с изрядной долей сарказма в голосе ответила:

— Поражаюсь твоей наивности! Одно дело знать, но совсем другое дело застукать нас тут, — а потом добавила уже немного задумчиво, — да и странно, люди никогда не могут поверить, если не увидят всё своими глазами. Хотя...даже если и увидят случайно, а потом решат, что такого быть не может, спокойно убедят себя, что всё было совсем по-другому.

— На философию потянуло? — Аня ласково улыбнулась и погладила Вику по голове, нежно перебирая пряди и портя тщательно уложенную причёску, из-за которой Вика поднялась ни свет ни заря после двух часов сна — но, как ни странно, совесть по этому поводу Аню нисколько не мучила.

— Та-а-ак, всё! Иду собираться, а иначе, мы тут с тобой застрянем надолго...

— А это так плохо?

— Да нет, — Вика пожала плечами и неохотно поднялась, — просто в этом случае всё-таки придётся закрыть дверь на ключ...

Аня весело рассмеялась и, встав с пола, села на небольшой удобный диванчик для посетителей:

— Ты долго?

— Скоро уже. Сейчас только быстренько разгребу весь этот ужас и сразу домой, — Вика указала на заваленный письменный стол.

— Я тогда пока схожу, умоюсь, а то глаза слипаются от недосыпа.

— Угу, понимаю...

* * *

Вернувшись в кабинет, Аня поняла, что Вика снова исчезла. Девушка растеряно замерла посреди пустой комнаты:

— И куда она опять пропала? — сама себе задала вслух вопрос.

Но ответ неожиданно донёсся откуда-то из-под стола.

— Я тут!

— Солнышко, что ты там делаешь? — Аня подошла ближе и, обойдя стол, заглянула под него.

— Пытаюсь достать единственную пишущую ручку, которая закатилась в щель, — Вика хотела выползти на свет божий, но неосторожно дёрнулась резко вверх и ударилась головой о крышку стола:

— М-м-м, больно-то как!

Аня присела рядом с ней, лукаво улыбаясь:

— Тебе помочь?

— Ручку достать? — наивно спросила Вика и смешно попыталась сдунуть с глаз непослушную прядь.

— Не совсем, — Аня единым движением плавно убрала выбившуюся прядь волос Вике за ушко, положила руку ей на плечо, притянула к себе, после окончательно заползла под стол и легко прикоснулась к её губам, а потом...

Девушки забыли обо всём и продолжили поцелуй, постепенно стирая из сознания абсолютно неважную в данный момент информацию — что они, в общем-то, под столом, что с тихим шелестом рассыпалась лежащая на полу здоровенная кипа бумаг, приготовленных к отправке в шреддер, что скоро по закону подлости в кабинет кто-нибудь да заглянет....

Тяжело дыша, Вика отстранилась:

— Так, стоп!.. Останавливаемся...

— М-м-м, тогда заканчивай с делами быстрее, и пойдём домой уже!

— Хорошо-хорошо, — Вика улыбнулась и только собралась уже вылезти из-под стола, как Аня потянула любимую обратно к себе и снова поцеловала....

— Виктория Валерьевна? Вы здесь? — было слышно как, судя по голосу, в кабинет зашла женщина и направилась ближе к столу, под которым в испуге замерли в неудобном положении Вика и Аня.

— Ну, что? Нашли её? — послышался мужской голос и более тяжёлые шаги.

— Нет! Уже везде, кажется, посмотрела.

— Может, не стоит бегать по всему отделу, а лучше тут подождать?

Видя, как широко расширились в безмолвном ужасе глаза Вики, Аня еле смогла сдержать рвущийся наружу смех — пришлось больно прикусить губу. Её любимая сердито показала кулак.

— Да, Сергей, вы правы. Всё лучше, чем попусту бегать туда-

сюда...

«Не-е-е-т!» — Вика сложила пальцы, изображая пистолет, и приставила себе к виску.

— На мобильный пробовали звонить? — участливо поинтересовался мужчина.

— Ох, какая же я глупая! Сейчас наберу её...

Вика, изо всех сил стараясь не шуметь и не задеть стол, лихорадочно полезла в задний карман, чувствуя себя циркачом, проделывающим трюки в тесном ящике. Наконец-то достав телефон, она вырубила звук вместе со всем прочим оповещением, кажется, успев в последнее мгновение, и положила мобильный на кучу бумаг, с которой он тихо и благополучно соскользнул куда-то за тумбу с ящиками стола.

— Странно, не отвечает...

В кабинете раздались нервные шаги.

— Я тогда пойду — сообщите мне, как она появится.

— Непременно.

Дверь скрипнула и с тихим щелчком закрылась.

Вторая женщина немного походила по помещению и, похоже, присела на диван.

У Ани затекла рука, и она попробовала принять более удобное положение, Вика сделала страшные глаза и покачала головой, прося не двигаться. А потом осененная, по её мнению, блестящей идеей, жестами попросила телефон. Аня, закатив глаза, через минуту вызволила его из кармана и протянула любимой, с интересом наблюдая за тем, как Вика быстро начала что-то набирать на нём....

Примерно через пять минут напряжённого ожидания дверь снова приоткрылась и Вика облегчённо выдохнула, когда послышался хриплый мужской голос:

— Марья Ивановна, я вас ищу, ищу, а вы тут!

— Ох, что-то случилось?

— Там консультация ваша нужна по одному вопросу... Не поможете?

— Я всё Викторию не могу дождаться — не хотелось бы уходить...

— Да её ещё минут десять точно не будет! Ей срочно пришлось отлучиться...

— Тогда ладно. Пойдёмте.

— Огромное спасибо!

— Да не за что пока ещё, — и они ушли...

Секунд пять девушки молчали, а потом громко расхохотались, не выдержав больше эмоционального напряжения....

— Уф, надо будет потом Андрею спасибо сказать, — облегчённо вздохнула Вика, наконец-то выползая из-под стола.

— Пойдём уже домой, а то ещё кто-нибудь зайдёт.

Вика села на стул и задумчиво посмотрела в окно.

— Я думаю, стоит спросить, зачем меня Марья Ивановна так настойчиво искала...

— Оке, — Аня снова села на всё тот же диванчик для гостей и демонстративно открыла первый попавшийся журнал, улыбнулась, — я подожду. Снова...

— Не сердись, — Вика подошла и, присев рядом, мимолётно поцеловала её в щёчку, — я правда стараюсь со всем этим поскорее разобраться.

На этот раз улыбка вышла более искренней.

— Верю. Иди уже.

* * *

— Ну, что? Домой? — с надеждой спросила Аня, когда Вика появилась в дверях.

— Не совсем...

— Что случилось?

— Марья Ивановна попросила её подменить, остаться на вторую половину дня, — тяжело вздохнув, девушка села на диван и откинулась назад, закрыв глаза, — я ей сказала сначала, что у меня были планы. Но...Больше всё равно никто не может. А она столько раз меня выручала, что отказать, когда к ней приехал на праздник сын из другого города — просто свинство. Она так рада этому сюрпризу!

Вика открыла глаза и чуть повернула голову:

— Ань, ну там просто документы, которые надо доделать и распечатать, они второго будут нужны. Я быстро управлюсь. И успею домой к 10, а то и раньше. Обещаю.

— Знаю, — невинный примиряющий поцелуй, и вновь улыбка играет на губах.

— Я тогда сейчас к родителям поеду, проведаю, а потом к нам домой.

— Угу, — Вика снова посмотрела на заваленный документами рабочий стол, — а я, пожалуй, продам себя в рабство на весь день...

* * *

«Так странно, — думала Аня, в задумчивости рассматривая полки супермаркета в поисках фейерверков, — с одной стороны у меня есть родители, которых я люблю. Они моя семья, они растили, кормили, воспитывали, заботились обо мне. У меня есть дом, действительно есть. Возможность вернуться, когда только

захочу. Но это чувство, что мне чего-то не хватает...»

Девушка улыбнулась и окликнула стремительно шагавшего куда-то работника:

— Извините, где здесь фейерверки продаются?

Молодой человек сосредоточенно нахмурился и рассеянно указал куда-то вдаль, позади себя:

— Я не в этом отделе работаю. Поищите вон там, за стендом, девушку.

— Спасибо, — кивком головы поблагодарив за помощь, Анна пошла в указанном направлении.

«Вика — это тоже моя семья, но... — девушка улыбнулась, почувствовав мягкое тепло в глубине груди, — Вика — это другое. Я её люблю, но мы так мало друг о друге знаем. Часто не понимаем, почему кто-то из нас поступает так, а не иначе. Может, нам просто нужно время, чтобы мы смогли...»

Ей пришлось отвлечься от размышлений — девушка в отличительной униформе нашлась быстро и оказалась более дружелюбной на вид.

— Не подскажете, где фейерверки продаются? — на секунду задумавшись, Аня мечтательно улыбнулась и добавила:

— Хм, а ещё... где у вас отдел подарков?

«Куплю Вике ещё что-нибудь в дополнении к основному подарку, — решила она, — какую-нибудь милую побрякушку. Вдруг ей не понравится то, что я купила. Если не удачным выбором удивлю, так хоть возьму количеством».

— Фейерверки — правда, я не уверена, что их уже не раскупили, — это прямо и направо, в первый поворот. Там увидите, — девушка задорно подмигнула и, улыбаясь, добавила:

— А подарков у нас огромный ассортимент, не торопитесь, посмотрите всё, что есть. Для своего парня покупаете, наверно?

Аня смущённо кивнула и про себя поправила: «Для любимой девушки».

— А подарки — это вам прямо, чуть подальше, в отдел сувениров, а ещё найдёте много всяких милых новогодних мелочей ближе к выходу. Удачи! И весёлого Нового Года!

— Спасибо! И вам того же!

Аня вышла из супермаркета с большим фирменным пакетом и посмотрела вверх на серое снежное небо: «Кем мы можем стать друг для друга? Семьёй? Но у меня уже есть один дом, родители — моя семья. Сможем ли мы создать свою? И хочу ли я именно этого? — она тряхнула головой, отгоняя серьёзные мысли, желая в этот день сохранить легкомысленное настроение. — Ладно, не буду об этом думать — время покажет... Надеюсь...»

* * *

Нарезая кубиками варёную картошку, Аня думала, что сегодня, пожалуй, самый счастливый день в её жизни. И пусть до этого, безусловно, были радостные, светлые моменты, но они уже стёрлись, воспоминания потеряли сказочные цвета, оставив лишь приятное чувство, что всё-таки когда-то чудо уже произошло. Но прошлое — уже прошедшее, а сейчас… вот оно! Счастье. Тихое, уютное, самое обычное. Сегодня праздник, хороший и добрый, все родные улыбаются, готовятся, суетятся, накрывают на стол. Сегодня нельзя быть одной, да и не хочется.

«Как странно, вроде никто каждую минуту не подходит ко мне и не говорит, что любит, а всё равно чувствуется — я им всем дорога. Меня поймут, что бы я ни сделала, кем бы я ни была. Ведь любят, и я люблю, — Аня счастливо улыбнулась, пододвигая к себе тарелку с огурцами, которые так же нужно было порезать для салата. — Думаю, нужно всё рассказать про нас с Викой. Хотя бы маме… Ох, хоть бы ничего не случилось, и всё было хорошо. Н-да, надо Вике позвонить, узнать, как она там и скоро ли освободится…»

Вымыв руки, Аня достала мобильный и набрала номер, но трубку не брали. Она попробовала позвонить ещё раз — в ответ только длинные гудки. Встревоженная, девушка и не заметила, как на кухню зашла её мама.

— Анют, помоги мишуру развесить.

— А? Да, сейчас, — Аня поспешно отложила мобильный.

— Что-то случилось? — и почему мама всегда чувствует, что с ней и как?

— Да нет, просто… — на секунду она замялась, прокручивая в голове убедительный ответ, — подруга не отвечает. А мы договорились встретиться через пару часов.

— Понятно, — мама с улыбкой пожала плечами, — может, просто не слышит?

— Угу, — Аня с некоторым усилием заставила праздничное настроение вернуться к ней, но всё же не удержалась и быстро напечатала Вике сообщение: «Позвони мне. Волнуюсь».

* * *

— Мам, я пошла! — вот что у меня за глупая привычка кричать через всю квартиру, если можно просто подойти и нормально сказать?

— Постой! Возьми с собой салатиков!

Стоило только представить, что придется шагать по сугробам

с кастрюлей оливье, как само собой вырвалось отчаянное:

— Нет! — и вымученная улыбка. — Не нужно. Мы с Викой сами хотели приготовить.

— Вика — это та твоя подруга, которой ты звонила?

На секунду Ане показалось, что сейчас самый подходящий момент, чтобы всё рассказать. Мама вышла её проводить, стоит и улыбается. Видно, что настроение у неё хорошее, да и пора бы уже признаться.

— Да. Мы вместе отмечаем...

— А что ж ты её к нам-то не позвала?

— Э-эм, да как-то не подумала, — Аня почувствовала, что смущена и, как обычно это бывает, начала краснеть. Привести Вику знакомиться с родными — это казалось чем-то серьёзным, а она не была уверена, что сейчас способна на это. Но если она признается в их отношениях, то мама уж точно захочет знать, кто эта загадочная Виктория, из-за которой её дочка забыла всех других людей в этом мире.

— Мы, возможно, зайдём ещё, если время будет.

— Как знаешь, — мама обняла, — не забудь тёте позвонить и поздравить.

— Не забуду, — и уже громче, — всем пока!

И уже на остановке, дожидаясь автобуса, Аня подумала, что она просто ребёнок, по большому счёту не способный даже на то, чтобы привести свою девушку познакомиться с родителями. «Да, такими темпами, даже если всё будет просто отлично, я Вику приведу домой только к следующему Новому Году», — самокритика никогда не было её сильной стороной, и Аня с лёгким сердцем отложила принятие этого решения на следующий раз.

* * *

Секунды — раз, два, три, четыре — складывались в минуты — пять, пятнадцать, двадцать — и вот уже часы уверено заявляют, что до Нового Года осталось меньше двух часов.

Аня сердито посмотрела на мобильный телефон и с раздражением швырнула его в угол дивана: сколько бы она не звонила Вике, та не отвечала. А номер рабочего телефона, где-то записанный на случай крайней необходимости, по всемирному закону подлости не обнаруживался ни в одном блокноте... впрочем, из них периодически под срочные записи вырывались листочки. Пора было что-то решать: либо сидеть и ждать, либо отправиться к ней на работу.

«Хм, я, конечно, могу сорваться и поехать, но вдруг мы разминемся? Что, если… Эх, лучше попытаться дозвониться ей…», — Аня угрюмо посмотрела на мобильный и вспомнила, что Вика утром набирала коллеге смс с её телефона, и номер должен был сохраниться.

— Может, он знает, что с Викой случилось? — лихорадочно нажимая на кнопки, она и не заметила, что говорит вслух. На этот раз удача ей улыбнулась.

— Алло?

— Здравствуйте, вы случаем не знаете, где сейчас Виктория Валерьевна?

— А кто её спрашивает? — какой подозрительный, но его можно понять.

— Это Аня. Её… — она запнулась.

— А! Понятно, — его голос заметно потеплел. — Когда я уходил, в её кабинете всё ещё горел свет. А сейчас, я думаю, не только народ разошёлся, но даже охранник уже ушёл.

— А вы давно ушли?

— Часа полтора назад.

— Спасибо, — непроизвольный вздох, — и счастливого Нового Года.

— И вас с праздником! Удачи.

Аня повесила трубку с тяжёлым чувством на сердце: что-то среднее между отчаяньем, смутной тревогой и надеждой, что всё в итоге будет хорошо. Но уже через пять минут куртка была надета, мобильный лежал в кармане, а ключи запирали входную дверь, на которую была прикреплена второпях нацарапанная ею записка: «Ушла искать тебя. Позвони, если вдруг окажешься дома».

* * *

Лишь когда девушка ехала в такси, она подумала, что могла просто спросить у того парня номер рабочего телефона, а не срываться в последний момент. Тихо застонав, Аня прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза, чтобы не видеть проносящегося за окном снежных улиц, новогодних разряженных ёлок, людей, счастливо идущих куда-то вместе.

— Куда дальше-то?

Аня приоткрыла глаза, стараясь сориентироваться:

— Здесь прямо, до второго поворота, а потом налево, во двор чуть проехать.

Через пару минут, они были на месте.

— С вас две сотни.

— Это грабёж под Новый Год, — Аня не могла не улыбнуться.

Водитель пожал плечами, дескать, ему-то тоже не очень хочется в новогоднюю ночь развозить пьяных и малознакомых людей по домам и клубам:

— А что делать? Жить-то тоже как-то надо.

Аня заплатила и пожелала ему счастливой ночи. Вышла из такси, с непривычки громко хлопнув дверью, и отправилась к неприметному зданию, затерянному где-то во дворах.

Место работы Вики встретило её холодными тёмными окнами. Двери были закрыты. Испытав чувство тревоги и разочарования, Аня всё же решила для надёжности обойти здание вокруг.

— Э-эй! Есть кто живой?!

Естественно, что никто ей не ответил. А до Нового Года оставалось меньше часа. Аня нашла окно кабинета, в котором как раз должна работать Вика. И в нём горел свет...

Не помня себя от счастья и вновь обретённой надежды, Аня закричала:

— Вика! Эй! Вик!

Но никто не отвечал, создавалось впечатление, что там действительно никого нет. Девушка принялась кидать снежками в окно — после пары неудачных бросков несколько штук достигли цели. Но опять никакой реакции.

— Да что же это такое-то? — Аня, чуть не плача, села прямо в сугроб и закрыла глаза, пытаясь придумать логическое объяснение происходящему.

«Предположим, что она действительно там. Возможно, что она не слышит моих криков и не видит, как снежки в окно попадают? Не отвечает на звонки, — тут девушка вспомнила, как Вика оставила телефон на полу под столом, и ухватилась за эту мысль, — наверное, поэтому и не отвечает. А если она уже дома?»

Аня достала мобильный и снова попробовала позвонить сначала Вике, а потом и к ним домой — ничего, никто не берёт трубку, а бесконечные гудки лишь только добивали и без того уже испорченное настроение.

Девушка резко встала и бездумно начала кидать в окно снежки, понимая, что плачет и ничего не может с собой поделать. Кинула последний и без сил повалилась во всё тот же сугроб. Смотрела на чёртов снег, а в голову лезли глупые мысли:

«Как встретишь новый Год, так его и проведёшь. Подведём итоги, — Аня с неуместной усмешкой посмотрела на часы, — праздник через пятнадцать минут. Домой я не успеваю. Лежу в сугробе, который весной станет обыкновенной лужей. Значит, я встречу Новый Год одна, да ещё и в луже».

— Боже, Вика, да что с тобой случилось-то? Я не переживу, если что-то плохое произошло, — Аня снова посмотрела на падающий тихий снег и загадала желание, прошептав его еле слышно, веря, что тот, кому надо, и так всё услышит:

— Пусть с Викой всё будет хорошо. И не важно, что мы сейчас не вместе. Пожалуйста, пусть всё будет хорошо...

Аня со вздохом встала, отряхнулась и ещё раз посмотрела с тоской на окно, подумала и слепила очередной снежок, размахнулась и попала прямо в горящее жёлтым светом окно. Пожала плечами, не дождавшись никакой реакции, развернулась и пошла к дороге, как вдруг...

— Аня!

Вика стояла в окне и кричала в форточку:

— Аня! Эй!

— Вика? — в это было сложно поверить, но... — Что случилось? Ты в порядке?!

— Да, то есть нет. Я заснула! Хотела подремать полчасика перед выходом, чтобы на празднике носом не клевать. Специально дверь свою закрыла на ключ, чтобы не зашёл никто. Чёрт, я просто заснула за столом! Прости, пожалуйста!

— А... Я ведь переволновалась и уже успела чёрт знает что подумать! — несмотря на свои же слова, Аня чувствовала, что тревога отлегает от сердца, уступая место чему-то светлому.

— Прости, солнышко, — Вика задумчиво посмотрела вниз, — слушай, а как мне отсюда выбраться? Все двери уже позакрывали...

Аня села в сугроб перед окном и закинула голову вверх, улыбаясь:

— Ну, я могу посидеть тут...

— А, может, спрыгнуть?

— Попробуй... — тут Аня с ужасом посмотрела на окна второго этажа и подумала, что никогда бы спрыгнуть не смогла. — А может, лучше утра подождать, телефон охранника узнаем, он тебя выпустит?

— Да ну! — Вика уже всё для себя решила. — Не могу же я не поцеловать тебя в полночь? Кстати, сколько там ещё осталось?

— Пять минут...

— Отлично. Жди, сейчас куртку накину и к тебе!

«Вика ради того, чтобы встретить со мной Новый Год, готова прыгнуть со второго этажа в жалкий сугроб, а я не могу признать наши отношения, — Аня покачала головой, коря себя за нерешительность и трусость. — Бред».

— Ну, всё! Лови меня! — Вика погасила свет в кабинете,

распахнула широко окно, кинула вниз сумку, а затем вылезла на карниз, прикрыв за собой оконную створку. Медленно кружась, с карниза слетали потревоженные снежинки. С задорным видом глядя на Аню, Вика улыбнулась, аккуратно присела, спустя вниз ноги, зажмурилась, глубоко вздохнула, открыла глаза и с визгом прыгнула вниз...

***

Сугроб, который весной станет лужей, две девушки лежат рядом, смотрят на небо, а где-то уже подняли бокалы с шампанским, кто-то загадал желание, часы ударили в двенадцатый раз...

— Вика, поехали сейчас ко мне?

— К тебе?

Убийственно и нежно
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Драббл, Angst
Размер : min
Описание :
Застывшее мгновение.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Убийственно и нежно.

Сжимать твою ладонь в своей руке, касаться — несмело — губами твоей кожи на щеках. Обнять, прижаться и дышать, дышать, дышать тобой, ловя мгновение безумной, бескрайней нежности. Сходить с ума, убийственно и нежно.

Рукой вести по желанному телу, не нарушая запретного. Туманить взгляд тобой. Мечтать, желать, хотеть, дышать так часто. Жить одной лишь убийственной нежностью.

Целовать закрытые глаза, запутаться руками в волосах. Поймать мгновение и сладко сдерживать свой судорожный вздох, когда случайно — ненамеренно — сойти с ума от мимолётного касанья твоих рук.

Широко раскрытыми глазами смотреть на потолок и видеть

небо где-то далеко. Забыть дышать. Смотреть, смотреть, не видя ничего. Физически желать умереть сейчас от этой нежности. Дышать. Не забывать дышать.

Обнять, прижать, поймать твой взгляд. Поймать ладонь, целовать жадно кончики пальцев, желать. Целовать твои руки, обнимать твои плечи, щекотать ресницами кожу, но... Не позволять. Не позволять себе забыться, не позволять упасть. Упасть в пучину бескрайней убийственной нежности.

Так остро хочется нарушить. Разрушить взглядом, словом тишину объятий. Сорваться в пропасть и завыть, как зверь. Стать убийцей всей этой чёртовой безмолвной нежности. На грани...

Но ни словом, ни звуком, ни взглядом я не нарушу тишину.

Убийственно и нежно. Клянусь.

Убийственно и нежно... клянусь не забывать то бесконечное мгновение нечеловеческой нежности.

Узнать тебя
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Angst, Драббл
Размер : min
Описание :
Диссонанс.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

По звуку твоих шагов — узнать тебя.

Стук в дверь.
— Да, кто там?

Из-за голоса твоего забыть, как говорить.

Открываю дверь. Молчу.
— Впустишь?
Пропускаю в квартиру, иду на кухню, чувствуя твой взгляд.

Неосуществимая мечта — вечность смотреть в твои глаза.

— Чай?

— Да, можно.

Ты садишься напротив. Чайник медленно закипает. Твои руки на столе — мнёшь салфетку.

Взять бы твои руки в свои ладони и не отпускать.

— Я… — твой голос так тих, что из-за чайника его почти и не слышно.

— Ты? — улыбаюсь еле-еле.

— Я хотела спросить.

Наливаю нам чай, сажусь и только сейчас смотрю в твои глаза.

Слёзы? Нет… Но почти плачешь… Господи! Кто посмел обидеть тебя?!

— Что?

— Я хотела спросить… — пауза, — ты злишься на меня?

— Я?

Повторяешь:

— Да. Ты… — тихо так.

Будто бы равнодушно пью чай. Думаю, что ответить…

Я? Это я её так расстроила? Но… я же…

— Нет. Я на тебя не злюсь.

— Тогда почему? — и замолкаешь.

— Что «почему»?

— Почему ты так… так далеко сейчас?

Как же хочется обнять сейчас тебя. Просто обнять. Даже не пытаться поцеловать. Очень просто… обнять.

— Я рядом, — улыбаюсь.

Ты смотришь на меня очень внимательно, из глаз твоих вот-вот потекут слёзы.

Любимая…

— Как хочешь, — встаёшь и хочешь уйти.

Говорю в спину:

— А чай?

— Не нужен мне этот чай…

Что я творю?

Вскакиваю со стула, бросаюсь за тобой и ловлю за руку у самого выхода. Держу. Крепко.

— Да?

Я молчу. В горле пересохло.

Нерешительно спрашиваю:

— Можно?

Ты поворачиваешься, не отпуская мою ладонь.

— Что можно?

Я смотрю в твои глаза. Делаю шаг назад — тяну тебя обратно в комнату. Ты идёшь следом и как будто не пытаешься больше уйти.

— Можно? — спрашиваю снова.

— Так что можно-то? — кажется, ты раздражена.

Кто-нибудь, дайте мне силы.

Я привстаю на носочки и трепетно касаюсь твоих губ своими, не закрывая даже на мгновенье глаза. А потому вижу твоё удивление, шок, страх.

Пощёчина. В тишине она прозвучала особенно звонко.

Стою, прижимая к горячей щеке ладонь. Смотрю на пустую прихожую и открытую настежь дверь.

— Любить кого-то... Желать кого-то... Да от чего же это бывает настолько... больно?

Смотрю на свою ладонь — улыбаюсь.

— Ну, я, по крайней мере, попыталась.

Любимая...

Бегу вслед за ней, чтобы ещё хотя бы раз попытаться.

Новое утро
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Драббл
Размер : min
Описание :
Встреча нового дня.
Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

Открываю глаза, улыбаюсь. За окном светло, а солнце, кажется, поселилось в комнате.

«Странно, — думаю, — будильника не слышно. Проспала, что ли?»

Шарю рукой под подушкой, смотрю время — до будильника ещё восемь минут. Потянулась, сладко зевнула, неспеша встала с кровати. В одной футболке добежала до ванной. Пол холодный, несмотря на то, что солнце. Осенью всегда так.

Умываюсь, чищу зубы, корчу смешные рожицы своему отражению — смеюсь. Пританцовывая, направляюсь на кухню. Насыпаю в турку кофе, включаю плиту...

— О! Вот и будильник, — бегу в комнату. Выключаю немного приевшуюся мелодию, открываю ноутбук и запускаю в проигрывателе Чижа.

Времени у меня много, поэтому можно и позавтракать. Пока варится кофе, делаю себе бутерброд из хлеба, сыра, помидоров, и сверху совсем немного посыпаю перцем.

Закутываюсь в тёплый плед, забытый ещё с вечера на кухне, пью кофе, ем свой бутерброд, смотрю на осень за окном. В комнате играет музыка.

Телефон лежит рядом, на дисплее меняются цифры: время идёт. Беру мобильный:

«С добрым утром», — печатаю. Нажимаю «отправить».

Кофе ещё остался, но я встаю и начинаю собираться: скидываю в сумку тетради, блокнот, ручки, не забываю и флешку. Долго стою перед шкафом, пытаясь решить: что сегодня одеть?

Смотрю в зеркало и удовлетворённо улыбаюсь: красавица. Ноут выключаю, в последний раз оглядываюсь, пытаясь вспомнить, что забыла? Вроде, ничего.

На кухне быстро допиваю остывший кофе, кружку ставлю в раковину, хватаю телефон, и перед самым выходом из дома мне приходит сообщение:

«С добрым, милая».

Я улыбаюсь — ей и новому дню.

Играй
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : PG-13
Жанр : Angst, Футбол :)
Размер : min
Описание :
Решающий матч.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Капитан звонко кричит:
— Команде соперника наш...
И мы хором добавляем:
— Привет!
Судья смотрит сначала на нас, потом на них:
— Будете пожимать руки перед игрой?
Кто-то кивнул, кто-то сказал «да». Я же промолчала. Иду пожимать руки:
-Здравствуйте, добрый вечер, здравствуйте, — очередь доходит до неё.
С ухмылкой:
— Здравствуй! — пожимаю холодную руку. Мои пальцы болезненно стискивают, но я не морщусь. Её взгляд полон ненависти:
— Здравствуй.
Расходимся. Игра начинается.
— Кать! — кричат мне. — В защиту встанешь?
Киваю, молча бегу на своё место. Замечаю, что она играет в нападении.
«Угораздило же нас столкнуться на поле, — думаю, — только этого мне не хватало».
Смотрю на небо — серые тяжёлые тучи. Капает редкий дождик. Но долго ли ему разойтись?
— Прекрасно... — ежусь от порыва ветра. — Ещё и дождь в придачу.
Свисток. Мяч разыгран. Она бежит наперехват, обыгрывает нашего нападающего. Навстречу ей центральный. Я смещаюсь ближе к воротам, зная, что там подстрахуют, а на мне висит свой игрок.
Она, шутя и словно нехотя, обходит центрального, но вместо того, чтобы ударить по воротам, бежит в мою сторону.
Вратарь мне кричит:
— На неё!

Я бегу к ней, но не бросаюсь, а сохраняю дистанцию, чтобы она не ударила по воротам. Вот только долго мне так танцевать с ней не приходится — мяч с огромной силой прилетает в живот. Я сгибаюсь, поднимаю голову и вижу её ухмылку.

«Вот стерва, — думаю с натянутой улыбкой. — Достану!»

Игра сместилась на их половину поля.

— Рената! Давай поменяемся?!

Меня не спрашивают, зачем мне это. Рената бежит на моё место, я же теперь играю в нападении по флангу.

Дождь льёт всё сильнее. Если бы мы не бегали, то точно бы замёрзли. Это издевательство над людьми — играть в такую погоду. Пытаюсь перехватить мяч и начать атаковать. Она где-то далеко, ждёт пас на нашей половине поля.

Наконец, получаю мяч. Бегу по флангу. Меня прижимают.

— Сзади есть!

Отдаю пас назад, забегаю, получаю мяч обратно.

— На дальнюю!

Замечаю просвет в защите, посылаю мяч. В следующее мгновение меня сбивают с ног и валят на землю.

В глазах темно, а телу больно — кажется, что мне сильно зарядили по рёбрам. Открываю глаза.

— Один — ноль, — она лежит на мне, прижав руками мои плечи. А сверху льёт дождь. С неё тоже капает вода.

Я тяжело дышу:

— Слезь.

Она отпускает меня и уходит, не оборачиваясь. Я встаю и бегу на свою половину.

— Ренат!

Меня понимают без лишних объяснений, и мы снова меняемся. Отдыхаю в защите.

Игра идёт с переменным успехом: то нас прижимают, то мы — их. Кто-то просит тайм-аут. Я облегчённо сажусь прямо на траву. Ну, и что, что холодно, и мокро, и грязно? Зато хоть посижу.

Смотрю вверх, пока тренер что-то там девчонкам объясняет. Надо бы послушать, но устала. А небо такое серое... Открываю рот, пытаюсь поймать капли дождя. Не замечаю, как сзади ко мне кто-то подходит и обнимает руками шею. Я словно застываю.

Слышу шёпот:

— Чего в защите сидишь?

— Не хочу бегать.

— Боишься меня, — я слышу в её голосе усмешку.

Злюсь, хочу обернуться и сказать всё, что я о ней думаю, но меня неожиданно легко кусают за ушко и отпускают.

— Кать! Чего сидишь?!

Мотаю ошалело головой:

— Замену можно?

Мне кивают, и я бегу с поля. Тренер что-то объясняет, я не слишком внимательно слушаю — жжёт то место, куда она меня укусила. Тру ухо. Но в голове всё равно звучит это её: «Боишься меня».

— Да иди ты... — зло говорю.

Тренер смотрит на меня большими от удивления глазами:

— Что?

— Это я не вам, — мило улыбаюсь.

Первый тайм закончился. Остался ещё один. Отдыхаем. Судья свистит — приходится идти играть. Холодно и мерзко, в ботинках хлюпает. Встаю в нападение. Рената страхует на втором фланге.

Они разыгрывают мяч и сходу посылают мяч в ворота — гол. Я с ужасом смотрю на мужеподобную девушку, которая собственно и била:

«Боже, бывает же такое».

Счёт равный — значит, придётся бегать. Тяжело вздыхаю и готовлюсь открыться.

Принимаю мяч. В панике оглядываюсь по сторонам — некуда отдать.

— Открывайтесь, блин! — кричу, а сама бегу по боковой, тяну время. Замечаю, что в центр бежит Кристина. Отдаю мяч.

Кристина не подвела, но, к несчастью, ничего сделать не успела — она, опять она помешала: легко перехватила у Кристины мяч и побежала к воротам.

— Вернулись! Назад! — кричит вратарь. И чего кричит? А то мы сами не знаем, что нужно назад возвращаться?

Я не успеваю. Защитник проворонил. Счёт один-два, а она возвращается с победной ухмылкой, смотрит на меня. Я широко улыбаюсь ей, показываю большой палец, дескать, молодец, здорово сыграла. Вижу в её глазах непонимание, что меня забавит. Ну, не дано ей понять, что можно радоваться успеху других людей.

— Собрались, девушки! — капитан нас подбадривает. — Сейчас отыграемся. Кать! Смотри по сторонам — у тебя сзади игрок был. Зря через центр отдала.

— Оке.

Я расслабляюсь, успокаиваюсь и начинаю играть в своё удовольствие. К тому же и дождик начал стихать...

Почему-то оказываюсь прижатой к ауту игроком другой команды. Девушка настойчиво пытается выбить мяч, пару раз ощутимо пнув меня по ногам.

— Спокойно, — закрываю от неё мяч спиной. — Что вы так нервничаете?

Мне смешно — зачем так зло-то играть? Это всего лишь футбол. Зажимаю мяч между ног и прыгаю от неё подальше. Смеясь, отдаю мяч в свободную зону, в надежде, что мой игрок перехватит.

Не перехватывает. Она — успевает первой.

— Чёрт, — бегу за ней. Раз потеряла мяч, то его надо вернуть. Играть до конца.

Набираю скорость, ноги начинают подгибаться от напряжения, а всё равно бегу. В последний раз делаю рывок, обгоняю, торможу, становлюсь напротив неё. Она не успевает затормозить. А может, просто не захотела. И снова мы лежим вместе на траве. Мяч где-то далеко.

Лежим, смотрим друг на друга, я и она тяжело дышим.

Она улыбается мне, наклоняется, чтобы поцеловать, но я поворачиваю голову, и в итоге мы имеем скромный поцелуй в щёчку.

— Хватит там нежности разводить! — кричит кто-то.

Быстро расползаемся в разные стороны.

— Катя! На замену!

Бегу к тренеру. Он начинает:

— Что ты с ними нежничаешь? Отпихни и беги дальше. Судья не свистит, значит, нарушения нет. Пнула её посильнее, да и ладно.

— Это нечестно.

— Так они же хватают вас за руки, вот и вы так же делайте!

— Это нечестно, — упрямо повторяю.

Он молчит. Я тоже молчу. Думаю о своём. Точнее — о ней.

— Мне сегодня ещё играть надо?

— Если хочешь.

— Думаю, что не хочу, — улыбаюсь, подхватываю свой рюкзак, иду в раздевалку.

«Дождь кончился, — трясу ногой, вытряхивая воду из кроссовок, — ещё домой добираться...»

Стараюсь не думать об этой игре. Ну и что, раз так всё получилось. Нам просто правильнее не играть вместе. И вообще правильнее не быть вместе...

Переодеваюсь. Хлопает дверь в коридоре, а я без футболки. Заходит она — я спокойно смотрю на неё. Смущается:

— Извини, — поворачивается ко мне спиной.

— Ты чего не играешь? — умываюсь. Надеваю чистую футболку.

— Тебя нет, — говорит.

Я ухмыляюсь:

— Там всё равно зеркало, так что хватит подглядывать. Тем более, что уже всё, оделась.

Смотрит на меня:

— Извини, — но в этот раз извинение не звучит искренне.

Мы молчим. Я беру сумку и иду к выходу. Останавливаюсь перед ней.

— Ты что-то хотела?

— Прости, — глаза в глаза, тихо так.

Я улыбаюсь:

— За что?

— Ну, за то, что так вела себя во время игры. И за всё вообще.

— Окей, — пожимаю плечами, — прощаю.

Обхожу её. Она ловит меня за локоть, разворачивает к себе, прижимает к стене и целует. Яростно и вместе с тем нежно. Мои ноги подкашиваются, так что, если бы она меня не держала, то я бы точно упала. Сердце бьётся. Я безвольно выпускаю сумку из рук, запускаю пальцы в её волосы и отвечаю на поцелуй.

«Чёрт, — думаю, — как давно это было? Боже...»

— Стоп, — останавливаюсь, держу её на расстоянии. — Мы в это уже играли.

Она тяжело дышит. В её глазах надежда и боль.

— Новый тайм?

— Я не могу.

— Можешь.

— Я не хочу. Я больше не могу. Я не могу. Я больше не могу... — повторяю снова и снова. И не могу замолчать. Начинаю плакать. Сползаю по стеночке. Она вслед за мной, обнимает.

— Но почему?

Смотрю на неё.

— Я больше не играю в нас с тобой. Это злая игра.

Она улыбается, начинает целовать меня, шепчет бессвязно:

— Я думала...об этом. Всё будет по-другому. Теперь. Обещаю.

Прерываю её одним жёстким и категоричным:

— Нет.

Она смотрит на меня. В глазах её загорается тупая злость. Слышатся шаги в коридоре, голоса. Мы одновременно вскакиваем. Стоим на расстоянии метра друг от друга.

— До встречи, — собираюсь уйти.

— Я всё равно выиграю тебя.

Пожимаю плечами — она видит только мою спину. Ухожу.

На улице снова идёт дождь.

— Господи, — спрашиваю серое небо, — когда же она поймёт, что нам нужно играть вместе, а не против друг друга?

Качаю головой и смеюсь: ведь играй мы на одной половине поля, я бы никогда-никогда-никогда не перестала бороться за нас.

Монолог
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Драббл, Romance, Эксперимент
Размер : min
Описание :
Послушай меня.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Передай, пожалуйста, перец. Ага, спасибо. Ты-то что не ешь? Да ладно. Когда в последний раз ты ела? М-м-м, знаменитое трёхразовое питание: понедельник, среда, пятница? Дорогая, если ты потеряешь сознание, то я тебя не потащу в больницу. Лучше сразу к психологу. Так что кушай. Ради меня. Давай...

Ты слышала, у нас завтра препод сваливает в Тунис. Историю можно прогулять, так что предлагаю куда-нибудь пойти. Хватит отсыпаться и лениться! Если всю жизнь проваляться в кровати, то мышцы атрофируются. Ну, прогуляемся, в кино, может, наконец, сходим. Хотели же «Обитель Зла» посмотреть...

Так ты согласна? Хорошо. Сегодня у меня останешься? Не-е, Оля у Андрея ночует. Так что место есть. Если что, то со мной поспишь. Ну, и чего ты покраснела? Не буду я к тебе лезть.

Что? Можешь повторить? И перестань краснеть! На меня смотри, чудо. Хочешь? Чего хочешь?

А-а-а, чтобы я лезла? Ну, это ты сейчас так говоришь, а как до дела доходит, так боишься. Я тебя даже поцеловать не могу без того, чтобы ты не запаниковала. А ловить тебя по всем этажам мне сегодня не хочется. Устала в универе. Да и тренировка эта.

Не будешь убегать? Да не, оставь, я сама посуду помою. А ты уверена? Эй, милая, я не могу мыть, когда ты меня

обнимаешь... Приятно, но я не могу сосредоточиться, и у меня руки дрожать начинают, а ноги подгибаются.

Обиделась, что ли? Ну, смотри, я даже на колени перед тобой встала. Посмотри на меня. Дай руку. Чувствуешь? Сердце бьётся. Нет, это не от кофе. Это от того, что ты рядом. Я всё понимаю, милая. Ты боишься, а я боюсь тебя спугнуть. Ну, ничего. Когда-нибудь я смогу тебя поцеловать, и ты не убежишь...

Эй! Чего глазки повлажнели, слёзы что ли? Ну-ка, посмотри на меня, милая. Всё хорошо. Улыбнись. Умница. Будешь чай? Я твой любимый купила — чёрный, с корицей. Хочешь, фильм какой посмотрим? Или давай я тебе вслух почитаю? О, подожди...

Вот. Слушай. Сегодня будет рок-н-рол. Давай, вставай, потанцуй со мной. Соседи потерпят — время детское.

Да я тебя сейчас научу! Смотри, сначала сюда, а потом как бы отталкиваешься от меня, а я тебя обратно за руку. И-и-и-и...

Да, детка, не отпущу. Буду весь вечер тебя так держать. Ну, спина да, заболит. Но это завтра. Ну, что? Повторим? Ну, что ты? Не сюда... Ха-ха-ха-ха! Ну, вот, мы теперь на полу. Хорошо, что я его сегодня с утра помыла.

М? Что смотришь? Ну, что? Что? Я — кто? Ну, спасибо, родная. О... ммм... это мне за что такое счастье привалило?

Мне, конечно, нравится, как ты краснеешь... ммм... Всё. Мол... чу...

Слушай, милая. Я это, наверное, зря скажу. Нет. Не буду. Не щекочи! А!

...

Да, я специально побежала в сторону кровати — на полу ведь холодно тебя целовать.

Да, я — зло. Да, я нахальная и расчётливая. Да, я наглая. Да...

...я люблю тебя.

Суд идёт!
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
Иногда подсознание начинает устраивать занятные шутки со своим обладателем.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Мусорное ведро уже не могло вместить в себя всё то, что в него раз за разом пытались положить. Ещё немного — и придётся выбрасывать, затем подметать пол, а лучше вообще помыть, наконец, всю квартиру. Но я поступаю так, как и всегда: аккуратно, со всей возможной осторожностью, стараясь не дышать, ибо дышать не хочется, кладу сверху использованный чайный пакетик.

Смотрю на дело рук своих и тяжело вздыхаю — красота.

— Кать! Выбросишь мусор? А я посуду помою! — кричу в надежде, что меня услышат в соседней комнате.

— Что?!

Снова кричу:

— Мусор выбросишь?!

— Кого выбросить?!

— Чёрт! — иду к ней, захожу в комнату, останавливаясь на пороге, и уже тише спрашиваю:

— Мусор выбросишь?

Катя недовольно хмурится, ясно ведь, что не хочет. Откладывает книжку в сторону.

— Давай на камень-ножницы-бумагу?

— Давай, — соглашаюсь, — до трёх?

— Ага. Считай.

Я проиграла. Но, с другой стороны, хотя бы прогуляюсь. Зашнуровывая кроссовки, спрашиваю:

— Помоешь посуду?

Катя кивает и, ухмыляясь, протягивает мне полный мусорный пакет. Я беру его брезгливо и обречённо.

— В магазине что-нибудь надо?

— Нет, вроде. Можешь, конечно, ещё хлеба купить. И кефира, либо йогурт.

— Да уж, куплю, а то получится как на прошлой неделе, — я улыбнулась, вспоминая, — что на завтрак у нас осталась

корочка чёрного хлебу и корочка белого.

Катя засмеялась:

— Ну, кто знал, что так получится?

— Ладно, закрывай, — я открыла дверь и вышла на площадку, — скоро вернусь.

— Жду тебя, солнце.

* * *

Насвистывая приставучую мелодию, не спеша прогуливалась. Сегодня погода не то, чтобы радовала, но определённо была лучше, чем всю предыдущую неделю: лужи высохли, ветер успокоился, а небо больше не казалось серой бесконечной тучей.

— Извините, у вас прикурить не найдётся?

— М? — оглядываюсь и тут же чувствую, что не могу сказать больше ни слова.

— Прикурить не будет? — девушка, стоящая напротив меня, повторяет вопрос.

Смысл слов дошёл до мозга с большим опозданием.

— А, нет, не курю, — мысленно отвешиваю себе пощёчину, возвращая трезвость мышления, — правда, спички где-то были. Могу поискать.

— Было бы здорово, — она улыбается, и я вновь застываю. На меня смотрят и ждут, явно чувствуя неудобство и смущение.

— Сейчас, — в панике роюсь в сумке. — Вот, держи.

Она чиркает спичкой, зажигает сигарету, отдаёт коробок обратно.

— Спасибо, — стоит, мнётся, явно хочет что-то сказать.

— Я обычно не курю.

Иронично приподнимаю бровь, смотря на сигарету в её руке, дескать, а это что?

Оправдывается:

— Нервы сдают. Решила попробовать. Купила пачку и поняла, что зажигалки нет и вообще ничего нет. И никого нет...

Во мне что-то щёлкнуло, как будто кто-то другой, не я, перехватил управление над моим телом, голосом и разумом:

— Дай сигареты.

Она покорно отдаёт. Я сминаю пачку, сгибаю пару раз и возвращаю обратно. В памяти навечно остались широко раскрытые удивлённые глаза.

— Прости, — пожимаю плечами. — На вот, кефиру лучше попей.

Я протягиваю ей литр кефира, девушка стоит и смотрит на него, как на седьмое чудо света. Затем переводит взгляд

на меня, снова на кефир, на меня...

Мы одновременно не выдерживаем и смеёмся.

* * *

— Милая, где ты шлялась столько времени? — Катя смотрит на меня, как жена на мужа, который пропил всю зарплату и вернулся домой пьяный.

— Гуляла, — пытаюсь улыбаться, как ни в чём не бывало. Я, кстати сказать, трезвая.

— Три часа?

— Да.

— М-м-м, хорошо, — она разворачивается и уходит в комнату, закрывая за собой дверь.

Я всё так же стою на пороге. С моих губ слетает тихий шёпот:

— Что же я, чёрт побери, сделала...?

Закрываю дверь и сползаю вниз, упираюсь лбом в колени и запускаю пальцы в волосы:

— Что... я... чёрт побери... Сделала? — смотрю на белый потолок. — И зачем?

* * *

На следующий день, ближе к вечеру, я решила устроить Кате сюрприз: сначала прибралась на кухне, затем приготовила спагетти на двоих, посыпала сыром, приправами, поставила на стол бутылку вина, зажгла свечи и отправилась выманивать её из-за компьютера.

— Ка-а-ать?

— Да?

Я улыбнулась:

— Пойдём кушать.

Она устало трёт глаза:

— Извини, не хочется что-то.

Отсутствие аппетита я как-то не предусмотрела.

— Может, тогда просто со мной посидишь? — делаю вторую попытку.

Вижу, что она и в этот раз хочет отказаться.

— Пожалуйста, — прошу и широко улыбаюсь.

— Ладно, — наконец-то она оттаяла. — Только недолго.

— Окей, — беру за руку и веду на кухню. — Закрой глаза, — предупреждаю, — это сюрприз.

Катя молчит и улыбается. А я счастлива. Открываю дверь на кухню, обнимаю её сзади и говорю:

— Можно смотреть.

Первая реакция — молчание, спустя секунды три:

— Ого!

А ещё немного погодя: благодарные объятия, счастливая улыбка и нежный поцелуй.

* * *

Сижу на кухне и молча пью чай, стараясь успокоиться. Руки дрожат. На часах три ночи. В раковине гора немытой посуды, оставшейся после романтического вечера. Катя уже спит, а вот я...

В голову лезут и лезут мысли, толкаются и шумят. Стоило закрыть глаза, и мне тут же представилась огромная толпа народу в маленьком зале, и суровый судья, который всё призывал к порядку:

— Соблюдайте тишину! Тишина в зале!

Постепенно все мысли расселись по своим местам, судья прокашлялся:

— Итак... Объявляю заседание открытым! — удар молотка, и все тут же замолчали.

— Подсудимая, — судья посмотрел на меня, и я поняла, что сижу в клетке за решёткой. — Вам нужен адвокат?

— Нет. Зачем?

Кто-то с задних рядов прокричал:

— И она ещё спрашивает?!

— Тишина! — судье, похоже, очень понравилось лупить молотком по столу. Нашёл себе игрушку...

— Зачитайте подсудимой обвинение.

Открылась дверь и в зал зашла... я! Направилась к свободному столу, открыла кейс и достала увесистую папку с бумагами. Полистала, что-то отложила в сторону и, наконец, обратила внимание на меня.

— Костромская Наталья Игоревна обвиняется в измене, лжи и лицемерии...

— Что?! — я вскочила со скамейки, дёрнулась было, но поняла, что меня крепко держат цепи на руках и ногах. — Да как... Что за произвол?!

— Тишина! Тишина в зале!

«Треснуть бы его хоть разок этим молотком по голове», — подумалось мне, и я непроизвольно улыбнулась, представив это.

— Продолжайте, — это он к моему обвинителю обратился.

— Так вот... стало известно, что вчера вечером, когда Наталья Игоревна возвращалась домой, у неё состоялся разговор с некой... — зашелестели страницы, — Дианой Сергеевной. Вскоре две

девушки были замечены вдвоём, входящими в подъезд дома, где, собственно, проживает выше названная Диана Сергеевна. Подсудимая вернулась домой лишь по прошествии трёх часов. Есть все основания подозревать Наталью Игоревну… в измене.

Моя Совесть (так я мысленно окрестила ту себя, которая зачитывала обвинительную речь) поклонилась судье и села за стол. Я же молчала.

— Подсудимая, Вам предоставляется слово. Что Вы скажете в своё оправдание?

— Я? — подняла глаза и поняла, что готова расплакаться. — Я не виновна…это не я.

Зал взорвался:

— Лгунья!

— Обманщица!

— В тюрьму её, за решётку!

— Казнить!

— Тишина! Тишина в зале!

В наступившей звенящей тишине раздался хриплый чужой голос:

— Я требую адвоката.

Судья смерил меня долгим тяжёлым взглядом:

— Вам его предоставят, — он встал. — Объявляется перерыв.

* * *

Я очнулась на кухне, чай давно уже остыл.

— Господи, — закрыла лицо руками, откинувшись на спинку стула, — да что же это? Ведь ничего не было. Не было… не было…

* * *

Вспоминаю, как обнаружила себя в комнате, обитой железными панелями, где сидела, прикованная к стулу. За единственным столом напротив меня устроилась, по-видимому, мой адвокат. Если бы у меня была сестра близнец, то она бы выглядела именно так.

— Так что же произошло?

— Я ничего не делала.

— Тебя никто не обвиняет…

— Н-да? — перебила я её с возмущением.

— Кхм… сейчас тебя никто не станет обвинять. Просто расскажи мне, что произошло тем вечером?

— Да ничего, — я старалась не смотреть себе в глаза, — она пригласила меня в гости, мы поболтали и разошлись,

договорившись как-нибудь потом ещё раз встретиться.

— Попробуем спросить иначе, — адвокат устало вздохнула, — тебе понравилась Диана?

— Конечно, она очень привлекательный человек.

— И-и-и?

— Что «и»? — я огрызнулась. — Ничего не было!

— Послушай, — доверительный мягкий голос, — всё, что ты тут скажешь, дальше этой комнаты не пойдёт. А чем больше я буду знать, тем у нас, подчёркиваю, у нас с тобой будет больше шансов выиграть это дело.

— Я всё понимаю, но...

— Ты влюбилась в Диану?

— Что вы понимаете под словом «влюбилась»

— То же, что и всё население планеты. Так как?

— Да, — тихо так, еле слышно.

— М?

— Да, — уже громче.

— Так влюбились?

— Да! Да! Да! — я по-настоящему разозлилась. — Сколько раз вы хотите, чтобы я это повторила?!

— Спокойно, — мягкая улыбка, — влюбилась, так влюбилась. За это ещё никого не сажали.

— Вот именно, — немного успокоившись, я расслабленно откинулась на стул. — Я же не могу контролировать свои чувства? В конце концов, я живой человек, а не робот, подчинённый строгой программе.

— Конечно, конечно, — адвокат кивала в такт моим словам. — А что насчёт твоей девушки? Катя, если не ошибаюсь. Сколько вы с ней вместе?

— Полгода, — ответила, не задумываясь ни на секунду.

Вопросы посыпались один за другим:

— Ты её любишь?

— Конечно! Я люблю её! Что за нелепый вопрос?!

— А Диану?

— Нет, мы только вчера познакомились.

— А если бы вы были знакомы дольше?

— Ничего бы не изменилось.

— Ты бы не стала любить её сильнее?

— Нет.

— Почему? Ты же не контролируешь свои чувства.

— Я люблю Катю и только её.

— Но ведь Диана тебе понравилась.

— И что?

— Тебе было уютно в гостях у Дианы?

— Да. Там чисто и мило, квартира большая.

— Ты бы хотела жить в такой же квартире?

— Да, наверное.

— Вместе с Дианой.

— Да… — я осеклась и быстро поправилась. — Нет! С Катей!

— Тебе не нравится жить с Катей?

— Нравится!

— Но ты же сама сказала, что в гостях у Дианы тебе понравилось больше.

Я заставила себя мысленно досчитать до пяти и только после этого ответила:

— Да. Но люблю я Катю и хочу жить только с ней.

— Так что же всё-таки произошло? Если тебе не в чем себя винить, то почему мы здесь?

— Я… мы… когда я собиралась уходить, то чуть не забыла сумку. Диана подала мне её и, когда я потянулась за ней, то случайно…

— Продолжай.

— Случайно коснулась её руки. И снова застыла, как тогда на улице.

— Дальше?

Слова приходилось буквально выталкивать из себя:

— А дальше сумка упала на пол прихожей, я крепче сжала её ладонь. Диана притянула меня к себе, и мы поцеловались.

— И всё?

— Нет. Я потеряла контроль. Не думала ни о чём, не вспоминала Катю. Даже не помнила своего имени. Как будто сошла с ума, обезумела, она целовала мои щёки, губы, шею, руки, обнимала…

— Дальше поцелуев дело зашло? — сухо уточнила мой адвокат, когда я осмелилась поднять на неё взгляд.

Я поняла, что улыбаюсь.

— Нет. Я остановилась и убежала.

Молчание повисло в воздухе. Адвокат сидела с несколько удивленным лицом и смотрела на меня непонимающим взглядом:

— И всё, что ли?

— Не поняла?

— То есть весь этот цирк из-за пары поцелуйчиков? — Адвокат закрыла папку для бумаг и громко сказала:

— Всё. Приплыли.

Железные стены камеры разрушились, и я вновь оказалась в зале суда.

— Внимание! — Всё тот же судья кричал и призывал к порядку. — Зачитайте подсудимой приговор.

Совесть прошла мимо меня, подмигнула и, открыв папку, начала читать:

— Наталья Игоревна обвинялась в измене. Следствию удалось обнаружить ряд улик, указывающих на то, что подсудимая не виновна. Тем не менее, на неё налагается месяц исправительных работ по дому, а именно ежедневный вынос мусора, стирка белья, протирание пыли с полок и так далее, и тому подобное...

* * *

«И так далее, и тому подобное...» — отголоски мыслей до сих пор звучали в голове.

На душе было тяжело, на плечи по-прежнему что-то давило, мешая сидеть прямо, не сутулясь.

Я вскочила со стула и побежала в комнату.

— Кать! Катя! Проснись! — трясу её за плечи, понимаю, что слёзы текут по щекам. — Катя! Солнышко! Любимая!

— М? Что? — сонно и нехотя она открыла глаза. — Чего орёшь среди ночи?

Я закрывала и открывала рот, пытаясь хоть что-то сказать.

— Наташа? Ты чего? Что случилось?

— Я... я... вчера целовалась... — тут же вспомнился зал суда, Совесть, которая укоризненно на меня смотрела, наглый Адвокат... — я вчера целовалась с другой девушкой.

Катя ошарашено на меня посмотрела:

— Чё?

— Я из магазина шла, а она прикурить попросила, я ей кефир отдала. Потом меня на чай позвали. В прихожей мы поцеловались, а потом я остановилась и убежала. Я к ней больше не подойду! Как увижу, так сразу убегу подальше! Я мусор буду выносить. Я посуду мыть буду! Я книжный шкаф разберу. А хочешь, я отпуск возьму, и мы куда-нибудь съездим?

— Стоп. Тихо. Причём тут мусор? У меня голова раскалывается.

Я сидела, не шевелясь.

— Расскажи-ка всё по порядку и помедленней...

Шумно вздохнув, начала рассказ сначала:

— Вчера вечером я пошла выносить мусор...

Дожили...
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : PG-13
Жанр : Драббл, Юмор
Размер : min
Описание :
Плохие привычки - они... плохие и прилипчивые :)
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Прислушиваюсь к ровному глубокому дыханию – вроде спит. Медленно пытаюсь высвободить свою руку, не потревожив при этом её. Замираю, когда она начинает ворочаться во сне.

Освободившись, заботливо поправляю одеяло, иду в другую комнату, стараясь ступать осторожно и мягко. В ванной, не включая свет, шарю рукой за корзиной с бельём. Наконец, удаётся отодвинуть плитку и достать заначку: пачку сигарет и спички. Беру одну сигарету, с сожалением замечая, что осталось меньше половины.

Закрываю за собой дверь на кухню, а окно, наоборот, раскрываю как можно шире. Высовываюсь почти наполовину, опасно свесившись вниз. Чиркаю спичкой, но ветер тут же гасит её. Ещё одна попытка и… Ура! Я курю.

Дым всё норовит залететь на кухню, но я слежу за этим. А ещё постоянно прислушиваюсь: не идёт ли она? Глубоко затягиваюсь и улыбаюсь: голова так приятно кружится, вкус ментола во рту, руки немного дрожат, а сердце бьётся сильно-сильно. Первая сигарета за три дня.

Я обещала бросить. Смотрю на сигарету в своей руке:

«Может, взять и бросить? – Мелькает мысль. Затягиваюсь. – Вот прямо сейчас. Вот сейчас. Сейчас!»

В комнате открылась дверь. Рука дёргается и выбрасывает сигарету куда подальше. В панике хватаю со стола мандарин, закрываю окно, сажусь за стол и ем мандарин: с кожурой или без, мне сейчас всё равно.

— Ты чего не спишь? – сонная, она открывает дверь на кухню.

Сердце бьётся как сумасшедшее:

— Ман... рин, — прочистила горло. – Мандарин ем.

Она садится рядом и протягивает руку, я заботливо отдаю ей последнюю дольку мандарина и принимаюсь за чистку следующего.

— Опять дымом пахнет, — сообщает мне. А я сижу, как испуганный заяц, стараясь не дрожать.

— Смог,— отвечаю.

— Ты окно открывала?

-Да, — киваю. – Хотелось воздухом подышать.

Она ухмыляется.

— Как же хорошо, что ты бросила курить, — сообщает мне с ласковой улыбкой. Я краснею со стыда, сдавленно отвечаю:

— Угу…

— И не травишь себя больше этой гадостью.

— Угу…

— И в квартире больше бычками не пахнет.

— Угу…

— И целоваться с тобой приятнее, — продолжает с той же интонацией. – И спички ты на окне забыла.

— Угу…

Замираю с очищенным мандарином в руках. Она молчит. Я совершено по-детски протягиваю ей мандаринку:

— Хочешь?

— Нет, милая, — зло так, как будто сейчас кричать будет. – Не хочу.

— Я…

— Ты?

— Ну… — хочу оправдаться, но слова застревают в горле.

— Я пошла спать, — она встаёт и в двери оглядывается, чтобы равнодушно уронить:

— Запомни, что когда куришь, то дым с кухни летит в комнату.

— Угу, — говорю в пустоту. Ем мандаринку. Ничего не слышу и не вижу, мыслей нет, а на душе тошно.

Минут через десять иду в ванную, отодвигаю плитку, достаю пачку и обнаруживаю там записку:

«Куришь ты, курю и я. Ты не куришь, и я не курю».

Считаю сигареты, понимая, что одной не хватает.

— Чёрт!

Врываюсь в комнату и бегу к балкону, перепрыгивая через разложенный диван.

— Ты чего! Совсем с ума сошла?! – Выдёргиваю из её рта сигарету и выкидываю в окно.

— Ты же куришь, — спокойно сообщает мне.

— Я — другое дело! Меня не жалко!

Молчит. Лишь качает головой. Мне же хочется покурить, чтобы успокоиться, но я не могу. Если закурю, то закурит и она.

— Хорошо, — сдаюсь. – Последняя на двоих.

— Оке, — она улыбается.

* * *

Прошло около месяца. Проснулась среди ночи. Её рядом нет. И сквозняк по всей квартире гуляет.

— Холодно же, блин, — ворчу, кутаясь в одеяло. – Кто окно забыл закрыть?

Иду на кухню, открываю дверь: окно закрыто, она сидит за столом.

— Мандаринку? – невинно предлагают мне.

Я беру мандарин и думаю: «Дожили… Опять всё сначала…»

Между строк
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Драббл
Размер : min
Описание :
Сердце всегда знает то, что не хватает смелости произнести вслух.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Неровные буквы шли подряд, строчки наползали одна на другую. Нет, это писалось не для кого-то, а просто потому, что в сердце уже не хватало места этим словам:

«Будь я художником, я бы нарисовала тебя.

Умей я красиво говорить — наверняка соблазнила бы тебя словами, завлекла бы красочными обещаниями, околдовала, заставила бы думать только обо мне.

Если бы я была невообразимо богата, то купила бы нам целый кинотеатр, чтобы мы могли пойти в кино и остаться там только вдвоём.

Если бы я доверяла тебе всем сердцем, то не ревновала бы к любому, кто посмел бы задержать на тебе взгляд дольше трёх секунд.

Будь у меня возможность творить чудеса, я бы создала самый совершенный цветок в мире и назвала бы его твоим именем.

Если б я только могла своим голосом разжигать огонь

в душах людей, возносить их к небесам и безжалостно кидать в пропасть, чтобы они вспомнили, как надо летать, я бы заставила их вспомнить...

Если б только у меня была гитара, и будь я способна заставить её плакать и смеяться в моих руках, то, поверь,весь мир бы жил и дышал в одном ритме с нами.

Не будь я такой эгоисткой, я всегда бы замечала, когда тебе грустно или больно. Всегда бы была рядом, если б тебе это было нужно. Если бы я только умела думать и заботиться хоть о ком-то, кроме себя...

Если б я не была такой ленивой и обладала хотя бы частичкой твоей силы воли, то вставала бы на рассвете каждый день и тренировала своё тело. Чтобы научиться быстро бегать. Бегать быстрее тебя. И тогда бы... тогда бы я смогла догнать тебя в случае, если ты захочешь убежать от меня, потом крепко обнять и постараться не отпускать.

Но даже если б кто-нибудь дал мне силу, подобную той, что у древних героев, то и тогда я не смогла бы удержать тебя против твоей воли.

Если б я когда-нибудь нашла формулу счастья, то сожгла бы её, потому что это всё — ложь. Ведь мне для счастья нужна лишь твоя улыбка.

Если б только моё сердце знало бесконечную мудрость, то я бы всегда поступала правильно и всегда бы смогла помочь тебе, если не делом, то хотя бы добрым словом.

Если б я так сильно не боялась всего на свете, то давно бы открылась тебе, взяла бы свою душу и просто подарила, не пытаясь скрыть свои недостатки. Если бы я так не боялась разоблачения, то твой взгляд вновь и вновь не разбивался бы о моё молчание...»

— Кхм...

Я нервно вздрогнула и выронила ручку, что воспользовалась моментом и укатилась куда-то далеко под стол:

— Да?

— Я иду спать.

— Хорошо. Я скоро приду, — я оглянулась, но увидела, как закрылась дверь.

Тяжело вздохнув, со злостью посмотрела на исписанный листок, резким движением руки схватила его и скомкала, кинула в открытое окно.

Встала, выключила свет за столом и вышла из кабинета. В ванной умылась, стирая усталость и раздражение. Глубокий вдох, медленный выдох перед тем, как открыть дверь в комнату,

и поворот ручки...

Она лежала на кровати, закутавшись в простыню, спиной ко мне. Отчего-то стало грустно, но...

Всего пара шагов в темноте, тихий шорох. Неуверенность и страх были забыты, переполняла нежность и понимание того, что если бы люди были кем-то иным, то они бы уже не были людьми со всеми их недостатками и ошибками.

— Прости меня, если сможешь, — я обнимаю ту, что люблю.

— Давно уже. Спи, — я не вижу, но чувствую, как любимая улыбнулась.

И на сердце вдруг становится теплей.

Доброе утро!
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Hurt/comfort
Размер : min
Описание :

Утро, встреченное после бессонной ночи с плохим настроением, всё же может стать добрым.

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

Курсор издевательски мигал на белом экране. Когда ненависть к нему до краёв наполнила моё сознание, я провела рукой по клавиатуре ноутбука, и на экране появился бессмысленный ряд букв, цифр, пробелов, похожий на чёрт знает что. Английская раскладка, чтоб ей. Стёрла всё, сменила язык. Задумалась.

Мыслей в голове не было. За исключением одной: «Мыслей в голове нет». А курсор вновь начал издевательски мигать, пытаясь меня окончательно довести. Никогда я ещё не испытывала настолько лютую ненависть к чему-либо...

Отвела взгляд от экрана — до чего же тошно. Задумчиво уставилась в потолок, откинулась на спинку стула и чуть не упала: спасло меня от падения только то, что я успела схватиться рукой за стол. Спустя пару секунд сердце вновь застучало в размеренном темпе, а в голову услужливо влезло воспоминание: свой любимый стул я сломала ещё вчера.

К несчастью, временная табуретка оказалась паршивой заменой.

Наверное, подумалось мне, надо один раз всё-таки со всей дури грохнуться на пол, чтобы запомнить — резко отклонятся назад противопоказано. Либо купить новый стул. А можно и старый починить. А ещё лучше будет передвинуть немного стол и придвинуть табурет к стене. Гениально до безобразия. Безобразно до глупого. Просто нелепо.

Тем временем за окном уже начинало светлеть. Но я уверена, что людям, которые живут на этажах от первого до третьего, этого пока не видно. Рассвет для них наступает немного позже. А на двенадцатом буквально через пару минут взойдёт солнце. По крайней мере, ничто не мешало мне в это верить.

Взгляд вновь упёрся в курсор, и волна уже не ненависти, а тупого равнодушия затопила меня. Смотря прямо на экран, я наконец-то сподобилась поймать хоть какую-то дельную мысль и написала: «Ну и оставайся здесь! А я пошла рассвет встречать».

Подхватила со стола ключи, сунула их в карман, плеер засунула на всякий случай в другой — вдруг захочется музыку послушать. Перед выходом улыбнулась своему отражению и отчётливо сказала:

— Охраняй дом. Скоро вернусь.

Как ни странно, мой двойник улыбнулся и кивнул. Признаюсь, дурацкая привычка, но я действительно верила в то, что когда уходишь из дома, твоё отражение остаётся его сторожить.

Лифт не работал — обычное дело. Но я вдруг позавидовала тем, кто живёт на нижних этажах. Уж им-то не придется потом ползти на двенадцатый. И что, что вид из окна не такой захватывающий? Поверьте, уже на пятом обычно хочется выбросить куда-нибудь тяжёлые сумки с продуктами, а на десятом этаже ты готов жить хоть в подвале, лишь бы не идти дальше.

До остановки автобуса от моего дома меньше километра. Медленным шагом я дошла до неё и села на скамейку. Нога на ногу, руки скрещены на груди, а голова откинута чуть назад, чтобы удобнее было смотреть вверх.

Музыка просыпающегося города заполняла тишину моих мыслей. Я сосредотачивала внимание на всём, что фиксировал слух: жужжание редких машин, стрекотание кузнечиков в траве, мерные шаги прохожего на другой стороне улицы. Щёлканье зажигалки где-то там за левым плечом, ближе к повороту, из-за которого подъезжает автобус, тихая ругань.

Я улыбнулась. Подтянула ноги к себе и обняла их руками — утром всё-таки прохладно. А я даже не потрудилась переодеть

футболку и самодельные шорты — старые джинсы, безжалостно обрезаннные сильно выше колена. Да чего уж там! Только сейчас поняла, что вышла на улицу в домашних тапочках. То-то мне было так непривычно идти.

Но лёгкая счастливая улыбка просто отказывалась покидать моё лицо. В конце концов, я перестала бороться с ней и расслабилась. Потом зевнула. И ещё раз. И ещё...

— Тьфу ты, — встряхнулась, — дома, значит, не спалось, а на улице — так сразу захотелось.

Зевнула ещё раз, а затем сразу же чихнула, чуть не ударившись носом о коленку.

— Будьте здоровы.

— Спасибо, — машинально ответила. Потом догадалась посмотреть в сторону нежданного собеседника. Точнее, собеседницы.

— Доброе утро, — непонятно зачем ляпнула, широко улыбаясь.

— И вам, — она села на скамейку рядом со мной и отсалютировала бумажным стаканчиком с кофе.

— Скажите, а вы всегда пьёте кофе на остановке в столь ранний час?

— А вы всегда ходите по улицам в тапочках?

— Нет, это только сегодня так получилось...

— Вот и я тоже нет.

Я задумалась.

— Глупый вопрос, — вслух призналась.

— М? — она посмотрела на меня поверх стаканчика.

— Да про кофе, — я неопределённо взмахнула рукой и сразу же вернула её на прежнее место. — Когда ещё пить кофе, как не рано утром.

— Зачем тогда спросили?

Пожала плечами:

— Наверное, чтобы разговор поддержать.

— Ну, раз уж у нас с вами разговор, то можно и поговорить о чём-нибудь, — она улыбнулась, а я могла смотреть только в её глаза. Потому что они тоже улыбались. И это показалось мне странным — как глаза могут улыбаться?

— Как глаза могут улыбаться? — решила спросить об этом её.

На этот раз она пожала плечами.

— Наверное, они и не улыбаются. Просто так кажется.

— Странно...

— Согласна, — она встала, и я вдруг испугалась — сейчас уйдёт. Но нет, всего лишь выбросила пустой стаканчик, затем снова вернулась на скамейку. Я облегчённо вздохнула.

— Я тут подумала, ну, что вы сейчас собрались уходить.

— Я никуда не спешу, — опасная пауза. — Но если мешаю, то могу уйти.

— Не надо, — поспешно и как-то чересчур громко сказала, затем, как будто исправляясь, тише добавила:

— Пожалуйста. Мне бы не хотелось остаться тут одной.

— Знаете, — она повернулась ко мне в пол-оборота, окинула

взглядом, смягчив его нежной улыбкой, — вы поразительно прямолинейны.

— Это как? — Я не удержалась и склонила голову набок, хотя давно пыталась отучиться от этой привычки. Ну, не нравилось мне это в других людях.

— То есть, что думаете, то и говорите.

— Значит, каждый раз, когда я молчу, то ничего не думаю?

— Не совсем. Когда вы молчите, я надеюсь, тоже думаете, — ирония спасёт мир.

Я замолчала. В голове мелькнула какая-та мысль, и небольшим усилием воли с моей стороны она обрела форму вопроса:

— Скажите, а как вы думаете? Ну, вот мысль...она у вас в виде картинки, либо как фраза...что-то я сама запуталась...

На этот раз задумалась она, а я всё пыталась найти более точную формулировку.

— Знаете, мне всегда казалось, что люди думают на нескольких уровнях. Первый уровень, — я внимательно слушала её, — он лежит на самой поверхности сознания. Именно там мысль думается словами, которые чётко пропечатываются в сознании.

— Как будто про себя говоришь? — уточнила.

— Именно, — она кивнула. — Второй уровень — это что-то более абстрактное. На нём мысли проносятся очень быстро, мелькают, будто неснятое кино. В то время как на первом они медленно проговариваются.

— А дальше?

— Дальше уже идут картинки, — на её губах скользнула улыбка. — Но, конечно, деление на уровни условно. Зачастую все слои перемешиваются, и возникает ужасный бардак в голове. И, если ответить на ваш вопрос, то я думаю именно этим бардаком в голове.

— Забавно... Тогда получается, что чтение мыслей на самом-то деле бред.

— Выходит, что да. Бред.

— Тогда почему в книгах часто пишут про чтение мыслей?

— В книгах можно. Главное, грамотно написать об этом, чтобы чтение мыслей не казалось надуманным бредом.

Мы замолчали. Я — потому, что вспомнила мигающий курсор на экране, она — не знаю. И, как это часто со мной бывает, мысль резко изменила направление и, повинуясь непонятной логике, возникла в виде вопроса, который поневоле прозвучал вслух:

— Вы не хотели бы со мной встречаться? — естественно, что я тут же покраснела и принялась мысленно ругать себя

последними словами.

К моему облегчению, она улыбнулась:

— Встречаться каждое утро на этой скамейке? — и склонила голову чуть влево, повторив мою привычку. Странно, но я совершенно не почувствовала раздражения по этому поводу. Любовалась.

— Нет, — я поняла, что ещё пара мгновений и вообще сказать ничего не смогу из-за смущения, поэтому быстро и немного скомкано уточнила:

— Вы согласитесь быть моей девушкой?

Напряжённое молчание.

— Всё-таки вы чрезмерно прямолинейны, — она с улыбкой покачала головой.

Я же решила, что это отказ. И где-то внутри меня образовалась пустота. И дикое желание, чтобы она согласилась. Похоже, что я в очередной раз бездарно влюбилась. Привычное состояние, от которого можно получить море удовольствие, только если при этом не впадать в тоску и гнать печаль из сердца поганой метлой. В конце концов, влюблённость — это всегда что-то новое.

Погрузившись в свои мысли, я не заметила, что рассвет давно наступил, по улицам спешат по делам люди, машины потоком носятся по дорогам, обещая всем в час пик образовать пробку на два часа... И совершенно пропустила момент, когда она встала и подошла ко мне.

Я подняла глаза.

— Для начала, — она наклонилась и мимолётно коснулась губами моего лба, затем отстранившись с улыбкой, — можно было бы и на «ты» перейти.

— Можно, — естественное, что я с радостью согласилась.

— И кстати, — она взяла мою руку, — ты замёрзла.

От её прикосновения меня кинуло в жар, так что холода я уже точно не чувствовала. Но на всякий случай кивнула.

— Пойдём в кафе греться. Я угощаю, — она потянула меня за собой, и я покорно пошла за ней.

Но, не сделав и десяти шагов, резко затормозила.

— Так ты согласна?

Она повернулась ко мне и ласково произнесла:

— Я не могу.

Опустошение, растерянность...

— Но... Почему?

— Потому что ты меня придумала.

Короткий поцелуй. Осознание. Попытка ухватиться за ускользающий сон. Неизбежность...

— А-апчхи!

Я проснулась всё на той же скамейке. Руки и ноги занемели то ли от холода, то ли из-за не слишком удобного положения. Вспомнился сон, и я поняла, что улыбаюсь, но вместе с тем испытываю дикое желание разреветься. И всё равно на душе было светло, и хотелось потратить полжизни, но найти её, встретиться и познакомиться уже по-настоящему…

— М-да… Встретила рассвет — ничего не скажешь, — сползла со скамейки и отправилась домой, шаркая по асфальту домашними тапочками.

Нельзя!
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Драббл, Romance, Fluff
Размер : min
Описание :
Маленькие летние безумства.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Ты сумасшедшая!

— А ты разве нет?! — я, весело смеясь, снова падаю спиной назад в воду. Выныриваю:

— Давай ко мне!

— Не в одежде же! И не здесь! — ты стоишь, скрестив руки на груди, подальше от берега, чтобы я тебя не забрызгала.

— Почему не здесь?

— Солнце моё, мы в парке, да и… — ты молча указываешь на большую табличку с надписью: «Купаться запрещено».

— Ой, да брось ты! — махаю рукой. — Все купаются! Жара такая, что хоть живи в воде!

— Всё равно не пойду! — отворачиваешься от меня и с независимым видом отходишь ещё дальше.

Я смотрю на твою спину и коварно улыбаюсь пришедшей на ум идее. Для вида ещё поплескалась в воде и начала медленно выходить на берег. Шорты и футболка тут же облепили меня, сковывая движения — идти стало неудобно. Но хотя бы не так жарко.

— Ну, что? Накупалась? — обернулась и строго на меня посмотрела, потом не выдержала и всё равно улыбнулась. — Чудо ты моё...

— Да, твоё, — я тоже улыбалась, подходя всё ближе и ближе. — Дорогая, давно я что-то тебя не обнимала...

— Не смей! — пытаешься убежать, но на каблуках это у тебя не особо-то получается.

Я со смехом бросаюсь за тобой и заключаю в объятия:

— Ха-ха! Теперь не отпущу!

— Я вся промокну!

— А я чего добиваюсь, по-твоему?

Ты пытаешься вырваться, смеёшься, но я не сдаюсь, хоть вскоре обнимаю уже не так сильно — держать больше нет причин.

— Довольна? — ты вроде и хмуришься, а всё равно смотришь на меня ласково и любя.

Целую твой носик, на котором из-за солнышка выступили веснушки, легко целую в губы.

— Не-а, не довольна. Пойдём, искупаешься.

Ты смущаешься:

— Мне нельзя сегодня купаться. Ты же знаешь...

— Нельзя то, нельзя это... Вечно мы придумаем себе ограничений и паримся потом... — я отпускаю тебя. — Хотя бы

по воде походила. И то легче стало.

Иду обратно к воде, разбегаюсь и ныряю, поднимая кучу брызг. Плаваю с наслаждением, да ещё и футболка надувается, как пузырь, — смешно. Замечаю, что ты решилась-таки снять туфли и несмело приближаешься к воде. Хочется же, но не рискуешь, с опаской на меня поглядываешь. А я что? Я плаваю с самым невинным видом.

Заходишь по колено так, чтобы юбка не намокла. Я подплыла к тебе поближе, нащупала ногами дно.

— Теперь довольна? — опять руки скрестила.

— Ну, почти, — улыбаюсь и брызгаю со всей силы. Ты возмущённо смотришь на меня, а по лицу твоему стекают небольшие дорожки воды.

— Ой, у тебя, кажется, тушь потекла, — нахально улыбаюсь и намерено становлюсь рядом.

— Да ты... да я... Да я тебя сейчас! — со смехом бросаешься на меня и валишь в воду, стремясь утопить, но вместо этого сама оказываешься вся мокрой.

Между нами завязывается настоящее сражение: тучи брызг, визг, хохот, то и дело кто-то оказывается погружённым с головой под воду. В конце концов, объявляем перемирие — простое пожатие рук друг другу.

Я же смотрю на твою улыбку, лицо, лишённое всей этой косметики, прекрасно вижу прыщик, вскочивший на лбу, вновь примечаю милые веснушки. Ты вся такая растрепанная, мокрая, счастливая. А я...

— Я тебя люблю, — обнимаю и тихонько целую.

Ты чуть отстраняешься:

— Нельзя, — глазами показываешь куда-то в сторону, — люди...

Крепко обнимаю, улыбаясь:

— Это завтра нельзя, а сегодня — можно.

— Чудо ты моё, — обнимаешь в ответ, целуешь, — утопила бы просто, — ты смотришь на меня и мило улыбаешься. — Но куда я потом без тебя?

Тоска
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Romance, Сказка
Размер : min
Описание :
Неожиданный предвестник приятной встречи.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Ну, здравствуй, красавица, — в мою комната зашла и поздоровалась со мной девушка, чем-то безумно похожая на меня, настолько, что сначала показалось — это ведь я! Но нет — приглядевшись, невольно отметила нехарактерные для меня черты: слишком длинные волосы, и цвет темнее, чем у меня, лицо… что-то в нём было не так — другое выражение, не свойственная мне мимика, и… В общем, вполне естественно, что я растерялась.

— Здравствуй… А…. — небольшая заминка, — ты… вы… кто?

— Ой, давай уж на «ты», — махнула рукой незнакомка и уселась прямо на мою кровать. — Я — твоя Тоска.

— Моя — что?

— Тоска, — девушка неопределённо взмахнула рукой, подыскивая другие определения, — ну, печаль, грусть, то, что тебя терзает. Из-за меня ты часто не спишь.

— О-о-о… — только и смогла вымолвить я, откладывая подальше ноутбук.

— Так вот, — она вдруг улыбнулась, — пойдём курить.

— Нечего, — я не могла не улыбнуться в ответ.

Она мне весело подмигнула:

— У меня найдётся парочка сигарет. Пойдём, хватит тут киснуть.

— Оке.

А я что? Я разве против? Конечно же, нет! Да и компания, походу, мне обеспечена.

Мы вышли на площадку, сели рядом на ступеньки лестницы, она порылась в своей сумке и протянула мне пачку ментоловых сигарет.

— Благодарю, — я действительно обрадовалась такому подарку, ведь сто лет уже ментол не курила.

Мы закурили и, как это обычно бывает, на некоторое время замолчали. Я старалась особо не думать о том, кто она и что в действительности собой представляет? Но любопытство, в конце концов, взяло верх.

— А ты действительно Тоска?

— Ну, да, — на этот раз не улыбка, а дружеская ухмылка появилась на её губах, — типичная бабская Тоска.

— Бывает...

— Скажи ещё, что я не по адресу пришла, — и эта весёлая насмешка, мягкая ирония в глазах. Определённо, это не я, но чертовски похоже!

— По адресу. Есть такое. И уже давно, — призналась, докуривая сигарету.

— Во-о-о-т. И что делать будешь?

— Хм?

— Да достала ты меня, — честно высказала мне Тоска, — хожу к тебе, как к себе домой. И каждый раз одно и то же. Самой-то не надоело?

— Есть немного... А что делать?

— Жить надо! — сказала, как отрезала. — Соберись, возьми себя в руки, сделай что-нибудь, что душа просит.

— Так это... — я улыбнулась, — понять бы ещё, что душа просит. Вот ты знаешь?

— Не-а. Это же твоя душа, а не моя. Да у меня и души-то, в общем понимание этого слова, нет.

— Это как так?

— А вот так, — снова она развела руками, дескать, ну нет и всё тут. — Тела нет. Есть только личность. Да и то, личность каждый раз меняется в зависимости от того, к кому прихожу. Я — зеркало, это моя суть.

— Печаль, — почему-то вырвалось у меня.

— Не-а, — задорная улыбка, — Тоска.

И мы обе, переглянувшись, дружно рассмеялись. Наш хохот эхом прокатился по всем этажам и ещё долго звенел в ушах. Но отчего-то стало так тепло и уютно этой самой пресловутой душе.

— Послушай, ты мне нравишься. И я не понимаю, зачем я должна от тебя избавляться?

— Эх, — тяжело так вздохнула, — мне же тяжело видеть, как ты безвылазно дома сидишь. Куришь втихаря от соседок. А если и выбираешься на улицу, то смотришь лишь себе под ноги, прячешься ото всех. Не могу я этого видеть и тенью за тобою следовать. Не могу я больше!

— Понятно, — я закурила следующую сигарету, она тоже. Снова замолчали.

— А... — хотела ещё что-то спросить, только Тоска меня

перебила, вдруг странная решимость загорелась в её глазах.

— Скажу тебе прямо. Ты — дура.

— Э?!

— Да! И не спорь, — мягкая улыбка, — ты из-за этой своей вечной депрессии проглядела свою судьбу. Тебе-то и надо было лишь глаза поднять, да и увидеть. А из-за меня... ты... эхх... Кто знает, когда ты снова её встретишь? А?

— Судьбу? Мою судьбу? — и так сердце вдруг сжалось в груди, как будто что-то я важное вот-вот потеряю.

— Да. И... — тут она замялась, — не должна я этого говорить, но... Если сегодня ты не выйдешь из дома, в этот вечер, то навсегда. Слышишь! Навсегда её потеряешь!

— Сегодня? — у меня смутная надежда появилась, что эта странная особа не врёт.

— Сейчас! — чуть ли не рявкнула на меня Тоска. — А ну-ка живо побежала на улицу!

— А...

— Сейчас!!!

И я, не задумываясь, вскочила, бросилась вниз по лестнице, перескакивая через ступеньки, незаметно промелькнула и входная дверь. Зачем побежала? На кой чёрт мне всё это понадобилось? Зачем послушала непонятно кого? Вообще не понимала я в этот момент себя, но...

— Девушка, извините, — окликнул меня тихий голос, и я оглянулась, и сердце сжалось, — я тут подумала...

— Да? — и откуда только взялась эта сумасшедшая невозможно счастливая улыбка на моём лице? До сих пор не могла отдышаться, после этого короткого забега.

— Вам подсказать что-то? Вы заблудились?

— Я бы назвала это — «просто гуляю», — отчего-то она

улыбалась мне. — Мне вдруг захотелось с кем-то поговорить. Знаешь, бывает такое..

— Тоска?

— Да! — обрадовано воскликнула девушка, счастливая от того, что я её поняла с полуслова.

— А у меня тоже Тоска в гостях. Может, пойдём, посидим где-нибудь?

— Не против...

И мы ушли вдвоём. А Тоска... Тоска всё так же сидела, курила и смотрела сквозь бетонные стены взглядом в никуда. Сидела и улыбалась, но как-то так печально, как может только она одна.

КОНЕЦ

Было — не было
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Драббл, Angst
Размер : min
Описание :
Расставание и мысли о будущем.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Ирина Дмитриевна, — протягиваю руку, обращаясь к ней по имени-отчеству. Она с опаской пожимает ладонь, нервно вдыхает воздух, но всё-таки справляется с собой. И буквально через пару секунд я вижу на её губах мягкую улыбку.

— Дарья Сергеевна, — улыбка становится ещё шире, а я понимаю, что на глазах помимо воли наворачиваются слёзы.

— Было приятно познакомиться с вами, — склоняю голову, притягиваю её ладонь к своим губам. Безвольно отпускаю,

естественно, с улыбкой. Она делает шаг мне навстречу, обнимает за шею, нежно целует меня в губы, лишь чуть касаясь их, настолько мимолётно, что мне кажется — это всё сон.

— Было приятно влюбиться в вас, — отвечает мне, отстраняется, и я понимаю, что это правда.

— Мы и вправду расстаёмся? — решаю всё-таки уточнить, а то вдруг...

Она медленно закрыла и, задержав на секунду дыхание, открыла глаза. Похоже, правда.

Я серьёзна, как никогда.

— До встречи, — улыбка сейчас не нужна.

Она наклонила голову чуть влево, задумалась и почему-то прошептала:

— Конечно... Увидимся, — улыбнулась мне и закрыла дверь своей квартиры.

Я поудобнее перехватила сумку с немногочисленными вещами — она так и не смогла до конца впустить меня в свою жизнь... Встряхнулась, отгоняя печальные мысли, бодро зашагала вниз по лестнице. Предстоял долгий и утомительный путь в старый дом, в который так не хотелось возвращаться. Но по-другому уже никак.

По дороге домой, думаю, что зайду в кино; пока буду ждать сеанс, то обязательно куплю себе шоколадное мороженое с шоколадной крошкой и, конечно же, шоколадным сиропом. Перед мостом сверну налево, срежу дорогу и, конечно же, остановлюсь напротив магазина с фруктами — давно уже не ела мандаринов. Скорее всего, возьму сразу килограмм...

Устану, проголосую на дороге и поймаю машину прямо до дома.

Водитель расскажет о сегодняшнем дне, пожалуется на вечные пробки. Мы будем ехать и слушать самое обычное дорожное радио, а я стану смотреть на собственное отражение в боковом зеркале, и вдруг подумаю, что, оказывается, чертовски мило выгляжу. А водитель обязательно улыбнётся мне на прощанье...

Сразу домой я не пойду. А пойду вверх по лестнице, не забыв достать из почтового ящика ключ от крыши. Залезу, открою со скрипом дверь, подойду к самому краю и свешу ноги вниз.

Достану мандарины, буду сидеть на крыше и есть их. Буду смотреть на город, не снимая чёрных очков, хотя наверняка уже давным-давно стемнеет.

Встречу рассвет уже дома, у открытого окна, с чашкой зелёного чая. И лишь негромкое тиканье кухонных часов напомнит мне о том, что скоро, минут через сорок, мне нужно будет проснуться, сходить в душ, выпить кофе, послушать новости, побежать на работу.

Но сейчас, вот прямо в это мгновенье, я буду пить свой чай, буду верить — всё, что случилось, так это к лучшему. Всё, чему ещё предстоит случиться, моё и только моё. А счастье мне это принесёт, или я буду плакать? Не знаю.

Улыбаюсь, пожимаю плечами и пью чай, смотря в окно.

— Я, честно, не знаю...

КОНЕЦ

Сон

Автор : Сулмор, Dark_Flame

Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : PG-13

Жанр : Эксперимент, Angst, Философия, Romance

Размер : min

Описание :

Один автор видит странные сны, а другой слушает песни Арефьевой, входя под них в транс и в синхронизацию с первым автором - по ГОСТ, тщательно согласованному нашим НИИ с корпорацией NERV.

Но нельзя сказать точно, что приходит людям во сне - может, просто случайные и бессвязные образы, а, возможно, в них есть какой-то скрытый смысл. Каждый видит по-своему и понимает как хочет.

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат авторам.

Мне сегодня приснился удивительный сон ни о чём. И обо всём.

Там было глубокое синее небо — куда же без него? Свободный ветер, влажная от росы трава, холодная земля и океан, бурный и искрящийся светом, который настолько осмелел, что

дерзнул сравниться с самим небом. Но сейчас речь не о небе и ветре, не буду говорить и о скользкой траве, и о камне на земле, об который я имела неосторожность споткнуться, поменяв этим что-то в мире.

Ведь, как-никак, мне снился сон о том, что над людьми смеялась вечность. Она заключила договор со смертью, странный, первый, что в голову пришёл, потому что ей просто стало скучно существовать. И заставила её поспорить с жизнью, которая с тех пор осталась одна.

А люди из-за этой глупой выходки жили вечность там, в моём удивительно наивном странном сне.

Сначала в мир пришла война, и кровавым лезвием ножа прочертила на холодной земле слова: «Я здесь была». Она коснулась всех в моём сне, проникла ненавистью и опустошением в сердца глупых, обезумевших от скуки нечастных людей, которым вдруг, ни с того ни с сего, захотелось навсегда остаться в твёрдой промозглой земле. Но смерть держала слово.

Война ушла — может быть, устала. Но память о ней осталась, как и те слова, что в насмешку над людьми она когда-то написала.

И в мир пришла печаль — странная девушка со скрипкой и дикими глазами, в которых плескалось море боли и непозабытого горя. Те, на кого она смотрела, бросали всё и шли молиться смерти. Но та лишь смеялась, и от смеха дрожала в страхе земля. Так сильно дрожала, что падали на землю деревья, сотрясались дома, стены рушились, а в домах, которым посчастливилось быть покрепче, стоял грохот, и падала посуда с полки на кухне, добавляя сумбура во всё это беспросветное существование.

И тут я увидела её. Не знаю, почему именно её увидела, не было в ней решительно ничего такого особенного. Но она в моём глупом сне вдруг тоже устала: сегодня с утра снова всё валилось — с полок и из рук, — было шумно и беспокойно, упала и разбилась её любимая кружка. Хотелось встать и пойти к одному знакомому дому. Но… Что-то мешало, что-то страшило, да и вообще всё вокруг было не так.

Она устала от борьбы, бесило каждый день ходить за новой посудой, не хотелось просить о помощи серое небо без всякой надежды на ответ, надоело, просто достало сидеть, упиваясь печалью и своим одиночеством. Проснулась она утром, постаралась улыбнуться, налила себе кофе в нелюбимую кружку, простила все обиды — ведь глупо их помнить, если от этого

только тяжелей на душе становится, — улыбнулась уже спокойной, красивой улыбкой и вспомнила. Что когда-то всё было иначе.

Вспоминала она долго, искала всё смысл жить и никак не могла найти, а потому решила просто пойти и спросить первого попавшегося: «Что же делать? Ответь, если помнишь, вдруг именно ты знаешь отгадку на доставший всех вопрос».

Встреченный на лестнице сосед не знал, как не знали и все люди — забыли уже давно. А потому он только махнул рукой и рассмеялся над таким нелепым вопросом.

«В конце концов, будь, что будет», — решила она, вернулась и села писать книгу о судьбе, надежде, играх, приключениях и искушениях. Очнулся талант, что глухо спал. Талант тот, вот честно, никчёмный, жалкий, да и книга та бездарно написана была, ведь люди разучились жить, любить, потеряли что-то неосязаемое, но бесценное, за все эти долгие годы.

И с того момента, как она начала неумело писать первые слова, пытаясь воплотить свои мысли, в мой сон наглым образом влезли странные гости. Они мелькали, вонзались в души, проникали всюду и дико раздражали. То были чувства, отличные от боли и горя, отчаянья, страха — чувства глупые, мелочные. Даже печаль ушла — не могла выносить постоянного шума и гама. Бардак в сердцах, раздор и хаос — кошмар, нет слов.

Чувства спорили друг с другом, впустую выжигали души, терзали их так, что вскоре люди взвыли.

Тогда я поняла, что это сон. Подумалось вдруг, что чего-то не хватает. Самого важного, светлого, доброго. Того, что не забывалось даже тогда, когда миром моим правила война — но люди просто не могли этого найти. Потерялось со временем значение слова — самого важного и драгоценного. Тогда я вспомнила и тихонько позвала одну свою хорошую знакомую в мой сон.

И Любовь пришла, когда никто её не ждал. Злые духи из странного сна не хотели пускать эту беспринципную нахальную особу, но той, как всегда, не было дела до чьего-то согласия. Ей было плевать с самой высокой колокольни на все другие чувства, на вечность, печаль, тоску, на время, на жизнь и на смерть.

Любовь нашла ту, что первая попыталась написать о своих переживаниях, ушедшую в себя над очередным листком. Она не смогла понять — то ли очнулась вдруг, как ото сна, то ли мир

вокруг неё как-то неуловимо изменился. Но она подскочила из-за стола так, что всё вперемешку с него посыпалась, и впервые за всё время не расстроилась из-за этого. Я, честно, удивилась, а как удивление прошло, смеялась так, как давно не смеялась.

Она встала, потрясла головой, прогоняя бестолковые мысли, очумело посмотрела Любви в глаза и тоже засмеялась — вспомнила, наконец-то. Бросила писать новый рассказ, который был ничем не лучше, чем все предыдущие, побежала к знакомому до щемящей боли подъезду, подняла с обочины осколок кирпича и написала на асфальте:

«Я люблю тебя!» А потом, не сдержавшись, закричала в яркую бездну неба:

— Я люблю! Люблю! Я люблю тебя!

Вернулась в мир свобода, небо стало чище, смысл жизни откуда-то вдруг вылез, да и не в нём дело — стало жить просто легче и приятней.

И вот тогда-то жизнь злорадно ухмыльнулась смерти в лицо:

— Ну, что, дорогуша, ты проиграла.

— Пф! — смерть пренебрежительно махнула рукой, — в следующий раз повезёт.

— Да-да, — жизнь наслаждалась победой, — если получится. В чём я лично не уверена, — она хитро усмехнулась. — Думаешь, признать, что проиграла — это так просто? А спор? Не хочешь побыть человеком? Будешь сидеть рядом на маленькой кухне с круглым столом и лампочкой в стареньком абажуре, мечтательно глядя на меня. И с тебя, милая, ужин.

Смерть посмотрела на ту, без которой даже вечность ей казалась унылой и грязной мелкой лужей:

— Для тебя — всё, что угодно...

Отдамся в хорошие руки
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Humor, Сказка
Размер : min
Описание :
Совершенно несерьёзная сказка на позитивный лад.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Катя сошла с ума от долгой и снежной зимы. Правда, может, и не совсем сошла, но по крайней мере, она так насчёт себя искренне считала. А потому вышла под снегопад и решила идти в магазин за кетчупом, чтобы приготовить завтрак. Денег на еду у неё не было, но она решила, что это не такая уж большая проблема. Идёт себе и идёт дальше, просто гуляет по сугробам и заснеженным дворам, игнорируя тропинки...

Напомню вам, что на улице зима, а она сошла с ума. Потому что сидела дома и слушала тишину. Тихо, а за окном февраль. И девушка подумала: «Зима, тихо так. А раз снег выпал, значит, это кому-то было нужно». И пошла в магазин за кетчупом. Смотреть на снег...

— Эй-е-е-ей! — закричала, остановилась, засмеялась и упала в сугроб, раскинув руки широко в стороны.

Лежала долго и смотрела на небо. Пока её внимание не привлекла странная тень, что долгое время маячила где-то на периферии видимости. Тень подошла и человеческим голосом сказала:

— Чего с тобой? — это самая настоящая Лиса, которая вообще бывает, села рядом с ней и заглянула в лицо, видимо, принюхиваясь.

— А? — девушка, надо отдать ей должное, хоть и сошла с ума, но не настолько, чтобы поверить в реальность происходящего, поэтому хамовато ухмыльнулась и уверенно сказала:

— Тебя нет, — кивнула сама себе, добавила, — и быть не может.

— Эх, — горько вздохнула Лиса, — вот так всегда... — и на всякий случай добавила:

— Ты чего тут лежишь?

— А хочется, — девушка вновь подумала, что разговаривает с тем, кого нет, мысленно пожала плечами и послала всё к чёрту.

— М-м-м, понятно, — Лиса посмотрела туда же, куда смотрела Катя. — Слушай, а помоги тогда мне, если не занята.

— Мне за кетчупом ещё идти, — девушка села и наконец-то внимательно посмотрела на Лису: рыжую, с хитрыми глазами, шикарным пушистым хвостом. — А что надо-то?

— Я ошейник потеряла. Точнее, — тут Лиса как-то вся сжалась, грустно опустила мордочку, взмахнула шикарным хвостом, — бросили меня. И ошейник мой любимый выкинули.

— Да кто мог тебя бросить? — искренне удивилась Катя.

Лиса попыталась пожать плечами, у неё не получилось, а потому она просто снова махнула хвостом и дёрнула ушком:
— Вот как-то это... Бывает и так...

Девушка неуверенно протянула руку и погладила Лису, греясь о её тёплую и густую шерсть:
— Бедная моя...

— Угу, — кивнула, сверкнула хитрыми глазами, — так поможешь?

— Конечно! А где искать-то будем?

— Тут недалеко. Я покажу, — Лиса вскочила, донельзя обрадованная, а девушка пошла за ней.

***

Идут, значит, Лиса и девушка, что сошла с ума, по лесу. Идут, мёрзнут, но всё равно решительно прут вперёд по пересечённой местности. Разговаривают.

— Лиса, слушай, а как так вышло, что ты говорить умеешь?

— Научилась, пока с хозяйкой жила. Чего в этом такого? — Лиса недоумённо склонила голову, ожидая, когда Катя перелезет через поваленное дерево. — Ты же говоришь? Почему мне нельзя?

— Я человек! — Катя гордо ткнула себя пальцем в грудь. — Мне положено.

— Кем и когда? — тут Лиса искренне пожалела, что не может иронично поднять бровь, поэтому просто снисходительно дёрнула

ушком.

Девушка растерялась, а потом улыбнулась:
— Кем положено, говоришь? Мной и на всё, похоже...

Молчат, идут дальше. И тут Лиса неожиданно выдаёт:
— Слушай, а будешь моей хозяйкой?

— Я? — девушка даже споткнулась от удивления.

— Ну, да, — весь вид Лисы выражал смущение, — а что такого?

— Да я же с ума сошла! Кто в здравом уме мне доверится?!

— Я, например.

— Не знаю... Тут подумать надо.

И они снова замолчали. Ненадолго.

— Скоро придём, — Лиса принюхалась, — уже близко.

И только сейчас девушка вообще задумалась и спросила:
— А почему ты сама не могла найти свой ошейник? Для чего тебе я?

— Хм, понимаешь, — Лиса остановилась, склонила голову и лапой, чисто собачьим жестом, почесала ушко, — на меня хозяйка сильно обиделась и из вредности зашвырнула ошейник на дерево. Высокое дерево. Я пробовала залезть на него, но... Сама понимаешь...

Катя представила себе это действие и засмеялась. Смеялась долго, пока Лиса не сказала обиженным голосом:
— Хватит ржать! Я тут о помощи прошу, а она...

— Ладно-ладно, веди! О, мой рыжий друг!

Катя не слышала, как Лиса пробурчала себе под нос:
— Связалась, блин, с психом...

***

— Эм-м, и как ты себе это представляешь?

— Ну, ты же человек — вот и залезь. Руки тебе на что?

— Издеваешься? Да тут и зацепиться-то не за что!

Что было, в общем-то, правдой: посреди озера на крохотном островке стояла высокая сосна, но веток снизу не наблюдалось. Лишь на высоте двух метров виднелся первый неровный сук, а намного выше, почти на самой вершине, висел ошейник.

— Тут подумать надо, — грустно сказала Катя, устраиваясь под деревом.

— Что тут думать? Прыгать надо, — усмехнулась Лиса, но тоже села рядом с девушкой.

— Слушай, а зачем он тебе вообще сдался? Давай я тебе новый куплю.

— Не, этот особенный. Он волшебный, — Лиса грустно положила мордочку Кате на колени, а та неосознанно, можно сказать, машинально, принялась чесать ей мех за ушком.

— То есть «волшебный»?

— Когда он на мне, я становлюсь человеком.

— О, как! — сумасшедшие тоже умеют удивляться. — Тогда достану.

— Как же?

— Лестницу сюда притащу.

— Не успеешь.

— Хм?

— Мы должны успеть надеть на меня ошейник до рассвета. А иначе я навсегда останусь в этой шкуре.

Катя подумала, что ненавидит все эти волшебные вещи, которые всегда подкидывают неприятные сюрпризы в виде

временных ограничений и прочих побочных эффектов.

— Давай бревно какое-нибудь притащим, я попробую на него встать и дотянуться до первой ветки. А там, возможно, удастся и дальше забраться.

— Давай! — Лиса, похоже, не теряла надежды.

Сказали, сделали. Нашли бревно, притащили (естественно, что несла его Катя, но Лиса искренне пыталась помочь: вертелась рядом, лапой подталкивала), приставили к сосне.

— Эх, понеслась душа в рай! — с этими словами девушка поползла вверх. Ползла недолго, но красиво и смешно. Лиса чуть не умерла от хохота, когда бревно соскользнуло, упало, а Катя от страха вцепилась в сосну, да так и зависла.

— А-а-а, страшно-то как!

— Давай вниз!

— Не могу!

— Отпусти ты это дерево!

— Мне страшно! — но первый испуг прошёл, и девушка поняла, что сила земного притяжения всё-таки посильнее будет, чем её руки. И тихонько сползла вниз.

— Уф, экстремальная ночка...

— Пф-ф-ф!.. — Лиса всё не могла успокоиться и смеялась. Катя, сама уже смеясь, бросилась на неё и повалила в снег.

— Нефиг ржать!

— Тоже мне человек! Хуже обезьяны! — и на всякий случай отбежала от девушки, что так и осталась лежать в снегу.

— Слушай, мне его не достать.

— Ну, значит, не судьба... — Лиса вновь подошла поближе. — Спасибо, что хоть попыталась.

— Сволочь эта твоя хозяйка.

— Она уже не моя.

— Всё равно сволочь.

Лиса благодарно склонила голову и снова легла рядом с девушкой, подставляя ушко — чтобы почесали. Катя с улыбкой выполнила молчаливую просьбу.

— Слушай, а если я теперь стану твоей хозяйкой, куплю другой ошейник и одену на тебя, то ты всё равно останешься лисой?

Девушка почувствовала, как под её рукой Лиса напряглась, насторожилась и, тщательно подбирая слова, произнесла:

— Не, ошейник — говорю же, он только один такой. Но если ты станешь моей хозяйкой и подаришь мне что-нибудь, что дороже тебе всего на свете, то я стану человеком.

— Но я сошла с ума… мне ничего уже не важно.

— Жаль, — Лиса приподняла мордочку, посмотрела куда-то вдаль, — скоро рассвет.

Катя молчала. Ей так хотелось помочь, но она не знала как? Что же ей дорого? Что такого важного она может отдать? У неё есть только она сама…

— Лиса, а давай я отдам тебе себя? Ты станешь моей, а я твоей.

— Но… это слишком, — Лиса встрепенулась, встала на лапы, — это же тогда мы навсегда будем связаны!

Девушка вдруг искренне и широко улыбнулась:

— А тебе так этого не хочется?

— Ну, хочется, но вдруг ты не понимаешь, на что соглашаешься?

— Да ладно, — махнула рукой, — я с ума сошла — мне всё

можно. А с тобой не скучно будет.

— Это уж точно, — Лиса вся сияла, радостная, предвкушая, — тогда давай руку и скажи, что отдаёшь мне самое дорогое, что у тебя есть, то есть себя, а взамен хочешь, чтобы я стала человеком.

Девушка села, взяла Лису за лапу, вздохнула и сказала:

— Я отдаю Лисе самое дорогое, что у меня сейчас есть — себя, а взамен хочу, чтобы она стала человеком.

Ну, как вы, наверное, догадались, ничего не произошло.

— А чего это ты человеком не становишься? — возмутилась Катя.

— А нефиг на меня смотреть!

— Э?!

— Я стесняюсь...

Девушка засмеялась и закрыла глаза, чувствуя, как меняется лапа в её руке, становясь человеческой рукой, маленькой и изящной. Почувствовала тепло, улыбнулась.

— Всё?

— Да, открывай глаза.

Перед Катей на коленях сидела девушка с длинными рыжими волосами, хитрыми глазами, без хвоста и ушей, но в старых джинсах и лёгкой футболке. Лиса явно чувствовала холод, но улыбалась, счастливая до невозможности.

— Спасибо.

— Да не за что, — широкая улыбка в ответ. — Пойдём?

— Давай.

Они поднялись со снега, держась за руки, и пошли домой. Лишь только один раз оглянувшись назад: на дерево посреди

озера, на ошейник на самой верхушке, на красивый рассвет, который наконец-то наступил.

— А ошейник? — Лиса замерла.

КОНЕЦ

Весенний синдром
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Fluff
Размер : min
Описание :
Весна - не только пора любви, но ещё - коварного льда и необдуманных поступков.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Когда идёшь по дороге, главное, это смотреть по сторонам, а ещё — себе под ноги, также важно не слушать на полной громкости плеер, не пытаться прочитать сообщение на мобильном телефоне, а потом написать кому-нибудь что-то давно известное, сто раз сказанное и по сути — совсем ненужное. Если всегда быть чертовски осторожной, то уж всяко не подскользнёшься на неровном весеннем льду, взмахнув руками, судорожно пытаясь найти опору, не вцепишься глупо и неловко в случайного прохожего. Не упадёшь в обнимку с кем-то на асфальт, болезненно ударившись затылком, не закроешь от страха и потрясения на пару мгновений глаза, да и не почувствуешь нежный запах ванили. А открыв глаза, ты никогда не увидишь улыбку: добрую, растерянную, даже слегка виноватую, — и не ёкнет в груди ничего лишь только от того, что ты услышала взволнованный, чуть испуганный голос, сказавший:

— Ну ни фига ж себе… Эй! Ты в порядке?

И ты не скажешь в ответ:

— Уже да, — и уж всяко не улыбнёшься такой же доброй бесшабашно нежной улыбкой.

Вообще-то в жизни всегда так: стоит куда-либо не пойти, что-

либо не сделать, как тут же случается всё самое интересное. Вот, например, ты могла бы сейчас извиниться за то, что случайно уронила человека, стряхнуть с одежды невидимые миру пылинки, пренебрежительно передёрнуть плечами, да и пойти себе спокойно дальше — своей дорогой.

— Хочешь кофе? — и на кой ты это спросила, непонятно, но слова прозвучали, причём, важно заметить, что вы до сих пор лежали в обнимку на сером асфальте, а в наушниках по-прежнему играла любимая музыка.

— Хочу, — почему-то тебя удивили эти слова. Нет, честно! Ты даже удивлённо заломила бровь, дескать, серьёзно, правда что ли? Пить кофе с незнакомым человеком? Вот так запросто, наплевав на все условности?

«Эх, чертовски неправильный день, — наверняка подумалось тебе, — всё не так. Абсолютно всё не так».

И от этой мысли, будь уверена, стало та-а-ак хорошо в душе, что даже солнце ярче заиграло на крышах домов, а люди вокруг вдруг показались не такими злыми и погруженными в свои проблемы.

— Знаешь, я кафе хорошее неподалёку знаю. Пойдём туда?

— Конечно, — и снова тебе досталась чудесная улыбка.

Но условности требуют узнать:

— Ты куда-нибудь торопишься?

Ехидный и весёлый чертёнок взглянул на мир сквозь голубые глаза ледяного оттенка:

— Уже нет, — отвечают тебе.

***

Если всегда следовать правилам, то уж точно никогда не нарушишь глупые законы и не попадёшь в неприятности. Да и жизнь всегда бы была спокойной, тихой, мирной и, ну признайся, ужасно скучной.

Ты мысленно согласилась, решив, что раз сегодня такой неправильный день, то и вести себя надо неправильно. А именно, ты решила говорить правду. Пообещала себе, что ни разу не соврёшь и честно ответишь на любой вопрос.

— Ты любишь кофе?

— Нет.

— А зачем мы тогда идём в кафе? — удивлённо спрашивает та, что так по-весеннему пахнет ванилью.

Молчишь сначала, но слово, данное самой себе, нарушать нельзя.

— Ты мне нравишься, — уж как тебе не хотелось отвечать,

кто бы знал!

— Знаешь, ты мне тоже, — и ты чувствуешь осторожное прикосновение к своей руке. Неуверенно сжимаешь чужую ладонь в ответ.

***

Вы целуетесь в подъезде, на шестом этаже твоего дома. Ты никогда так не поступала — не пила столько с малознакомым человеком, пусть и чувствовала в сердце странную симпатию, граничащую с сумасшествием. И уж точно никогда не думала, не ожидала от себя подобной безответственности. Ведь вся твоя жизнь подчинялась строгим, правильным правилам, но сегодня неправильный день. И вновь улыбаешься, но логика тихонько крадётся к сердцу, отмычкой открывает дверцу и нагло напоминает тебе, что давно уже пора.

— Мне пора, — тебе не хочется прощаться.

— Завтра увидимся?

Ты сегодня не врёшь:

— Нет.

— А когда можно?

«Это неправильно, так нельзя. Я пьяна, а значит, не понимаю, что творю! — кричал проклятый разум, но что-то нежное и тёплое вдруг поднялось в душе, — неправильно, но как-то пофиг. Будь, что будет!»

— Давай послезавтра, — улыбаешься, пытаясь передать всё, что творится у тебя в душе.

Тебя понимают, ты видишь это по глазам:

— Тогда до встречи.

***

— Оставь её, видишь, она же пьяна в хлам, — слышишь где-то там далеко голос сестры. Снимаешь кроссовки, неуверенно держась за косяк двери, прислоняешься головой к стене, — хорошо, надежно, хоть есть опора. — Лучше с утра с ней поговоришь.

— Но… — мама растеряна, ты боишься смотреть ей в глаза, ведь она не знает, что сегодня у тебя неправильный день. Ты и сама сегодня неправильная.

А вообще, если честно, то тебе всё равно сейчас, когда мир теряет основу, истончается значение слов, поступки не имеют больше серых оттенков, остаётся только самое главное. В такой момент важно молчать, что бы ни случилось. Ведь в таком

состоянии либо говорят только правду, либо безбожно врут от всей души. Но ты обещала не врать, а, значит, лучше молчать. А то, мало ли, случайно ляпнешь что-нибудь...

Отлипаешь от стены, идёшь в комнату — тебе кажется, что прямо, но отец отслеживает замысловатую криволинейную траекторию чуть насмешливым и понимающим взглядом. Улыбнись ему, пожми плечами и закрой за собой дверь.

Стул необходимо убрать с дороги, кинуть на него куртку, с видом исполнения важной необходимости устало попытаться поправить ковёр на полу, у которого постоянно загибается правый дальний угол, вот только совсем не нужно было спотыкаться и падать на колени, но, главное, суметь подняться...

— Вот такие вот дела, — язык заплетается, а голос настолько чужой, что ты удивлённо оглядываешься, но взгляд только лишь натыкается на отражение в тёмном зеркале книжного шкафа. Смотришь на себя, другая ты (правильная, неправильная?) ухмыляется в ответ, пожимает плечами, да и тоже идёт по направлению к любимому балкону, на свежий воздух.

Дверь с неизменным скрипом спешит открыться, всякий нужный хлам — не твой, а чужой — валяется по углам. Каждую весну ты заставляешь своего отца убрать здесь всё. Вот завтра... нет, конечно, после того, как завалилась домой в таком состоянии, будет правильней ещё долго ничего не попросить у родителей. А сегодня пусть будет так, как есть.

Мысли путаются, руки пробирает мелкой дрожью, с трудом открываешь окно, сбрасывая отчаянным рывком сосульки с обледеневшей крыши балкона, подставлешь лицо потокам холодного весеннего воздуха, думая о том, как же плохо... будет завтра. И шепчешь свободному от людских законов ветру:

КОНЕЦ

Осеннее письмо
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Fantasy
Размер : min
Описание :
Просто сказка. Романтическая сказка.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат Создателю.

Лето — ленивый почтальон… единственное наследие, что год за годом получаю от тебя, это сотни тысяч писем — листьев, заботливо взращенных тобой на деревьях… и эти письма мне доставляются с неизменным трехмесячным опозданием… уже выцветшими и потерявшими свежесть твоего настроения. Но каждый сентябрь для меня новая радость, и багряно-золотым румянцем рдею, лаская единственное напоминание — эту листву… Люблю, как она тихим шелестом воспоминаний восторженно рассказывает о тебе, моя Весна.

Оплакиваю каждый упавший лист дождями… Золото робости сменяется багрянцем крови при одной мысли о приближении Зимы-разлучницы. Но и она порой, сжалившись над моей извечной тоской, спрячет под снегом ворох старой листвы или хотя бы один единственный листик, чтобы ты месяца через три отогрела его и, может, вспомнила обо мне. И снова куда-то задорно поспешат твои веселые ручьи, ярче засветит молодое солнце… запоют птицы — и ты опять напишешь мне об этом сотней тысяч зеленых писем.

Yu_l_ia

***

Девушка с холодным отстранённым любопытством следила за тем, как при каждом её шаге мир вокруг начинал меняться: появлялся тонкий лёд на неглубоких осенних лужах, опадали листья с деревьев, покрывалась инеем трава, солнце светило всё ярче, но не грело. Люди, чувствуя перемену, прятали руки в карманы, ускоряли шаг, стремясь спрятаться в уютном тёплом уголке, согреться, выпить чаю либо кофе, сидя вместе с любимым и дорогим их сердцу человеком.

Подул ветер, поднимая с земли ворох разноцветных листьев, кружил их по серому асфальту, переворачивая и подбрасывая. Девушка с глазами, имевшими оттенок вечного льда, остановилась и, протянув руку, поймала один из них, прочла:

— «Помни», — улыбнулась кончиками губ, — как уж тут забудешь?

Под её тяжёлым взглядом листок покрылся льдом, а девушка разжала ладонь, позволяя ему упасть и разбиться на миллионы осколков.

***

Дверь с тихим стоном отворилась, впуская в хорошо прогретое помещение холод, что сквозняком прошёлся по ногам посетителей кафе, заставив людей пугливо поёжиться. Помимо лёгкой прохлады, с улицы повеяло сыростью, а гостья же решила долго не задерживаться на пороге и вошла внутрь, принеся на своих плечах, словно невидимый плащ, едва ощутимый запах дождя.

Лишь одна из всех тех, кто сегодня посетил это заведение, не поёжилась и даже не вздрогнула, а всего лишь лениво перевела взгляд от чашки с остывшим кофе на давнюю знакомую.

— Здравствуй, Осень, — тень улыбки, — отлично выглядишь.

Размотав длинный шарф, чуть ли не во весь свой рост, который, впрочем, всё равно выглядел изящным и летящим, юная особа осторожно села на свободный стул, широко улыбнулась:

— Привет, Зима. Ты, знаешь ли, тоже не стареешь. Каждый год меняешься — словно заново родилась, — её улыбка стала особенно жизнерадостной.

Осень расстегнула свой плащ, не сняв до конца, поправила его, устроилась поудобнее и продолжила разговор, искрясь смехом и солнцем в каждом слове:

— Ты в этом году что-то рано. Или это просто я не заметила, как пролетело время?

— Я наоборот поздно, — Зима упорно продолжала смотреть на чашку с холодным кофе, не зная, как поддержать разговор, решив всё предоставить этому смешному рыжему созданию. Невольная улыбка, и чуть потеплели вечно холодные глаза:

— Долго спала.

— Ты какая-то странная, — озабоченно склонила голову вправо, выражая беспокойство, — что-то случилось?

— Да нет, всё отлично, — что, конечно же, не было правдой, но они привыкли врать друг другу. Ведь обе прекрасно знали, зачем они сегодня здесь встретились уже в который раз.

Но Осень, повинуясь настроению, протянула руку и прикоснулась к чашке, стоящей на столе — спустя мгновение кофе вновь был горячим:

— Так будет вкуснее, — девушка несмело улыбнулась, — знаешь, а я даже скучала по тебе. Снег с дождём — это так красиво.

— Это чертовски мокро и неприятно, — Зима улыбнулась, как будто просто шутит и ни в коем случае не хочет обидеть, а Осень рассмеялась совершенно искренне, и вокруг словно бы стало светлее.

— Ты дашь мне неделю? — девушка вновь стала серьёзной.

— Нет. Тебе уже пора уходить, — Зима покачала головой, посмотрела в окно, — не хочу, чтобы опять начали говорить про глобальное потепление...

Девушки замолчали, каждая думала о чём-то своём. Зима всё больше уходила в свои невесёлые мысли, в воспоминания об их первой встрече, когда они вдруг заметили друг друга, о том, как ...

Осень вдруг почувствовала, что у неё немеют кончики пальцев, воздух заискрился от холода, а люди вокруг словно застыли: пропали смех и улыбки, все замолчали, ушли в тяжёлые раздумья, навалилась усталость так, словно внезапно захотелось заснуть и больше не проснуться, дышать становилось всё тяжелее.

— Зима? — тихо позвала, но никакой реакции. Всё тот же бездумный рассеянный взгляд в окно.

— Зима... — уже громче.

Осень окончательно стряхнула с себя оцепенение, воздух зазвенел, разрываясь между холодом и теплом.

— Зима! — девушка словно бы швырнула это имя, в глазах её заплясал опасный огонь, возвращая жизнь в это милое заведение, а воздух всё пел, навевая воспоминания о тепле родного дома в дождливый день, о ночи в осеннем лесу, проведённой с друзьями у костра, о том, как...

Люди проснулись, вздохнули, заговорили, стряхнув странное оцепенение, удивлённо переглянулись, и вновь заиграли улыбки.

Зима еле заметно вздрогнула:

— Зачем ты хотела меня видеть? — отрешённый взгляд голубых глаз, которые смотрят, куда угодно, но только не на тебя, раздражал, бесил, заставляя пламя в душе осенней девушки гореть ярче.

— Хотела просто увидеться, — огромных усилий стоило простое пожатие плечами, но и его не оценили по достоинству.

— Н-да? — Зима посмотрела на неё, спокойно, равнодушно ухмыляясь. — Неужели? И тебе совсем ничего от меня не надо?

Гнев, который поглощает, туманит рассудок. Осень представила, как резко встаёт, как весь жар эмоций, вся горечь недосказанного достаётся на долю этого ледяного и бездушного создания вместе с вылитым в сердцах кофе.

«Да лучше бы тебя никогда не было! Лучше бы ты просто исчезла!» — она уже готова закричать, чувствуя, как поддаётся власти минутного настроения.

Но стоило лишь поймать в глубине синих, как небо за окном, бездонных глаз странную боль, почти человеческую тоску, и злость ушла, оставив после себя лишь растерянность,

опустошённость и что-то вроде жалости, смешанной с лёгкой, почти исчезнувшей обидой.

— Я... — она хотела извиниться, попросить прощения за внезапную ярость, за молчание, но...

— Пойдём, прогуляемся, — Зима быстро допила свой кофе, со скрипом отодвинула стул и протянула раскрытую ладонь, улыбнулась искренне, — пойдём.

Осень выразила своё безмерное удивление лишь глазами, но приняла протянутую руку, понадеявшись, что Зима не почувствует, как ей на самом деле больно: от холода, равнодушия, немногословного безразличия — всего того, что несла в себе девушка с ледяными глазами.

— Шарф не забудь, — вскользь напомнила Зима, удивляясь тому, насколько Осень иногда могла быть рассеянной.

— Да ну его, — отмахнулась Осень, стараясь скрыть свои чувства за внешней беспечностью, и шарф осыпался пеплом от сгоревших листьев.

— Кто-то жёг осенние костры?

— Да, нашлись желающие, — она улыбнулась широко и открыто, тщательно пряча то, что творится в душе.

Странная пара вышла из кафе и, как только за ними закрылась дверь, сидящие внутри люди ощутили странную печаль, лёгкую грусть, сырость дождя, но в тоже время чувство опьянения чудесами, неясную свободу, смутное облегчение, будто что-то, им неподвластное, подчас терзающее души, прошло мимо, оставив лишь неясный след.

***

— Зима? — Осень чуть сжала холодную ладонь, втайне желая согреть хоть чуть-чуть существо, которое в обход всякой логики стало ей если и не самым близким другом, то кем-то важным, кто просто должен быть в её жизни. Навсегда.

— М-м-м? — Зима посмотрела в серую пустоту своими ясными безоблачными синими глазами. Такой цвет можно увидеть лишь на другом небе во времена суровых морозов, когда солнце, пусть и светит бездушно ярко, слепит глаза, отражаясь от снега, но не дарит тепла, лишь дразня бездушным светом.

— Ты знаешь....Я каждый год тебя об этом прошу.

Вновь начал моросить лёгкий дождик. Осень опустила вниз глаза, теряя краски, свет, тепло, — Зима всё крепче сжимала её ладонь.

— Я не хочу.

— Пожалуйста... — а дождь всё сильнее и сильнее, шумит,

заглушая прочие звуки, прячет всё вокруг за пеленой мелких брызг.

— Зачем мне всё это? — Зима остановилась и повернулась к своей подруге, что даже не удосужилась застегнуть плащ, да и без шарфа — замёрзнет ведь, становясь совсем беззащитной.

— Прошу, мне важно, чтобы она знала — я помню о ней каждый миг, каждую секунду, читаю жадно каждую строчку...

Ветер, повинуясь её взгляду, закружил палую листву, вихрем прошёлся по площади, разметал и разорвал, измял хрупкие листья, смешал с дождём и тихо завыл, уносясь ввысь.

— Меня просто трясёт от невозможности ответить ей.

Осень действительно дрожала, а потому Зима сделала то, чего раньше себе не позволяла — нежно притянула к себе, обняв за плечи:

— Ты даже сейчас о ней думаешь? — Осень сейчас до боли напоминала ей обычную девушку, будто она — одна из тех беспомощных, разочаровавшихся, что плачет на морозе, не думая о себе, а лишь помня о ком-то далёком. Те же мысли, те же глупые привязанности, что приносят одни лишь страдания.

— Да, — девушка нашла в себе силы шептать, но умудрилась спрятать смущение в шуме дождя, что яростно бился о крыши мчащихся по шоссе машин.

Зима закрыла глаза, ей хотелось закричать, либо сильнее сжать в объятьях вечную девчонку: заморозить, не отпускать, держать всегда ... рядом, любоваться, любить. Но...

— Я не могу. Забудь.

Молчание, которое кричит громче слов, обвиняющее молчание. Осень молчит о том, что Зима стоит между ними. А Зима думает о том, что всё бы на свете отдала, лишь бы быть с ней, любить и не отпускать.

Тяжело, судорожно вздохнув:

— Хорошо. Говори, что ей передать? — в голосе холодный привкус металла, скрадывающий лёгкую дрожь.

— Вот, — Осень положила свою ладонь на сердце Зимы, — ты только сохрани это, как можешь. Ладно? Не потеряй.

А Зима не успела сказать ничего, лишь скрипнула зубами, когда тепло и чужая любовь проникли в её сердце, причиняя сумасшедшую боль. Похожее ощущение испытывает человек, пальцы которого в мороз, будучи без перчаток, замёрзли, заледенели, а в тепле ощущения вернулись. Впрочем, эта боль казалась сильнее.

— Ш-ш-ш-ш, — зашипела Зима, с трудом сдерживая вой, но стараясь не потерять даже самую маленькую частичку тепла, прятала его туда, в темноту зимних ночей, где этот свет

и дождётся своего адресата.

— Спасибо, — Осень опять укрыла слёзы в струях дождя, что уже лился нескончаемым потоком с небес, привстала и мягко коснулась нелюбимых, обжигающе холодных губ, — это тоже ей передай.

Зима лишь кивнула, молча, в этот момент искренне кляня себя за жалость, за слабость, за то, что не смогла ей отказать. И вместе с дождём на крыши домов упал первый снег, на этот раз пряча за ледяным блеском другие слёзы, скрытые ото всех, что лишь сжимают страданием сердце, оставляя сухими глаза.

— А теперь, — злой взгляд из-под покрытых инеем ресниц, — убирайся.

— Зима… — растерянно, с обидой.

— Уходи, — снег смешался с дождём, на земле превращаясь в грязь, — видеть тебя не могу больше!

Осень молча, с улыбкой, кивнула, развернулась и ушла, прячась в пожелтевших листьях, покрытых по краям изморозью. А Зима засмеялась тяжело и горько от обречённости, от понимания, что вновь и вновь этой пытке суждено повторяться из года в год…

Над городом, словно почувствовав наконец свою власть, бушевала сумасшедшая вьюга, и первый снег — не мягкие пушистые снежинки, а мелкие льдинки с острыми краями, — кружа, раздирал в клочья осенние листья.

***

— Эй, Зима! — Весна как всегда являла собой саму непосредственность, вальяжно расположилась в кресле напротив, закинув ногу на ногу. — Ты чего-то совсем замученная, а? Тяжёлый сезон?

— Да так, мелочи, — девушка устало потёрла глаза, жутко мечтая о спасительном сне.

— Ничего себе мелочи! Да тебя словно подменили, будто с тобой… — Зима кинула на словоохотливую Весну предупреждающий взгляд, — хм, ладно…. Я, собственно, по делу.

Девушка спросила, чувствуя, что поневоле голос чуть-чуть дрожит, будто весенний ручей течёт по льдинкам и мелким камушкам, так важно ей было узнать ответ:

— Она тебе чего-нибудь передавала? Ты с ней встречалась?

— Да, — лаконичный ответ, взгляд в сторону, но всё равно заметно, что синие глаза смотрят устало.

— Что да? — импульсивно вскакивает, не выдержав

волнения, эмоций слишком много. — Да — это значит, что виделась? Или, что передала что-то? Или виделась, но ничего не передала?

Зима расхохоталась, искренне, звоном разбивающегося на осколки льда, что тает под лучами весеннего солнца:

— Ты точно сумасшедшая! Видела я её. И кое-что для тебя есть...

Зима встала с кресла и подошла к Весне, что замерла, напряжённо следя за каждым движением. А холодная девушка лишь взяла её за плечи, чтобы она не посмела дёрнуться куда-нибудь в сторону, прикрыла глаза, представила тот день, запах дождя, шарф, глупый дождь-обманщик, её...

И прильнула к губам Весны, возвращая через поцелуй всё то тепло, что подарила ей Осень: искрящиеся краски листвы, красоту солнца, много яркого и тёплого света, надежду, ощущение желания быть вместе, любовь.

— Ох-х, она помнит... — как только губы разомкнулись, Весна судорожно прошептала, а в её голосе послышалось немалое облегчение, сменившееся бурной радостью. — Помнит! Любит! Зима-а-а-а! Она меня любит! Любит! Любит!

Весна прыгала по кабинету, танцевала, смеялась, словно озаряя всё вокруг весельем и теплом:

— Я знала! Вот, обязательно напишу ей! Опять! А Лето передаст! — она подпрыгнула, красиво закружившись в лёгком движении, села на спинку кресла, попыталась там потянуться и чуть было не свалилась.

Но всё равно имела наглость заявить:

— Я самая счастливая!

Встала, подбежала к Зиме, радостно обняла, нисколько не смущаясь, чмокнула в щёчку и поблагодарила от души:

— Спасибо. Ты меня выручила. Нас выручила! Знай, ты самая лучшая! До встречи!

И она убежала, захлопнув за собой дверь, но по-прежнему повсюду был слышен её радостный смех, словно сотни ручейков, звеня, побежали вслед за ней по ступенькам.

Зима без звука устало упала в кресло, закрыла глаза, улыбнулась лишь самым краешком губ и наконец-то позволила себе заснуть. Незаметно для всего мира в полумраке кабинета начал падать белый снег: покрывались инеем предметы, замёрзла старая настольная лампа, остановились стрелки часов.

И застыла в кресле девушка-Зима, подобно самой настоящей Снежной Королеве.

Диалог

Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Драббл
Размер : min
Описание :
Когда вдруг находят грустные мысли и неуверенность, хорошо быть не одной.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Что с тобой?

— В смысле?

— Ну, ты сидишь на этом окне уже час и куришь, куришь, куришь...

— Могу не курить.

— Как хочешь. Не в этом дело...

— Мне нельзя сидеть на окне?

— Не придирайся к словам!

— Опять кричишь...

— Прости... Я... просто волнуюсь. Ты же знаешь.

— Знаю. Не кричи на меня.

— Что-то случилось?

— В смысле?

— Расскажи мне. Я вижу, что тебе плохо...

— Мне хорошо. Сейчас.

— А что не так?

— Всё хорошо.

— Не хочешь говорить?

— И да, и нет. Просто... Сейчас хорошо, а потом будет плохо.

— Когда потом?

— Потом...

— Понятно... Я могу помочь?

— Можешь, но я тебе не позволю.

— Почему?!

— Потому, что люблю тебя.

— И я люблю тебя... Но почему не позволишь сделать для тебя хоть что-то?
Я хочу помочь тебе!

— Нет.

— Почему?

— Я не умею принимать помощь...

— Но меня же ты подпускаешь к себе...

— Потому что это ты. Но и с тобой всё было... сложно. Особенно первое
время. Я долго привыкала к мысли, что не могу и дня без тебя...

— Да, странно, что мы всё-таки вместе...

— Да нет, это нормально. Ну, я смирилась и решила, что не буду сходить с
ума в одиночку.

— Хочешь сказать, что не сведи я тебя с ума, мы сейчас

не сидели вместе
на подоконнике, обнявшись, и не смотрели бы на закат? И ты сейчас не молчала бы о своих проблемах?

— И да, и нет.

— В смысле?

— Да, значит, что я сама решила стать тебе ближе. И нет, то, что я в
любом случае молчала бы о своих проблемах.

— Но почему ты не желаешь говорить мне о том, что тебя волнует?

— Я пока не могу. Привыкла быть одной. Какой смысл рассказывать, если
тебе никто не поможет? Если другим и так плохо, а я их гружу своими мыслями?
Быть младшей в семье означает, что ты поневоле ввязываешься в проблемы
взрослых. И твои собственные загрузы уже не кажутся такими особенными.

— Но я *хочу*, чтобы ты меня грузила.

— Я знаю, понимаешь...

— М?

— Вот я сижу сейчас, и чувствую тебя. Ты меня держишь, а мне так
хорошо, тепло. И курить даже не хочется. А солнце уже почти село — это так
красиво, что я даже хотела бы, но не смогла рассказать. Только дело в том, что
ты рядом и видишь то же, что и я. Ничего говорить не надо! Понимаешь?

— Кажется, понимаю.

— А раньше... я смотрела в окно одна. А иногда не смотрела, иногда просто
гуляла где-то, слушая только свои мысли. Мне не нужно было

спешить домой, не к
кому возвращаться, и незачем поэтому.

— Знаешь, ты и сейчас не спешишь домой.

— Не спешу, но знаю, что приду не в пустую квартиру, даже если тебя тоже не будет дома.

— Так что же не так?

— Я боюсь. Меня трясёт от страха, и ничего с этим не поделать.

— Милая моя... чего ты боишься?

— Пустоты, если ты уйдёшь. Боюсь, что не переживу, если ты меня
бросишь. Меня пугает сама мысль о том, что я могу настолько от кого-либо
зависеть. Знаю, что одна часть меня захочет отпустить тебя, а другая часть, та,
что сходит по тебе с ума, ни за что не...

— Идиот.

— ...не отпустит. Что?

— Дурочка ты, вот что. Никуда я от тебя не денусь, никуда не уйду.
Почему, если сейчас всё хорошо, то завтра должно быть плохо?

— Не завтра, но когда-нибудь точно будет хуже...

— Не будет.

— Будет.

— Как-нибудь переживём.

— А если нет?

— И за что я тебя люблю? Да ты просто клад для психоаналитика!

— Я предупреждала, что со мной сложно.

— Не бурчи, злюка… Предупреждала, ага. А кто постоянно был со мной, обнимал и

целовал, пока я не сдалась? Кто всегда рядом, когда мне плохо? Кто же сейчас со мной здесь, когда так хорошо чувствовать себя не одной?

— Всё, всё! Сдаюсь! Видишь, снова улыбаюсь!

— Я вспомнила, за что тебя люблю.

— М?

— За просто так. Ну, и за свежесваренное кофе каждое утро…

— Пойдём, а то совсем темно стало.

— Пойдём. Но…

— Что?

— Давай ещё немного так посидим.

— Давай. Мне тепло…
КОНЕЦ

Сладкий яд
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Angst
Размер : min
Описание :
Когда старые чувства не забыты, и каждое напоминание отзывается болью и яростью, логика бессильна перед натиском эмоций.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

– Привет.

Зря я, наверное, открыла дверь, не посмотрев в глазок.

– И тебе здравствуй, – понимаю, что это прозвучало грубо, но ещё невежливей бы было закрыть перед её носом дверь. Всё-таки нас многое связывает.

Арина скрестила руки на груди и несколько обижено произнесла, стараясь скрыть нотки раздражения в голосе:

– Может, впустишь-таки?

Я лишь молча посторонилась, пропуская в квартиру. Арина прошла внутрь, попутно толкнув меня плечом.

– Кушать есть чего? – деловито спросила, снимая оранжевые кеды, которые, по правде сказать, всегда меня бесили и выводили из себя.

Я ничего не ответила, буквально заставив себя проглотить злобные слова, но то, что излишне резко открыла дверь в кухню, схватила со стола пачку чипсов, вернулась и буквально швырнула их к ней в руки, выдало мою тихую ненависть.

Жаль, но она свободно, без всяких проблем, поймала этот простой завтрак и ухмыльнулась:

– Спасибо, дорогая. Я всегда знала, что ты меня любишь.

Сейчас мне жутко захотелось на неё накричать, видя, что она, в отличие от меня, чувствует себя спокойно, уверенно и вообще, как всегда, хозяйкой положения. Но, глубоко вздохнув, я выдавила из себя ухмылку и спросила, прислонившись плечом к двери кухни:

– Что ещё пожелаешь? – на ум пришла цитата из фильма. – Может, ещё и ключи от квартиры, где деньги лежат?

Арина открыла пакет чипсов и съела одну с таким видом, как будто это было изысканное блюдо:

– М-м-м, да так, малость. Как ты уже и сказала – ключи от этой квартиры.

– Что? – я почувствовала, что сейчас рассмеюсь. Неужели она серьёзно?

К несчастью для моих нервов, Арина не шутила:

– Ко мне Анька приезжает. Завтра. Всего на неделю, а ты знаешь, что у меня она остаться не сможет – мамка будет против, сама ведь понимаешь.

Я захлебнулась негодованием и просто показала ей фигу. А в это время она имела наглость как ни в чём не бывало продолжить говорить:

– Ты пока у своих родителей поживёшь. Ну, или где захочешь. Выкрутишься как-нибудь, я тебя знаю.

– Совсем обалдела?! – наконец, у меня проснулся голос. – Да

иди ты на хрен отсюда, с такими просьбами! Пошла! Давай, вали!

Спокойно подперев стенку в коридоре, она посмотрела на меня как-то так по-старому, что я тут же насторожилась и прервала свою гневную триаду, дав ей сказать своё слово.

– Стася, пожалуйста. Мне помощь твоя нужна. Помнишь, что обещала всегда мне помогать, что бы между нами ни было?

– Да как ты смеешь? – тихо прошептала я, опустив голову.

– Что?

– Да как ты смеешь меня о таком просить? – чётко проговаривала я каждое слово, сжимая кулаки так, что костяшки пальцев побелели. – Просишь добровольно отдать свою квартиру тебе? Чтобы ты могла потрахаться со своей новой дурой?!

– Стася, успокойся, – лениво проговорила, так, будто мои чувства доставляют ей, самое большее, лишь незначительное беспокойство.

После этого я с новой силой возненавидела её, в ярости подошла, схватила за руку и потащила к двери, подтолкнула ногой кеды:

– Одевай и вали.

Но Арина лишь выдернула свою руку из моей и зло глянула, прошипев:

– Не смей меня трогать.

К сожалению, у меня давно иммунитет к её злости, просто давно уже выпиты все чувства. Так я считала.

– Не уйдёшь сама – выкину из дома.

– Я уйду только тогда, когда ты дашь мне ключи от квартиры, – успокоилась, даже снова мне улыбнулась, только от одного лишь вида этих бездонных синих глаз меня начало тошнить. Боги, как я могла её когда-то любить?

– Хочешь, это будет моя последняя просьба? Мм? – Арина опасно приблизилась, сама же взяла меня за руку, – Заяц…

Я вздрогнула – давненько не слышала такого обращения к себе, а между тем она уже обнимала меня, шурша пакетиком от чипсов, смотрела прямо в глаза, улыбалась:

– Заяц. Ну, заяц! Пожалуйста, это в последний раз, обещаю, – потянулась, чтобы поцеловать, наверное, хотя, впрочем, не знаю. Я просто окончательно озверела, ощущая, как трясёт от отвращения, от чувства, что она умудрилась вновь предать и растоптать всё то хорошее, что вообще было между нами. Оттолкнула Арину от себя, распахнула дверь, подняла с пола её кеды – швырнула в проём. Взяла со стеллажа ключи, подошла к ней, всунула в руку и вытолкала из квартиры, захлопнула дверь. С той стороны через минуту послышался её смех.

И только через пять минут я осознала, что сделала – осталась

без дома на всю неделю.

***

Мне слышалось, будто кто-то что-то мне говорил, но сил поднять голову не было никаких – уж слишком удобно лежать, уткнувшись лбом в холодную плитку туалета. Меня тошнило, а мир вокруг кружился и всё никак не желал замереть.

– Давай, вставай уже! – чьи-то руки тормошили меня, кто-то хотел заставить сесть, но я лишь отмахивалась и стонала – настолько хреново себя чувствовала.

– Отвали, – еле выдавила из себя. Единственное, что мне сейчас хотелось – это чтобы никто не трогал. Хотела, чтобы оставили в покое и дали придти в себя.

– Ну и пошла ты!

Слышала чьи-то шаги, потом на секунду стала громче музыка, хлопок и вновь относительная тишина. Почувствовав, что снова начало тошнить, подползла к туалету и обняла спасительный край.

– Чёрт, как хреново, – без сил прислонилась к стенке небольшой кабинки, голова кружилась меньше, но по-прежнему хотелось свернуться клубком и не двигаться. Не знаю, сколько времени прошло – я просто закрыла глаза, отключилась от всего мира, – но вскоре меня снова начали тормошить и тот же голос произнёс:

– На, попей воды…

К моим губам прижали холодные и влажные края пластикового стаканчика с ледяной водой. Я приоткрыла рот, позволяя влить в себя часть жидкости, больше же половины пролилось мне за ворот рубашки.

– Пей ещё, давай! – и стакан так плотно прижали к моим губам, что я была вынуждена пить, чтобы не захлебнуться. А после вновь рванулась к краю туалета…

Стало легче, но при взгляде на очередной стакан с водой меня охватило отчаянье.

– Не хочешь больше? – раздался где-то над правым ухом фальшиво-сочувственный голос. – А надо!

Не помню, сколько меня так отпаивали, но казалось, что целую вечность. К счастью, мои мучения закончились, и я просто сползла на пол окончательно, намереваясь остаться в таком положении навсегда.

– Да что же ты так? Вставай, – меня подхватили под мышки и потащили куда-то вверх, а мой желудок понёсся вниз, стало только хуже. – Тебе такси вызвать? Сможешь сказать, куда тебе

ехать?

Я помотала головой, тут же пожалев об этом, и крепче вцепилась в… в кого-то. Мне хотелось рассказать, что домой нельзя. Там будет Арина, уже завтра, и к родителям тоже в таком состоянии нельзя. Но произнести хотя бы слово было нереально, поэтому я молчала.

– Да, хорошо же ты надралась, – на эту реплику я ухмыльнулась. – Ладно, ко мне поедешь?

Кивнула и закрыла глаза, вновь сползая вниз…

***

Стоило открыть глаза, как заболела голова, а мир снова качнулся куда-то в сторону. И, кажется, я была до сих пор пьяна.

– Ой, ё-ё-ё, – простонала, перевернулась на другой бок и… упала на пол.

Разглядывая ворс на ковре, подумала, что моя кровать вроде как побольше будет. Да и когда я успела купить ковёр? Мысли перетекали в моей голове как-то чересчур медленно, причиняя боль и вызывая отвращение к жизни. Поёжившись, поскольку по полу гуляли сквозняки, я залезла обратно на разобранный диван, который однозначно отличался от моей кровати, да и вообще это была не моя комната.

Осознав это, я попыталась вспомнить, что было вчера: недолгий сбор вещей на неделю – всё кинула в сумку, отвезла её к родителям, а сама пошла в клуб. Помню первую рюмку водки, симпатичную девушку за стойкой бара, что налила мне вторую, а потом… На этом воспоминания как-то заканчивались, и начинала болеть голова, будто кто-то живой съедал меня заживо изнутри.

Я встала с дивана, натянула рубашку, застегнула её, джинсы нашла на спинке стула, огляделась, машинально отметила, что тут ничего так, уютно. Пошатываясь, вышла из комнаты, оказалась в небольшой прихожей, и почувствовала запах еды, от которой меня просто затошнило, хоть желудок и взвыл от голода. Прижала руку к животу, стараясь успокоить бурление, ввалилась на кухню.

Девушка в коротких джинсовых шортиках и простой застиранной футболке сосредоточенно готовила блины. Когда я появилась, она как раз подбрасывала очередной блин в воздух, переворачивая, и даже умудрилась его поймать.

– Круто, – на автомате похвалила я, поневоле привлекая к себе внимание.

– О, с добрым утром, – девушка повернулась ко мне, отвлекаясь от готовки, – как голова? Блины будешь?

Я плюхнулась на ближайший стул и поморщилась от боли, а желудок вновь объявил мне войну.

– Честно? Жутко хочу есть, но меня тошнит, – смущённо улыбнулась, – и я до сих пор немного пьяна.

– Понятно. Но покушать тебе так и так надо будет, – она грозно указала на меня сковородкой с блином и улыбнулась. – Зря я, что ли, столько наготовила?

Я же улыбнулась в ответ и решила, что грех отказываться, раз уж кормят. Может, если поем, даже живот не так болеть будет?

– О-кей, давай свои блины. И, кхм… – вот тут я окончательно смутилась, потому что совершенно забыла её имя, – а… это… как тебя зовут? И как я тут оказалась?

Конечно, её смех звучал искренне, и смеялась она красиво, но с похмелья любой тихий шёпот и так давал мне по мозгам. Титаническим усилием воли я продолжила улыбаться и старалась не выдать резкую головную боль.

– Я Саша, и работаю официантом-барменом в том клубе, в котором ты вчера напилась.

– Понятно, – сказала я, хотя мне и не было ничего понятно. Почему я тут-то оказалась, а не где-нибудь в вытрезвителе?

Видя, что я хмурюсь, она решила рассказать больше, выключила газ и, положив последний блин на тарелку, которую поставила передо мной, сама же села рядом:

– Просто я ведь тоже немного виновата в том, что ты так много выпила. Я же тебе подливала, думала, ты знаешь свою меру и вовремя остановишься. Потом моя смена как раз закончилась, мы разговорились, а ты заказывала ещё. А после ты пошла в туалет и надолго там застряла. Мне уже домой было пора идти, а ты всё не могла очнуться. Даже говорить толком не могла. Помнишь?

Я честно постаралась хоть что-то вспомнить, но…

– Ничего. Ничего не помню, – пожала плечами, виновато улыбаясь, – вообще полный ноль.

Саша пододвинула ко мне тарелку с блинами и снова улыбнулась:

– Тогда ешь блины, алкаш. У меня, правда, есть только клубничное.

– Что клубничное? – не сразу поняла я, прицениваясь к первому блину.

– Варенье, – снова её смех: и приятно, и больно одновременно. Она полезла в холодильник за вареньем, через пару секунд торжественно поставила трехлитровую банку в центр стола, задумалась, как бы к ней такой большой подступиться?

– Понятно, – и тогда я впервые за всё время посмотрела в глаза этой девушке, - и, Саша… спасибо тебе. Правда. Я тебе обязана.

– Да не за что, – и продолжила воевать с крышкой на банке варенья, что ну никак не желала поддаваться.

***

– Кажется, последний блин был явно лишним, – я упала на диван, на котором не так давно проспала сколько-то часов. Оказалось, что даже в разобранном состоянии он с трудом вмещал двух человек.

– Двигайся, – Саша спихнула меня к стенке, и растянулась рядом, пребывая в таком же аморфном состоянии, что и я.

– Слушай, – через силу начала я говорить, – мне как-то неудобно.

– В смысле? – не поднимая головы от подушки, Саша внимательно смотрела на меня. – Подвинуться?

– Да нет же! – я улыбнулась и чуть приподнялась, чтобы было удобнее говорить, – я в целом. То есть напилась, не помню, что делала, проснулась в твоей квартире, съела половину блинов, а

сейчас валяюсь на твоём диване….

Хотела что-то ещё добавить, но меня остановила её улыбка и выражение глаз, да и её ладонь, что она положила мне на шею, постепенно притягивая к себе. И быстро притягивая, однако! Оглянуться не успела, как Саша уже целовала меня. Что-то в моём животе дрогнуло, сделало сальто, и мне снова стало плохо.

– М-м-м! Подожди, – я отстранилась, – подожди…Что вчера ещё было?

– Ничего такого, чего мы не могли бы сделать сегодня, – она настойчиво обнимала меня, а я всё старалась поймать её руки и поговорить, в конце концов, мне это удалось сделать. Признаюсь, я просто испугалась, когда она меня поцеловала, на мгновение показалось, будто это Арина – такие же бездонные глаза, хитрое выражение на лице и, к тому же, причёска вообще один в один!

– Расскажи лучше, что между нами было?

– Ни-че-го. Мы просто разговаривали и целовались, – Саша чуть нахмурилась.

– И?

– Много целовались, – она хитро и вместе с тем довольно улыбнулась. – Заяц, да ладно тебе… Эй! Ты чего?

Я, молча, отпустила её руки и встала с дивана:

– Не называй меня так, пожалуйста.

– Оке, не буду, – она растерянно смотрела на меня. – А что не так?

– Много я тебе вчера разболтала?

Саша пожала плечами:

– Ты много чего говорила, но я почти ничего не запомнила – сама устала к концу смены и была не в том состоянии, чтобы внимательно слушать.

Я улыбнулась ей, стараясь ничем не обидеть:

– Извини, мне пора. Я пойду. Закроешь дверь?

На её лице так и было написано крупными буквами, что она совершенно ничего не понимает. Остатками не пропитого вчера ума я понимала, что она не виновата, но никаких сил не было оставаться с ней, видя в каждом жесте Арину! И да, я вела себя, как неблагодарная свинья, уходя отсюда, особенно, когда лишь бросила на прощание:

– Спасибо за всё. Ещё увидимся.

И услышала её тихое:

– Ладно. Пока.

***

Пошатавшись немного по городу, я ненадолго зашла домой,

чтобы привести себя в порядок, потом позвонила себе на квартиру. Звонила долго, наконец, трубку взяли:

– Ал-ло? – как всегда растягивая слова, ответила Арина. – Слушаю вас внимательно.

– Это я.

– Кто я? – сделала вид, что не поняла, но даже отсюда я чувствовала её ухмылку. Захотелось со всей силы треснуть трубкой о стену.

– Я! Стася!

– А, здравствуй, зайка моя.

– Пошла нах.

– Извини, не могу, – в трубке послышался чей-то голос, потом приглушённый и неразборчивый шёпот Арины, что окончательно вывел меня из себя. – Ты что-то хотела?

– Квартира в порядке? – в моём голосе звенел металл.

– Да-а-а-а, не волнуйся. Пока-пока, не скучай, – бросила трубку.

– Фак! – не сдержалась, затем поняла, что беситься бесполезно, постаралась успокоиться. – Всё хорошо, всё просто отлично. Спо-кой-но.

Улыбнулась и уже более уверенно произнесла:

– Спокойно.

Посмотрела на часы – было только восемь вечера. Запереть себя в четырёх стенах квартиры, остаться наедине с мыслями о ней – хм, это равносильно самоубийству. Поэтому я бросила ключи в сумку, взяла мобильный и крикнула:

– Ма-а-ам! Я сегодня поздно буду. Не жди, ладно?

Откуда-то с кухни мне ответили:

– Подожди! Не убегай! – звякнула посуда, и вскоре показалась мама в проёме двери:

– Ты ключи взяла? И не забудь мне смс-ку скинуть, что с тобой всё в порядке.

Я улыбнулась, ведь чертовски приятно, когда о тебе заботятся:

– Да, мам. Всё о-кей. Напишу. Закрывай дверь, – и ушла.

Спускаясь вниз по ступенькам, я подумала, что неплохо было бы заглянуть к Саше и извиниться. Отчего-то настроение сразу поползло вверх – мне определённо нужно было развеяться.

***

В клубе как всегда громыхала музыка, но что-то людей было мало, наверное, ещё слишком рано. Без проблем добравшись до бара, я обратилась к девушке за стойкой, перекрикивая шум:

– Привет. А Саша сегодня работает?

Кинув на меня хмурый взгляд, она поднесла стакан к специальному кранику и по краю стенки начала наливать пиво.

– Работает.

– А где она?

Девушка кивнула себе за спину:

– В подсобке, наверное, либо в зале – столы протирает. Можешь тут подождать – ей домой через час.

– Спасибо! – поблагодарила я, и отправилась разыскивать Сашу, благо, клуб не слишком большой – найти будет не так сложно.

На секунду возникла мысль вернуться и заказать себе что-нибудь выпить, но живот тут же свело судорогой протеста – решила не пить и не повторять вчерашних подвигов.

Лавируя между телами танцующих полупьяных людей, я искала глазами знакомое лицо. Вскоре нашла её в самом дальнем углу. Та девушка оказалась права – она как раз протирала салфеткой стеклянный столик, периодически прыская на него моющим средством.

– Привет, – я села на диван напротив неё и радостно улыбнулась.

Саша же довольно безрадостно буркнула мне:

– Здорово.

– Послушай, – замялась я, стараясь подыскать какие-нибудь особые слова, а потом плюнула на это дело и просто сказала, – извини меня, пожалуйста.

Нахмурившись и абсолютно не обращая на меня внимания, она сделала вид, что усердно оттирает какое-то невидимое миру пятнышко.

– Я просто испугалась, – мне захотелось быть с ней честной. – Прости меня за то, что так резко, ничего не объяснив, ушла.

– Ага, – и всё ещё возила салфеткой по этому несчастному столу!

– Я прощена? – с надеждой спросила.

На что Саша посмотрела на меня, ухмыльнулась и прыснула в меня моющим средством, злорадно сказав, прежде чем уйти:

– Считай, что да!

Возмущённо отплевавшись – средство попало в рот и начало горчить, я пошла за ней. Сашу я нашла разговаривающей о чём-то с той девушкой – которая раньше наливала пиво, а сейчас занималась тем, что протирала стаканы.

– Ну, между нами мир? – спросила, облокотившись о стойку бара.

Саша посмотрела на меня как-то очень сурово, потом не

выдержала и улыбнулась, кивнула:

– Мир, – она взглядом указала на меню, – будешь что-нибудь?

– Нет! То есть… – я смутилась и добавила, – после вчерашнего много не могу.

Саша ухмыльнулась:

– Ну, я рада, что ты не законченный алкоголик. Пойдём? – кивнула на подсобку. – Пиво-то ты будешь? Посидим, поговорим.

– Пиво? – я прислушалась, что по этому поводу думал мой живот. Он скромно молчал. – Пиво можно…

***

– Хм, у вас тут ничего так, мило, – оценила я удобный маленький диванчик, много-много разнообразных надписей на стене от руки, приметила умывальник, столик.

Профессионально открыв две бутылки с пивом, Саша подала одну мне.

– Просто иногда настолько устаёшь, что до дома сложно дойти бывает. Вот администратор и разрешает здесь ночевать.

– А почему ты меня вчера здесь не оставила? – я пригубила бутылку, почувствовав, что еле заметная головная боль окончательно отпускает меня. Стало легко и весело, забылись все проблемы.

Сев рядом со мной на диван, она хитро посмотрела из-под длинных ресниц:

– Ну, во-первых, разрешают только персоналу, да и то не всегда неохотно. А во-вторых…

Тут она широко улыбнулась:

– Мне хотелось продолжения.

– Понятно, – я потупила взгляд и стала смотреть исключительно на горлышко бутылки с пивом, не желая даже случайно взглянуть в её сторону. Банально не хотелось краснеть.

Саша чокнулась со мной бутылкой и громко сказала:

– Выпьем!

Я выпила, она тоже сделала большой глоток, со стуком опустила бутылку на стол и решительно спросила:

– А теперь расскажи-ка мне, почему ты убежала? Не верю, что я могла так сильно тебя напугать.

Снова выпив, но уже для храбрости, я решила быть честной, да и очень хотелось просто поделиться всем наболевшим хоть с кем-то:

– Я долгое время встречалась с одной стервой, которая в начала знакомства казалась идеалом, просто ангелом. А на деле… В общем, я была влюблена, действительно любила её. И не

хотела верить ничему из того, что о ней говорили мои друзья. Даже имела неосторожность наобещать кучу романтических глупостей.

– Например?

Я откинулась на диван и прикрыла глаза, удерживая бутылку с пивом на коленке:

– Ну, что всегда – что бы ни случилось между нами, буду ей помогать. То есть, если ей что-то понадобится, то она всегда может ко мне обратиться за помощью.

– И ты была уверена, что действительно сдержишь это обещание? – мне послышалась в голосе Саши явная ирония, пополам с насмешкой.

– Да, – я всё равно улыбнулась, – представь, свято в это верила. И держала слово. Поэтому вчера и напилась в стельку.

– Хочешь сказать, что ты напилась из-за того, что это могло ей чем-то помочь? – а вот тут уже звучала только насмешка. Я открыла глаза и действительно увидела, что Саша смотрела на меня, ухмыляясь.

– Не совсем. Ей понадобилась моя квартира на неделю, чтобы её новой пассии было где перекантоваться.

Саша молча подняла бутылку и сказала, смеясь:

– Выпьем!

– За что?

– За то, что ты дура.

Признаюсь, за это я выпила даже с удовольствием – правда ведь! Тем не менее, Саша снова спросила:

– А от меня почему сбежала?

Настала моя очередь ухмыляться:

– Ты напомнила мне Арину. Такая же причёска, улыбка, интонации, а особенно…

– Что особенно?

– Заяц, – выдавила я из себя через силу, но она не поняла.

– Какой заяц?

– Да прозвище!

– Чьё?! – она что, издевается надо мной?

– Моё! – психанула я, сорвавшись. – Меня так она всегда называла!

– О-о-о, тогда понятно.

И мы замолчали. Пива оставалась где-то примерно половина, но пить дальше расхотелось – я поставила бутылку на стол.

– А сейчас я тоже на неё похожа? – вдруг спросила меня Саша, как-то странно задумчиво смотря поверх моего плеча.

– Сейчас – нет, – я улыбалась, стараясь поймать её взгляд, – сейчас ты другая, но…

– Что но?

В последний раз, подняв своё пиво со стола, я спросила:

– Выпьем? За дружбу?

На секунду на её лице промелькнула тень сожаления, а, возможно, мне это только показалось. По крайней мере, Саша довольно радостно поддержала тост:

– За дружбу!

А потом мы выпили ещё. И ещё. И ещё, но уже не пиво… Естественно, что пили за дружбу.

***

В голове было пусто. Потом появилась мысль, что я идиот. От этой мысли стало больно. Появилась мысль, что мне больно. Затем мозг подкинул мне ещё одну дилемму – в шею мне кто-то жарко сопел. На мою мысль «кто?» мозг вежливо послал меня посмотреть.

Я со стоном разлепила глаза – опять не моя квартира. Закрыла глаза и тихо позвала:

– Саша? Саш, это ты? – толкнула локтем вправо, чувствуя, что действительно по кому-то попала. – Саша?

– Нет, блин, Ксюша! – проворчали у меня над ухом и крепче обняли.

– Ксюша?! – голова соображала слабо, но от мысли, что я второй день подряд просыпаюсь с разными девушками, мне стало дурно. Даже глаза открылись.

– Да Саша я! – она уткнулась мне в основание шеи, но через долгих пять секунд вновь сказала, – Вроде. Была ею. Не знаю – не помню. Спи давай.

Успокоившись, я вновь закрыла глаза, подумав, что разберусь с этим потом, а сейчас… спать и, по возможности, лучше лишний раз не думать.

***

Проснуться во второй раз оказалось чуточку проще, но, тем не менее, ситуация не изменилась. Я по-прежнему лежала с Сашей на диване, её рука обнимала меня за талию, а дыхание щекотало шею.

– Саша, ты спишь? – шёпотом позвала, но мне ничего не ответили.

Спать уже не хотелось, но покидать постель – тоже не было никакого желания. Потом, правда, спустя какое-то время, я решила встать и приготовить что-нибудь, да и во рту всё

пересохло.

«Сушняк долбит, – промелькнула мысль, а вслед за ней и мимолётная улыбка. – Надо вставать».

Выползти из Сашиных объятий оказалось на удивление просто, благо она даже и не подумала о том, чтобы проснуться. Поправив на ней одеяло, я улыбнулась, пошла на кухню, потягиваясь и разминая затёкшие руки.

На кухне всё было незнакомо и ново. Гремя посудой, кухонными ящиками и многочисленными кастрюлями, я нашла, наконец, молотый кофе и турку. Долго искала фильтр с водой, но плюнула на это и открыла кран, решив, что ничего страшного не случится, если я налью воду прямо из-под крана.

Пока кофе, радостно побулькивая, варилось, я стояла рядом с плитой, прислонившись к стенке, и думала. Точнее, вспоминала. Память в этот раз меня не подвела – всё было мирно, и ничего особенного между нами не было. Видно, не зря столько раз пили на брудершафт за дружбу.

Идиотская мечтательная улыбка сползла с моего лица только тогда, когда кофе яростно закипел и попробовал совершить попытку наглого побега. Я достала из раковины чашку, сполоснула её и пошла будить Сашу, потому как одной в незнакомой квартире было скучно. Да и хотелось услышать её голос, увидеть улыбку и то, как она обрадуется чашке свежесвареного кофе…

Перед тем, как войти в комнату, я на пару мгновений застыла на пороге, любуясь славной картиной: Саша, свесив одну руку вниз с дивана, лежала, уткнувшись в подушку, и тихонько сопела. Я подошла, поставила турку и чашку на стол рядом с ноутбуком, коснулась её плеча, слегка погладила спину, потрепала волосы, путая пальцы в волосах, и добилась определённого результата – она приподняла голову и посмотрела на меня мутным, рассеянным взглядом.

Сфокусировавшись на моём лице, улыбнулась, перекатилась на спину, затем села, кутаясь в одеяло и, отчаянно желая проснуться, сказала:

– С добрым, – сказала хрипло и, явно мучаясь из-за сухости во рту, закашляла.

– И тебе с утром, – я ухмыльнулась и подала ей кофе, – держи. Кофе в постель.

– Спасибо, – благодарно приняла из моих рук чашку и сонно огляделась вокруг. Я села рядом с ней и задумчиво уставилась в потолок, а спустя некоторое время, подумав, решительно отвоевала себе часть одеяла.

– Саша, можно я у тебя сегодня до вечера останусь? – сказала

вдруг ни с того ни с сего, а когда поняла, что именно попросила, тут же захотела дать себе хороший подзатыльник. Но отчего-то уходить не было ну ни какого желания, а вот остаться с ней подольше – наоборот.

– Оставайся, – я повернулась к ней как раз вовремя, чтобы заметить радостную широкую улыбку. Похоже, она действительно не против.

– Мм? – Саша долила в чашку оставшийся кофе и любезно предложила. Я не отказалась: пить хотелось жутко.

К сожалению, всё хорошее быстро заканчивается, как и кофе. Просто так сидеть, бояться смотреть в глаза, отчего-то смущаться каждый раз, когда руки под одеялом случайно касались друг друга – тоже не хотелось.

– Чёрт, у меня сушняк, – я всё-таки нарушила неловкое молчание очевидной фразой, повернулась к Саше и осознала, что она очень и очень близко.

– Знаешь, есть отличное средство от него.

– Какое? – слишком поздно я заметила хитрый проблеск в её глазах.

– Да так, есть одно… – сказав это, она осторожно высвободила одну свою руку из-под одеял и, положив её мне на шею, притянула к себе, ласково целуя. Неторопливо, давая мне время расслабиться и ответить.

Последней моей ясной мыслью было:

«Чёрт, а ведь действительно помогает».

***

Весь день проваляться, ничего не делая, отвлекаясь лишь на то, чтобы приготовить что-нибудь покушать – удивительно приятно. Сначала просто слушали музыку, болтали, а потом посмотрели фильм. Самую обычную, не обязывающую ум комедию. Посмеялись, снова сварили кофе…

Ближе к вечеру ей, да и мне тоже, начали названивать на мобильные телефоны, желая узнать, куда пропали, да и живы ли ещё? Но отвечать ни на один звонок не хотелось, поэтому занятный процесс ничего неделанья затянулся ещё на пару часов.

– Саш, у тебя инет есть?

– Угу, – её голова удобно пристроилась у меня на коленях. – По крайней мере, вчера был. А что?

– Да я вот думаю, почту проверить. По работе должны были документ прислать.

Мысленно оценила свои способности к труду и осталась довольна. Если Саша будет не против, то я бы с удовольствием

воспользовалась её ноутом.

– А, ну если надо, так не проблема, – Саша встала и потянулась за ноутбуком. – Сейчас организуем.

Проверив почту, озабоченно сдвинула брови – работы оказалось больше, чем ожидалось. Видно, сказалось то, что два последних дня я тупо гуляла.

– Ой-ё, это надолго, – потом жалобно посмотрела на Сашу, – мне домой надо, а то потом будет совсем уж плохо.

На её лице промелькнула тень разочарования, правда, она быстро взяла себя в руки и сказала:

– Надо, так надо. А ты завтра зайдёшь?

Я радостно улыбнулась:

– Если позовёшь.

По её улыбке я поняла – ещё как позовёт.

Сборы заняли не так много времени. И уже стоя у порога, мне вдруг резко расхотелось уходить, но… Саша усугубила положение тем, что обняла меня и долго-долго не отпускала. В конце концов, я сказала:

– До встречи, – поцеловала на прощанье.

И снова услышала тихое:

– Увидимся, – а потом звук закрывающейся за спиной двери.

Бодро шагая по улице по направлению к ближайшей станции метро, я подумала, что за этот день смогла отдохнуть и восстановиться на год вперёд. Хотелось прыгать выше, идти быстрее, улыбаться чаще, да и просто жить. Подумалось, что впервые за это время меня не тревожит мысль, что Арина сейчас, в моей квартире, с кем-то там…

Я ошиблась. Стоило представить Арину, как внутри у меня всё взбеленилось, и хорошее настроение упало до абсолютного нуля. Костяшки пальцев побелели, настолько сильно я сжала кулаки. Вдруг захотелось озвереть окончательно и то ли вышвырнуть эту нахалку из своего дома, то ли выкинуть за шкирку её новую девку и, как ни грустно это признавать, остаться снова с Ариной. С той Ариной, которую я когда-то любила, которая когда-то любила меня.

Я сильно помотала головой, ветер послушно растрепал мои волосы, унося все мысли прочь. И я поскорее нырнула в метро, чтобы раствориться в потоке людей, включить погромче музыку, закрыть глаза, расслабиться и уснуть…

***

Вернувшись домой к родителям, я первым делом без сил рухнула на кровать, не снимая наушников. Да что там! Я даже не

сняла куртку, лишь расстегнула молнию, и накрыла голову подушкой. Лежала и чувствовала странную пустоту: долгожданное равнодушие накрыло меня и стало, наконец-то, спокойно.

«Что я делаю? – всплыла в сознании мысль. – Зачем я позволяю ей так со мной обращаться? Зачем начала что-то с Сашей? Неужели только из-за того, что Саша жутко похожа на неё?»

Разозлившись на себя, кинула подушку в угол, зло подумав, что мне вообще никто не нужен, а раз так, то надо заняться более разумными делами. А именно, сделать работу. Чему, собственно, и посвятила остаток вечера…

День встретил меня неожиданной тишиной и пустотой – дома никого не было, родители ушли на работу. Повалявшись в кровати некоторое время, слушая музыку, я порадовалась тому, что хоть в это утро проснулась трезвой. Мелькнула мысль, что надо завязывать с выпивкой, а то так недолго и совсем алкашом стать.

Сначала мне казалось, будто кушать особо и не хочется, но стоило мне выпить кофе, как голод тут же дал о себе знать. Нехитрый завтрак, он же обед, и, судя по часам, ранний ужин принёс искреннее наслаждение. Моё настроение окончательно утвердилось на отметке «лучше не бывает». Ближайший день работать не надо, так что сегодняшний вечер можно провести в своё удовольствие. Странно, но звонить Саше не хотелось, даже видеть её хотя бы мельком. И как-то само собой пришло решение погулять одной.

Я поставила в контакте статус, что сегодня занята и вообще у меня много работы, маме написала записку, что пошла гулять и вернусь поздно. Быстро разгребла небольшой бардак, собралась и вышла из дома. Вдохнула свежий воздух, порадовалась нежному ласковому солнышку, хорошей погоде и уверенно пошла к метро с чувством удивительного совершенства мира.

Но до метро я так и не добралась – запрыгнула в первый попавшийся трамвай, села у окошка и полностью отдалась пустым, ни к чему не обязывающим мыслям. Мимо меня неторопливо проплывал город, куда-то спешили люди, а я всё думала и думала о своей жизни. О моей странной то ли любви, то ли страсти к Арине, вспоминала только хорошее из того, что между нами было. День знакомства в кафе, отличный день, проведённый вместе. Очень много дней, счастливых, радостных, свободных от проблем. Так и не смогла вспомнить, когда всё полетело к чертям, когда мы начали раздражать друг друга, когда именно появилась, выросла из ниоткуда стена равнодушия,

отчуждения, ненависти?

Увлечённая своими мыслями, я так и не поняла, в какой момент достала мобильный и написала ей смс-ку: «Привет))) Как там у тебя дела?» Сердце сжалось, когда мобильный телефон вежливо показал мне, что сообщение доставлено. Признаюсь, сначала я испугалась, потом постаралась успокоиться, и разум быстро нашёл объяснение моему поступку – я волновалась за сохранность квартиры. Но что-то подсказывало, что мне плевать на квартиру. Да пусть она там хоть пожар устроит, потоп или вообще апокалипсис местного масштаба. Плевать.

– Ты просто хочешь её увидеть, – шёпотом, еле двигая губами, сказала я в пустоту. И улыбнулась. Просто невозможно, не бывает такого на свете, нереально, немыслимо… не верится, что можно быть такой дурой.

От неожиданности чуть не выпустила мобильный из рук, когда пришло новое сообщение. Бросило в жар, потом в холод, а после, я прочитала: «Здравствуй, Заяц)) Дела неплохо… Может, встретимся?»

Наверное, я всё-таки слабый, безвольный человек, лишённый чувства собственного достоинства, самоуважения, да и вообще тряпка. Но…

«Можно))) Где и когда?»

Написала и чуть не взвыла – неужели всё опять сначала?

***

Когда я пришла, она уже ждала меня, прислонившись к стене дома. Такая знакомая, ни капли не изменившаяся внешне, улыбалась…

«Родная, моя…» – пронеслась в сознании мысль, вызвав невольную улыбку. Не было ни злости, ни раздражения, забылись все обиды, оставив после себя лишь толику равнодушия.

Я подошла и замерла рядом с ней, не зная, будет ли правильным обнять или же не стоит нарушать границы. Но она как всегда всё решила за меня – крепко обняла, сжала, не отпуская на долгих три секунды. Я почувствовала запах моих любимых духов – реальность ушла из-под ног.

– Привет, Заяц, – отпустила, отстранилась, – как ты?

– Шикарно. И настроение такое… спокойное.

– Я рада, – её улыбка была ласковой, нежной, и, сейчас я с уверенностью могла это сказать, прежней, как когда-то давно. – Пойдём?

– Пойдём, – я легко согласилась, даже когда Арина взяла меня за руку – чисто дружеским жестом. Я чувствовала, что она

сейчас никак не стремится на меня повлиять, каким-либо образом привлечь и…была рада этому.

Сегодня я проголосую за вечер, лишённый романтики и пафосных ситуаций.

Мы гуляли по улицам, пока не стало совсем темно и не зажглись фонари. Болтали, вспоминали общих знакомых, избегая личных тем. Но, когда я, почувствовав усталость, села на скамейку в парке, Арина стояла напротив, то ненавистный вопрос всё-таки прозвучал. И задала его, как ни странно, я:

– Как там у тебя на личном фронте? – спросила чуть хриплым голосом, сетуя, что интонации выдают моё волнение.

Арина понимающе ухмыльнулась и, скрестив руки на груди, ответила:

– Да никак. Я уже полгода одна.

– А… э-э-э… а как же Аня?

Арина присела на корточки рядом со мной и снизу вверх посмотрела на меня:

– Неужели ты всерьёз думала, что я взяла у тебя ключи от квартиры только для того, чтобы, извиняюсь, потрахаться с новой подружкой? Никогда не поверю, что ты это сказала не ради того, чтобы просто разозлить меня. Тебя ведь раздражает моё спокойствие, да?

Хорошо, что поздний вечер скрыл моё смущение – я ведь так думала совершенно серьёзно.

– Но зачем тогда?

– Аня мой хороший друг и ничего более. У неё умерла бабушка, которая квартиру в этом районе в наследство оставила. Ане давно уже хотелось от родителей подальше уехать, она с отчимом ужиться не может, вот она и всё это время, с самого утра, бегает с документами, ходит на собеседования – на работу ей теперь тут надо устроиться. Приходит поздно вечером и сразу валится спать. Я с ней почти не вижусь. Но, тем не менее, ей нужно было где-то жить, а у меня нельзя. Других друзей у неё тут нет.

– А почему именно я? И вообще, что… Сразу всё рассказать было нельзя?!

Арина улыбнулась и, пожав плечами, постаралась ответить:

– Знаешь, ты единственный человек, которому я доверяю, и к кому я могу обратиться за помощью подобного рода, не побоясь, что потом придётся долго расплачиваться. Так что обратиться я могла только к тебе, – помолчав, она встала, ласково посмотрев, поправила мне причёску. – А то, что сразу всё не сказала… Знаешь, помимо всего прочего, ты – единственный человек, который на самом деле способен вывести меня из себя одним

лишь видом. Мне хочется злить тебя. Я согласна даже на то, чтобы ты меня ненавидела, лишь бы не равнодушие.

Моё сердце было в панике, каждую секунду меняло ритм, а то и вовсе замирало. Я не могла взять себя в руки, которые дрожали, спокойствие и равнодушие сейчас мне только снилось.

– Но… почему? Почему бы не равнодушие? Так же лучше…

– Так всего лишь легче, – Арина наклонилась и коснулась холодными губами моей пылающей щеки, улыбнулась. – А я так не хотела, не хочу и не потеряю тебя. Я не хочу, чтобы ты стала безразличной и забыла меня.

Мы замолчали. Несмотря на все её слова, в голове моей билась, стучала только одна мысль: «Не верь ей!» Это снова обман, снова ложь, опять будет больно, тоскливо, паршиво, а жизнь вновь покажется адом и вечной войной.

– Я… я не знаю, что сказать, – выдавила из себя, признавая свою беспомощность. Казалось бы, ещё пара секунд и я сдамся, но меня спас звонок. Лихорадочно отыскав телефон, подняла трубку:

– Да, слушаю?

– Привет, – голос Саши, – приходи сейчас в клуб, если не занята.

– М-м-м, я сейчас не совсем могу… – посмотрела на Арину, что деликатно отошла от меня, скрестив руки – закрылась.

– Ну, мне очень нужно тебя увидеть.

– Я подумаю. Возможно, приеду, но скорей всего нет.

– Оке, – немного расстроено, – если что, то я тебя жду. Ты позвони, когда поедешь.

– Хорошо. Пока, – я повесила трубку со странным щемящим чувством в груди.

– Кто это был? – Арина совсем не выглядела такой же ласковой и нежной, как до звонка. Сейчас она с трудом скрывала раздражение и злость.

Неужели ревнует?

– Это Саша. Просит приехать.

– Что за Саша такая? – хмурит бровки, нервничает и, чёрт возьми, мне нереально приятно видеть это.

Я улыбнулась помимо воли мечтательной улыбкой.

– Да так… новая знакомая. Я у неё часто в последние дни ночевала.

– Ночевала, значит… Понятно. – Я видела, что Арина с трудом сдерживается, чтобы не устроить скандал, сбросив свою привычную маску внешнего спокойствия. Всё, что её останавливало – сейчас она не имеет абсолютно никаких прав на меня.

– Тогда не буду тебя задерживать. Увидимся, – махнула рукой

и развернулась, чтобы уйти.

Я крикнула ей, не вставая со скамейки:

– Арин!

Она замедлила шаг, остановилась, не поворачиваясь.

– Не одной тебе нравится бесить людей! – я поднялась и пошла в противоположную сторону, не оглядываясь. Хотя и было чувство, что она теперь пристально смотрит мне вслед.

***

В клубе было душно, прокурено, шумно. Впрочем, как всегда.

– Привет! А Саша здесь? – спросила ту же самую девушку, что и в прошлый раз.

– В подсобке, но…

– Спасибо! – не дожидаясь продолжения фразы, я уверенно зашла в подсобку и замерла на пороге.

– Н-да, это хорошо же ты меня ждёшь, – больше ничего я не смогла сказать, видя, как Саша и ещё какая-то девушка самозабвенно целуются на том самом уютном диванчике. Не сказать, что меня это сильно расстроило, но было неприятно. Наверное, всё-таки надо было позвонить и предупредить, что я скоро буду здесь...

– Стася? – Саша тут же встала и сделала попытку подойти ко мне, но не тут-то было. Я уверенно отступала, всем своим видом показывая, что не хочу к ней даже случайно прикасаться. На девушку, которая безуспешно пыталась встать с дивана вслед за Сашей, никто из нас особо не обращал внимания. И так было видно, что она пьяна в хлам.

«Какая знакомая ситуация, – с ухмылкой подумалось мне, когда я убегала от Саши по направлению к выходу, – интересно, она со всеми своими девушками так знакомится?»

– Стася! Подожди! – она догнала меня только на улице. Я ей невольно посочувствовала, ведь сама-то я так и не сняла куртку, а ей должно было быть холодно.

– Что?

– Ты обиделась? – ну что за идиотский вопрос…

– Конечно, – подумала, и, оценив степень обиды, честно добавила, – нет. Просто ты занята, а у меня ещё много дел.

Саша сделала попытку меня обнять и поцеловать, я отклонилась. Из чего она наверняка сделала вывод, что я всё-таки обиделась.

– Просто между нами как-то всё неясно. Ты постоянно пропадаешь, уходишь, ничего не объяснив. И вообще не понятно, нужно тебе это или нет?

– Поэтому ты решила попытать счастье с другой? – ухмылка уже не сползала с моего лица. До чего же нелепая ситуация!

– Нет… не совсем, – Саша смутилась, – это случайно вышло. Да и что в этом плохого?

– То есть? – на всякий случай уточнила я.

– Ну, нам вместе было хорошо, – она недоверчиво посмотрела на меня, – по крайней мере, мне было хорошо. Между нами не было никаких обязательств, вот я и подумала, что тебя это устраивает.

После этих слов я окончательно успокоилась, даже если и была какая-то злость, обида, то сейчас её точно не осталось. Не, ну как можно обижаться на этого смущённого вечного подростка?

– Нет, солнышко, это не плохо, – я всё-таки обняла её, поцеловала в щёчку и сказала, – иди, а то простудишься.

– А ты?

– А я домой. До встречи, – сказала я и со спокойной душой пошла прочь, прекрасно зная, что никогда больше её не увижу. Оно и к лучшему. Согласна, может, и нет в этом ничего плохого, но мне такого не нужно.

По дороге домой я, купив себе сникерс и баночку кока-колы, села на лавочку, задумчиво улыбнулась. И решила, что нафиг на всё. К Арине я не вернусь, Саша, да и все такие же, как она, мне тоже не нужны.

Вечер давно уже стал ночью, а настроение по-прежнему, несмотря на все душевные терзания, было отличным.

«Я одна, – доела сникерс, допила кока-колу, – может, это и к лучшему».

А сейчас пора домой, к семье.

***

Неделю назад Арина молча зашла ко мне, вернула ключи и ушла, ни слова не сказав. Моя жизнь вошла в норму, никаких стрессов, всё тихо, спокойно. Вчера вечером я допоздна сидела за работой, получая удовольствие, уйдя в процесс с головой. Проснулась поздно, поняв, что день потерян, ведь на часах застыла злорадная цифра три тринадцать.

Кофе, открытое окно, тишина в квартире, нарушаемая лишь тиканьем часов и звуком поворачивающегося в замке ключа, скрипом открываемой входной двери. Что?!

Я вскочила, сбросив с себя расслабленное апатичное состояние, выбежала в коридор и, банально офигела. Оранжевые кеды, голубые джинсы, бездонно-синие глаза, ухмылка, растрёпанный вид.

– Привет, есть что покушать?

– Э?! Откуда, как?

Арина показала связку ключей:

– Я не забыла сделать копию, – подошла ко мне, обняла и завела прядку волос за ушко, поцеловала в щёчку. – Заяц, ты ведь не против, если я поживу у тебя недельку?

Я хотела сказать ей, что против, хочу, чтобы она шла отсюда, уносила ноги, бежала, сломя голову! Но вместо этого поняла, что сама побегу за ней, если она уйдёт, а потому сказала:

– Из еды только каша быстрого приготовления.

– Фи, как можно это есть? Тебе себя не жалко? – Арина прошла на кухню, открыла холодильник, разглядывая его содержимое. – Нужно будет заняться твоим воспитанием, а то ешь всякую хрень. О! Яблоко!

Я замерла на пороге кухни, прислонившись к косяку, смотрела, как она пытается мне улыбаться и есть яблоко одновременно.

Тоже улыбнулась, подумав, что она меня по-прежнему бесит.

– С возвращением!

Утро моего солнца
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Fluff
Размер : min
Описание :
Иногда стоит проснуться слишком рано.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Сегодня такой день, что для всего на свете слишком рано. Рано встало солнце, я поторопилась, когда открыла глаза, не досмотрев свой сон, с утра пораньше дворник повёз куда-то свою бренчащую тележку, разбудив меня окончательно. Раньше положенного сварился кофе и преждевременно убежал, когда я искала молоко в холодильнике. Слишком рано выпал в этом году снег, что сильно меня удивило, заставив просто застыть у окна, любуясь на вид родного двора, на крыши и на качели, покрытые тонким слоем белого-белого снега.

– Волшебно, – выдохнула я, не замечая, что кофе уже не просто сбежал от меня, приготовившись раньше положенного, но уже вовсю тихонько поджаривается на конфорке, а запах… Запах сгоревшего кофе тоже волшебен, но я бы не хотела, чтобы именно он разбудил её.

Улыбаюсь, ведь она не любит запах кофе. Странно, я сильно удивилась этому, когда узнала, даже неуверенно рассмеялась, подумав, что она неудачно и нелепо пошутила. А эта чудачка также странно и подозрительно на меня посмотрела, решив, что я над ней насмехаюсь.

Убираю кофе, отмываю плиту, потом и сам кофейник, смотрю в окно и думаю о том, что неплохо было бы сварить ещё кофе, раз проснулась так рано. Даже раньше будильника! А это просто не по-человечески. Решаю выключить будильник, чтобы он не разбудил её. А потом приготовить ей завтрак и уже самой разбудить: нежно, ласково, поцелуями, шёпотом на ушко и так, чтобы было немного щекотно. И она улыбнётся, откроет глаза, а тут я. И не одна, а с завтраком.

Вернулась в комнату, осторожно переступая через переплетённые провода от двух ноутбуков, одного фена на двоих, а вот зарядок от телефонов у нас уж пять штук. Не понимаю, как я могла, только проснувшись, преодолеть эту полосу препятствий абсолютно бесшумно? Странное утро, и слишком рано я позволила себе расслабиться, подумав, что так легко обошла все провода.

По закону подлости зазвонил телефон, а я, испугавшись, кинулась к нему, споткнулась, пнула фен, отправив его прямиком под кровать, ударилась лбом о край стола, свалилась на пол вместе с трубкой домашнего стационарного телефона:

– Да? – шепчу, приглушая звук рукой, и, обеспокоено поглядывая на кровать, проверяю – спит ли она ещё?

– Здравствуйте, я не слишком рано звоню? – какой-то вроде взволнованный голос, мужской, сиплый немного поутру. – Просто я не могу дождаться!

– Да-да, что случилось-то? – я раздражена, но пытаюсь скрыть это.

– Я хочу сказать, что ваша работа принята! Мы приглашаем вас к нам на постоянную работу! Приходите, будем очень ждать!

– Когда приходить-то? И куда? – я уже поняла, что этот молодой человек говорит не о моей работе, а её. Значит, всё-таки приняли. Облегчённо вздыхаю и улыбаюсь – она обрадуется этой новости, когда проснётся – скажу.

Мне начали диктовать адрес, а я не придумала ничего умнее, чем просто записать его на руке, не найдя ничего более

подходящего.

– Ага, спасибо. До свидания.

– До встречи!

Слишком он нервный, подумала я и положила телефон. Выползла из-под стола, кинула быстрый взгляд на кровать – спит, свернувшись под одеялом, спрятала голову под подушку, почти и не видно человека! Одна лишь пятка торчит…

Прикусываю губу, смотрю на будильник, выключаю его и снова смотрю на неё. Хм, может, сейчас разбудить? Такое искушение, честное слово! Перебарываю себя и ползу, медленно перебираясь через все провода, обратно в кухню, прикрываю дверь, чтобы не проснулась она слишком рано. А то знаю я её! Всегда сюрпризы портить любит.

На кухне стараюсь не громыхать посудой, не хлопать дверцей холодильника, не звенеть ложками и вилками, не смеяться, когда уронила аж три яйца на пол, а потом старалась желток замести в совок веником. К счастью, яичница всё же удалась, а поэтому я пожарила ещё и пару кусочков хлеба, внимательно смотря, чтобы ничего не подгорело. Но на мою беду, солнце встало и, втайне от меня, разбудило ярким светом нового дня в другой комнате ту, что я хотела разбудить сама! Как оно посмело?! Неужели не могло потерпеть? Вот взяло и весь сюрприз испортило.

Потому что она застукала меня на кухне и улыбнулась, а потом подошла ко мне: очаровательная, заспанная, растрёпанная и просто милая, счастливая.

– С добрым утром, – она целует меня, а я тянусь в след за её губами, мягкими и нежными, и чуть не опрокидываю с плиты яичницу, которая вот сегодня взяла и не смогла приготовиться хоть чуть-чуть пораньше!

– С добрым, – бурчу я, недовольная. Она видит, что я хмурюсь и обнимает меня, смотрит в глаза:

– Ты чего, солнышко? Так рано встала… О! И даже завтрак приготовила!

– Угу, – я улыбаюсь, потому что она улыбается. – Сегодня всё слишком рано, ты знаешь?

– Нет, не всё… – она имеет наглость зевнуть и положить голову мне на плечо, – я сегодня что-то поздно встала.

Не так уж и поздно, думаю я, но молчу и крепко прижимаю её к себе. А потом вдруг решаю:

– Пойдём спать!

– Я только встала!

– Ну и что? Ты поздно встала! А должна была встать раньше. Поэтому идём исправлять твою ошибку!

Я тяну её за собой в комнату, а она и не сопротивляется,

только почему-то спрашивает:

– А как мы её исправим?

Я улыбаюсь и падаю с ней на кровать, обнимаю:

– Всё просто. Только всё равно прямо сейчас не получится. Надо просто дождаться следующего утра, чтобы проснуться вовремя…

Отдай мороженое!
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : Лина/Нага (Slayers)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Humor
Размер : min
Описание :

Играть на чужих чувствах иногда оказывается небезопасно... для окружающих.

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат их создателям.

Лучик утреннего солнышка мягко постучался в окошко, проникая сквозь чисто символические занавески, и, особо не раздумывая, тут же поспешил запутаться в рыжих волосах сладко спящей волшебницы. Молодая девушка возмущённо фыркнула во сне, прошептав в никуда что-то насчёт бесплатной еды и горы сокровищ, а потом попыталась повернуться на другой бок, но… это оказалось невозможно сделать. Рядом, растянувшись во весь свой немалый рост, спала ещё одна девушка, длинные чёрные волосы которой, казалось, впитывали в себя яркие лучи солнца.

Она поморщилась от лёгкого толчка со стороны рыжеволосой и, неосознанно, обняла её за талию и пододвинулась ближе. Солнышко обиженно попыталось разбудить их, нарушить странный покой, но видя, с какой нежностью вторая девушка подалась навстречу черноволосой, лучик милостиво передумал и весело поскакал дальше по своим делам…

Лина открыла глаза, зажмурилась, чуть-чуть приоткрыла правый глаз и тихо застонала:

«Так не бывает…», — подумав это, она начала осторожно выпутываться из тёплых нежных рук, стараясь ничем не выдать волнения, вот только слишком участилось дыхание, а в голове заметалось множество мыслей.

— М-м-м, — Нага почувствовала сквозь сон охвативший сердце Лины страх и инстинктивно усилила объятия, зарылась лицом в рыжие волосы, да сладко что-то мурлыкнула той на ушко.

«Чёрт, чёрт, чёрт, - лицо на миг заалело, став под стать широко распахнутым глазам. — Что происходит? Почему мы оказались вместе? Этого не должно ни в коем случае произойти, ведь если она узнает... почувствует… проснётся, увидит, то… конец. Так, Лина, держи себя в руках!»

Едкий внутренний голос тут же предложил альтернативный вариант:

«А лучше держать в руках её…»

Низ живота наполнило приятное тепло, стоило только подумать об этой возможности. Сердце застучало где-то в висках, и Лина почувствовала, что залилась румянцем до самых ушей.

«Ах, это так… так... Так нельзя! Спокойно, выползаю, пока не поздно…»

Лина высвободила одну руку, осторожно отстранилась, преодолевая сопротивление нечаянных объятий:

— Так нельзя... нельзя... — почти вырвалась, даже удалось повернуться спиной, но… — ну, почему я?

Нага каким-то образом почувствовала нехитрый манёвр и, плавно переместившись вслед за Линой к краю кровати, снова обняла.

«Да что ей такое снится?!» — лицо хоть и приобрело снова нормальный оттенок, но тело, остро жаждущее ласки и нежности именно от этой девушки, похоже, сегодня решило установить диктатуру власти.

— Лина, ну-у-у, отдай мне это мороженое... — сладко начала шептать Нага несчастной Лине на ушко. — Отдай… по-жа-лу-й-ста… Мне так жаааарко…

Чтобы не застонать, пришлось до крови прикусить губу – только так исчезающий самоконтроль над сознанием смог вернутся.

Ладонь легла на плоский живот, начала поглаживать, постепенно всё выше и выше задирая ночную рубашку, коснулась разгорячённой кожи…

— Ах-х-х, — не смогла она, просто не сдержалась, не устояла сила воли под столь откровенными прикосновениями.

Но когда, помимо всего прочего, Нага решила добить остатки сопротивления юной волшебницы самыми, на первый взгляд, обычными словами:

— Ли-и-ина, я хочу... хочу... отдай… моё мороженое! — томно так, что внутри всё взорвалось огнём. — Хо-чу…

И укусила за кончик ушка…

— А-а-а-а! Файер Болл, Фриз Эрроу, Элмикия Эленс, …, Драгон Слейв!!!

***

Нага сидела на обломках гостиницы, провожала закат. Одна. Потому что Лина тут же сбежала от рассерженных жителей некогда красивого города. После взрыва осталась примерно половина…

— Ничего, — предвкушающая ухмылка, — в следующий раз никуда ты не сбежишь, трусишка.

Она откинула голову назад, чтобы посмотреть ясными озорными глазами в предзакатное небо, да захохотала, окончательно вогнав в депрессию уцелевших жителей.

— Эх, может, стоит сделать вид, что мне снится клубника со сливками…

Солнечный заяц
Автор : Сулмор, Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :

Говорят, что от любви до ненависти – один шаг. Но может случиться и так, что и от ненависти до любви может оказаться совсем недолго, особенно когда летняя жара обостряет чувства и заставляет людей поступать не совсем адекватно.

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат Сулмор.

*** Жара ***

В старом автобусе летом особенно жарко. Люди неохотно забираются в него, понимая, что иного способа добраться до пункта назначения просто нет. Конечно, как вариант, есть возможность пройтись пешком, но в наше время это приравнивается к подвигу: люди разучились гулять. Отчего-то некоторые, когда видят праздно шатающегося человека,

испытывают смутное чувство зависти и раздражения – ведь как это так? Они, такие занятые, спешат, а он вот просто так гуляет? Что же, оставим в покое как этих людей, так и их мысли. Объектом же нашего внимания становится старенький, пыльный автобус, который, отчаянно скребя шинами по асфальту, останавливается и приветливо отворяет двери в душный летний ад.

– Один, пожалуйста, – устало откинув со лба прядь волос, молодая девушка протягивает кондукторше тысячу рублей.

– Девушка, вы издеваетесь? – нотки раздражения и недовольства звенят в голосе молоденькой, но уже подверженной профессиональной вечной вспыльчивости особы, обещая грозу, а то и бурю. – И как я вам сдам с тысячи? У меня тут не разменный пункт, нет таких денег!

– А мне-то что прикажете делать? – разводит руками в стороны, взмахнув злосчастной бумажкой, и, помахав ею перед самым носом у кондукторши, так же грозно говорит. – Мне вот такую свинью банкомат подложил! Я хотела купить воды в ларьке, но нет! И в магазине мне отказались продавать, мотивируя это тем, что я у них всю мелочь заберу. Так что, извольте, я плачу за проезд, а вы возьмёте эту тысячу рублей и отдадите мне мою сдачу!

Тут автобус нервно дёрнулся перед светофором, заставив всех в салоне качнуться вперёд и лихорадочно пытаться найти опору. Молодая девушка так же, как и все, оказалась подвержена законам физики и, потеряв равновесие, начала падать. Но, к несчастью, прямо в руки разъяренной кондукторши, которая и не подумала её ловить, а просто сделала большой шаг назад.

– Ой, девушка, что же вы? Осторожнее надо быть! - ехидная улыбка осветила молодое лицо, а в глазах зажглись искорки, делая её безумно привлекательной и опасной.

– Ненавижу вас и ваш дурацкий автобус! - прошипела девушка, поднимаясь с пыльного пола, сетуя, что попала в такое неловкое положение, да ещё и испачкала руки.

Она поднялась и злобно сощурила глаза:

– Могли бы поддержать.

– Да, могла бы, но… - кондукторша развела руками и ухмыльнулась, - к зайцам и прочим безбилетникам у меня плохое отношение.

– Я не отказывалась платить! Это все подтвердят! – и она указала на прочих пассажиров автобуса, что тут же отвернулись и вдруг все одновременно обратили свой взгляд на вид за окном. В наше нелёгкое время свидетели стараются исчезнуть из виду первыми, да и вообще никому не нужны чужие проблемы.

– Ничего не знаю! Сдавать вам с тысячи я не буду! Так что потрудитесь поискать другой автобус! И выйдите на следующей остановке!

И они замолчали. Девушка и кондукторша, стоя напротив друг друга, метали по очереди яростные взгляды, в которых можно было прочесть ненависть, раздосадованность, обиду и самую небольшую долю интереса. Водитель, пожилой мужчина с длинными чёрными усами, хитрыми глазками и загорелыми руками, не подозревая о разгоравшемся скандале позади него, как обычно подрезал таксиста и резко крутанул руль, пытаясь вписаться в крутой поворот.

На этот раз честь оказаться на полу автобуса должна была по заслугам достаться кондукторше, но девушка великодушно сделала шаг той навстречу и, обхватив одной рукой её за талию, а второй держась за поручень, тихо сказала:

– Я сойду на следующей остановке, но… – она окинула свою соперницу насмешливым взглядом тёмно-карих глаз, – между нами война.

Девушка отпустила кондукторшу, несколько озадаченную, но по-прежнему находящуюся вне себе от злости, и прочитала имя на бейджике:

– Карина, значит… Что же, увидимся, – в её глазах плясали черти и любой, кто хоть раз видел такое выражение лица и знал её характер, тут же поспешил бы собрать вещи и уехать из города на недельку-другую.

– Иди отсюда, заяц! Лишь бы найти, чем ещё отмазаться, чтобы билет не покупать! – похоже, Карина не понимала, чем грозит сейчас грубость слов. Не понимала, что слишком очаровательно выглядит, когда злится.

Девушка вышла из пыльного автобуса, как только открылись его двери, нисколько не огорчённая таким исходом дела.

Ведь откуда Карине было знать, что это именно та остановка, на которой пассажирке с тысячью в кармане и надо было выходить? Да и этот трюк она проделывала миллион раз, прекрасно зная, что никто не захочет разменивать злосчастную купюру, которая по сути своей являлась своеобразным бесплатным проездным. К тому же ехать-то всего две остановки.

Минутой позже девушка достала из сумочки мобильный и набрала номер друга:

– Лёха, я, кажется, влюбилась… – проговорила с улыбкой и безумной теплотой в карих глазах – Да, опять! Но на этот раз всё иначе! Так вот, мне очень нужна твоя помощь завтра…

*** Чем дальше, тем больше ***

Людей, желающих выползти на улицу в тридцати пяти градусную жару, было катастрофически мало, тем не менее народу в автобусе хватало. Это были либо отчаянные безумцы, желающие в такую погоду хоть куда-то выбраться на отдых, либо просто несчастные, которым нужно ехать на работу или по срочным делам. Но практически каждый из них, насколько бы он не проклинал необходимость находиться в транспорте, в такие моменты, как этот, искренне сочувствовал молодой девушке, что продавала им билетики в душном автобусе. Хотя некоторые, конечно, злорадствовали, что не им хуже всего приходится.

Карине было жарко. Невыносимо. Пару раз у неё мелькнула мысль выпрыгнуть на полном ходу, либо высунуть в махонькую форточку голову, да так и ехать. Но человеческая гордость, чувство ответственности, а ещё осознание того простого факта, что за сегодня можно будет совершенно заслуженно потребовать премию за работу, останавливало её в шаге от двери.

В автобус заползла старенькая бабуля и, проковыляв к свободному месту, принялась рыться в сумочке. Естественно, что внутри лежали только жизненно необходимые, самые ценные и важные вещи, но размер этого милого аксессуара всё же позволял свободно вместить среднюю собаку.

Девушка терпеливо ждала, когда старушка откроет сумку, и начнёт искать кошелёк, либо документ, предоставляющей ей бесплатный проезд, но, очевидно, поиски обещали быть долгими.

Наконец, Карина мило улыбнулась и мягко проговорила:

– Бабушка, да ладно, не ищите проездной! Я и так верю.

Старушка отвлеклась от занимательного занятия выгрузки всего самого необходимого на соседнее сиденье и, подслеповато прищурившись, прошамкала:

– Нет, деточка, не положено так, не по закону. А вдруг тут проверяющий сидит, у тебя на работе проблемы будут… Погоди минутку, найду, - а далее, уже обращаясь к недрам сумки, - где-то в этот… в кармашек положила…

Карина нервно осмотрелась, понимая, что довольно-таки высокий, полный и взмокший от жары мужчина уже давно сверлит её недовольным взглядом, сжимая в руке две мятых десятки.

– Бабушка, не стоит…

– Нет, нет, подожди, – старушка придержала её за локоть и, не отпуская, продолжила вытряхивать содержимое сумочки, ища заветный документ.

– А сколько мне ещё ждать?! – не выдержал и мужчина, угрожающе потрясая двумя хлипкими десятками, которые

безвольно мотались из стороны в сторону.

Уже благо, что только он один был настолько нетерпелив, но и его одного хватало с лихвой, чтобы создать нервную обстановку. Другие пассажиры проявляли флегматичное спокойствие, часть просто спала, откинувшись в тень, часть уставилась в книги, газеты, лишь бы попытаться убедить себя отвлечься от невыносимой жары.

«Чёрт, ну что же за день?» – устало подумала девушка, вздохнула, медленно выдохнула и улыбнулась мужчине:

– Сейчас, ещё минуту, – косой взгляд на бабушку, по-прежнему державшую её за руку, – а лучше все три, и я подойду. Подождите, пожалуйста!

– Это ваша работа, между прочим! А мне приходится самому её делать! Почему получается так, что это я должен к вам идти через всю толпу?!

Ну вот что ему не сиделось спокойно на месте? Зачем понадобилось вставать и, переваливаясь, идти через весь автобус, вместо того, чтобы успокоиться и просто подождать? Этого Карина не знала, но вот итогом его благородных действий по оплате проезда оказалась лишь ещё одна неприятная ситуация.

Автобус, как всегда, резко дёрнулся – то ли сглазил его кто, то ли жара на водителя действовала, а полный мужчина, естественно, покачнулся. Он по инерции продолжил своё движение, завалился вбок и сел прямо на колени к женщине средних лет, которая мирно дремала на сиденье, держа в руках пакет с банкой черничного варенья. Пакет не потерпел столь наглого соседа и просто упал на пол автобуса. Да и не сказать, что женщина в возрасте была довольна, давно на неё не садилось столь… хмм, объёмных мужчин. Она поспешила выразить недовольство, барабаня по спине великана, ошалевшего от такого поворота сюжета и по-прежнему сжимающего две десятки в руке.

– Да как вы смеете?! Немедленно! Слышите?! Немедленно слезьте с меня!

– Дамочка, держите себя в руках! – он прокряхтел и смог, наконец, встать. – И прекратите истерить! Я просто упал!

– Ах, он «просто упал»! – хватая ртом воздух от возмущения, женщина действительно хотела было ограничиться нервными воплями на весь автобус и успокоиться после этого, как вдруг обратила внимание на то, что банка разбилась и из пакета на пол уже вытекла изрядная доля варенья.

– Да ещё и варенье мне всё испортил! Вот ведь… Получай! – и начала бить его наотмашь сумочкой, торопливо сорванной с плеча. Мужчина уворачивался, как мог, закрывая руками самое дорогое. Пассажиры резво просыпались и с интересом наблюдали

широко открытыми глазами за происшествием.

Карина молча стояла и смотрела на весь этот бред, театр абсурда и бессмыслицы, думая … да что уж там – окончательно для себя решив, что день не задался. И в этот момент автобус как раз остановился, принимая новых неизмученных пассажиров, вместе с которыми зашла и вчерашняя скандальная девица, мило улыбаясь и приветливо помахав ручкой с зажатой тысячной купюрой.

– Вот, милая, смотри, проездной! – гордо сказала старушка, потянув Карину за рукав и показывая древний читательский билет, – я же говорила, что найду!

– Да, бабушка, говорили. А я-то зря не верила, – через силу улыбнулась кондукторша, чувствуя, что у неё в который раз начинают сдавать нервы.

– То-то же! – бабушка убрала руку с документом и принялась складывать вещи обратно.

«Уфф, хуже уже быть не может», - Карина мрачно посмотрела на залитый вареньем пол, в который обязательно кто-нибудь вляпается, тут же начав кричать про свинарник в общественном транспорте, взглянула на по-прежнему орущих мужчину и женщину, застрявших в узком проходе, и пошла к девушке, доставшей её вчера.

– Проезд оплачиваем.

– И тебе доброе утро! Держи, – и снова протягивает тысячу, как ни в чём не бывало.

Карина победно улыбнулась – она была к этому готова. Точнее, просто заранее утром, перед работой, разменяла одну тысячную купюру на случай, что такое может повториться. Спокойно достала из специального отделения своей сумки подготовленную сдачу. Отсчитала купюры, мстительно сунула нахалке в руку бумажные деньги и, словно внезапно обнаружив, что сдачи не хватает, сделала виноватое лицо…

– Подождите, я сейчас! У меня теперь есть запас на всякий случай! - она подошла к своему креслу, достала большой такой пакетик, вынула из него два мешочка поменьше и вернулась с ещё более довольной ухмылкой, - а вот остальные двести рублей. По десять копеек. Вы не обижайся, ладно, у меня тоже те деньги, что на работе дали. Десять копеек – это вполне законная валюта.

«Наконец-то! Как сладка месть!» – удовлетворённо подумала Карина, но радость её чуть поутихла, когда та девушка спокойно взяла сдачу, оба мешочка монеток, и хитро улыбнулась. Она подумала, что это явно не к добру.

– Спасибо! – поблагодарила незнакомка и села на первое попавшееся сиденье.

«И всё? Не верю!» – Карина внутренне напряглась, мысленно готовясь к какому-то подвоху.

– Девушка, мне один, пожалуйста, - смуглый парень с голубыми честными глазами, невинно улыбаясь, протягивал ей пять тысяч рублей.

Карина нервно кинула взгляд в сторону мирно сидящей девушки и подумала, что это, конечно, могло быть совпадением, но с малой долей вероятности.

– Поменьше нет?

– Нет. Я только сегодня получил зарплату.

Скрепя сердце и памятуя о вчерашнем скандале, она взяла деньги, отсчитав положенную сдачу – хорошо всё-таки, что сегодня народу в автобусе ездило много.

– Спасибо! – само очарование, и образцово-показательная голливудская улыбка.

– Да не за что! – язвительный и раздражённый тон нисколько не удивил парня, который направился прямиком к той самой девушке, сел рядом и подмигнул.

«Придурки!» – решила Карина и направилась разнимать драчливую пару, что уже достала своими детскими разборками и криками на весь автобус.

Во время отчаянной жестикуляции и проявления недюжинных дипломатических способностей в попытке примерить две враждующие стороны: полного мужчину и женщину в возрасте – Карина то и дело поглядывала на подозрительную парочку, которая о чём-то вдохновенно шепталась, указывая на неё.

- …поэтому ничьей вины в этом нет! - закончила она свою пламенную речь, надеясь, что это поможет. К счастью, люди хоть и были по большей части идиотами, как она успела в этом убедиться за время работы, но всё же не были такими уж злыми, просто почему-то считали общественный транспорт подходящим местом для проявления своих не самых лучших качеств и эмоций. Возмутители спокойствия быстро помирились и даже уселись вместе, благо что на свободное место с залитым вареньем полом никто, кроме перепачкавших все ноги спорщиков, не претендовал.

– А всё не так уж плохо, – устало пробормотала кондукторша, падая в ближайшее свободное сиденье и обмахивая себя пятитысячной купюрой и двумя десятками словно веером. - Я умница.

Похвалив саму себя, Карина вздохнула и пошла за тряпкой, чтобы убрать варенье.

Надо отдать должное водителю – за всё время этого бардака он ни разу не оглянулся посмотреть, что же там в салоне

происходит, и не отвлёкся от дороги. Хотя, возможно, ему всё-таки стоило хоть иногда делать радио чуть тише…

*** Очень жаркий день ***

«О, боги, как же мне…», – сил не хватало даже на то, чтобы додумать до конца мысль, которая словно заевшая пластинка постоянно возникала в сознании. Карине было тошно, жарко, душно, а всё тело чесалось, требуя немедленно принять душ. Но работать предстояло ещё два часа, десять минут и сорок секунд – во столько, по её подсчётам, должна будет закончиться рабочая смена.

Каждый раз, когда они проезжали через мост, Карина нервно прижималась к окошку, видя желанную воду, понимая, что люди сейчас купаются, загорают, отдыхают, просто радуются жизни, а она должна протискиваться сквозь потные тела, вытряхивая у людей деньги за проезд. Как ни парадоксально бы это звучало, но желающих оказаться в душном тарахтящем автобусе сегодня удивительно много. Даже слишком много.

Мобильный филиал ада, в который превратился обычный городской автобус, подъехал к остановке, распахнул двери, и Карина опять внимательно смотрела, кто зашёл, чтобы честно выполнить свою работу. И тут она увидела ту самую девушку, которая, заметив её, тут же изменила направление и зашла в другую дверь в противоположном конце автобуса.

«Коза! - зло подумала, восхищаясь, однако, тем, как настойчиво эта молодая и, кажется, ужасно давно уже знакомая ей девушка отказывалась платить за проезд, - вот сейчас ведь всё равно достану!»

С упорством маньяка она начала продвигаться сквозь толпу, игнорируя возмущённые стоны и прочие восклицания, безжалостно отдавила ногу мужчине в гавайской рубашке, получила локтем по голове, чуть не потеряла сознание от запаха духов какой-то женщины и, наконец-то, увидела её лицо.

Она оставалась удивительно спокойной, улыбалась и терпеливо ждала. Потом посмотрела Карине прямо в глаза, подмигнула, послала воздушный поцелуй и, по закону подлости, спокойно вышла в только что открывшиеся двери, но нет, не ушла – прошлась по улице и зашла заново в автобус, вновь оказавшись в противоположной стороне салона.

Разозлённая, готовая рвать и метать, Карина сделала последний отчаянный рывок вперёд, но остановилась, поняв, что поздно – двери только что закрылись, впустив последнего пассажира, да и не сумела бы она зайти обратно – слишком много

людей.

Злость душила, туманила глаза, хотелось просто разорвать на части эту нахалку, хитрую сволочь, что в очередной раз портит ей жизнь! С удвоенной энергией, окрылённая гневом и яростью, Карина начала продираться сквозь толпу. Это уже был маниакальный охотничий азарт. В какой-то момент она подумала, что чужие тела полностью перекрыли проход, и решилась на отчаянно-сумасшедший поступок: протиснулась под поручнем на ступеньку у двери, буквально проползла между чьих-то ног, потом под сиденьем, и вынырнула, безумно радуясь тому факту, что хоть жива после этого осталась.

Улыбка демона озарила её лицо, когда она увидела ту девушку, что нервно озиралась по сторонам и периодически морщила носик, когда кто-то слишком тесно к ней прижимался.

Автобус медленно подъезжал к следующей остановке, и, возможно, безбилетница сумела бы вновь проделать свой трюк и выйти, не заплатив, но в этот раз удача отвернулась от неё: дорогу автобусу перебежала по зебре компания мелкой ребятни, заставив ненадолго притормозить.

– Попалась! – Карина ужиком протиснулась мимо полноватого мужчины и схватила желанную добычу за руку чуть выше локтя. – Плати за проезд!

Скорее всего, дело было в первую очередь в странном выражении её глаз, подавляющем и красивом одновременно – так для себя потом решила Карина, когда лежала ночью и смотрела куда-то в темноту за окном, не в силах уснуть. Именно их тёмно-коричневый, почти чёрный цвет, и выражение отчаянной уверенности, заманчивое и опасное, гипнотизировали, завораживали, подчиняли…

Иными словами девушка, что вновь и вновь отказывалась подчиняться стандартным правилам и платить за проезд, пользуясь тем, что тянуться почти не пришлось, стоя в плотной толпе, просто поцеловала Карину в губы. Так, что жар прошёлся по её телу, пальцы ослабели, отпуская, казалось бы, уже пойманную добычу, а плечи расслабились. Она стояла, совершенно растерянная и неспособная хоть что-либо сделать, смотря в карие глаза, в которых горело торжество победы …

Автобус дёрнулся, затормозив возле остановки, люди покачнулись, невольно создавая волну, как футбольные фанаты на стадионе, и девушка закончила поцелуй, улыбнулась, а потом беспрепятственно покинула душный салон. Карина же долго потом выполняла свою работу чисто на автопилоте, ей уже не было дела до царящей вокруг жары – в душе поселилась холодная ярость, смешиваясь с огнём гнева, что периодически сотрясал её:

«Да как она посмела!»

Лишь в самом дальнем уголке сердца притаилось маленькое, незаметное чувство, смешивающееся из любопытства, интереса, лёгкой зависти к человеку, способному так просто нарушать любые правила, и чего-то светлого, похожего на зарождающуюся симпатию. И с каждым воспоминанием о завораживающих карих глазах это чувство становилось всё сильнее, вгрызаясь корнями в сердце, заставляя его стучать отчаянней, либо беспричинно замирать.

*** Дождь ***

Жара спала, а по грязным пыльным окнам уже весело барабанил весёлый долгожданный летний дождик, чьему приходу безмерно обрадовались все: от валявшихся на траве безвольными шкурами дворовых собак до серьёзных деловых людей, вынужденных сидеть в душных офисах.

А ещё стало не так мучительно проводить весь день, разъезжая из одного конца города в другой по осточертевшему маршруту.

Порадовав долгожданной прохладой, тучи не спешили уходить, словно решив теперь отыграться за долгую жару. Небо на долгое время стало безжизненно-серым, и то и дело начинал накрапывать моросящий дождь. Вот уже третий день Карина наблюдала один и тот же пейзаж: мокрый асфальт, мутные городские ручьи на дорогах, размытые очертания зданий и спешащие по улицам прохожие, прячущиеся под зонтами. В автобусе при закрытых окнах было сыро, промозгло и душно, а запотевающие стёкла постоянно хотелось протереть, чтобы стало хоть чуточку светлее.

Карина сидела на своём месте, уткнувшись в окно лбом, и смотрела сквозь окно на потоки воды, смешанной с грязью, что катились вдоль края бордюра, пытаясь отогнать навязчиво лезущие грустные мысли:

«Как же скучно и одиноко. Далась мне эта тоскливая безнадёжная работа? Эх, всего-то надо лето пережить, а там легче будет. Но только с каждым днём всё хуже и хуже… Жаль, что та девушка больше не появляется. С ней хоть дни интереснее казались. Может, случилось что? Хотя… у такой-то не должно. Что с ней может случиться? Да ну её, ещё о зайцах думать, их и так всегда хватает!».

Карина прикрыла глаза, погружаясь в шум дождя, но вместо этого почувствовала, как резко останавливается автобус, хлопают двери и мелко вибрирует пол и сиденья от работы двигателя.

Спустя пару минут они поехали дальше по маршруту, принимая немногих пассажиров, которым по стечению обстоятельств требовалось куда-то ехать в такую ненастную погоду..

Всё шло своим чередом: стандартный вопрос к вошедшим, подсчёт денег, выдача билетов – действия, что повторялось с завидной регулярностью и совершались почти автоматически – все эти занятия нисколько не отвлекали от невесёлого настроения. Но у Карины всё же было хорошее предчувствие чего-то светлого и доброго, поэтому она старалась всем улыбаться вежливо и открыто, делиться частичкой своей надежды. Мелкий дождь за окнами превратился в ливень, бьющий косыми струями по стёклам, затекающий тонкими змеящимися ручейками в неплотно прикрытые окна, и где-то вдалеке слышались раскаты грома.

В салоне пахло дождём, промокшей одеждой, грозовым воздухом и чем-то ещё, неуловимым. Карина немного оживилась и принялась наблюдать за редкими входящими пассажирами.

На одной из остановок зашла она, старая знакомая, без зонта, продрогшая, вся съёжившаяся и похожая на мокрого котёнка. Длинные волосы спадали спутанными прядями вниз по плечам, с них капала вода, попадала на шею и плечи, капельки скатывались ниже, цеплялись за одежду, часть своевольно забиралась в вырез кофточки, что стала совершенно прозрачной из-за дождя и не скрывала уже почти ничего.

Карина поймала себя на том, что вот уже не меньше минуты смотрит на грудь этой девушки, покраснела, отвернулась, и тут гордо вскинула голову, чтобы теперь успеть увидеть насмешливую улыбку, которая, впрочем, тут же вернула ей способность соображать и злиться.

– Уходи. Я могла бы попросить тебя оплатить проезд, но прекрасно знаю, что ехать тебе сейчас никуда не надо. Хотя твоё дело, можешь оплатить и кататься.

– Я извиниться пришла. За все свои неуместные розыгрыши, – как ни в чём не бывало, девушка улыбнулась и вынула из-за спины припрятанный небольшой букетик. – Надеюсь, ты любишь цветы.

«Молча и пренебрежительно возьми букет, давай! – Карина отдала себе мысленную команду, – не вздумай улыбнуться и сказать ей что-нибудь хорошее».

– Спасибо, – протянув руку за букетом, она заметила, что пальцы мелко дрожат, и постаралась успокоиться, - тот поцелуй…

– Что? – промокшая девушка замерла, внимательно глядя прямо в глаза Карине и, казалось, смотрела в душу.

Карина замешкалась и смутилась, пытаясь справиться с

сумбуром собственных чувств.

– Мне… Мне не нравятся девушки, – проговорила она невнятно и быстро, проглатывая часть звуков – сказала и покраснела, опустив голову, спрятала лицо.

– Эй, – девушка напротив привлекла внимание, и странно весёлые интонации в её голосе заставили Карину вновь сосредоточить на ней взгляд, – может, мне тоже не нравятся девушки?

– Тогда…

«Что вообще произошло? Что это было-то?» – хотела она спросить, но на этот раз не успела.

– Пойдём, погуляем после твоей смены? В знак примирения.

– Но дождь ведь, под таким не погуляешь. К тому же – можно подумать, мы поссорившиеся хорошие знакомые, что нам так мириться надо.

– Хм… Незнакомые, считаешь? Мне кажется, я тебя целую вечность знаю, – она улыбнулась. – Кстати, меня Лена зовут. А дождь – он обязательно кончится, как только мы пойдём гулять, – снова широкая улыбка, а карие глаза искрятся упрямством и уверенностью.

– С чего бы это? – Карина и сама поняла, что улыбается, но прячет улыбку за букетом цветов, незнакомых ей, но очень красивых и головокружительно вкусно пахнущих.

– Я волшебник, – сказала она, весело подмигнув. – Пойдём! Ну, согласись, и скажи, во сколько закончишь работать.

– Хорошо… – проговорила, словно бы делая одолжение. – Если дождь кончится, я пойду. Но он не закончится… Такой дождь не может пройти быстро.

Автобус остановился, проскальзывая по мокрому асфальту с противным визгом, зашипев, отворились двери, а Карина всё же успела сказать время, когда закончится смена, перед тем, как девушка вышла под холодный серый дождь.

«Этот дождь будет длиться ещё очень долго, – грустная улыбка, а руки сильнее стиснули подаренный букет цветов. – И завтра будет такой же серый день, опять я буду всё так же ездить в автобусе, сожалея о своём одиночестве, наблюдая за постоянными склоками пассажиров, и всё будет как всегда. А жаль…Может, стоит самой чего-нибудь изменить…?»

*** Солнце ***

Дождь и не думал заканчиваться. Казалось, что кто-то согнал все тучи в нескончаемую пелену, и вода всё лилась и лилась с небес. Отчаянный стук капель по крыше, визг тормозов на крутых

поворотах улиц, едва пробивающийся серый дневной свет, усталые люди, что неотрывно смотрят в окно из автобуса сквозь потоки воды.

Карина отвлеклась от созерцания города под дождём и вновь поднесла к лицу букет, глубоко вдохнув тонкий приятный аромат. Девушка улыбнулась, не замечая, что некоторые пассажиры и сами начинают улыбаться, глядя на неё и с удивлением обнаруживая, насколько обычная задумчивая улыбка может преобразить лицо, сделав его по-настоящему красивым.

Девушка посмотрела на наручные часы – осталось всего десять минут до… встречи, свидания?

«Дружеского свидания, в честь перемирия», - тут же мысленно поправила себя Карина.

Но тот факт, что встреча была с девушкой, не помешал ей переживать по поводу того, как она выглядела. Напротив, за последние полчаса она посмотрела в зеркальце раз сто, не меньше, а, наверняка, и больше. Она оправляла волосы, обновила макияж, благо имела большой опыт краситься на полном ходу, когда автобус то и дело подскакивает на ямах в дороге, и часто одёргивала невзрачную рабочую кофточку, жалея, что не успеет заскочить домой и переодеться во что-нибудь более нарядное...

– Что прихорашиваешься, красавица? – водитель усмехнулся в усы. – На свидание идёшь?

– Что-то вроде того… - Карина сосредоточенно причёсывалась, не зная, как будет лучше: уложить волосы как обычно или сделать косую чёлку?

– Ну-ну, человек-то хоть нравится? А то часто в наше время всё не то, чтобы без любви, и без особой симпатии-то люди встречаются, будто для них это не чувства человеческие, а развлечение какое-то...

Карина покраснела и пробормотала:

– Это девушка…

Мужчина нахмурил кустистые брови и, притормозив возле остановки, на пару мгновений отвлёкся от дороги, чтобы посмотреть ей в глаза:

– Вот молодёжь, спрашиваешь одно, отвечают другое… Так человек-то нравится?

– Да, – сказала и прикусила губу, понимая, что вдруг помимо воли сказала вслух то, о чём не решалась признаться себе даже в мыслях, - но…

Водитель снова переключил внимание на дорогу и вновь улыбнулся.

– Раз тебе нравится, то разрешаю. Можешь встретиться.

– Ага, – сдалась Карина, мысленно решив для себя, что он

окончательно с ума сошёл. Заладил тоже, «нравится, не нравится»... Смешной он, весь в себе, вроде молчит почти всегда, но порассуждать любит под настроение.

Они уже подъезжали к конечной, Карина всё так же сидела рядом с водителем на своём личном рабочем месте, когда услышала голос маленькой девочки, сидевший на руках матери:

- Мама, мама! Смотри, со-о-нышко! – и ткнула пальцем в окно.

- Да, хорошо, тучки ушли. Только скажи теперь верно: «солнышко», - поправила дочку молодая женщина, ласково улыбаясь.

Девочка повернулась и показала язык, смеясь и вновь повторяя:

– Сонышко, солышко, солынышко! – и расхохоталась, довольная тем, что так весело переврала слово.

– Ох, – мама извиняясь окинула всех взглядом, но, поняв, что никто не злится и не раздражается, вновь заговорила с ребёнком, - ты же знаешь, как правильно. Не будь врединой.

– Нууу…

– Скажи для мамы «солнышко».

Девчонка улыбнулась маминой улыбкой:

– Солнышко.

– Вот и умница, – женщина потрепала её по кудрявым волосам, - а дома за это тебя ждёт мороженое….

Карина и не заметила, что тоже начала широко, по-детски искренне улыбаться, наблюдая за вполне обычной семейной сценой. Но вскоре, словно кто-то повернул выключатель, до неё дошёл смысл простого в сущности разговора: солнце вышло, дождь-то кончился.

– Дождь кончился, – прошептала, не веря, вскочила со своего места и подбежала к центральной двери, высматривая кареглазую девушку. Та не заставила себя ждать: стояла на остановке, держа руки в карманах, и улыбалась, жмуря глаза из-за ярких лучей солнца, что отражались от мокрого асфальта, превращая улицы в огненное сверкающее царство тепла и света.

Двери открылись, она зашла и протянула руку, приглашая:

– Идём?

– Ну, пойдём. А как ты узнала, что дождь кончится?

– Секрет. Считай, что я просто знала.

Они вместе вышли из автобуса, Карина помахала рукой пожилому усатому водителю, зная, что ему ещё предстоит долго кататься по городу, но уже с другой кондукторшей, что придёт ей на смену через несколько минут.

Девушка, что умела раздражать до белого каления, но не

могла не очаровать собой, держала её руку, переплетая пальцы, улыбалась, шутила, водила по улицам города, по парку, смеялась, когда Карина улыбалась в ответ на её шутку.

«Так странно, – думала она, – будто и не со мной всё это».

– Будешь мороженое?

– Да, – Карина улыбнулась, представив, что скоро и та маленькая девочка, ехавшая в автобусе с мамой, получит припрятанное специально для неё мороженое.

– Я сейчас! – пообещала и убежала в магазин возле дороги, сжав её плечо на недолгое прощанье.

Карина же стояла, прислонившись спиной к мокрой коре дерева – после того, как они прошли по всему парку и извалялись в сырой траве, фотографируясь на цветущей полянке, ей было не страшно промокнуть и испачкаться ещё больше.

Девушка обняла себя руками за плечи и смотрела, как догорает вечернее солнце, тая в бесконечных лужах на блестящем мокром асфальте.

«Волшебный день и вечер, – подумала Карина и ласково улыбнулась, увидев, как из магазина выходит Лена, держа в руке мороженое. – Кто бы мог подумать, что при моей работе и её характере она мне приглянётся… – луч заходящего солнца блеснул, отразившись от лужи в мелкой ряби, и скользнул по лицу, превратившись в солнечного зайчика. – Так нравится ли мне она…? Определённо, да!»

– Уф, извини, там было только такое, – Лена улыбнулась и протянула обычный пломбир, не надеясь получить взамен ничего, кроме, быть может, благодарной улыбки.

– Спасибо, – прошептала Карина перед тем, как забрать мороженое, сделала быстрый шаг вперёд, и сама поцеловала человека, который ей безумно нравится.

Поцелуй был лёгкий, не такой, как тогда, в душном автобусе, не долгий и гипнотизирующий, зато куда более нежный, ласковый, искренне желанный…

– Ты сказала ведь, что тебе не нравятся девушки? – спросила Лена, настороженно глядя из-под удивительных чёрных ресниц.

Тихий вечер
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Humor
Размер : min
Описание :

Полуночный визит нежданной гостьи, или Не ругайтесь при свечах в полночь :)

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

Сидела я, значит, на кухне. Никого не трогала, и никто меня не трогал, потому как дома, по счастливой случайности, никого не было. Смотрела, чтобы кофе на плите не убежал, а то в последнее время стоит мне на секунду отвлечься, как он тут же – о-п-п – и сбегает. Тихо и темно: опять что-то с электричеством случилось, а от найденных в шкафу свечек больше теней, чем освещения.

Часы уверенно показывали без минуты полночь, а небо за окном пыталось убедить меня, что ночь ещё очень-очень долго не наступит, не огорошит кого-нибудь, минуя фазу сумерек.

– Белые ночи, – фыркнула я сгоряча, – чёрт побери их.

Бац! Время пробило полночь, хотя, по правде говоря, вовсе и не пробило – просто в тишине квартиры стрелки уж очень громко щёлкнули, а на моей кухне, на моей табуретке, которую я сама и купила, появился… чёрт.

– Милая моя, ну чем тебе белые ночи-то не угодили? – проговорила она, лениво растягивая слова.

Почему она? А чёрт этих чертей знает! Но на меня в упор смотрела именно молодая женщина, в полном расцвете сил и красоты. Упаси меня боже спросить, сколько ей лет… Вместо этого я спросила самую банальную и глупую вещь, которую вообще можно спросить:

– Ты кто?

Дамочка закатила глаза и издала ехидный смешок:

– Да, чёрт я, чёрт, – потом улыбнулась, коварно и подозрительно приятно, – а вот у тебя сейчас кофе убежит…

– А, ч-чёрт! – я с криком вскочила со своего места и побежала к плите: кофе действительно убежал от меня, опять, а на память о себе оставил залитую чёрной жидкостью конфорку.

– Вот так всегда: чуть что, сразу «чёрт»!

Она вовсю наслаждалась ситуацией, это было видно: улыбалась, сидела, руки положив на колени, прямо-таки само смирение и всепрощение. Однако, редкостное искушение...

Тонкий взвизг – а это я не удержалась и дернула её за хвост. Эх, если сходить с ума, то так, чтобы было весело! Да и, признаться, всегда мечтала дёрнуть чёрта за хвост... А тут такой

случай.

– Извини, – устроилась напротив неё за столом, я пододвинула чуть-чуть свечку, чтобы случайно не обжечься и, подперев голову правой рукой, выжидательно на неё уставилась. Интересно ведь!

– Не извиню! – разозлилась она, потирая бедный хвост, – вот все вы так! Это навязчивая идея всего человечества – дёрнуть чёрта за хвост!

– Ну-у-у, – прикинула я в голове, вспомнила пару своих знакомых, – думаю, что да.

– Ладно, фиг с вами. А теперь к делу, – из состояния раздражения и злости она тут же перешла к серьёзной решительной линии поведения, – стало известно, что ты постоянно говоришь, цитирую: «Чёрт», «Чёрт побери», «Чёрт возьми, когда же это кончится»...

– Последнее я обычно на лекциях говорила, – отчего-то смутилась, – да и на работе тоже…

– Я знаю. Ну, так чего надо-то?

– А я не знаю, – улыбнулась и развела руками, и уж для полной уверенности, что действительно ничего не знаю, пожала плечами и помотала головой.

– Что? Действительно ничего-ничего не надо? – она даже не поверила сначала, потому, наверно, с удивлением и уточнила, – может, учиться не напрягаясь, работы хорошей, новой квартиры, мужа побогаче или соседей отравить, что вечно со своим ремонтом и дурацкой музыкой спать мешают?

– Да не, ничего, – я опять пожала плечами, вообще не понимая, что такого можно хотеть.

– Совсем ничегошеньки? – бедная, расстроилась... Мне её даже жалко стало.

– Ну, смотри, – начала загибать я пальцы, считая, – в учёбе мне сам процесс интересен, работа есть и, в принципе, нравится. Квартира есть и дача тоже, любимые и привычные с детства. Соседи? Да без них посмеяться не над кем будет, да и позлиться тоже, если есть на то настроение. А замуж тем более вообще как-то не хочется.

– Блин, ну так не бывает, что нет никаких желаний... А вот что сейчас хочешь?

Я подумала так и решила, что всё-таки чего-то хочу. Кофе. А потому встала, вымыла турку и приготовила себе новую порцию кофе, поставила на конфорку – пусть только попробует убежать!

Чёрт наблюдала за мной со скрытым умилением:

– Значит, всё, чего ты хочешь, ты предпочитаешь исполнять сама?

– Типа того, – я стояла рядом с плитой, чтобы не пропустить момент подлого побега.

– Хочешь, сделаю так, чтобы кофе твой никогда не убегал? Или чтобы ты всегда успевала вовремя везде? Или чтобы в метро никто не прижимал к стенке так, что и дышать-то трудно было?

– Не, так не интересно, – отмахнулась я.

– Почему это?

– Да ну, ты представь, как скучно жить станет! Некому даже будет пожаловаться на то, как много сегодня народу в метро. Или какие сегодня офигенные пробки. О чём тогда разговаривать-то с людьми?

– Ты меня бесишь, честное слово, – хоть она и сказала так, но выглядела вполне довольной. Это меня озадачило:

– А чего тогда такая довольная сидишь?

– Да я думала, что опять придётся работать, желания исполнять, а поскольку у тебя ноль желаний, – она изобразила большим и указательным пальцами ноль, – то я могу и расслабиться. Целая ночь личного времени – такого лет… кхм… давно не было!

– Вот как? Ну, кофе будешь?

– Конечно! – право же, словно ребёнок, а потом ещё так жалостливо на меня посмотрела, что я успела испугаться до того, как она спросила, – а можно я тут коньяком побалуюсь? А то какое же это кофе без коньяка?

– Да что мне, жалко, раз так хочешь, – я не отвлекалась от плиты, всё своё внимание уделяя кофе.

Чёрт достала флягу с то ли печатью, то ли алхимическим знаком на выпуклом боку, и мы замолчали. И меня накрыло. То есть в том смысле, что я прочувствовала момент. Это молчание, чёрт на моей кухне, который вовсе и не чёрт, а она, кофе, что не сбежал, а уже разлит по чашкам, свечка эта на столе всё ещё горит…

– Послушай, – несмело начала я, – а Бог есть?

Она заржала, откровенно и от души, если, конечно, у неё есть душа.

– Люди! А я не доказательство?!

– Ну…

– Почему вы верите во зло, но не верите в добро?!

– Потому что зло встречаем каждый день, а вот с добром почему-то напряг, – попыталась объясниться, а потом плюнула на это дело. – А, забудь. Сколько же раз тебя это спрашивали?

– М-м-м, много. Каждый второй. Люди на удивление банальны.

– Н-да, а что ты обычно делаешь в свободное время? – вдруг

заинтересовалась я.

– Не знаю, ничего не делаю, потому что свободного времени вроде как и нет, – она улыбнулась и отпила кофе из чашки. – Кайф… Кстати, а вот ты первая, кто меня об этом спросил.

– Йух-у-у! – я изобразила радостный танец, не вставая с места, – я оригинальна! С ума бы не сойти.

– А ты забавная, – интересно, так и должно быть, чтобы черти улыбались настолько открыто и миролюбиво?

Я посмотрела на время и решилась:

– А давай в карты? Я этой ночью спать уже точно не смогу, а чем-то заняться надо.

– Давай, но… – она невинно похлопала глазами, жестом заправского фокусника вытащила из-под стола бутылку вина, выглядящую очень внушительно, и подмигнула: – Раз уж такой разговор, то, может, вместе выпьем?

– А почему бы и нет? – я подумала, что если и сходить с ума, то так, чтобы уж наверняка. Да и, в конце концов, когда ещё представится случай выпить за знакомство с чёртом?

Утро

– Аууууч, – я проснулась в своей кровати с дикой головной болью, протёрла глаза и удивлённо отметила, что вся мебель в комнате перевёрнута практически вверх дном, вещи разбросаны, на полу раскинуты игральные карты, пол залит воском, кое-где лежали потухшие свечки. Короче, на лицо явные признаки гулянки и жестокого похмелья.

Попробовала встать с кровати, но, опять же, с удивлением осознала, что я не одна. Одеяло зашевелилось и из-под него высунулась голова смутно знакомой мне симпатичной женщины со встрёпанными волосами и красными глазами, прищуренными из-за яркого света.

– Ты кто? – спросила я, особо не думая, первое, что в больную голову пришло.

– Кто, кто… Чёрт я! – и раскрыла одеяло, показывая хвост, за который я тут же дёрнула.

***

Вообще, жизнь удивительная штука: на следующий день, ровно к полуночи, я достала новенькие карты, не спеша приготовила кофе и как бы невзначай тихо сказала:

– Вот чёрт! Сахар кончился…

Она мгновенно появилась на моей кухне снова, с пакетом сахара, положила на стол и недовольно сказала:

– Я тебе не бесплатный магазин! Могла бы и сама сахар купить...

– Могла, – на этот раз я ехидно улыбнулась, – но кто-то из нас, не буду говорить кто, вчера ночью мне в карты сто желаний проиграл. Так что, изволь…

– Да ладно, чего уж там, – она с удовольствием, смакуя каждый глоток, отпила чуть-чуть кофе, лениво потянулась и сказала, жутко довольная, – быть может, сегодня я отыграюсь!

Кошмар на двоих

Автор : Сулмор

Бета : Dark_Flame

Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : PG-13

Жанр : Romance, Angst, Мистика

Размер : min

Описание :

Как говорится, "с ума поодиночке сходят, это только гриппом вместе болеют", но легко ли поверить в это оправдание? И как быть, если привычный окружающий мир превращается во что-то пугающее и непредсказуемое?

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат автору.

Вот уже как минут пять моей единственной целью была попытка заново научиться дышать. По телу пробегали судороги, а сильный кашель, обжигающий лёгкие, просто парализовал меня, оглушил и отгородил стеной от всего остального мира. А ещё я видела воду – каждую каплю, что падала с одежды, волос, плеч, лица на землю – как в замедленной киносъемке.

Придя немного в себя, я, наконец, заметила человека, что дышал тяжело и рвано и лежал неподалёку, раскинув руки широко в сторону. И только спустя пару долгих мгновений я поняла, что это девушка: симпатичная и хорошо сложенная. Отчётливо запомнила её профиль, освещенный уличным фонарём, пальцы рук, татуировку в виде змеи, обвивающей запястье, да отблеск какого-то камня, кулона, на груди…

Новый приступ кашля снова возвратил меня к земле, а потом в голове прошлась словно бы волна пламени, стирая абсолютно всё и унося вслед за собой невесомое сознание.

***

– Значит, Валерия, вы точно не пытались покончить жизнь самоубийством? – врач с фальшивой заботливостью в глазах спрашивал меня об этом уже раз этак в третий-пятый. Может, надеялся, что я ошибусь и вдруг скажу правду, которая виделась ему.

Но ответ от его мнения и мыслей не изменялся раз от раза:

– Нет. Точно. Уверена. Абсолютно. С вероятностью в сто процентов.

Язвительность и ирония вернулась сразу после того, как мне предоставили сухую больничную одежду, напоив лекарствами и обычным горячим чаем. Кстати сказать, очнулась я почему-то уже в больнице. Интересно, кто вызвал машину скорой помощи?

– А почему не сто десять процентов? И не все двести? – молодой мужчина сменил гнев на милость и, видимо, попытался пошутить.

– Сумма всех вероятностей не должна превышать единицы, следственно, не существует сто десять, двести и так далее процентов, – заученно отрапортовала я. Потом, смягчившись, немного устало добавила:

– Ну неправильно так говорить. Нам лектор об этом постоянно напоминает.

– О-у-у, вот значит как. А вы где учитесь?

– В государственном университете, на 2-ом курсе, – хотелось просто закрыть глаза и уснуть: дикая пульсирующая боль в висках сводила меня с ума. И уж точно не было больше сил отвечать на бесконечные вопросы, пусть и заданные по делу.

Он спрашивал что-то ещё, постоянно отмечая мои данные в анкете или бланке – мне, если честно, было всё равно. Я умудрилась принять удивительно удобное положение на кушетке, уже закрыла глаза, с удовольствием отмечая, что так голова болит чуть меньше, и именно тогда врач успел задать самый последний вопрос за эту ночь:

– Лера, а как вы вообще умудрились свалиться в Неву, да ещё и ночью, хотя должны были спать за несколько километров отсюда в комнате общежития?

– Смотрела, как мосты разводят… Посмотрела, развернулась, поскользнулась, потеряла равновесие. Почти удержалась, но ветер, да и сумка перевесила, зараза такая…

Кажется, он смеялся.

«Вот гад!» - подумала я и заснула.

***

И снилось мне, что я упала в чёрную воду Невы. От неожиданности и резкого холода сразу выдохнула весь кислород,

потратив его впустую. Двумя отчаянными гребками мне на мгновение удалось всплыть к поверхности и сделать ещё один глубокий, судорожный вдох.

Страх, казалось, просто парализовал всё моё существо; инстинкт самосохранения буквально вопил о том, что я должна немедленно вылезти из ледяной весенней воды. Сумку было бы жалко, если бы она не тянула со страшной силой ко дну. Поэтому я выпуталась из ремня, но он каким-то образом соскользнул и опутал ногу. Сумка камнем потянула вниз.

Ничего не видя, захлёбываясь водой, онемевшими пальцами я освободилась от ремня, но сильное течение уже отнесло меня далеко от причала, на котором я и наблюдала знаменитый развод мостов. Поэтому, когда в следующий раз вынырнула, чтобы заглотнуть воздуха, пополам с чёрной водой, то по-настоящему испугалась: кругом была лишь темнота – так показалось на целое долгое мгновение.

Я лихорадочно, резко развернулась и мысленно поблагодарила удачу – до освещённой фонарями набережной было не так уж и долго плыть. Так думала я, пока, чуть-чуть не доплыв до цели, не начала окончательно и бесповоротно тонуть.

И в тот момент рядом послышался всплеск, волны пошли по воде, а мою руку кто-то очень сильно сжал. По телу прошёлся как будто бы разряд сильного тока, отчего и закричала, теряя последние жалкие обрывки кислорода. А в груди и в голове как будто разгорелся пожар.

Меня дёрнули резко вверх, к воздуху, а потом, поддерживая, практически притащили к ступенькам набережной, за которые я судорожно вцепилась.

Этот кто-то выбрался на берег сам, а потом сразу помог и мне, снова буквально затащив наверх мокрое, еле живое существо.

Ну а после я хорошо помню тепло чуть холодных пальцев на моей совсем ледяной коже, прикосновение губ, что подарило мне частичку жизни, несколько ударов по грудной клетке, снова тепло губ, рваное дыхание и хриплый голос:

– Да дыши же ты, наконец! – всхлип, и поцелуем в губы еле сказанное:

– Дыши…

Наверное, только после этих слов я поняла, что уже несколько минут забывала дышать.

Тогда и решила сделать вдох…

***

В больнице я пришла к мнению, что лучше будет не

залёживаться, пусть и сильно простыла – ведь чувствовала себя относительно нормально. В конце-то концов, я осталась жива, а это уже, согласитесь, немало.

Позвонила друзьям, и на следующий день мне привезли вещи, порадовавшись тому, что их горе-подруга осталась жива, а потом ещё и накричали, чтобы больше так не пугала народ. В общем, слишком много пустых, хоть и приятных, эмоций.

Но, признаюсь, слушала я их невнимательно, и даже находилась в состоянии некой отрешённости. Из головы не шли мысли о той девушке, что спасла меня, о тёплом прикосновении холодных пальцев, о нечаянном, вынужденном поцелуе.

Да и этот сон-воспоминание…. Меня всё не покидало чувство, что я раз за разом, каждое мгновение, вновь и вновь падала в холодную воду. А противный страх, что всё повторится, тонкой нитью принялся вязать паутинку вокруг сердца, играл, словно кукловод, смеялся…. Я всё никак не могла согреться.

– Эй, Лера! С тобой всё хорошо? – Рита осторожно коснулась моего плеча. – Ты словно бы заснула с открытыми глазами.

Ритка решила остаться со мной и помочь добраться до общаги.

Я же просто попыталась улыбнуться:

– Может, и вправду заснула, – и честно призналась. – Я всё не могу отделаться от воспоминаний.

– Понятно, – она несколько растеряно обняла меня и быстро отстранилась. – Пойдём тогда домой, что ли.

– Угу.

По дороге домой мы зашли в аптеку за прописанными лекарствами, и, стоя в длинной очереди, на меня снова накатило состояние отрешённости. Я вновь увидела, как наяву, берег Невы, но только в этот раз будто бы днём. На ступеньках сидела моя спасительница, задумчиво перебирая феньки на руке, на запястье которой была татуировка.

Ветер трепал её недлинные рыжеватые волосы, неровно стриженные и находящиеся в лёгком беспорядке, которые лезли в глаза потрясающе глубокого тёмно-карего цвета. И она мило улыбалась, слегка отстранённо, задумчиво, спокойно. А потом резко подняла голову, вдруг словно бы почувствовав что-то, и каким-то невероятным образом мы встретились глазами.

Девушка испуганно вскочила, неудачно дёрнув рукой, отчего часть фенек порвалась, и они упали на ступеньки набережной. Развернулась и куда-то быстро убежала, не оглядываясь назад.

– …Лера! Эй! – Рита схватила меня за плечи и сильно тряхнула. Две реальности снова стали одной. Я больше не видела берег Невы, не смотрела на девушку, а вновь стояла в очереди за

лекарством от кашля.

– Рит, я с ума схожу, – на секунду задумалась, нервно улыбнулась, – нет, точнее, уже сошла. Но у меня просьба.

– Какая? – несколько обеспокоено спросила подруга, по-прежнему меня не отпуская.

– Давай сходим к тому месту, откуда я упала. Сейчас.

– Ну-у, хорошо, – неохотно она всё же уступила.

Спустя полчаса мы стояли на набережной, наблюдая за тем, как Нева спокойно плещется о камни. Рита закурила.

– Ну и что дальше? – излишне резко спросила, затянувшись никотиновым дымом.

– Не знаю, – мне просто хотелось убедиться, что это лишь сон, видение.

Я осторожно спустилась по ступенькам, села там, где якобы недавно видела девушку. Ничего. Камни как камни. Ни фенек, ни каких-либо других признаков того, что она тут снова была. Пасмурное небо с редкими пробивающимися сквозь тучи лучами солнца, лёгкий ветер, чайки, кружащие над рекой словно хищники.

– Пойдём отсюда, – несколько разочарованно, но всё-таки со странным облегчением сказала я, поворачиваясь к Рите. – Ты чего там увидела?

Она поднялась с корточек, держа в одной руке зажженную сигарету, а в другой порванную феньку:

– Да кто-то, видно, уронил.

«Вот блин!» - подумала я.

***

Ночь пугала тишиной. Жёлтый, неземной свет луны тревожил плотные тени в углах комнаты, тем самым давая волю не на шутку разыгравшемуся воображению. Всё чудилось мне, что кто-то незримый наблюдает, находится рядом, всё казалось, будто бы я не одна.

Устав раз за разом объяснять своему сердцу, что вещи, кучей сваленные на стуле, вовсе не являются чем-то живым и опасным, я усилием воли закрыла глаза. Расслабилась, начала скрупулезно перебирать все приятные, да и просто хорошие моменты, которые имела когда-то счастье пережить.

Капля за каплей животный страх испарялся, разум и чувства вновь пришли в состояние хрупкого равновесия.

Незаметно я всё-таки уснула. Но понимала, что сплю. Что всего-навсего вижу очередной сон.

Впрочем, должна признать, что не совсем обычный сон.

Я оказалась в чужой комнатушке, по-моему, квартиры такого

типа назывались хрущёвками – узкие коридоры, маленькие комнаты. Хотя моя комната в общежитии тоже не намного больше той, да и живу я не одна.

Краем глаза приметила письменный стол, заваленный белыми альбомными листами, некоторые из них упали и на пол. Подоконник оказался заставленным множеством интересных безделушек, книгами, свечками… В углу, прислонённая грифом к столу, стояла гитара. Кровати не было, но кто-то сейчас, в моём сне, спал на полу, на обычном матрасе. Впрочем, почему кто-то?

Сказав себе, что это только сон и что ничего страшного не может произойти по определению, я решилась подойти к импровизированной кровати поближе, чтобы получше разглядеть девушку на ней.

Ей было жарко, и дышала она часто-часто, тяжело поднимая и опуская грудь. Волосы растрепались, одна прядь выбилась из общей массы, разделив лицо пополам, подобно шраму. Я села рядом и, повинуясь внутреннему порыву, осторожно протянула чуть дрожащую руку. Чтобы спустя пару ударов сердца коснуться её щеки, ласково завести прядь за ушко и потрясённо замереть – ведь я чувствовала жар её тела, как наяву.

Внезапно она открыла глаза, расслабленно и полусонно приподнялась, опираясь на локоть правой руки, а другой прижала мою ладонь к своей щеке. И улыбнулась.

Сказать, что я боялась происходящего, было бы абсолютно не верно. Потому что сердце бешено колотилось вовсе не от страха. Меня завораживал неземной свет луны в окно, незнакомая комната, тишина остановившегося мира, девушка, смотрящая на меня опьянённым желающим взглядом.

Я подалась вперёд и коснулась тёплых мягких губ, падая, падая вслед за ней на смятую подушку. И сошла с ума от того, что чувствовала, как дрожит, звенит внутри напряжённая струна, как нежно обнимает она меня, целуя в ответ, проводит ногтями по спине, наверняка оставляя тонкие красные следы…

Но помимо тишины этой ночи где-то бесконечно далеко, в другом мире, существовал назойливый звонок.

Поняв, что сейчас проснусь, я резко отстранилась от неё, и так вышло, что мы одновременно спросили:

– Ты мне снишься?

Улыбнулись, хотели сказать ещё много слов друг другу, спросить, но…

В следующую секунду я осознала себя сидящей на привычной кровати в комнате, где всё знакомо и понятно, где нет её, где нет сводящего с ума желания, и где существует кто-то, кто по закону подлости безостановочно трезвонит в дверь.

По-прежнему с безумной улыбкой на лице, я прошла по коридору, повернула ключ в замке, открывая.

– Я ключи забыла, – виновато сказала соседка, подпирая плечом косяк. – Извини. Ты спала?

Закрыла за ней, прислонившись затем к холодному железу спиной, прекрасно видела, как она снимает ботинки, держась за стены, и честно ответила самой себе:

– Не знаю, уж спала ли я?...

***

День пролетел как-то быстро и сумбурно. Пусто. Единственной странностью было то, что всё время я боролась с диким непонятным мне желанием курить. С жадностью смотрела на начатую Ритой пачку ментоловых сигарет, прекрасно зная, что раньше даже в голову не могло прийти закурить.

– Лера, ты как?

– М-м-м, так, норм, - неопределённо пробормотала я что-то в кружку с горячим чаем. – Холодно мне что-то, а так всё отлично.

– Н-да? – Ритка критично оглядела тёплые полосатые носки, причём разные, огромный бесформенный домашний свитер, и улыбнулась тому, что я вся сидела взъерошенная, словно воробей. – Любовь не греет?

– Угу, не греет, – хмуро согласилась, но стоило вспомнить сегодняшний необычный сон, как я тут же почувствовала, что краснею. Меня бросило сначала в жар, потом в холод, а затем мне осталось только опустить голову, чтобы Рита не увидела мою глупую улыбку.

– Ой ли? – подруга явно издевалась. – Как сказал бы Станиславский: «Не верю!»

– Ну и не верь! – непонятно по какой причине я разозлилась и, чтобы избежать ссоры, постаралась мягко спокойно сказать:

– Никого я не люблю, это точно. Просто постоянно думаю об одном человеке. Не могу сосредоточиться на чём-либо ещё. Это очень похоже на то, что я сошла с ума. Представь, постоянно вижу этого человека: во сне, в каждом прохожем, когда закрываю глаза, когда просто лежу и смотрю в никуда.

– И кто же это? – уже не банальное любопытство, а нотки обеспокоенности слышатся в голосе.

Минута молчания потребовалась мне, чтобы признаться.

– Это она. Та девушка, что вытащила меня из реки. Мне кажется, да я почти уверена в этом, что мы каким-то образом чувствуем с ней друг друга.

– Вот как, – Рита зло щёлкнула зажигалкой, нервно закурила. – Может, ты – в неё влюбилась?

И под её взглядом я почувствовала себя неуютно, поёжилась и честно попыталась ответить:

– Да, возможно, – Рита вздрогнула, словно от удара, но я продолжила, – но мне надо её найти и ещё раз увидеть, чтобы понять.

– А тебя не смущает то, что это, собственно, девушка?

– Да плевать мне, – я нервно улыбнулась и сдалась своему желанию – взяла со стола пачку сигарет, зажигалку, неловко покрутила в руках и… и, в конце концов, положила всё на место.

– Она ещё теперь и курит, – еле слышно пробормотала Рита, смотря в окно.

А ночью я не спала. Пила кофе, что-то пыталась учить, играла на компьютере, читала книгу, сидела на кухне и слушала музыку. Потому что боялась своего желания во сне снова увидеть её, желания коснуться, поцеловать, утонуть в ней без остатка и больше не захотеть проснуться.

***

– Ауч! Горячо-то как! – я с воплем крутанула ручку душа, перекрывая обжигающий поток воды. Попыталась включить холодную, но эффект от всех моих стараний – ноль. Про себя ругаясь, принялась вытираться полотенцем, как вдруг…

– Пф! – лампочка в ванной взорвалась и осыпалась мелкими осколками.

Не знаю, каким чудом, но мне удалось выбраться живой с минимальным ущербом – всего лишь порезала чуть-чуть ногу. Всё убрала, закуталась в полотенце и, не изменяя привычному порядку вещей, отправилась сушить волосы феном на кухню.

Боязливо включила его в розетку – ничего страшного не случилась, и я внутренне расслабилась, решив, что несчастья на сегодня закончены. Стоило мне так подумать, как запахло палёным, горелым.

– Фен что ли? – озадаченно выключила и удивлённо покрутила в руках, а потом вспомнила.

– Макароны!!!

Я поставила их вариться, когда пошла в душ, ведь обычно это занимает минут десять, но уж никак не ожидала, что лампочка взорвётся прямо над моей головой! А, как следствие, совсем забыла про макароны.

Быстро подошла к плите, схватилась за раскалённую ручку, думая чем угодно, но только не головой.

– Уй-ё! Что за чёрт?! – одела перчатку и кинула кастрюлю с «жареными» макаронами в раковину, врубила воду на полную. Оттуда полетели раскалённые масляные брызги. Попыталась уменьшить давление, стала крутить ручку обратно и сорвала резьбу. В итоге в стену ударила горячая струя воды, затапливая полкухни. Не выдержав, матернулась...

– Не, ну что, проклял кто?

Стряхнула с себя отрешённое состояние и перекрыла воду, а когда вылезла из-под раковины, печально оглядела последствия своих действий.

– Н-да, дела…

Ну, и отправившись в ванную за тряпкой, поскользнулась и

ударилась головой об угол табуретки.

В глазах на секунду потемнело, а через мгновенье я уже была рядом с ней. Она шла по улице, не видя ничего вокруг, в руке держала сигарету и не дышала, а словно глотала сигаретный дым. Что-то с самого утра тревожило её душу так же, как и мою. Какое-то злое предчувствие неотвратимой беды.

Меня резко бросило в мёртвый холод, когда я увидела следующую неотрывно по пятам за ней серую тень - то ли собаки, то ли какого-то дикого зверя. Форма и очертания постоянно менялись, становясь иногда похожими на человеческие. Единственное, что чувствовалось всегда – это затягивающая серая пустота. Жизнь уходила в серую дыру капля за каплей.

И вот эта дрянь по пятам следовала за человеком, который вдруг стал мне не безразличен. Знаю, что нужна мне эта девушка! Просто хочу, чтобы этот человек был, существовал на свете! Вот что я ясно поняла.

Поэтому и закричала, что было сил, когда первая увидела выворачивающую из-за угла машину:

– Берегись!

И в этот же момент тень сократила расстояние и словно бы толкнула её, но слишком поздно. Девушка успела до этого развернуться на мой голос и, падая, ухватиться за стоящего рядом человека, тем самым спасая себя от верной смерти.

Сердце перестало бешено колотиться, а после и вовсе замерло от страха, когда я поняла – тень обратила своё внимание и на меня. Но спустя миг снова была далеко – очнулась на своей кухне, на залитом водой полу, с сильной ссадиной на затылке и свежим ожогом на руке:

– У-у-у, да что же это такое? – я чуть ли не завыла, хватаясь за голову и морщась от того, что задела свежую рану.

Мир стал полем битвы. Электрические приборы вокруг меня взрывались, стёкла бились, все острые углы оставили на мне свой след в виде синяков и мелких царапин, на руке до сих пор виднелись отпечатки зубов соседской собаки, что неожиданно бросилась ни с того ни с сего на меня по пути в университет.

– Жизнь прекрасна и удивительна, блин, – жмурясь от яркого солнца, я сидела на входе в общежитие и наклеивала очередную полоску пластыря на содранную коленку. Не заходила внутрь по простой причине – потеряла ключи.

Несмотря ни на что, настроение держалось на отметке «удовлетворительно», а временами, вот как сейчас, вообще было отличным.

Зная, что соседка вернётся лишь часам к одиннадцати вечера, я решила немного передохнуть и пойти погулять куда-нибудь.

Села в душную маршрутку, устроилась у окна и терпеливо сносила все неприятности: лихого водилу, решившего угробить не только себя, но и захватить всех нас с собой на тот свет, перегревшийся по жаре мотор машины, долгую остановку и вынужденную прогулку посреди какого-то пустого поля на окраине города.

Не обращая внимания ни на что, я флегматично сидела на камешке, ждала, как и все, когда починят эту машину или когда приедет другая. Мне давно не было так хорошо и спокойно. И даже чувство надвигающейся бури не сильно волновало. Похоже, я попала в ураган неприятностей и злых случайностей, а сейчас, вот в этот момент, находилась в самом центре.

И ураган будет, и буря тоже будет, но сейчас ничто не могло помешать мне, весело смеясь, упасть спиной назад на траву и улыбнуться ясному небу.

– Хорошо, когда хорошо, – в пространство заметила я. – А когда совсем хорошо-хорошо, то это вдвойне хорошо.

***

Металлически серого цвета тучи покрыли собой всё небо, не оставляя ни капельки надежды на солнечный свет, зато обещая сильный ливень и грозу. То, что я вышла на улицу в такую погоду, очевидно, глупое и опрометчивое решение. Не знаю, что же такое потянуло меня прогуляться сегодня по городу, но желание испытать свою удачу явно пересилило инстинкт самосохранения.

На землю упали первые капли дождя, город тихо загудел под струями расходящегося ливня, а в сердце начал тикать таймер, считая минуты, словно бы отчаянно желая о чём-то предупредить, к чему-то подготовить, возможно, помочь. Интуиция? Надеюсь, что так.

Все те неудачи, что случались в последнее время, показались ничтожными по сравнению с предчувствием острой опасности, вышедшей на охоту за мной. Я ускорила шаг, но это не помогло. Ещё быстрее, прочь от беды, отчётливо слышала стук сердца, подсказывающего – времени-то совсем мало. Побежала.

Свернула во дворы, прочь от оживлённой улицы, пробежала сквозь калитку, пролезла через дыру в стене и снова оказалась среди людей: запыхавшаяся, испуганная. Жертва, что смогла вырвать себе минуту спокойного биения сердца, передышку.

Перешла улицу, нервно поглядывая по сторонам – всё казалось, что кто-то идёт за мной. Нырнула под крышу модного магазина одежды и почувствовала себя хоть и не совсем уютно, но в некоторой сомнительной безопасности. Побродила минут

двадцать туда-сюда, изображая активного покупателя. Когда же охранник с абсолютно серыми глазами, мимо которого я нарезала пятый круг, хмуро посмотрел на меня, я решила, что хватит. Вечно прятаться тут нельзя.

Да и собственно, от чего прятаться? От кого хоть я бегу?

Вышла под дождь, подставляя стальному небу лицо, тяжело вздохнула и смело посмотрела вперёд, чтобы заметить высокого человека на противоположной стороне улицы, который, не отрываясь, смотрел на меня.

Я немного прошлась, а он зеркально всё повторил за мной. Счётчик в груди снова заработал, отстукивая и отбрасывая драгоценные секунды. В животе что-то противно заныло, сжалось, на глаза навернулись слёзы – что тут же скрыл обманщик-дождь.

Закономерно то, что я вновь побежала, куда только несли ноги. Голова не думала, а сердце стучало, и билась мысль, как птица в клетке:

«Идёт охота, - страшная невольная пауза, чтобы осознать, - на меня».

Серый человек виделся мне в каждом, он вездесущ, от него не спрятаться, как и от дождя.

Внутренние часы зазвенели, говоря, что осталось меньше десятка минут. Только десять минут продержаться. Всё бы уж точно было хорошо, если бы не паника, овладевшая мной. Именно она заставила меня снова попытаться срезать путь, обмануть загадочного охотника.

Начало прошло вполне удачно, вновь я оказалась в закрытом полукруге домов, рванулась было дальше, вперёд, но наткнулась на запертую калитку. Чертыхнулась и бросилась назад, жаль, что поздно. Увидела закуток, уводящий куда-то в темноту двора, отчаянно понадеялась и побежала туда, спотыкаясь на каждом шагу.

Страх, ощущение, что тебя загнали в капкан, глупый таймер в сердце, показывающий, что осталось минут пять, и крик. Мой. Тихий, приглушённый чьей-то горячей рукой вскрик. И голос, звучащий больше у меня в голове, нежели где-то вовне:

– Тихо. Это я. Всё хорошо…

Она потянула меня к тёмному небольшому углублению, закрытому от чужих глаз, прижала к стене и посмотрела прямо в глаза:

– Тише, умоляю… Прошу, поверь.

И я поверила, кивнула, сердцем зная, что причина опасности и панического страха вовсе не в ней, а в том человеке, чьи тихие шаги, еле слышные на фоне дождя, сейчас раздаются в полутьме.

Две минуты.

Я будто чувствовала, что он замедлил шаг, но продолжил двигаться в направлении того места, где тихо как мыши стояли, прижавшись друг к другу, мы с ней. Странное дело, совершенно несвоевременная мысль вдруг постучалась ко мне в голову:

«Я одновременно и чувствую и не чувствую её. Как будто касаюсь, но вместо человеческого тела только очень плотный горячий воздух, как от огня. И всё-таки она здесь, со мной. Страшно, но уже не так».

Минута.

Я видела его фигуру, появляющуюся из тени. Он остановился напротив нас, вглядываясь в окружающее пространство, словно пытаясь найти случайный отблеск света в этом царстве сумерек и полутьмы.

Тридцать секунд.

Стоим и молчим. Я пытаюсь вглядеться и запомнить его лицо, но взгляд соскальзывает, не задерживается на нём. Как будто кто-то очень сильный хранит его от чужих глаз.

Десять секунд.

Она сильнее прижалась ко мне спиной, неотрывно следя за малейшим движением, за каждым случайным взглядом серой фигуры, направленным на нас…

Пять секунд.

Я побоялась опрометчивых действий с её стороны, поэтому тихо и несмело приобняла за дрожащие плечи. И тогда…

Время кончилось.

Он – охотник, уже заметив нас, зарычал и резко развернулся, проскальзывая с неприятным мокрым звуком на сыром асфальте, быстрым шагом направился к выходу. Растворяясь в сером бесформенном тумане, срываясь на странные движения – что-то неприятное, звериное проглядывало в них, словно подталкивая запаниковать и тоже рвануться прочь… Прямо сейчас… Нельзя… Нельзя!

Его время кончилось. И наступила тишина, звучащая как-то по-особенному.

– Спасибо, – я обняла её, такую тёплую, родную, чувствуя, что она дрожит и плачет. – Спасибо тебе. Господи, я так испугалась…

– Я тоже, – приглушённый всхлип. – Я видела сон. Несколько дней подряд один и тот же кошмар про этого…

Она мотнула головой в сторону, куда ушёл мой охотник:

– Сон про него и тебя. Это было невыносимо…Он…он…

– Т-с-с-с, - я развернула её к себе лицом, вдруг поняв, что я чуть выше ростом, погладила по мягким волосам, - всё хорошо, всё обошлось. Теперь… да, теперь мы в безопасности.

– Угу, – и бесконечная печаль зазвенела в голосе, – но

надолго ли?

Она потянулась ко мне и сказала, чуть обжигая странным теплом мои губы:

– До встречи.

– Пока, – прошептала я в ответ, закрыла глаза и почувствовала, как исчезает столь необходимое мне тепло. Оглядев мгновение спустя тёмную подворотню, заваленную кучей мусора, увидев шершавые стены и слушая шум затихающего дождя, я поняла, что тепло ушло не полностью: часть света осталась глубоко-глубоко в сердце. Уже навсегда.

***

– Ты где была?!

– А это так важно? – пьяным взглядом я рассеянно смотрела исподлобья на Риту, что перегородила мне вход в квартиру: это же надо было встретить её на обратном пути… – В чём, собственно, проблема?

– В тебе. В тебе проблема, - Рита внимательно на меня посмотрела, оценила моё состояние и то, что в качестве опоры я выбрала простой и надёжный пол, а спиной прислонилась к стене:

– Да ты пьяна в хлам!

– Да-да, – абсолютно без эмоций произнесла я, доставая из кармана пачку, и спустя мгновения курила седьмую за этот вечер сигарету, – а как твои дела?

Рита ошеломлённо раскрыла широко глаза, всё пыталась что-то сказать, в конце концов, я не выдержала и громко рассмеялась.

– Дура! Идиотка! – вот и всё, что от неё услышала. Стало немного обидно, самую малость.

– Ну-ну, не горячись, - спокойно затянулась и, ухмыляясь, выдохнула сигаретный дым, что окутал туманом мир вокруг, – кто тут из нас двоих пьян в хлам?

– Это она? Да? Ты из-за той… – она сделала паузу, стараясь подобрать нужное слово, но решила ничего лишнего не говорить, – это из-за неё ты настолько изменилась?

Жестом я подозвала её поближе, как будто хотела что-то сказать, и Рита имела неосторожность подойти. Чем я и воспользовалась: дёрнула за рукав, уронила на себя, правда, следя за тем, чтобы не обжечь сигаретой, и обняла:

– Солнышко, дело во мне. Я могу быть и такой, – и легко поцеловала в щёчку, ничего не имея в виду, а только повинуясь алкоголю в голове.

Рита залилась краской на моих глазах и, выражая крайнее возмущение, освободилась от объятий, резко поднялась:

– Извращенка, блин!

А я смеялась. Отчаянно и свободно, весело и дико.

– Как протрезвеешь, приходи, – и она ушла.

А я всё смеялась ей вслед. В конце концов, меня сегодня опять чуть не убили.

***

Ночь дышала огнём, а я металась во сне по подворотням, улицам и переулкам ночных кошмаров. Один лишь шаг мог длиться вечность, но тем не менее дома мелькали жёлто-чёрными пятнами со скоростью света.

Вереница видений, хороводы мыслей, образов – я потерялась во сне. Потерялась и крикнула в никуда, в чёрную пропасть над головой:

– Помоги! Пожалуйста! Где ты?!

Воздух: тяжёлый, затхлый, горячий, липкий – завибрировал, всё сильнее звучал в голове инородный чужой гул, нарастающий с каждой секундой. Задыхаясь, шептала и шептала:

– Где же ты? Где?... Где? Ведь это сон? Пожалуйста, приди и скажи, что это всего лишь сон!

Зазвенел ветер, срывая ненадёжные крыши домов, синее пламя съедало границы сознания, воздух наполнился едким дымом – мой мир умирал в огне.

Обратившись внутрь себя, я пыталась найти хоть что-то, что могло бы помочь. И ведь нашла! Не обжигающий жар, порождённый миром моих кошмаров, не какие-либо скрытые мистические силы. Нет. Всего лишь воспоминания о том тепле, что подарила она одной лишь заботой, одним лишь своим существованием.

– Нет! Не хочу умирать! – закричала, чувствуя, что горло сдавливает кольцо чёрного дыма, незаметно подкравшегося со спины. Мне с большим трудом давались слова, но я не знала, кто ещё может помочь мне.

«Я же никогда ни от кого не ждала помощи и поддержки, – вдруг вспыхнула в сознании раскалённая мысль, – всегда одна, хоть и среди друзей и близких. И поэтому справлюсь со всем сама!»

Разорвала в клочья дым и прыгнула вверх, на ближайший покорёженный фонарный столб, а оттуда уже на крышу горящего дома – в конце концов, это мой сон.

«Выберусь, справлюсь, – решительность и огонь, царивший в душе, зажёг во мне сумасшедшую уверенность в своих силах, – я справлюсь. Она такая же, как и я. Она тоже одна. Была одна. Но я…нет, мы справимся!»

Дым не давал мне дышать, душил, гнал по крышам иллюзий, пока я не увидела чёрный океан и, не сбавляя набранной скорости, услышала её тихий шёпот в голове:

– Прыгай, – а потому молча, безропотно повинуясь, безгранично доверяя, окунулась с головой в бездну….

Я проснулась с мыслями о ней, с желанием перевернуть мир, но вытащить её из этого кошмара, с проводами наушников от старенького плеера, перекрутившимися вокруг моей шеи, которые мешали дышать. Чуть не задушила саму себя во сне.

Со злостью, чуть дрожащими рукам освободилась, жадно глотая горячий предгрозовой воздух, бросила плеер в дальний угол комнаты – к чёрту теперь мою привычку слушать музыку перед сном!

Откинулась, тяжело и хрипло дыша, на избитую мятую подушку, и оскалилась подобно загнанному зверю:

– Мы ещё поживём.

***

Положив сваренные макароны на тарелку, приправила солью, перцем, достала сыр и потёрла его на тёрке длинными ломтиками так, чтобы спустя пару минут он растаял, превратив простое в сущности блюдо в изысканный обед. Села за стол, прекрасно понимая, что кушать мне не хочется. Уже третий день я не могу есть, и дико хочу спать. Просто выспаться, не видя очередной бессмысленный или сюжетный кошмар.

– А-па-ти-я, – я намотала макароны на вилку, они соскользнули с неё, – апатия и безразличие. Кетчупа что ли добавить?

Подумала – сделала. Достала из холодильника кетчуп, щедро бухнула в макароны, а после ещё и майонезом сверху полила – получилось на вид аппетитно.

Я знала, что она тоже не ест. И так же, как и я, не может нормально спать. Сидит в этот момент на своей кухне и пытается заставить себя съесть пельмени.

– Давай, мы должны есть, – сказала я в пустоту квартиры, но, странное дело, при этом зная, что она меня слышит. Мы часто так общались – или мне так только казалось?

В сознании, в чёрной пустоте перед глазами, возник ответ: «А сама-то что не ешь?»

– А вот и ем! – разозлилась я на себя и всё-таки попробовала макароны. Живот спустя пару мгновений сжало, и меня замутило.

Я давилась макаронами, через силу глотая, и думала о том, что…

– Нам надо встретиться, – сказала вслух, обращаясь к ней.

В голове спустя секунду возник ответ: «Вот с этим я согласна».

Аппетит так и не появился, но безразличие и тоска ушли. На время.

***

Я шла по улице, заполненной туристами и просто приезжими: радостными, беззаботными, весёлыми. Они шумели, каждый говорил о чём-то с другими, фотографировали, смотрели на мир вокруг широко открытыми глазами.

Мои глаза тоже были широко открыты, но по той лишь причине, что закрыть их – верная смерть. Минуту назад я чуть не упала в канализационный люк, вступив на крышку, думая, что она закрыта. Только чудо позволило мне спастись и вовремя ухватиться за край. В который уже раз я с неудовольствием отметила очередную ссадину на руке и ноге, подумав, что моим джинсам скоро ничего не поможет – придётся выбрасывать. Просто неприлично и дальше их одевать.

Но всё это мелочи. Сейчас я понимала это как никогда – бессмысленно волноваться о завтрашнем дне, если до конца сегодняшнего ещё дожить надо.

Перешла дорогу, внимательно смотря по сторонам, и никак не могла понять, почему другие люди всё своё внимание обращали на зелёный свет светофора, смотрели на него, переходя дорогу, как на путеводную звезду? Как будто это он их задавит, а не какой-нибудь пьяный водила, которому плевать на то, что горит зелёный.

«Успокойся, – в сознании раздался её шёпот, наполненный добротой и сочувствием, – ты слишком злишься».

– Знаю, но как тут не злиться? – по привычке ответила обычным голосом, от чего молодой человек, шедший рядом, удивлённо на меня посмотрел. Я улыбнулась ему и ускорила шаг.

Начало резко темнеть от серых туч, что принёс сильный холодный ветер. Люди зашумели, каждый ускорил шаг, боясь попасть под дождь.

– Ну, вот! Сейчас дождь начнётся! – капризным голосом сказала девушка, обращаясь к модно одетому парню рядом с собой.

- Это Питер, детка, - спокойно ответил молодой человек, но всё же потянул спутницу ко входу в метро.

Не он один мыслил таким образом, поэтому рядом с входом образовалась давка – всем хотелось в тепло. Зарядил дождь, небо окончательно стало грязно-серым, постепенно преображаясь в

сплошное иссиня-чёрное одеяло. Пошёл град, больно царапнул меня по лицу. Привычно поморщилась, не обращая уже особого внимания на мелкую царапину.

Через минуту люди закричали, начали толкаться, биться, ломать двери и стёкла, желая попасть под защиту крыш метрополитена. Где-то заплакал ребёнок…

Наблюдая за всем этим через меня, она зло сказала: «Сволочи!»

– Успокойся, – язвительно ответила, срывая на ней свой страх, – ты слишком злишься.

Она хотела было обидеться, но почувствовала, что меня просто трясёт от страха, смягчилась и почти ласково проговорила: «Да иди ты, милая, нафиг».

Улицы постепенно пустели, магазины спешно закрывались, только ветер всё яростней ревел, только сильнее бил по крышам дождь и град. Мир превращался в какой-то другой, где существует только чёрно-серое небо, холод и страх.

– Ты скоро? – спросила я, обнимая саму себя.

«Да, скоро буду», – я почувствовала волну любви и беспокойства, исходящие от неё, и мне стало тепло, да и хоть ненамного спокойнее.

Не выдержав ожидания, я решила пойти ей навстречу. Сначала медленно, неуверенно, а потом ускорила шаг – побежала. Услышала грохот за спиной, оглянулась.

– Чёрт, – выдохнула, развернулась и побежала ещё быстрее. На то место, где я стояла минуту назад, упал обломок крыши. – Повезло.

Город уже не был тем родным, привычным Питером, он стал городом наших кошмаров. Те же улицы, те же странные тени вокруг, похожие на зверей – рычат, скалятся из тьмы старых дворов.

Град неровным белым слоем покрыл асфальт, на котором прекрасно стали видны следы ног людей, кривые линии от шин автомобилей и …. Следы зверя, не собаки. Нет. Чего-то большого. И этот зверь бежал впереди меня, где-то далеко.

– Осторожно! Он бежит к тебе! – в отчаяньи позвала её, – сворачивай на другую улицу!

Мне хотелось думать, что это сон, что я всего лишь сошла с ума, что на самом деле ничего этого нет и что через минуту кто-то меня остановит, вызовет скорую, санитаров, что кошмар кончится и очнусь я в больничной палате, где умный доктор обязательно улыбнётся, даст лекарство и скажет, что всё будет хорошо.

Но вместо этого бегу, задыхаясь от боли в боку, зная, как

важно успеть. Если мы встретимся, то станем сильнее, будет легче. Но в сердце зудел противный липкий страх, что несмотря ни на что, нам не справится, даже вдвоём. Обречённые, не сможем спастись, воюя неизвестно с чем.

– Кто же это? Что ему надо? Почему именно мы? – в который раз вслух задаю одни и те же вопросы, – неужели всё из-за того, что она спасла меня? Неужели я должна умереть, чтобы этот кошмар закончился?

«Нет! – совершенно забыла, что она слышит мои мысли, – не смей умирать! Даже думать об этом не смей!»

Я невольно улыбнулась и свернула в переулок, хорошо мне знакомый, ведь часто раньше тут дорогу срезала. Откуда-то знала, что нужно повернуть именно здесь, перелезть через калитку, и тогда мы встретимся.

Пару раз упала, дождь мешал видеть, но каждый раз поднималась. И вот, когда я снова поскользнулась на мокрой земле, то услышала за спиной тихое вибрирующее рычание. Судорожно оглянулась, чувствуя как хрустнули позвонки в спине от резкого движения, и увидела, как он застыл на входе в подворотню. Огромный пёс, голодный, как сама смерть, и тело его соткано из серой пустоты.

Я полулежала на земле, боясь шевельнуться, не смея дышать, ждала, что он предпримет.

Зверь шумно втягивал воздух, пару раз делал рыскающие движения то вправо, то влево, принюхивался, но…

«Он тебя не чует. Не шевелись, – её шёпот в сознании вернул меня к жизни, сердце снова начало биться, – вода мешает. Он нас просто не видит!»

Зверь завыл и бросился прочь от подворотни, решив, что я побежала дальше.

Подогнулись руки, ноги будто онемели, тело не чувствовало ничего, только то и дело сотрясалось от страха и холода.

«Я рядом. Давай, милая, родная моя, ещё немного, – она почти умоляла меня, и я поднялась. В самом-то деле, ещё немного осталось.

До той самой калитки оставалось меньше пятидесяти шагов, как вновь за моей спиной прозвучал безумный раздирающий вой. Нашёл.

И я побежала, увидев за оградой её, ускорилась. Главное – это не оглядываться, не смотреть за спину, а только вперёд. Теперь я понимаю, что чувствуют те, кого безжалостно загоняют в угол.

Забор я перелетела за одно мгновение, хотя раньше мне требовалось минуты три, чтобы перелезть. Но я неудачно спрыгнула, а потому просто упала в её объятья.

Она обнимала меня, как самого родного человека в мире, плакала, смеялась, улыбалась, целовала, а я была счастлива. Но зверь никуда не ушёл. Напротив, ещё меньше времени, чем мне, ему требовалось, чтобы оттолкнуться от земли и перепрыгнуть жалкую преграду, а после, застыть, кровожадно скаля зубы на никчёмных, уставших и вымотанных жертв.

Вот так мы и замерли: я, сидевшая на земле, она, обнимающая меня за плечи, зверь и дождь, танцующий с градом по крышам домов.

– Я люблю тебя, – шёпотом, призналась ей, пока было время, пока мы ещё живы. Ведь действительно люблю, непонятно правда за что, а просто люблю.

– Я тебя люблю, – услышала её ответный сорванный шёпот, почувствовала, как она сильнее прижалась ко мне.

И зверь прыгнул. Я закрыла глаза, прощаясь с жизнью. Но… спустя минуту послышался яростный вой. Осмелев, я открыла глаза. Она дрожала, сжимая мои плечи, и тоже смотрела широко раскрытыми глазами.

Зверь метался, прыгал, рвал когтями воздух, выл, страшно выл, но не мог достать нас. И длился будто вечность его обречённый танец, пока не закончился град, а вслед за ним и дождь. Небо обретало краски, мир вновь становился самим собой.

Никогда раньше я настолько не радовалась лучам солнца, пробившимся сквозь паутину серых туч.

Зверь наших кошмаров взвыл в последний раз, остановился, ведомый жаждой крови, рванулся в последний раз к нам, но… Он опоздал. Я это понимала, она это понимала. Он тоже понял…

Кошмар растаял, исчез, испарился на глазах, превратившись в ничто, в воспоминание. Наконец-то он стал тем, чем и должен был быть – страшным глупым сном.

Мы сидели с ней в луже, на асфальте, она всё так же обнимала меня за плечи, плакала, а я смеялась. Свобода…

Эпилог.

Я переехала жить к ней, потому что мы не могли долго обходиться друг без друга. Конечно, приходилось тратить кучу времени на дорогу в университет и обратно, но мне не о чём было жалеть.

Странная связь между нами осталась, правда, несколько ослабла, но каждая из нас всегда знала, что чувствовала другая. Первое время это пугало, казалось, что я перестаю быть собой, что нет уже только меня, а есть кто-то другой. Один человек, состоящий из двух равноправных половинок. И грань между мной и ей настолько истончилась, что соблюдать равновесие казалось

совершенно невозможно. Но мы справлялись.

И всё в мире теряло значение, когда мы были вместе. Когда проводили вечера, гуляя по Питеру, встречали рассветы, смеялись, плакали, ругались, мирились.

Я уговорила её бросить курить – моё это внезапное увлечение окончилось, будто оборванное, вместе с кошмарами, – а она учила меня рисовать и играть на гитаре. Вот и сегодня мы вышли на площадку: она с гитарой и последней сигаретой, я с чашкой горячего чая.

– Давай напополам? В память о том, что уже позади… – попросила я, счастливо и немного застенчиво улыбаясь.

– Хорошо, но тогда сегодня с тебя ужин.

– Договорились…

Заиграла тихая мелодия, курилась напополам последняя сигарета, догорало солнце за окном – начиналась ночь. Сделав большой глоток чая, я подумала, что мне наконец-то тепло. Подслушав мои мысли, она улыбнулась мне и начала играть мою любимую песню.

Давай помолчим…

Автор : Сулмор

Бета : Dark_Flame

Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : G

Жанр : Драббл

Размер : min

Описание :

Мысленный монолог.

Дисклаймер :

Рассвет, дорога в никуда, а может быть, домой.

На асфальте карта города, трещинами, переплетёнными. Дыхание ровное, тихое, спокойное. Взгляд в бесконечность чистого неба, да и солнце неяркое, сонное. Дорога в мыслях и в молчании… Громкий отчаянный смех – пугающий.

Плотные кольца дыма сквозь уставшие губы в высоту к голубым небесам. Хорошо… Молчание.

Шаги и сигареты, мысли, как настроение дождя – переменные. Переменные в жизни и времена – постоянные только состояния, да и то в короткие, ограниченные нами, мгновения. Это мы ограниченные, окольцованные сознательностью,

правильностью, разумом, поступками, обществом, чуждым мнением.

Семнадцатилетняя война с самим собой – бури и грозы, переменные дожди, поражения… И вновь по кругу шаги, и снова сигаретный дым.

Вокруг меня так много стен, тонких линий на асфальте, границ, нагромождений слов – всё пусто, сердце безучастно к ним, равнодушное и спокойное, тихое, ровное. Шаги, рассвет, дорога к дому, сигаретный дым, ветер, небо, облака, почти свобода – всё моё. Вот такое – простое, юное, обычное, немного наивное.

Когда же я наконец приду домой…

Давай же помолчим хоть раз вдвоём. Зачем всё снова, как по кругу, повторять, давно слова меж нами пали и выросли не в красивые переплетённые мосты, а в стены без границ и края.

Давай же помолчим вдвоём, возможно, тогда не надо будет строить замки, хитросплетения, капканы. Не надо будет врать, лукавить, ведь можно просто задумчиво куда-нибудь смотреть и, внезапно, встретившись глазами, научиться улыбаться без обмана.

Пойми, я устала говорить и объяснять, что чувствую или просто знаю. Мне нравиться сидеть с тобой вдвоём, молчать, пить чай, смотреть в окно. Не правда ли, всё просто?

Хочешь, как-нибудь потом, я расскажу, что думала тогда, когда луч солнца чёрное небо разодрал на части? Могу сказать о том, как сильно люблю я слушать время. Спросить тебя, что ты знаешь о мире в целом, о новых войнах, о людях, попавших в вечерние новости. Узнать, что за сон сегодня снился. Почему мы вместе, если между нами стены?

И тогда, быть может, смогу объяснить, что мне так нравится в твоей улыбке, жестах, глупой привычке безбожно врать. И сочинить о нас с тобой нелепый, ни о чём, рассказ.

Но сначала, давай, просто помолчим вдвоём…

Время
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
Странное настроение под влиянием весны и бессонной ночи

Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат их создателям.

Время капает на землю. Давно уж стихло солнце, замолчало... А я всё сижу и смотрю, как время падает и падает на землю...

Смотрю и хочу, чтобы она пришла ко мне сама. Не я её позвала. Не я к ней пришла. А она позвонила бы ко мне в дверь. Пусть не звонит, может и просто постучать, если захочет, но пусть приходит на чай, либо кофе... Пусть, если хочет, курит свои сигареты — я не против.

Просто, сидя на окне, я в сотый раз думаю, как будто в бреду, что время капает на землю. Падает и разбивается на сотни, тысячи минут и секунд. Они разлетаются в разные стороны, теряясь там, где люди никогда больше не смогут их найти и подарить кому-нибудь другому. Люди часто теряют время, когда просто сидят, ждут и ничего не делают.

Ну, а я вот просто хотела бы, чтобы она позвала меня, а я пришла, потому что достало сидеть и сходить с ума, в то время как падает на пыльную землю моё время, которое я могла бы потратить на что-то нужное.

Наверное, я одинока. Скорей всего (теоретически, может быть), это — вероятно — так. Ведь я почему-то сижу и притворяюсь, что я — одна, завороженная собственной тоской, и повторяю с рваными интервалами строчку из песни:

— Мой друг не пьёт и не курит, — делаю паузу, слабо улыбаюсь. — Лучше бы пил и курил, я бы чаще к нему заходил.

Смеюсь, потому что, кажется, снова больна...

Стаскиваю себя с окна, беру забытые ею сигареты, закрываю дверь в свою квартиру — сегодня она точно не придёт, даже если время упадёт на землю.

Иду по коридору, смеюсь, как будто плачу. Обрываю дикий смех на вдохе, дышу рвано, тяжело.

Крепче сжимаю в руке её сигареты — как жаль, что я не курю.

Поднимаясь на лифте, начинаю, как обычно, насвистывать давно уж знакомую всем на этом этаже мелодию — так она всегда может узнать, что это я к ней иду в гости, на кофе или чай...

Я не успеваю дойти до двери, как мне открывают.

— Привет, — говорю.

— Привет, — улыбается. — Кофе?

— Чай с малиной — я простыла, — протягиваю пачку ментоловых сигарет. — Ты забыла.

— Как хорошо, что ты не куришь, а то бы хрен вернула, — кладёт пачку на место, потом варит себе кофе.

А я, улыбаясь, жду, когда закипит чайник, и думаю о том, что где-то там кто-то один, возможно, ну, скорей всего, сидит сейчас на окне и смотрит, как время громко капает на землю...

От Питера до Москвы
Автор : Сулмор, Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
История о любви под звуки стучащих колес, и далеких расстояниях.
Дисклаймер :
-

Время как будто остановилось. На бесконечно долгое мгновение, когда солнце, послав на прощанье алый луч, ушло, чтобы встать для кого-то утром, с новым днём. Сердце сжалось от неясной тоски, и глаза странно заблестели от переполнявших душу эмоций: красоты заката, спокойного любования, предвкушения радости, робкой надежды, нахлынувшей печали, горечи обид, причинённых случайно, не со зла....

Скрипнула дверь балкона, раздались осторожные шаги, а потом родные руки нежно обняли сзади — в груди что-то дрогнуло, а по телу разлилось такое привычное, но как всегда долгожданное тепло, чувство защищённости, надёжности...

Запах ванили, недавно выпитого кофе, фруктового шампуня и чего-то ещё обволакивали, подчиняли мысли, манили закрыть глаза и окунуться в ощущения безвозвратно. Потерять, отдать себя навсегда.

Никотиновый дым вдруг показался лишним, начатая не так давно сигарета была безжалостно и без сожалений отправлена в свободный полёт. Покрасневшие от слёз глаза удовлетворённо закрылись, и весь мир наконец-то стал другим.

Отчётливее стали слышны звуки гудящего где-то за окном города: газующие автомобили, шум проезжающих по мокрому асфальту шин, раздающаяся где-то в отдалении музыка, ритм каблучков, многократно усиливающийся в пустынном переулке за поворотом, отчаянный вой в очередной раз сработавшей под окнами сигнализации и шелест ветра по крышам, где-то на самой границе слышимости...

Не открывая глаз, знала, что...

Солнце ушло, а на улицах вновь зажглись фонари, чтобы помочь кому-нибудь найти дорогу домой, а кому-то не дать споткнуться, чтобы кто-то увидел ключи, что случайно выпали из кармана сумки...

В привычный шум любимого города вплетается тихий шёпот:

— Я была не права. Простишь?

— Уже давно простила, — и нет нужды врать, ведь сложно по-настоящему злиться на того, кого любишь.

— Прости, — лёгкий поцелуй в ушко, — прости...

Ещё одно будто случайное касание губ, мягко и приятно щекочущих шею:

— Прости... Я просто сорвалась... Устала с работы...

Разозлилась, непонятно на что...

Кажется, что время сегодня окончательно сошло с ума — тянущееся до этого в одиночестве, оно словно сорвалось, пустилось догонять упущенное, и секунды побежали вереницей. Множество быстрых, разгорячающих кожу поцелуев, нежные объятия, лёгкие прикосновения ласкающих рук и её чуть слышное сквозь уличный шум дыхание совсем рядом, успокаивающее и волнующее одновременно... Эти мгновения просто взорвали в душе все глупые обиды, а осколки боли оказались настолько ничтожны, что мгновенно исчезали, не выдерживая тепла любящего сердца...

Так просто — уйти от переживаний, оставив за спиной город, безлунную ночь, дороги, очерченные светом фонарей, ночные улицы, спешащих домой людей...

Осталось только отвернуться, чтобы пропасть в другом мире, состоящем из полумрака балкона, открытой двери в комнату, мягкой уютной кровати, бессвязного шёпота слов, жарких касаний, сумбурных мыслей, исканий друг друга в темноте и ощущения обретённого счастья...

***

Первый раз Катя начала просыпаться, когда Женя, так приятно лежавшая рядом, прижавшись щекой к её спине, решила, что пора вставать... Впрочем, это было лишь незначительной помехой, и она вновь провалилась в сладкий сон, греясь под ласковыми лучами утреннего солнца, заглянувшего в окно. Во второй раз, кроме привычного дневного шума и суеты, настойчиво и приятно пробуждали вкусные запахи с кухни... Утро началось уже в обед, что, впрочем, не мешало совести спокойно спать — благодаря выходным и вечному стремлению людей искать малейший повод, чтобы отдохнуть от рабочих будней и надоевшего режима... Тело подсказывало воспользоваться удивительным шансом, а именно отоспаться, хорошо поесть и потерять очередной кусок жизни во всемирной паутине интернета, не тратя лишних сил на какие-либо физические действия, а пока что — хорошо понежиться перед тем, как встать.

Но у Жени, очевидно, были другие планы, потому как она,

устав предлагать пойти позавтракать или, хотя бы, учитывая время, пообедать, бросилась стаскивать с Кати столь обожаемое и любимое сейчас одеяло.

— Ну пойдём же! Уже всё остыло! С добрым утром! Собирайся, а то обязательно куда-нибудь опоздаем!

— Куда?! — ткань хоть и жалобно затрещала, но одеяло вернулось к своей хозяйке.

— Ка-а-ать, ну? Неужели ты хочешь все выходные провести в кровати? — Женя предприняла попытку украсть подушку, но вместо этого лишь оказалась безжалостно пойманной и закутанной в то же самое одеяло.

— Я считаю, что мысль провести всё это время в кровати будет самой лучшей моей идеей за всю жизнь! — уже проснувшись и вполне осознанно ласково проговорила Катя, целуя любимую, не давай ей и шанса что-либо сказать в защиту идеи выбраться из дома. Впрочем, Женя была уже совсем не против оставить пока эту мысль...

***

— Я всё-таки за то, чтобы куда-нибудь выбраться... — Женя уютно пристроила голову на Катином плече, мечтательно глядя на солнце за окном, уже приобретающее рыжеватый вечерний оттенок, да наслаждалась тем, как нежно и немного лениво Катя гладила её волосы, щекотала за ушком, а иногда мягко и немного дразняще проводила по шее...

— И куда ты хотела меня вытащить сегодня?

— На речку можно выбраться, шашлыки сделать, посидеть у костра. Марине позвонить, да и Костю давно не видели, он с той недели всё звонит и предлагает устроить хороший праздник на выходных, вспомнить студенческое время...

Катя задумчиво присоединилась к ленивому разглядыванию пейзажа за окном — мысли текли сумбурно и как-то рывками:

«Выбраться отсюда куда-нибудь... надо. Сменить обстановку. Боюсь, что мы обе устали. Ссоримся часто. С работой не ладится, друзей забыли, да и почему-то к ним сейчас совсем не хочется».

— Понимаешь, — Женя тем временем продолжила говорить, — мне всё равно куда. С тобой хочу! Не хочу вспоминать ни про маму с её вечными уговорами вернуться к нормальной жизни, ни про то, что ремонт в ванной не доделан, ни про работу...

— Кстати, что на работе-то вчера такого случилось, что ты вся издёрганная пришла?

— Да начальник, — неохотно решила всё-таки рассказать, — он из-за Жанны совсем с ума сошёл, влюбился, причём так, что вообще голову потерял. Жить без неё не может, готов что угодно ради неё сделать, а Жанне плевать — не нужен он ей, а ситуацией всё равно подло пользуется. Крутит им, выбивает себе проекты повыгодней. Многие недовольны, Димка вообще по собственному ушёл — хороший парень, кстати, мы с ним дружили. Сказал, что если начальник не делом занимается, а только свои проблемы в личной жизни пытается безрезультатно разрешить, то предприятию точно скоро придёт конец.

— М-м-м, кажется, ты что-то уже об этом говорила, — Катя припомнила точнее. — Вроде, так уже месяц с лишним?

— Ну да, только ситуация с каждым днём всё хуже... Я боюсь, как бы Димкины предсказания не оправдались. Да ещё и Люба лишних нервов добавляет, не могу быть безучастной, жалко мне её...

— Хм?

Женя нахмурилась, припоминания, как вновь вчера пыталась вразумить свою подругу по работе:

— Она пьёт. И пьёт по-страшному. Приходит почти всегда бледная, с кругами под глазами, и ведь даже работает, но как-то на автомате... Я просто не знаю, как помочь. Уже даже в офисе — вчера с утра завалилась, видимо, всё ещё пьяная, или с похмелья, достала в обед втихаря из стола бутылку... Тут уж я на неё разозлилась, наорала сгоряча, она остановилась, но, сама понимаешь, что не надолго — вечером она опять пьяная с работы уходила. А в чём дело, она так и не признаётся, такой уж человек — всегда держит все проблемы в себе...

— Послушай, а что тебя держит? Может, прямо сейчас и уйдёшь с этой работы? — Катя обеспокоено сжала плечо любимой.

— Не могу. Я была там чуть ли не с самого начала. Если я уйду, то, считай, перечеркну четыре года жизни, мне работа нравится, к тому же, — она, словно отталкивая злые воспоминания, попыталась засмеяться, — всё не так плохо! Это просто временная депрессия у людей, бывают ведь и весной обострения! Люди устали, нервничают, переживают, но скоро придут в себя после зимы, и всё будет снова хорошо…

— Как скажешь… — разбуженной горькими словами душе вдруг вспомнился родной город, залитый робким весенним солнцем, набережная, любимое кафе, улицы, скрипящие качели в родном дворе. — Жень, а как насчёт того, чтобы навестить Питер? У меня с того года две недели отпуска остались, так и не отгуляла до конца…

На мгновение Кате показалось, что ответ будет твёрдое «нет» — обязательно найдутся какие-либо вполне логичные причины не ехать, Жене надо будет брать за свой счёт, а предложение нелепое и необдуманное, и она даже мысленно успела согласиться с этим голосом разума…

— Поехали! — а потом, наконец-то искренне улыбнувшись, Женя с каким-то странным предвкушением счастливо добавила:

— Поехали! Я не против! Даже надо! А то ещё тоже вместе со всеми с ума сойду…

****

Уже на следующей неделе посетители многолюдного московского вокзала имели удовольствие наблюдать, как две молодые женщины, радостно подшучивая друг над другом, шли с огромными дорожными сумками, под завязку забитыми только самыми необходимыми вещами. Начало дня казалось абсолютно удачным, удивительным и прекрасным, душу грело новое чувство чего-то необычного, яркого, светлого. Улыбки сами собой появлялись на лицах, а настроение было настолько хорошим, что даже толчея на перроне не могла ему помешать.

Купе показалось уютным и долгожданным, и даже в стоящем

поезде уже тянуло хорошо устроиться и без лишних мыслей смотреть в окно...

По громкой связи объявили, что заканчивается посадка — все заторопились, принялись обниматься и говорить друг другу тёплые слова, договариваться о следующих встречах, плакать от нахлынувших чувств и махать руками на прощание.

Женя, предпочитая всё же отдохнуть от вокзальной суеты, осталась в купе, а Катя стояла на перроне, докуривая сигарету, витая мыслями где-то совсем далеко. Она смотрела на дым, лениво растворяющийся в воздухе, щурила глаза от яркого солнца, и весенний ветерок трепал волосы, забирался за распахнутый ворот любимого пальто, пьянил душу, переполняя тело ощущением неясной свободы. Так легко не было уже давно.

— Скоро уже отправляемся! — проводница приглашающе указала на дверь вагона, Катя кивнула, ловким щелчком отправила окурок в ближайшую урну, удивившись самой себе, и запрыгнула на высокую ступеньку.

На мгновение оглянувшись, она увидела, как из прибывшего на соседнюю платформу поезда вышла молодая девушка, закинула на хрупкое плечо сумку и, широко улыбнувшись, громко крикнула:

— Здравствуй, Москва! Привет тебе от Вики и моего родного города!

Катя ухмыльнулась и покачала головой:

— Странно как-то даже... — она прошла по узкому коридору, и, открыв дверь купе, улыбнулась. — Жень! Представь себе, я только что видела девушку, которая точь-в-точь повторила мои слова, когда я первый раз сюда приехала! Как представлю себя в то время — стою и ору на платформе — так смешно становится. Интересно, она тоже, как и я, обещала подруге поприветствовать столицу? Даже любопытно стало, что она будет потом делать, куда пойдёт... может, она ещё чем-нибудь на меня похожа...

— М-м-м, и такое бывает, — Женя согласилась, с видом философской задумчивости допивая сок из коробочки, а потом прыснула со смеха. — Думаешь, что и дальше всё совпадёт?

— Не! Так не бывает!

Катя села рядом с Женей, обняла и легко поцеловала в щёчку, и подумала:

«Но если всё-таки бывает, то тогда искренне желаю ей удачи… — вспомнив себя пару лет назад, она мысленно обратилась к той девушке, — и, ради всего святого, не ешь ты шаурму на вокзале!»

*****

— М-м-м, вкусно, — Вика откусила ещё один кусок лаваша с мясом, и кивнула для убедительности, обращаясь к улыбающемуся от уха до уха продавцу. — Спасибо!

— И чего все их так ругают? — пробормотала девушка, с удовольствием ощущая, как сосущее чувства голода перестаёт быть центральной проблемой в мыслях.

«Так, что там у нас по плану? — достала карту метро, пытаясь найти нужную станцию. — Измайловский парк, где же ты, где? Ещё и гостиницу потом искать придётся, но ведь сказали, что это просто будет, значит, приду и сразу увижу… Будем считать, что так… Ага! Нашла!»

Запомнила, как добраться, да первым делом — после еды, конечно, — решила уладить все дела с временным местом жительства.

«И всё-таки я рискую… — тревога в сердце поселилась давно, несмотря на то, что девушка уже сто раз для себя всё решила. — Нет, всё нормально. Потом маме скажу — она поймёт, а сейчас… Зря, что ли, всё прошлое лето работала в этом проклятом магазине?! Деньги свои, а не родителей…»

Тень сомнения всё же отразилась в серых глазах:

«Не, ну на самом деле, никто и не узнает сейчас, а мама потом обрадуется, что я в университет поступила. Правда, поучениями она меня замучает за такое самовольство, будет всё вспоминать, что люблю я взять и какую-нибудь глупость выкинуть… Но ведь если удастся поступить — поругает, да и простит…»

Совесть наконец-то сдалась, уступив место в мыслях радужным надеждам — будущее манило и притягивало своей неизвестностью. Ноги словно пританцовывали от лёгкости на душе, белые кеды отыграли на ступеньках весёлый мотив, а луч солнца скользнул вслед за девушкой в темноту Московского метрополитена.

***

— Ка-а-ать?! Ты где всё летаешь? — Женя спрыгнула с верхней полки и внимательно посмотрела в любимые серые глаза. — О чём думаешь?

— Да так, — улыбнулась, отрешённо смотря за окно, — ни о чём особенном. Вспоминаю.

Женя чуть нахмурилась, наклонив голову вправо, словно надеясь разглядеть подозрительные мысли, но поневоле залюбовалась игрой света в таких странно-серьёзных сейчас глазах. Легла, положив голову любимой на колени, с удовольствием чувствуя нежность и ласку от Катиных рук, принявшихся привычно гладить по голове, перебирая пряди волос.

— Послушай, — мимолётное молчание, — а как считаешь, я тогда правильно поступила, что маму обманула? Мне всё кажется, что надо было сразу сказать, а не скрывать. Думаю, она всё-таки поняла бы меня. Да?

— Наверное, — она поневоле задумалась, — хотя, я её ведь плохо знаю. Да и тогда она не хотела тебя вообще никуда от себя отпускать. Ты говорила, что постоянно скандалы были.

— Ну ладно… Это всё теперь не важно, — Катя помотала головой, отгоняя печальные воспоминания. — Ведь сейчас-то хорошо. Мама и сама рада, что всё так случилось. Кстати, она нас очень ждёт — я недавно звонила, предупредила.

— Отлично! Наконец-то с ней нормально поговорим.

— Ну, вы там особо не откровенничайте…

— Пф-ф! А это уже наше дело, — Женя подмигнула и громко

расхохоталась, когда увидела шутовскую гримасу ужаса на лице Кати, наконец-то отвлёкшейся от серьёзных мыслей.

Улыбка и хорошее настроение снова вернулись в купе, а поезд ехал дальше, мягко стуча колёсами по изъезженным рельсам.

****

— Мужчина! Уберите свои руки подальше от меня и моих карманов! Там всё равно даже мелочи нет! — какая-то дамочка возмущённо одёрнула куртку, отодвигаясь подальше от полностью обескураженного таким поворотом дел молодого человека, случайно зажатого в толпе. Люди рядом обернулись и замедлили шаг, заинтересованно прислушиваясь, но больше ничего не произошло. Инцидент вскоре всеми позабылся, и толпа спокойно потекла дальше — ведь и не такое в метро случается.

«Ну, дела! — девушка растерянно улыбнулась, подбадривая себя, и спрятала подальше кошелёк. — Будет просто чудесно, если меня обворуют. Хотя... не-е-е, такого со мной точно не случится, зачем я ворам? Ну не похожа я на человека, у которого с собой много денег».

Сумка успела натереть плечо, кеды — ноги, а тело после ночи в поезде наконец-то начало болеть, давая знать об отлёжанных на плоском матрасе боках, но запас хорошего настроения тем не менее не стремился заканчиваться. Вот только живот подозрительно болел.

Быстро сориентировавшись на незнакомой территории, хоть и два раза свернув не туда, девушка всё-таки добралась до нужной ветки, благо, это действительно было не трудно.

— Бауманская, следующая... — просипел динамик женским голосом, сорвавшимся на невнятный шум и потрескивание.

«М-м, нет, пожалуй, в Бауманку я потом зайду, после того, как в номер заселюсь. Так надёжнее», — отложила она решение на потом, а сердце отчего-то застучало быстрее, слушая пронизывающий пространство свободный ветер метро.

— Всё будет хорошо... — тихо пробормотала, прогоняя навалившийся вдруг откуда-то страх, сглотнула, да поудобнее

перехватила ремень сумки.

****

— Здравствуйте, я номер бронировала на сегодня, — гостиницу, оказалось, действительно легко найти, но вот огромная очередь людей, приехавших отдохнуть на праздники, показалась девушке просто испытанием предела её человеческих нервов.

— Пожалуйста, дайте для регистрации ваш паспорт и документы.

Спустя ещё минут пять:

— Сорокина Виктория? Вот ваш ключ, и эту карточку, главное, не забывайте брать с собой — она показывает, что вы действительно проживаете в этом отеле, и на ней указаны необходимые личные данные. Приятного времяпрепровождения, — и, слегка раздражённо, что не удавалось совсем скрыть в голосе, но с неизменной обязательной улыбкой громко продолжила. — Следующий!

— Спасибо. До свидания, — Вика улыбнулась: главное — это всегда вежливо попрощаться.

Поднявшись в лифте на пятнадцатый этаж, Вика просто ввалилась в свой номер, закинула на кровать сумку, да сама упала рядом:

— Ва-а-а! Уста-а-а-ала! Жуть! — повалявшись, да чуть привыкнув к обстановке в стандартном, по сути, номере, встала, отдёрнула занавеску, открыла окно и… мысли её перешли в сплошные эмоции. — Всё. Пропала. Я влюбилась…

— Эй! Москва, я тебя люблю! — Вика рассмеялась, чувствуя, как душу переполняет волнение напополам с надеждой, а в глазах отражался незамысловатый пейзаж большого города: множество домов, лежащие где-то внизу дороги, по которым мелькали машины, тротуары, заполненные спешащими людьми…

«Так, помыться, чуть отдохнуть и вперёд! Сегодня надо успеть много-много дел, — Вика отошла от окна, зная, что в сердце теперь что-то изменилось: внутри окончательно воцарилась одна

только мысль. Детское, глупое и такое наивное желание жить именно в этом городе. — Я буду здесь жить. Когда-нибудь... обязательно!»

Нарушая идиллию момента, что-то остро кольнуло в боку.

— М-м-м, только что же живот так болит? — постанывая, она отправилась смывать с себя усталость бесконечного утра.

****

Вика закуталась в большое белое полотенце, наскоро высушила длинные русые волосы, подумывая о том, что неплохо было бы что-нибудь поесть, да и надо как-то занять вечер.

Комната оказалась залитой солнечным светом, свежий весенний ветер развевал занавески — простота и романтика гостиничных номеров, незамысловатая, но притягательная. Постояв в задумчивости над сумкой, Вика решила пока отложить обустройство комнаты, оставив гостиничный порядок в его первозданном состоянии.

Поразмыслив, чем бы ещё сейчас можно заняться, Вика легла на кровать, взяв в руки сотовый телефон и, терзаемая сомнениями, решилась и всё-таки нашла нужный номер в списке контактов.

— Алло, Маша?

— Да, это кто? — подозрительно ответил сонный голос.

— М-м-м, это Вика, — девушка постаралась унять сумасшедший бег сердца, — Я училась в 50 школе, в физмате, там же, где и ты пару лет назад... Помнишь, мы с тобой познакомились в поезде: я — со школьной экскурсии в Питер возвращалась, с классом, а ты к родителям ехала, у тебя тогда в институте зимние каникулы были...

— Всё! — радостно и с некоторой долей облегчения в голосе прервала затянувшийся монолог Маша. — Вспомнила! Привет, Вик! Ты прости, не сразу поняла. Неужели всё-таки в Москву выбралась?

— Да, — шальная улыбка. — Решила попробовать поступить

в Бауманку и в МИФИ, буду олимпиады писать.

— Молодец! А чего к нам в Питер, в МИСиС не захотела?

— Почему это не захотела? Мне пришлось выбирать! — деланное возмущение. — Просто там олимпиады намного позже начинаются, а тут уже сейчас можно, к тому же — за неделю их целых две...

— Ого, а ты получается, надолго. Где остановилась?

— В Измайловской... — небольшая пауза. — А пока есть свободное от учёбы время, хочу после дороги отдохнуть. Маша, как насчёт вечером в кино сходить? Если не занята, конечно!

— С удовольствием, — улыбка чувствовалась даже на таком расстоянии. — Тебя где подхватить?

— На Бауманской в пять, подойдёт? Я регистрацию пройду и совершенно свободна буду.

— Угу, а то я только встала... Хоть собраться успею. Ладно, тогда до встречи!

— До встречи! — повесила трубку и с облегчением вздохнула. — Уф, я уж испугалась, что она забыла...

Вика привстала на кровати, поддерживая одной рукой полотенце, а второй по-прежнему сжимая телефон, и подумала о том, что судьба иногда приносит удивительные знакомства. Улыбнулась, вспоминая, как они с Машей, учившейся тогда уже на втором курсе, проговорили всю ночь в тамбуре. Сначала она рассказывала, что нового случилось в их общей школе. Потом долго обсуждали учителей, любимые предметы, и сошлись во мнении, что физика — лучше всех, а в какой-то момент разговор вообще ушёл далеко от школьной тематики, и начали обсуждать всё на свете. Утром они, совершенно не выспавшиеся, но безумно довольные, обменялись перед выходом на перрон номерами телефонов, договорившись, что когда-нибудь ещё обязательно встретятся.

***

— Чай, кофе желаете? — проводница, постучав, заглянула

в купе. — Печенье, вафли?

— Чай, — Женя отвлеклась от разгадывания сканворда, легонько толкнула локтём Катю, призывая ту снять наушники и отвлечься от мечтаний.

— Что? — Катя заметила проводницу, немного улыбнулась, хотя скорей собственным мыслям, чем окружающему миру. — Понятно… Мне кофе, если не трудно.

— Хорошо, чай, — записала, — кофе… А вы что-нибудь будете?

— Нет, у меня всё с собой, — демонстративно поднял походный термос пожилой мужчина с расползающимся брюшком, севший в поезд на полустанке. Он отвернулся от проводницы, взглянув на всех по очереди с выражением явного превосходства, и с удовольствием продолжил прерванную трапезу, взяв на этот раз со стола ещё один бутерброд с копчёной колбасой.

— Хорошо, всё сейчас принесу, — проводница ушла, не закрыв дверь, которая минуту спустя от неожиданного рывка поезда с грохотом резко захлопнулась. Катя недовольно поморщилась от громкого звука и наконец-то вернулась к действительности, что сразу же было замечено и использовано:

— Эй, а с чего это ты на кофе нацелилась? С год ведь уже, как не пьёшь его, — спросила Женя, подозрительно поглядывая на любимую.

Дверь снова открылась:

— Вот, с вас двадцать рублей, — проводница втиснула кружки на стол, подвинув стратегические запасы соседа по купе, прихватившего с собой недельный запас еды. Принимая деньги, поблагодарила и отправилась дальше, на этот раз аккуратно и тихо прикрыв дверь купе.

Катя размешала кофе, сделала небольшой глоток и, почти мурлыкая, сказала:

— Ностальгия…

***

— А-а-а, Вика! Привет! — Маша обняла девушку, долго не желая отпускать, раскачивала её и тормошила. — Просто не верится! Как тебя вообще сюда занесло?!

— Да так, — Вика стояла, не сопротивляясь столь фамильярному обращению, счастливая и немного ошарашенная такой реакцией. — Всё-таки решилась пребывать в Москве… хоть и инкогнито.

— Это как? Скрываешься что ли от кого?

— Не, не так! Я решила здесь на высшее поступать, сама. Просто родители не знают, то есть… — Вика честно призналась себе, — скорее всего не знают. Я сказала, что неделю буду на даче у подруги жить.

— Хм? Тебя, насколько помню, вообще никуда одну не отпускают, а тут к подруге аж на неделю? — с сомнением проговорила Маша, вглядываясь в чуть опечаленное лицо.

— Они этой подруге доверяют, — улыбнулась, — кстати, её тоже Маша зовут. У нас семьи дружат, да и то, конечно, мне пришлось долго мать уговаривать, чтобы отпустила.

— Ладно, каждый волен делать свои глупости, — она махнула рукой, и, приобняв за плечи, повела девушку к выходу из метро. — Ты расскажи, какие впечатления от Москвы? И вообще, когда у тебя олимпиада?

— Олимпиада по физике послезавтра. А в Москву, — счастливый смех, — я влюблена!

— Как и все, кого я знаю, когда они в Москву приезжали! — самодовольно заявила Маша, как будто это в неё все влюблены. — А в гостинице как устроилась? Нормально?

— Да, всё хорошо, только…

— Что?

— Почему на Измайловской столько собак? Я пока шла, насчитала около дюжины. Страшно немного от таких стай. И все толстые такие, даже завидно!

— Ну, а ты думала, почему в Москве так много ларьков с шаурмой? — схохмила Маша.

— Да ну тебя! Это не правда, что в шаурме мясо «особое»! — живот возмущённо заурчал, и Вика поневоле скривилась от покалывающей боли. — Да и лучше вообще не поминать к вечеру этот злосчастный лаваш! Пойдём, поедим чего-нибудь нормального.

— Хорошо, — и Маша по-свойски взяла под руку Вику, которая уже ничему не удивлялась, мечтая только о предстоящем приятном вечере в кино и вкусном ужине. Стараясь при этом не обращать внимание на ноющий живот и на всякий случай не думать о животных.

— М-м-м, Вик, а любишь кофе?

— Обожаю, — ухмыльнулась. — Жить без него не могу.

— Вот и отлично! Тогда сначала в блинную, а потом в Кофе-Хаус! И я сегодня угощаю!

— Обойдёшься! Не позволю!

Маша лишь загадочно улыбнулась:

— А кто тебя спрашивать будет?

****

— Как хреново-то, — Вика, свернувшись в клубок, лежала на кровати, слушала, как Маша пытается добиться по телефону от горничной, чтобы та принесла просто стакан горячей воды.

— Да не хочу я туда кофе сыпать! Чай тоже не хочу! И крутой кипяток не надо, просто горячей воды… кипячёной… да, самой обычной… Спасибо…

— Зачем мне кипяток?

— Лечить тебя будем, горе, — Маша помахала пакетиком купленной по дороге Смекты. — Вот честно мне скажи, на кой тебе понадобилось жрать, извиняюсь, эту шаурму? Да ещё

и рядом с вокзалом!

— Стало любопытно, вроде она выглядела аппетитно, да и есть сильно хотелось...ой, блииин, — тут опять резко кольнуло в боку, и девушка ещё сильнее прижала руки к животу. В дверь постучали.

— Вот тебе и «блин», — недовольно проворчала Маша, открывая дверь.

— Это вы заказывали стакан воды?

— Да, спасибо большое...

Звук захлопнувшейся от сквозняка двери окончательно внёс сумбур и тревогу в Машины мысли — почему-то чувствовала она странную ответственность за эту девчонку.

А Вика почти ничего не слушала, сосредоточившись только на колющей боли в животе. Так получилось, что посреди фильма ей стало просто невыносимо плохо, поэтому Маша и предпочла как можно быстрее отвести её в гостиницу.

— Держи, пей, — стакан был наполнен мутной белой жидкостью, неприятной как на цвет, так и, судя по запаху, на вкус.

Молча смирившись со своей судьбой, Вика попыталась осилить напиток залпом, но только обожгла язык. Пришлось пить мелкими глотками, стараясь не обращать внимания на гадкий вкус, а Маша лишь грустно улыбалась и сидела рядом.

— М-м-м, спасибо, — поставила кружку на тумбочку и снова попыталась свернуться клубком на кровати.

— Не за что, — пару мгновений Маша смотрела на побледневшую и измученную девушку, и тяжело вздохнув, всё-таки решилась. — Двигайся сюда, поближе...

Она легла рядом с Викой, повернув ту на спину, положила её голову к себе на левую руку, а ладонь правой осторожно опустила на больной живот.

— Когда я мелкой была, то как-то летом отравилась

арбузом, — начала она объяснять, поглаживая живот строго по часовой стрелке. — Было это в Сочи, мы ещё тогда к моему дяде отправились отдыхать, с отцом и двоюродной сестрой. И в ту ночь, когда я так неудачно заболела, мы как раз на поезде ехали. Помню, что плохо было — словами не сказать. Так сестрёнка посадила меня к себе на колени и всю дорогу гладила мне живот. Стоило ей перестать это делать, как боль возвращалась, — Маша замолчала, а потом всё же спросила. — Это ничего, что я так, ну...?

— Нормально, без тебя бы я точно пропала... — впадая в лёгкую полудрёму, пробормотала Вика, буквально боясь пошевелиться, потому что боль, зачарованная ласковой рукой, действительно отступила...

А солнце садилось за горизонт, и если бы кто-нибудь поглядел в этот момент в окно, то ему бы показалось, что огромный огненный шар падает на разрозненные обломки некогда единого города. Но несмотря на то, что почти каждый вечер солнце безжалостно разрушает стены, погружая дома на горизонте в игру света и тени, он, город, по-прежнему стоит, живёт, не одну сотню лет...

— Расскажи что-нибудь, — почти шёпотом попросила Вика, зачарованная игрой света, отражающегося на домах, что кажутся от этого фантастическими скалами, вечерними солнечными лучами, падающими из окна, теплом, нежностью, чувством защищённости. — Что-нибудь о себе.

— Что можно рассказать? — Маша улыбнулась. — Я люблю лето, чтобы было тепло и солнечно. Но не люблю плавать: и на речную воду, и на море мне больше смотреть нравится, а в воду неохота, разве что вдоль прибоя походить. Хотя купаться вообще люблю. Обожаю сидеть в ванной, и чтобы ароматизированные свечки по краям стояли... Запахи корицы и ванили мне больше всего нравятся...

Люблю кататься на велосипеде. Помню, как-то в детстве, когда только-только ездить научилась, я села на свой трёхколёсный, а папа за мной поехал, чтобы ничего не случилось. Я тогда ещё в Питере жила. Представляешь, я, мелкая, смогла переправиться через мост, проехать по всей главной улице, а остановилась только, когда уже к Зареченскому району подъехала...

— Так не бывает... — Вика улыбнулась, всё же внутренне желая верить каждому слову. И почувствовала, что уже засыпает...

****

— Ну, герой-инкогнито, как экзамен?

— А-а-а, лучше не спрашивай, — махнула рукой на всё Вика и, радостная, обняла свою новую, как она надеялась, лучшую подругу. — По-моему, я — полный лох. Вышла с экзамена и только тогда поняла, сколько ошибок наделала... Причём знаю ведь сейчас, как правильно сделать!

— Ладно, не расстраивайся так уж. Пойдём гулять? Или отдохнуть хочешь?

— Какое там отдохнуть... — Вика рассмеялась. — Ты не поверишь, но я есть хочу! Умираю просто.

— Ну, как насчёт шаурмы? — ехидно улыбнулась Маша, снова беря под руку девушку, которая нравилась ей всё больше и больше. Да и не верилось, что Вика может уехать отсюда меньше, чем через неделю...

— Не-не-не! Никакой шаурмы больше! Кстати, спасибо. Ты прости, пожалуйста: мало того, что в кино чуть не померла, всё удовольствие испортила, так ещё ты со мной весь вечер провозилась...

— Ничего страшного, поверь, — Маша в задумчивости посмотрела на смущённую и растерянную Вику. — Послушай, а, может, ко мне на эти дни переедешь? У меня как раз недавно родственники уехали, дома пусто и скучно. Сэкономишь хотя бы...

— Хм? Заманчиво, — девушки остановились, смотря друг на друга. — Но, знаешь... Нет, я откажусь.

— Понятно, — Маша несколько разочарованно вздохнула и отвела взгляд.

«Видно, ещё не доверяет», — подумала и вздрогнула, когда Вика неожиданно поцеловала её в щёку и смущённо пробормотала, словно бы услышав чужие мысли:

— Я тебе доверяю. Честно. Просто хочу сама со всем справиться, понимаешь? Приехала я сюда на свои деньги, сама так решила. Провалю экзамены, значит… Значит, попытаюсь снова, пока не получится. Не обижайся только, ладно?

— Ни в коем случае. Раз сама, так сама. Твоё право! — Маша улыбнулась, и девушки, вполне довольные друг другом, пошли дальше, выбирая, в какое кафе зайти на этот раз.

***

Неделя отдыха пролетела незаметно, но зато все прошлые проблемы показались смешными и незначительными. Катя и Женя вдоволь нагулялись, посмотрели все возможные достопримечательности города, начиная от музеев, в которых были последний раз, наверное, в школе, до любимой кофейни и оставленной когда-то давно памятной надписи на стене. Мама Катерины спокойно и доброжелательно отнеслась к гостьям, радостная, что может пообщаться с дочерью, которую уже давно не видела.

Всю неделю Катя и не вспоминала про странный случай с девушкой, которую встретила на вокзале перед отъездом. Не вспоминала и про своё прошлое, наслаждаясь каждым моментом, проводимым рядом с любимой.

Лишь в тот вечер, когда вещи уже были собраны, и надо было скоро уезжать, она молча смотрела на закат из окна некогда своей комнаты, погружённая в мысли. Лёгкий ветерок от сквозняка подвинул на полу листочек, выпавший при сборах из старого блокнота, и отвлёк её от отрешённой задумчивости.

— Женя? — не оглядываясь, предположила, что любимая может стоять за её спиной.

— Как догадалась? — она подошла и открыла вторую створку окна, чтобы, облокотившись на подоконник, встать рядом и встретить ещё один закат вместе.

— Не знаю, просто… просто знала. Послушай, а почему всё так получилось? Мне ведь тогда всего-то балла для поступления на бесплатное с общежитием не хватило. Что было бы…

— Не думай об этом. Ведь всё хорошо. Я вот даже рада, что ты тогда в Питере оказалась…

— Почему?! — Катя удивлённо посмотрела на расслабленно улыбающуюся Женю, которая не обратила на её возмущённый вопрос должного внимания.

— Да потому, что и так всё быстро происходило. За какую-то неделю я влюбилась в тебя, так что запросто могла наделать глупостей, задержись ты ещё хотя бы на пару дней. И хорошо, что у тебя благоразумия хватило остаться жить в гостинице. Хотя, в твоём случае, это была просто гордость и упрямство.

— И что? Разве это плохо? — Катя недовольно проворчала. — Конечно, мне нравилось потом с тобой переписываться, да иногда ездить в Москву на выходные, это было каждый раз как подарок. Но этого времени так не хватало…

— Зато ты, да и я, по правде, за это время, проведённое поодиночке, здорово изменились. Ты подумай, мы, только-только освободившиеся от опеки родителей, оказались предоставлены сами себе в большом городе… Мы бы или зашли сразу слишком далеко, а потом стали друг в друге сомневаться, или бы перессорились, потому что обе были упрямые… мне кажется, тогда бы вообще ничего не вышло… не готовы мы были к серьёзным отношениям. Я за то время, пока жили в разных городах, поняла: я настолько хочу быть с тобой, что не буду от тебя многого требовать и сама хочу меняться ради тебя. Нет, лично я рада, что всё так, а не иначе…

Катя обняла, поцеловала Женю и прошептала:

— Я тоже рада… Сейчас я действительно рада, что всё именно так, как есть… Главное, что ты вместе со мной…

***

В Москве Маша провожала на вечерний поезд девушку, которая полюбила этот город всей душой, свою новую подругу Вику, мечтающую вернуться и остаться здесь навсегда. Каждая старалась не смотреть другой в глаза, потому что боялись не сдержать эмоций и расплакаться, но украдкой то и дело бросали друг на друга взгляды. Только уже на перроне обернулись друг к другу:

— Я буду скучать…

— Возвращайся скорее…

Одновременно сказанные слова, лёгкое объятие, быстрый поцелуй в щёку, и, к сожалению, уже пора садиться в поезд.

Вика, смущённо и немного грустно улыбаясь, возвращалась домой, лёжа на монотонно подрагивающей верхней полке, и думала о том, как будет оправдываться перед родителями, а Маша шла к метро, чтобы попытаться найти конечную станцию на Кольцевой — ту, на которой ей надоест ездить по кругу и предаваться мечтательным мыслям. Одну из них вскоре ждал скандал, другую — вечер, посвящённый воспоминаниям о прошедшей волшебной неделе.

Катя и Женя тоже возвращались к себе домой, в Москву, и в полутёмном купе ночного поезда им почему-то совершенно не хотелось спать. Они сидели обнявшись и смотрели в окно, провожая взглядом маленькие города, спящие уже в такое время, которые поезд пересекал буквально за пару минут, виднеющиеся где-то вдалеке посёлки с едва различимыми в темноте лёгкими дымками поверх крыш и встречные поезда. В какой-то момент Кате показалось, что она увидела в окне промелькнувшего на соседнем пути поезда знакомое лицо… Она хотела сказать об этой любимой, но заметила, что Женя уже спит, положив голову ей на плечо. Катя аккуратно обняла её, уложила на тощую купейную подушку, прижавшись щекой к щеке, уютно пристроившись рядом, и даже не заметила, как почти сразу же уснула…

А в какой-то московской квартире Любовь, пьющая от тоски женщина, содрогаясь то ли от жалости к себе, то ли от внезапного и ненадёжного чувства облегчения, выливала в раковину так и не допитую бутылку, а рядом лежал номер врача, который должен был бы помочь. Помочь справиться и жить дальше. Она, не скрывая больше нахлынувших чувств, словно освобождаясь от них, плакала, у неё дрожали руки, но какая-то немного сумасшедшая и отчаянная улыбка появлялась на вновь оживающем лице.

И по ночному городу ехал мужчина, в чьём сердце жила ненавистная ему привязанность. Ему казалось, что надеяться

больше не на что, но и в этом он ещё боялся себе признаться. Как же ему хотелось всё бросить, выжать до предела педаль газа и исчезнуть... Но в эту ночь Москва смогла подарить ему только дорогу из слившихся на опасной скорости в бесконечную линию фонарей...

Ну, а завтра...

А завтра — просто будет.

Может быть, это действительно весна?
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
Год за годом, каждый раз, весна меняет людей, заставляя делать самые странные вещи.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

— Послушай, ты не права.

— Почему это? — хитро прищурившись, она открывает пачку сигарет, при этом внимательно следя за моей недовольной мордашкой.

— Скажи, зачем ты купила эти тупые сигареты?! Ты же не курила раньше! — и уже более тихим голосом, излишне обеспокоенно, добавляю:

— Почему? Что-то случилось?

Она оглядывается в поисках того, чем бы прикурить, ничего не находит, вопросительно смотрит на меня:

— Есть зажигалка? Или спички?

— Иди нафиг, — дуюсь. — Чего вообще происходит-то?

— Ну, не обижайся, — мягко улыбается, подходит ко мне, протягивает пачку, да и вызывающе так говорит, — хочешь? Давай вместе со мной.

Молчу, думаю, как бы так её помягче послать. Отчаявшись, снова пытаюсь достучаться до равнодушно-безумных глаз:

— Если объяснишь, что случилось, то я выкурю эту злосчастную сигарету вместе с тобой.

— Окей, — она кивает и идёт в коридор: надевает ботинки, накидывает лёгкую весеннюю курточку, потом, оглянувшись на меня, весело улыбается. — Пойдём, покажу почему.

— Ась? — наверное, у меня абсолютно глупое сейчас выражение лица. — Куда?

— Пойдём! — она, как всегда, бесцеремонно возвращается прямо в обуви в комнату, хватает за руку, снова идёт к выходу.

— Эй! Чего с тобой сегодня?!

Не слушая ничего, молча надевает мне на ноги кроссовки, одёргивает джинсы, стряхивая с них застывшую грязь и соль, снимает с вешалки курточку — накидывает на плечи. С полки берёт мою любимую кепку, натягивает по самые глаза, потом неожиданно мягко целует в щёчку, ласково говорит:

— Пойдём, я кое-что видела вчера, что до сих пор сердце не на месте.

— И что? — спрашиваю, закрывая за нами дверь квартиры. — Разве это повод начать курить?

— Нет, — отвечают мне опять с усмешкой, и, проходя мимо мусорки, я удовлетворённо замечаю, что она выбросила так и не начатую пачку сигарет.

***

Мы идём по лужам, иногда перепрыгивая особо глубокие непроходимые участки, солнце хоть и светит ярко прямо в глаза, но мало греет. Не знаю почему, но у меня действительно хорошее

настроение. Возможно, всё дело в том, что ноги у меня безнадёжно промокли, видно, рано ходить в кроссовках, от солнца слезятся глаза, как будто я плачу по кому-то, грущу о чём-то, но на сердце одновременно и тревожно, и по-весеннему легко...

Впереди меня на полшага идёт она, крепко держа за ладонь, словно я могу потеряться или просто являюсь единственным ей реально близким человеком. Так же постоянно трёт слезящиеся глаза, хмурится, сосредоточено ищет дорогу сквозь море талого весеннего льда...

Не выдержав, весело смеюсь.

— Что такое? — недоумённо, слегка неуверенно улыбается, вопросительно изгибает аккуратную бровь. — Ты чего смеёшься?

— Да мы с тобой на чёрти кого похожи! Прёмся, как танки на баррикады, расталкивая всех, глаза у обеих красные, да и вообще такой вид, будто мы идём спасать мир или подвиги совершать, — пробую объяснить, что именно меня так рассмешило, но не могу подобрать слова. Правда, каким-то образом она всё понимает:

— Ладно, ты права, просто... Увидишь, поймёшь. Тут недолго осталось уже.

Минут через пять останавливаемся у обшарпанного угла дома.

— Вот, смотри, — она указывает на старушку, что продаёт цветы рядом с остановкой, постоянно ёжащуюся от карающего только её уставшее сердце холода, горбящуюся — ведь не в силах уже держать спину прямо. — Вчера, я, когда гуляла, то случайно вышла на этой остановке. И как раз застала премерзкий момент... Там парень покупал цветы, для девушки, стоявшей с ним рядом. А она вся такая... ну, такая...

Нервно взмахнув руками, она прислоняется к стене, горько посмотрев из-под лохматой чёлки:

— Как объяснить-то... Вся такая из себя, вот. Это, наверное, самое верное определение... Высокомерно вздёрнутые брови, нос горбинкой, на пальцах не ногти, а когти, да ещё и в чёрный

покрашенные. Чистая ведьма с примесью гламура. Презрение в глазах. Да и парень рядом с ней тоже хорош: слуга, потерявший голову, покорный, жалкий, но… Не плохой, просто сошедший с ума от любви. У них то ли спор какой был, то ли ещё что-то, но этот несчастный мальчик, что-то доказывая, либо таким образом прося прощения, обратился к старушке, с просьбой выбрать самые лучшие цветы для самой прекрасной девушки.

Закрыв глаза, тихим, хриплым голосом продолжает свой рассказ, а я стою и смотрю на залитую светом остановку, пытаясь представить то, что произошло здесь вчера:

— Старушка эта тут же засуетилась, начала выбирать действительно красивые — лично мне такие бы понравились. Со словами: «Я их сама вырастила», — протянула букет пареньку, тот, не глядя, заплатил, схватил букет и протянул его девушке, пренебрежительно смотрящей куда-то в сторону.

«Возьми, — говорил он. — Я тебя люблю! Будь со мной!»

А увидев её язвительную ухмылку, прикусил губу (я видела! До крови даже!), с трудом, но продолжил:

«Тогда, молю, прошу, позволь быть рядом… Просто быть.»

И девушка, знаешь, так мило улыбнулась ему, потрепала по голове, заставив парня окаменеть, взяла букет из его рук и… Кинула цветы на дорогу, покачала головой, холодно обронив на прощанье: «Всегда ненавидела как цветы, так и тебя», — потом развернулась, ушла.

Парень не смог даже ничего сказать, хотя, чувствовалось, что хотел закричать. И…безвольно пошёл за ней.

Но больше всего меня поразила не эта жалкая трагедия, а глаза старушки, смотрящей, как цветы, которые она с любовью выращивала, собирала самый прекрасный букет для самой прекрасной девушки с искренней заботой, так — эти цветы через пару мгновений раздавил, разорвал, убил подъехавший по расписанию автобус… По моему, бабушка даже заплакала. От этого мне… На душе осадок остался, будто я сама её боль почувствовала. Понимаешь?

Она открывает глаза, вырывая себя из воспоминаний, грустно

улыбается и всё старается не заплакать.

— Это глупо, знаю, но мне так больно стало... О-х-х-х! — закрыв голову руками, опускается на корточки, царапая куртку о шершавую стену чужого незнакомого дома. — Я такая глупая! Прости, наверное, это просто весна, нервное....

Я ничего не говорю, а просто направляюсь к остановке, подхожу к той самой старушке, да и искренне прошу:

— Бабушка, не могли бы вы выбрать самые лучшие цветы для действительно самой прекрасной девушки?

Улыбаюсь, надеясь, что мне не откажут. Старушка подозрительно смотрит на меня, но, увидев мою улыбку, либо что-то ещё разглядев во мне то, что я не замечаю, просто не знаю, потом говорит:

— Соберу, только не выбрасывай их, вот и всё, что прошу... — её голос надломленный, но глаза светятся какой-то бесконечной теплотой, добротой.

— Обещаю! — почти смеюсь, принимая цветы с благодарностью. — Спасибо! Правда, спасибо за такие красивые цветы!

— Ох, чего уж там... — качает головой. — Эх, вы, молодые, кровь горячая....

— Это всё весна! — всё-таки не могу, да и не хочу держать внутри себя смех, бегу обратно к углу дома...

А она всё так же сидит, спрятав лицо в ладонях — такое чувство, что на время исчезла из этого мира.

— Эй, — тихонько зову, а когда она поднимает глаза, протягиваю цветы. — Самый лучший букет для самой прекрасной девушки... от меня!

Она сначала смотрит на меня удивлённо, растерянно, а потом улыбается, смеётся. Поднимается, утирая слёзы:

— Спасибо! — крепко прижимается ко мне, обнимая. — Спасибо...

Смеётся и плачет.

Наверное, это всё-таки весна виновата. А, иначе, почему люди начинают вдруг ни с того ни с сего с ума сходить?

Просто так…

Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : G
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
Бессонная ночь и неожиданная гостья.
Дисклаймер :
-

«Тебе совсем не обязательно быть психом, чтобы быть моим другом, но так реально легче»
из интернета

Стук в дверь, звонок, затем два раза стук, два раза звенит звонок…

«Сейчас должны постучать три раза, — думаю сквозь сон. — О, угадала… Хм, один раз позвонили, странно, должны были три раза, а тут только два…»

Разбуженная своими мыслями, я встала с трудом, закуталась в одеяло, да пошла открывать дверь.

— М-м-м? — в переводе на нормальный язык это звучало бы как: «Кто там?»

— Это я… — абсолютно не понимая, кто это, всё же открываю. Похоже, что человек за дверью точно уверен, что его узнают, раз даже имя не называет.

— А-а-а, это ты… — улыбаюсь и смотрю. Ты стоишь и тоже смотришь.

Стоим так минуту, а может меньше, а может и больше — не знаю. Кажется, я просто заснула, прислонившись к косяку двери.

— Кхм, мне не спится, — виновато улыбаешься и теребишь край футболки. У тебя красные глаза, волосы растрёпанные, а ещё ты в домашних тапках на босу ногу. Но если в целом смотреть, то просто вид человека, не спавшего примерно трое суток...

— Заходи, — позволяю войти, плотнее закутываясь в одеяло. — Что-то случилось?

— Да нет... — говоришь уже из моей комнаты, садишься на кровать и обнимаешь подушку. — Не знаю...

За окном ещё темно — боюсь посмотреть на часы и узнать время, — свет включать, понятно дело, не хочется. Смешно иду, путаясь в большом одеяле, а добравшись, всё же спотыкаюсь, но падаю уже на кровать.

Ты занимаешь ровно половину пространства, а ещё в твоих руках моя подушка — и это кажется неразрешимой задачей для того, кто безумно хочет спать. А потому я, тяжело вздохнув, смиряюсь со своей участью и спрашиваю:

— Что не спишь тогда?

— Бессонница, наверное, — говоришь и смотришь куда-то за окно, на звёзды, которых всё равно сейчас не видно — одни тёмные тучи. — Вот сидела я в интернете...

— Ну-ну, а гово... — мою язвительную фразу прерывает протяжный зевок, — кхм, то есть, а говоришь, что бессонница! Лучше бы попробовала полежать с закрытыми глазами, — снова зеваю, — в сто раз больше шансов уснуть будет.

— Пробовала... — мнёшь и терзаешь подушку, а я с жадностью смотрю на твой объект мучений, мечтая только о том, чтобы вернуть её на место и досмотреть прерванный волшебный сон. — Не помогло. Вот и в инет полезла.

Снова зеваю, пытаюсь устроиться на второй половине кровати, свернувшись клубком, но терплю в своих начинаниях крах, и поэтому просто сажусь рядом с тобой, также смотрю вдаль, на скрытые в облаках звёзды за тёмным окном.

— Чайник включи, — ворчу, пытаясь отобрать подушку,

чтобы положить её нам под спину, а то стена всё-таки холодная и неудобная.

— Какой чайник? Где? На кухне что ли? — наконец-то помимо отрешённой усталости на твоём лице отразилось полное удивление и непонимание.

— Нет, — киваю на стол, на котором стоит ноут, а рядом с ним в розетку включен чайник. — Вон там. Нажми на кнопку, вроде вода ещё оставалась.

Ты послушно выполняешь указание и задаёшь вполне резонный вопрос:

— А с какого перепоя чайник тут стоит?

— Да мне лень было на кухню таскаться каждый раз, вот и притащила его сюда... — молчим и слушаем, как бурлит и кипит вода.

— Странная ты.

— Ага — сказала она, притащившись ко мне посреди ночи с красными от недосыпа глазами, — передразниваю, отчего улыбка, так знакомая мне, снова играет на твоих губах.

— Извини, если хочешь, то...

— Да оставайся, чего уж там, — машу рукой, а потом наклоняюсь вперёд, чтобы добраться до чашки, стоящей под кроватью. Достаю и чашку, и даже сахарницу. На твой немой вопрос хмуро отвечаю:

— Лучше не спрашивай.

Ты смеёшься, и это так странно — слышать твой весёлый смех в полутьме пустой квартиры. Когда тишину нарушает лишь свисток от чайника.

— Наливай, — протягиваю чашку. — Правда, второй нет, так что...

— Ничего, мне тоже лень идти за ещё одной, — хоть и аккуратно наливаешь, не пролив кипятка, но я замечаю, что

руки у тебя дрожат.

Мы сидим и пьём чай из одной чашки.

— Ну, сидела ты в инете и... — мягко подталкиваю я тебя к продолжению прерванной мысли.

— А? — спросила, словно вдруг очнувшись от дрёмы. — Да я всё дурью какой-то маялась...

— Какой именно?

— Набирала в строке поиска разные слова. Добро, зло, любовь, ненависть, свет, тьма, отчаянье, надежда... И смотрела, сколько страниц с искомыми словами существует в интернете.

Я рассмеялась — это действительно звучало забавно:

— Так же как-то раз делала. К каким выводам пришла?

Ты молчишь некоторое время и улыбаешься — спокойной и нежной задумчивой улыбкой. А я смотрю на тебя и думаю о чём-то совершенно другом, мне не так важен этот разговор, ведь он ни о чём. Но всё-таки...

— Я решила, что в мире много всяких глупых обид, злых слов, точнее... Сами слова ничего не значат, а важен лишь тот смысл, который мы им придаём, но... Мне как будто легче знать, что даже в интернете на слово «Добро» нашлось 106 миллионов страниц, а на «Зло» — лишь жалкие 27 миллионов.

Твоя голова уже давно лежит на моём плече, а слова, что ты говоришь, слышатся глухо и как-то невнятно, словно вот-вот и уснёшь:

— А ещё я искала наш город на электронной карте — пыталась увеличить до такой степени, чтобы увидеть этот дом. Но не получилось. А так обидно стало... Хотелось узнать, горит ли у тебя свет, спишь или ещё нет? Потом стало совсем грустно, поэтому и пришла.

— Понятно, — допиваю последний глоток чая, кружку передаю тебе, и ты ставишь её на самый край стола.

— Упадёт, — замечаю.

— Не упадёт, — слышу улыбку в голосе. — Послушай...

— Что? — расслабленно интересуюсь, а глаза уже закрыты, да такая приятная родная тяжесть на плече, что хочется остановить время навсегда. Либо...

— Мне хочется затормозить эту ночь, — ты говоришь, будто продолжая мои собственные мысли. — Пусть она когда-нибудь закончится, но не сейчас, а потом... И время будет медленно проплывать мимо, а за окном тучи тоже истончатся, ближе к рассвету, и появятся яркие утренние звёзды...

— Угу, — немного вяло соглашаюсь, так как лень уже даже думать, а не то что говорить. Похоже, ты со мной в этом согласна, и поэтому мы очень долго просто сидим, опираясь друг на друга, прижав спинами к холодной стене подушку и постепенно сползая на кровать, в более привычное ночью лежачее положение.

Мы засыпаем, думая каждая о своём, но перед тем, как окончательно поддаться очарованию ночи, я слышу твои нечёткие слова, сказанные во сне:

— Если прочитать слово «радар» наоборот, то получится «радар»...

«Вот ведь псих на мою голову», — улыбаюсь и засыпаю, всё-таки поделившись напоследок с тобой одеялом.

Есть ещё здесь хоть кто-то кроме меня...
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
Что может случиться, если ночью всему миру заявить о своем хорошем настроении? Возможно, в тебя кинут тапком, но есть и шанс, завести самые необычные знакомства.
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Час сумерек давно прошёл, на небе появились первые звёзды, а рядом с ними своё законное место занял месяц. И, странное дело, весь мир вокруг тут же стал другим: все кошки вдруг почему-то серые, дома такие сонные, самые обычные улицы, по которым каждый день идёшь на работу, либо учёбу, а, может, и просто гуляешь, превратились в неизведанные таинственные дороги.

А этой тёплой, но не душной летней ночью можно было увидеть, как, плутая тёмными дворами, решив немного срезать путь, возвращалась домой девушка. Было заметно, что она пьяна, но, признаться, в этом нет ничего зазорного. Ведь как-никак лучший друг решил, наконец, остепениться и завести семью, а за это не грех поднять бокал вина...

Девушка чувствовала что-то особенное, что просто ощущалось в воздухе, наполненном тихой музыкой летней ночи. Хотелось петь, хотелось танцевать, хотелось быть счастливой! Так хотелось...

Ей так хотелось поделиться с кем-нибудь переполнявшим душу счастьем, что, не особо стесняясь, она крикнула так громко, как только могла:

— Эй! Есть здесь кто-нибудь, кто не спит?! Э-хей!

И засмеялась, довольная собой.

— А если спите, то вы столько потеряли! — снова смех. Пусть она и понимала, что ведёт себя как сущий ребёнок, но ничего не могла с собой поделать: лето, ночь, звёзды, смех, радость, жизнь!

— Проснись и пой!! — от переполнявшей тело энергии и жажды деятельности девушка разбежалась и высоко-высоко, как ей казалось, подпрыгнула, снова засмеявшись:

— Э-хей! Люди! Есть кто живой?!!

В этот момент открылось окно балкона, расположенное на втором этаже дома, мимо которого как раз и шла, пританцовывая, девушка. Из него донёсся недовольный, чуть хриплый со сна

голос:

— Да, блин! Я живая! Довольна? Чего орёшь? Час ночи уже.

— Эмм, да так, — признаться, девушка почувствовала довольно-таки ощутимый укол совести, наконец-то поняв, что действительно могла разбудить кого-то.

— Настроение у меня просто хорошее, — попыталась оправдаться.

— Я всё понимаю — сама люблю так же покричать. Но мне завтра, то есть уже сегодня, вставать рано, так что... прошу тебя, прекрати орать у меня под окнами.

— Ладно-ладно, больше не буду, — девушка подняла руки в знак того, что сдаётся, и улыбнулась — почему-то не хотелось прерывать разговор. — Зачем тебе рано вставать? Ведь в воскресенье только психи работают.

Протяжно зевнув и с удовольствием потянувшись, разбуженная незнакомка немного недовольно, но не злобно, пожаловалась:

— Меня настойчиво так попросили сделать пару снимков, а ехать до места съёмки о-го-го как долго, поэтому и надо будет встать чуть ли не в 5 утра.

— Снимок? Ты что фотограф?

— Только учусь, — в голосе почувствовалась лёгкая улыбка.

— Разве этому учатся?

— Конечно, как и любой другой профессии.

Насмешливо:

— И как? Получается?

— Определённые успехи есть, — неуверенно. — Ладно, я спать пошла, меньше четырёх часов осталось до будильника...

— Я хочу посмотреть! — решительно, особо не думая, а

повинуясь скорее настроению, чем логике.

— Что? На то, как я спать пойду? Девушка, вы меня пугаете, — чуть ли не смеясь заметила случайная знакомая, но всё-таки до сих пор ведь не ушла.

— Да нет! Я про снимки. Про фотографии и всё такое...

«Что я несу? Как идиотка, пристала к бедной девушке... — быстро проносится растерянная мысль, — Что за бред?...»

— Хм? Можно, в принципе, — лёгкая заинтересованность. — Как тебя зовут?

В следующий момент из балкона, расположенного этажом выше, донёсся грубый мужской бас:

— Лерка! Харе девчонок там клеить!

— Сергей Михайлович, что вы кричите! — тут же послышался уже ломающийся мальчишеский голосок из соседнего окна, — пусть девушки разговаривают — жалко, что ли? Мешаете им только...

— А ты молчи! Ночь, спать всем пора! Устроили тут чёрт знает что!

Девушки испуганно притихли, не зная, что и ответить на это.

— Сергей, вы что опять там полуночничаете? — слышно, как женщина, явно недовольная тем, что её тоже разбудили, вопрошает из соседнего с мужчиной балкона. — А ты, Антон, спать иди. Тоже мне тут нашёл, кого подслушивать.

— Марья Дмитриевна, я не подслушивал!

— Спать иди, смотри, маме твоей скажу, что опять по ночам не спишь, в окна любуешься, знаю я на что!

«Дурдом какой-то, а не дом», — девушки и не подозревали, что в этот момент подумали одно и то же.

— Во-во, так его и надо! Молодёжь совсем распоясалась! — надрывный старческий, проникающий в самую душу резкий голос

заставил всех вздрогнуть и поморщиться. — Лерка — распутница! Что бы родители твои сказали?! Как ты себя ведёшь?!! Ремня тебе надо! После смерти бабки совсем очумела!

— Зинаида Львовна! — мужчина и женщина начали хором, но мужской голос оказался громче. — Вас только тут не хватало! Спите!

— Уснёшь тут! А что? Разве я не права?!

По всему дому то и дело начал загораться свет в квартирах, высовывались из окон любопытные — всем хотелось послушать и поучаствовать в общем хаосе.

— Не травите девчонку — ей и так тяжело! — женщина, определённо, начала раздражаться.

— Было бы тяжко, не вела себя как последняя...

— Зинаида Львовна!

— А я-то чаво сразу? — старушка всё более входила во вкус. — Шляется целыми днями, одна живёт, мужика нет, хотя и взрослая девка уже...

Постепенно к обсуждению личной жизни девушки, уже сто раз пожалевшей, что вообще не сдержалась и начала столь нелепый разговор, подключились все соседи. И понеслось...

— Лера, тебя ведь Лера зовут? — осторожно, но громко спросила, уже не боясь нашуметь в поднявшемся гаме, чувствуя себя безумно виноватой девушка, в эту ночь нечаянно разбудившая отдельно взятый дом.

— Да, — устало и немного обречённо, — Довольна?

— Извини. Слушай, мне и вправду стыдно, — девушка стояла, понурив голову, не зная, куда бы спрятать глаза.

— Как твоё имя-то?

— Ксюша.

— Значит так, с тебя шоколадка и вот, — Лера на пару

мгновений исчезла из окна, а, вернувшись, сказала. — Лови визитку. Позвонишь в понедельник вечером — придумаю, что ещё с тебя потребовать такого.

— Хорошо! — визитка, сложенная в виде самолётика, истребителем упала на асфальт к ногам Ксюши, что тут же её подобрала. — Я позвоню! Честно. Только если дашь фотографии посмотреть.

— Уговорила! Ладно уж, теперь точно пора спать, — тёплые и по-прежнему насмешливые нотки звучали в голосе Леры. — Пока. Что б тебе спалось столько же и так же, как и мне этой ночью!

— Ну спасибо… — Ксюша улыбалась, чувствуя, что сердце гоняет кровь быстрее, что хочется опять озорно танцевать, хочется кричать от восторга ещё сильнее, чем до этой странной встречи. — Спокойного остатка ночи.

Дождавшись, когда Лера закроет окно, крикнула, что было сил:

— И вам всем спокойной ночи! — и пошла быстрее домой…

— Да уже светает, в единственный выходной спать не дают! — мужской бас.

— Сергей Михайлович, угомонитесь! — рассерженная Марья Дмитриевна.

— Да ну вас всех, из-за вас я ничего не услышал, что девчонки говорили! — недовольный Антон.

— Молодежь нынче такое творит, такое творит, — старушка, что живёт совершенно одна на склоне лет.

— Зинаида Львовна!

— А я-то чаво сразу?! Ремня им надо…

— Спите уже!

****

«Позвонить в понедельник вечером», — Ксюша в

задумчивости крутанулась на кресле, разглядывая помятую визитку. Стол был завален всяческими бумагами, документами, дисками, черновиками со всякими важными заметками, но сегодня девушке совершенно не работалось, мысли разбредались, а сосредоточиться получалось только на белой картонке с номером телефона Леры.

«А если позвоню раньше, сейчас, например? Если что, то сразу же брошу трубку, — думала она. — Всё равно ведь не узнает, что это я».

Зачем ей вообще звонить — этого Ксения и сама не могла понять, просто безумно хотелось ещё раз услышать тот странный, чуть хрипловатый, но почему-то безумно приятный голос. К тому же то странное происшествие казалось просто абсурдным сном! Вот только хотелось верить, что он, сон то есть, ещё не закончился...

«Довольно! Что со мной происходит? Веду себя, как полоумная! Не прикоснусь к телефону до вечера! — строго приказав себе больше не думать о всякой ерунде, девушка отложила визитку к остальной горе документов, секунду подумала и всё-таки прикрепила её к монитору. — Так надёжнее, а то ещё потеряю...».

Встала, налила кофе в любимую ярко-оранжевую кружку, грустно посмотрела на стол и... отчаянно ругая саму себя, смущаясь сверх меры, взяла визитку обратно и набрала номер телефона.

***

— Это был бесконечный день! — закрыв поскорее за собой дверь, тем самым избавившись старым как мир жестом от всех проблем, Лера зашла в квартиру. Прошла по коридору в комнату, не сняв обуви, с размаха закинула сумку на диван, камеру сняла с шеи и аккуратно положила на столик, заваленный всяческими мелочами: крем для рук, чёрная тушь, расчёска, карандаши, несколько светофильтров в коробочках и недочитанная книга Достоевского «Игрок»...

Проверила автоответчик, который любезно сообщил, что новых сообщений нет.

— Вот и отлично, хоть отдохну, — сладко потянулась и, стянув с себя кроссовки, кинула их под батарею, сушиться, а сама просто упала на широкий мягкий диван.

В наушниках, перекинутых через плечи, до сих пор играла на полной громкости музыка, что немного успокаивало расшатанные нервы, постепенно Лера закрыла глаза, но ей почему-то не спалось:

«Понедельник день тяжёлый, хорошо, что он скоро закончится. Завтра легче будет, хоть не так много работы. Да и вообще, можно и выходной себе устроить. В конце концов, заслужила! — мысли перескакивали с одной темы на другую, внутренний монолог продолжался. — Отдохнуть — это точно неплохая идея. Интересно, та девушка, что меня разбудила в воскресенье, и из-за которой я не выспалась, свободна? — лёгкая мечтательная улыбка, — определённо интересно, свободна ли она... во всех смыслах...»

Лера сладко зевнула, подтянула к себе колени и в очередной раз подумала, что устала и хочет отдохнуть:

«Вот как было бы здорово придти, и чтобы кто-нибудь ждал тебя дома. Начал бы ворчать, что, дескать, где я шлялась, почему так поздно пришла, какого чёрта хожу по квартире в грязных кроссовках, раскидываю везде вещи. Да хотя бы... — девушка на мгновенье задумалась и вдруг, как бы само собой, вспомнила лицо Ксении, пусть и плохо сохранившееся в памяти, но определённо приятное, — вот она бы встретила меня, сначала бы накричала, а, может, и вовсе не стала меня терзать, а приготовила бы кофе. Нет, лучше чая... Принесла бы сюда, села рядом, приласкала...»

Совсем уж погрязнув в мечтах, Лера и не заметила, как задремала, поэтому, когда зазвонил телефон, на автомате взяла трубку, и лишь потом осознала, что случайно сказала вместо привычного «Алло»:

— Ксюша...

— Д-да, — удивлённый голос. — Привет, как догадалась?

«Бли-и-ин, замечталась!» — недовольно подумала Лера, резко принимая сидячее положение и пытаясь что-нибудь придумать в

оправдание:

— Да... это... новый номер, кроме тебя, так получилось, никто его и не знает, — довольная, что придумала сносное объяснение, она, радостно улыбаясь, спросила:

— Чем занималась? И как дела?

— Да я сегодня на работе была — завал страшный, — потом послышались неуверенные интонации, — но вроде почти справилась...

— Молодец! А я только пришла...

— Знаю, ведь... — и оборвала фразу на начале, будто что-то не решившись договорить.

— А откуда знаешь? — Лера с удивлением осознала, что ей важно получить ответ, улыбка её стала шире, а в глазах так и плясало игривое настроение. — Звонила?

— Да, — потом, словно извиняясь. — Не удержалась и позвонила раньше, но у тебя был автоответчик, а потом... уже пару раз, ближе к вечеру...

— По-онятно.

«Ого, а девушка случаем не... — мысленно одёргивая себя. — Пока рано судить!»

— М-м-м, Ксюш, — Лера посмотрела на часы, объективно оценила своё плачевное физическое состояние, поняла, что силы на нуле, но...

— Что?

— А пойдём сейчас куда-нибудь? Погуляем, я знаю клуб один хороший. Ты как?

— Можно, — но слышались сомнения в голосе. — Только если не слишком долго — мне завтра на работе надо будет кое-что доделать, что сегодня не успела.

Лера воодушевилась:

— Как скажешь! Ну, где встретимся?

— Отлично! Тогда жду! И скажи на всякий случай мобильный, да и мой запиши...

— Диктуй, — через некоторое время. — Ну, вот и всё. Через час. До встречи!

Положив трубку, Лера с улыбкой сытой кошки подошла к зеркалу, снова потянулась, придирчиво окинула себя взглядом: грязь на джинсах — опять на коленках во время съёмки стояла, футболку явно уже не наденешь, растрёпанная причёска, круги под глазами от недосыпа.

— Блин, да увидев такого зомби, она точно сбежит! — предвкушающая улыбка. — Значит, нужно сделать так, чтобы не сбежала...

***

«Ой-ей, опять опаздываю, — Ксюша торопливо шаркала по асфальту новыми босоножками, проклиная создателей столь неудобной обуви. Но ничего другого сегодня одевать не хотелось, к тому же они прекрасно подходили к любимой юбке, да и вообще смотрелись здорово. — М-м-м, что же я тормоз-то такой? Надеюсь, она не сильно обидится — всего-то на пятнадцать минут уж опаздываю... Чёрт меня дёрнул надеть эту проклятую юбку!...»

Вскоре, спустя пару минут, зазвонил мобильный:

— Да? — Ксюша подняла трубку, чуть не уронив сумку, которую поймала чуть ли ни у самой земли.

— Привет, — яркий живой голос, от которого так приятно тепло где-то глубоко в груди. — А это не ты ли быстро-быстро идёшь в очаровательной юбке, красивых босоножках, недавно чуть не уронив сумочку, а сейчас стоишь и растерянно, но очень мило улыбаешься...

Ксюша удивлённо завертела головой и, увидев Леру, честно сказала самой себе: ни за что бы не признала, не позвони та ей и не окликни. Перед ней предстало что-то безумно лёгкое,

буквальное воплощение лукавства, озорства и скрытой, тщательно замаскированной нежности… Всё это девушка ощутила инстинктивно, почти на уровне подсознания, единственное, что она точно поняла из всей гаммы чувств, вдруг возникших в ней, было одно только желание подойти и растрепать рукой немного лохматые волосы новой странной знакомой.

— Привет, давно ждёшь? — а ведь действительно улыбка выходила растерянной, но с этим уже ничего нельзя было поделать.

— Нет, только что сама пришла, — Лера уверенно подошла к Ксюше и обняла так, как будто они общались, по меньшей мере, год, а то и два. — Классно выглядишь.

— Ты тоже… послушай, я только сейчас поняла, что не для клуба оделась…

Лера улыбнулась и, сделав уморительно серьёзное лицо, приблизилась к Ксюше и тихо прошептала, явно дурачась:

— Если честно, то я вот уже полчаса пыталась придумать причину, чтобы не идти туда. Поэтому вовек благодарна, и, — быстро поцеловав разгорячённую от смущения щёку, — вот такое тебе моё спасибо.

— Да не за что, всегда пожалуйста… — а взгляд смотрит в никуда, да на губах играет широкая улыбка.

«Что со мной? Так… так… странно, нелепо, глупо! Глупо! Надо успокоится и начать мыслить… А она меня уже взяла за руку и ведёт куда-то. И что-то говорит, ведь надо слушать», — неимоверным усилием воли Ксюше удалось вернуть относительную ясность мыслей и даже уловить вопрос, заданный, наверное, уже не в первый раз:

— А на кого ты учишься? Или работаешь? Чем вообще занимаешься?

— Я? Я на последнем курсе ЖурФака. Устроилась в местной, небольшой газете, пишу статейки, которые, если повезёт, впихнут на последнюю страницу. Чтобы совсем от голода не помереть — занимаюсь переводом с немецкого на русский.

— Здорово! А ещё какие языки знаешь?

— Ну, английский — это само собой, — скромная тень самодовольства, — потом неплохо французский, читать на старогреческом умею, вот японский — начала учить из-за того, что не смогла найти субтитров к последней серии аниме... Ты чего улыбаешься?

— Да так, любуюсь.

— Было бы чем!

— Да всем! — в тон ей ответила Лера и засмеялась.

— Ну конечно... — возмущённо, но чувствовалось, что ей нравилось получать столь неожиданные комплименты.

«Хм, меня никто ещё столько раз не хвалил за столь короткое время... Как же меня легко поймать на хорошую лесть...» — чувствуя ладонь, что держала её руку аккуратно и чересчур осторожно, Ксюша не могла удержать себя от искушения смеяться над каждой, иногда абсолютно бессмысленной шуткой, какими-то юмористическими историями, случившимися в жизни этой странной девушки.

Минут через двадцать:

— А куда мы идём?

— А фиг его знает...

— Вот и отлично, — улыбнулась.

— Я тоже так думаю, — и Ксюша, сама не веря в то, что делает это, переплетает пальцы рук, становясь ближе...

«Что же я делаю? Что же я делаю? — потом, как-то обречённо, мысленно сдаваясь. — Это всё сердце, глупое, замирает беспричинно... А я тут ни при чём».

***

— Вот сволочь, — Лера нашаривает рукой мобильный и, смотря на высветившуюся надпись «Шеф», прощается с хорошим

днём и поднимает трубку, намерено убитым голосом спрашивая:

— Да, я вас слушаю?

— Здравствуй, дорогая, — женщина на ультрачастотах преувеличенно радостно и довольно произносит приветствие. — Ты ведь сегодня совершенно свободна?

— У меня выходной, — сказала, как отрезав, твёрдо, решительно, не терпя возражений.

— Да-да, — игнорируя, слыша только то, что хочет. — Да ладно, сегодня немного поработаешь фотографом на свадьбе. Оплата обычная. Подробности куда и как ехать я тебе по факсу отправила. Кстати, советую сейчас выехать, а то опоздаешь! Ах, да... ещё одно... Только посмей испортить имидж нашей фирмы! Не смей приставать к клиентам, — и угрожающе понизив голос, — к клиенткам особенно!

— Да помню я! Хорошо, скоро буду. До свидания! — повесила трубку. — Вот ведь стерва...

— М-м-м, такой день испортила, — Лера тяжело сползла с кровати, постояла в задумчивости, взлохматила волосы:

«Да, вчера хорошо погуляли», — решив, что хоть что-то хорошее ещё есть в этой жизни, Лера отправилась умываться в ванную. А по пути ей в голову пришла идея, как исправить день, начавшийся со столь печального известия.

***

Ксюша с отвращением отодвинула очередную чашку с кофе на самый угол стола — после бессонной ночи, только к утру закончив работу, которую безответственно вчера отложила. Но, признаться, она была рада провести время с Лерой, гулять по улицам, парку, по набережной, долго-долго сидеть в кафе, говоря о всяких пустяках. Конечно, вернувшись около двух ночи, девушка хотела бы упасть замертво на кровать, но совесть заставила её сесть за компьютер и начать работать.

— Это было тяжело, но того стоило, — Ксюша потянулась, разминая спину, руки, шею, да устало потёрла глаза. — Какая же я молодец! Прямо-таки горжусь собой! А теперь спать...

— Спать, спать, спать, — девушка блаженно улыбнулась, когда голова наконец-то коснулась подушки, а одеяло прикрыло измучавшееся тело. — Всё, ничего не хочу... Спа-а-а-ать...

Буквально в то же мгновение, когда она только закрыла горящие глаза, уставшие смотреть целую ночь в монитор — именно тогда зазвонил телефон. Ксюша решила было проигнорировать это, но надрывная трель просто-таки въедалась в мозг, разрывая на части душу.

«Сменю мелодию, а то так и помереть недолго», — подумала она и сняла трубку:

— Слушаю, — недовольно и, словно бы намекая, что слушать-то она слушает, но готова убить любого, если разговор продлится больше минуты.

— Здравствуй, солнце, — услышав Леру, девушка немного успокоилась и даже обрадовалась звонку, несмотря на дикое желание спать. — Я знаю, что ты не спишь! Ты ведь не спишь?

— Ещё нет, но...

— Отлично! А сегодня сможешь отгул взять?

— М-м-м, не знаю, я и так договорилась, что приду на работу только к обеду, — Ксюша зевнула, зарываясь под одеяло вместе с телефоном. Сейчас она хотела безвольно лежать, слушать Леру и просто улыбаться, постепенно засыпая...

— А на весь день никак не можешь отпроситься?

— А что такое?

— Хочу позвать тебя на свадьбу!

«Свадьбу?! — глаза удивлённо распахнулись, сонный туман, парализовавший разум, чуть рассеялся, но по-прежнему вносил сумбур в течение мыслей. — Её свадьбу?! А почему она вчера мне не сказала?!»

Что-то больно кольнуло в груди, а вопрос прозвучал сдавленно и несколько обречённо:

— Твою?

— Что «мою»? — недоумённо.

— Ну, твою свадьбу? — непонятно откуда взявшийся комок в горле мешал внятно говорить.

— Да нет же! Я там фотографом буду!

— Уф, а то я уже...

— Что? — игриво и чересчур заинтересовано. — Испугалась?

— Да... нет, это я... удивилась просто.

— М-м-м, — многозначительно так, — поедешь со мной? Ну, согласись, пожалуйста! А то мне скучно будет!

Ксюше хотелось спать, сегодня предстоял тяжёлый день, тело молило хоть о капельке отдыха, но...

— Я попробую договориться, — быстрый взгляд на часы, которые показывали половину седьмого утра, — позвоню через пару минут и скажу.

— Окей, жду.

Девушка нажала на кнопку отбоя и устало посмотрела в потолок:

«И на кой мне такие жертвы, да мучения? Поспать сейчас пару часов, а потом спокойно на работе всё уладить. А с Лерой потом встречусь — успеем ещё пообщаться. В конце концов, неужели и день без неё не смогу? Пф! Спать, спать, спать...», — и лишь спустя минуту Ксюша осознала, что уже на автомате набирает номер телефона своей близкой подруги, с которой работает в одном отделе:

— Привет, Мариш, если поможешь, то вовек обязана буду...

***

— Что-то ты совсем убитая и сонная.

— Как точно подмечено, с ума бы не сойти! — Ксюша приложила ко лбу холодную алюминиевую банку с энергетиком, внутренне сетуя на себя, что вообще согласилась на эту поездку... непонятно куда... непонятно зачем...

«А вот это я зря так думаю, знаю ведь зачем — вчера я узнала о ней столько, что теперь такое чувство, будто мы дружим ни один год!» — девушка всё-таки улыбнулась и пообещала себе, что не будет из-за недосыпа злиться и срываться по мелочам.

— Хей! Да что ты такое делала всё это время, раз настолько не выспалась? — казалось, что Леру кто-то зарядил неиссякаемым зарядом оптимизма — такой она выглядела довольной и счастливой.

— Да так... работала.

— О-у, — она отвлеклась на секунду от дороги, чтобы посмотреть на Ксению. — Так это ты всю ночь сидела, очевидно, а я тебя вместо отдыха сейчас полумёртвую везу на какую-то свадьбу?

— Да, — девушка улыбнулась, видя выражение искренней заботы, — не волнуйся, я попросила подругу меня подменить. А отосплюсь... при моей привычке откладывать работу на потом... всё равно в следующей жизни, если только...

— Да уж! — Лера рассмеялась, и в невероятно красивых глазах так и мелькало игривое настроение, будто их хозяйка

задумала что-то особенно непредсказуемое. — Кстати, я кошмарно вожу машину — советую пристегнуться!

— Хм, а я тебе доверяю, — наверно, слишком смелое, но зато искреннее заявление.

— Ну-ну, тогда держись...

***

— А-а-а! Красный же был! — лихорадочно пытаясь пристегнуться, от пережитого страха руки тряслись, а нервы оказались на пределе.

— Он только разгорался! — Лера победно ухмыльнулась и, нажав на педаль газа, умело перестроилась в другой ряд, подрезав, правда, какую-то особо медлительную машину.

— Какой к чёрту «разгорался»?!

— Ну, ведь успели...

— А если бы та «девятка» успела раньше?!

— Т-с-с, всё хорошо, — Лера сбавила скорость и посмотрела на перепуганную, вцепившуюся в кресло так, что пальцы побелели, спутницу и постаралась ободряюще улыбнуться. — К чему волноваться о том, что было бы, если мы успели, да и сделанного уже не воротишь?

— Ну уж нет! Я думала... да уже... чуть с жизнью не попрощалась! — всё не могла успокоиться, а поэтому постепенно накручивала себя, подогревая страх.

Лера нахмурилась и, приглядев наиболее удачное место, остановила машину у обочины.

— Посмотри на меня, ну, солнышко, — ласково коснулась плеча, чуть сжала, старалась говорить спокойно, вкладывая в слова нежность. — Вот так, молодец. Умница... А теперь послушай. Я не хотела тебя пугать. Честно. Больше не повторится. Теперь буду осторожнее. Только успокойся. Ну, как? Всё нормально?

Говорила, поглаживая плечо, осторожно гладила волосы, потом пододвинулась ближе, ловко отстегнула ремень и, притянув девушку к себе, обняла.

Ксюша пребывала в лёгком состоянии эйфории: каждое прикосновение вызывало в голове пожар, заставляя путаться мысли, а сердце нахальным образом беспорядочно стучало, да билось, словно пойманное, в грудной клетке.

Никто из них не смог сказать, признаться, кто первый поднял голову, кто вдруг потерял контроль...

Но прохожие, что имели случайность пройти мимо припаркованной у обочины машины, видели двух девушек, которые целовали друг друга, забываясь, дышали резко, урывками, так...

Так, что некоторых, кто застал их за столь приятным времяпрепровождением, бросало в жар, другие ускоряли шаг, ну а третьи, ничего не понимая, презрительно, стыдясь непонятно чего, отводили глаза...

— Упс, — только и смогла сказать Лера, отстраняясь от выглядевшей совершенно потерянной такой милой девушки:

«Что сейчас будет, ой-ей...»

— Ничего не было, — сказала милая и совершенно потерянная девушка, снова пристёгивая ремень (а руки всё равно чуть дрожали), а потом просто отвернулась к окну, — Веди, пожалуйста, машину аккуратнее...

— Как скажешь, — показное равнодушие, а в душе обидно...

«Ну и ладно, ну и не надо, — гордо, безразлично, но руки дрогнули, стоило вспомнить, как отчаянно отвечала Ксюша на нечаянный поцелуй, — Нет, надо! Надо. Надо...»

А рядом сидящая девушка, которая делала вид, что обижена, устала, да хочет спать, смотрела в окно, прикусив легонько нижнюю губу.

«Ничего не было, не было! Да и не важно! — пользуясь тем, что Лера неотрывно вглядывалась на дорогу впереди, коснулась

кончиками пальцев губ, и сердце дрогнуло, — Было. Важно. Но...»

Ксюша посмотрела на Леру долгим внимательным взглядом, изучая, потом поняла, что минуту уже как просто любуется ею, усилием воли отвела глаза: «Нет, нет, даже не думай!»

***

Лера вышла из небольшого придорожного магазина, работающего 24 часа, с пакетом, полным еды, ведь ехали уже около двух часов — странные люди решили отпраздновать свадьбу чуть ли не в деревне, далеко за городом, — поэтому сильно хотелось есть.

— Вот, я купила: хлеб в нарезке, колбасы копчёной, минералки, также колы, чипсов, потом, печенье есть, сыр плавленый... — перечисляла Лера продукты, выкладывая их на заднем сиденье.

— О, колбаса! Сто лет не ела копчёную! — девушкам надоело молчать, поэтому в натянутых отношениях между ними наступило кое-какое подобие оттепели. Правда, обе они до сих пор делали вид, что ничего не было, но чаще искоса, хотя иногда и прямо, да смотрели одна на другую долгим задумчивым взглядом.

— Там сок ещё есть, — улыбнулась, довольная, что смогла угадать с выбором еды, — апельсиновый и яблочный.

— М-м-м...

— Что?

— Только не яблочный! Говорю, — прожевав большой кусок бутерброда, повторила Ксюша, — с детства не люблю.

— Почему? — удивлённо.

— Да всё родители, — открыв минералку, сделала большой глоток. — Это их любимый сок, вот они его всё и покупали, покупали, да и меня им поили. До того уже напилась, что организм яблоки просто не переваривает.

— Передоз, — философски подметила Лера, нашаривая на

дне пакета упаковку салата, открыла пластмассовую крышку и, не сдержавшись, облизала пересохшие губы.

Заметив нечаянное движение, Ксюша покраснела и решительно сосредоточилась на поедании бутерброда.

«Ого! — весело отреагировала на это Лера, — а ведь не всё ещё потеряно!»

— Но, знаешь, родители у меня вообще классные, — продолжила Ксюша, чтобы хоть как-то отвлечься от навязчивых мыслей. — За что я им благодарна, так это за то, что они подарили мне отличное нормальное детство.

— Это какое же, нормальное?

— Ну, знаешь, некоторые родители начитаются книжек, и давай воспитывать! Терзают детей классической музыкой, и днём и ночью заставляют читать чуть ли не «Войну и Мир», всякие методики пробуют, чтобы их ребёнок точно стал гениальным. Меня же не трогали, давали спокойно развиваться, играть во дворе. Читали самые обычные сказки на ночь. Заботились, но, самое главное, просто понимали и любили.

— Класс! А у меня папа военный, часто уезжал куда-то, мама тоже хороша — иногда и целый месяц в командировках пропадала.

— М-м-м, не скучала по ним? И кто же о тебе заботился тогда?

— Скучала, как без этого? Но заботилась бабушка, самый-самый добрый человек в моей жизни. Она так искренне ругала свою дочку, мою маму то есть, за то, что та всегда меня одну оставляла. Правда, ворчала и на меня, что я мешаю постоянно, когда она по хозяйству занята, путаюсь под ногами, — тут она рассмеялась, вполне искренне. — Такая чудная! В самом деле, сначала ругает на чём свет стоит, а потом накормит, в ванную загонит, потом спать уложит, сказку расскажет, а иногда и что-нибудь интересное, что и в жизни её было. А случись мне заболеть, да просто чихнуть, такой переполох устраивался!...

Ксюша слушала и улыбалась, что-то особенное было в этих словах, чувствовалось ей, что не с каждым Лера делится своими

воспоминаниями. А потому и не перебивала, боялась спугнуть нежданное ощущение близости, доверия...

— А когда мама с папой — так иногда случалось — оказывались дома в одно время, то мы устраивали праздник. Папа мой с гордым видом тут же принимался печь блины. Мама убиралась в квартире. Бабушка ворчала. А я сидела с самым довольным видом и понимала, что счастлива до невозможности, — и, словно бы очнувшись, Лера уже более осмысленно посмотрела на Ксюшу, что слушала, подперев ладонью голову и иногда опуская руку в пакетик с чипсами. — Эй! Ты смотришь так, будто в кино сидишь! Не хватает только попкорна...

— Не ворчи! — весело рассмеялась. — Ты смешная и хорошая. Честно!

— Сама ты смешная! — потом, собрав в пакет часть еды, пересела на переднее сиденье. — И хорошая... Ладно, поехали уже, а то мне нагоняй будет.

— Ну, какие мы стали серьёзные, — Ксюша тоже перебралась вперёд. — Нам долго ещё?

— Да нет, не особо, — прикинув что-то в уме, спустя полминуты сказала. — Ещё меньше часа осталось. А что? Уже устала?

— Да нет, не особо, — передразнила интонации, снова отворачиваясь к окну.

Машина тронулась с места плавно, и Лера на удивление осторожно продолжила путь. А Ксюша, всё смотревшая в окно и расслабленно провожающая взглядом встречные столбы, автомобили, магазинчики, заправки, думая обо всём и ни о чём, неожиданно для себя поняла, что хотела бы ехать рядом с этим человеком ещё хоть целый день, несмотря на усталость... а лучше...

«Лучше не только день, даже и не два, — улыбнулась, — и не три...»

***

— Объявляется следующий конкурс! Давайте, кто рискнёт?! — женщина, которой полнота была удивительно к лицу, вполне ответственно подошла к обязанностям тамады на свадьбе, так что даже самые скучные и обычно унылые люди зарядились от неё энергией, азартом, желанием повеселиться, позволив душе петь, танцевать, играть, да и просто жить. Много кто из гостей, раскрасневшихся, изрядно выпивших, но, удивительно, до сих пор стоящих на ногах, тут же подскочили со своих мест.

— Весело! — Лера навела камеру на тамаду, пытаясь поймать удивительную улыбку этой славной женщины. — А ты не хочешь поучаствовать?

— Не-а, — Ксюша сидела рядом на стуле так, чтобы видно было сцену, пила вино и получала искреннее наслаждение от простого созерцания. — Мне лень, да и как-то странно будет: совершенно чужой им человек будет расхваливать невесту, которую только сегодня и повстречал.

— Хм, думаешь, они заметят, что ты человек незнакомый, в таком то состоянии? — девушка перевела камеру со сцены, сфотографировала стол, за которым расположились другие гости, а какой-то мужчина, высоко подняв бокал, декламировал что-то, поминутно хлопая сидящего рядом щуплого паренька по плечу. — Хотя ладно, раз лень, то и не заставляй себя.

— Послушай, а мы что, ночью поедем? — немного озаботилась вполне насущной проблемой Ксения, чуть отпив из бокала.

— Да, а что?

— Ты же устала, сможешь ли?

— Конечно, — сказала с такой уверенностью, что не осталось сомнения — справится. — Много раз и в более плачевных состояниях возвращалась домой. А уж тебя я просто обязана привести в целости и сохранности. К тому же я не пила. И буду очень осторожна, обещаю.

Ксюша, раззадоренная вином, разгорячённая событиями бесконечного дня, встала со стула, поставив бокал на ближайший стол, подошла к Лере и обняла сзади, соединив руки в замок.

— Ксюша? — девушка поняла, что ещё немного и перестанет что-либо соображать.

— Да мне тебя просто пожалеть захотелось, — как-то по-детски и вроде не совсем серьёзно проговорила заплетающимся языком Ксюша. — Работаешь на износ, ездишь постоянно чёрт знает куда! А получаешь копейки! Так разве можно жить? И ещё всё время одна...

— Знаешь, мне нравится моя жизнь, — обиженно, ну, право же, как ребёнок, отреагировала на колкое замечание. — Я учусь новому, знакомлюсь со многими людьми. А работаю, потому... потому что нравится! И плевать, что платят мало! Не вечно же я буду горбатиться на эту, извиняюсь, стерву!

— Извиняю, тихо только, не кричи, — Ксюша крепче обняла Леру и положила голову той на плечо, смотря туда же, куда и она. — А что будешь делать?

— Открою своё агентство, фотостудию, — нечаянно, но как-то само собой поделилась мечтой.

— Вот так просто?

— Да, — твёрдо, ведь действительно верит в это.

Странно помолчав, Ксюша вдруг продолжила, глядя на сцену:

— Смотри, жених и невеста, а теперь муж и жена. Они теперь вместе, танцуют, а он так забавно смотрится в костюме, а она прекрасна — все видят только её, но она смотрит на любимого и, наверное, тоже думает, что у её (ты только пойми), у её мужа забавный и умильный вид в этом уже порядком помятом костюме, — короткая пауза. — Как думаешь, они будут счастливы?

— Думаю, что да.

— У них будет семья, настоящая, а потом появятся дети. И внуки.

— И?

— Да просто! — со смехом Ксюша отпускает из объятий Леру,

которая забыла обо всём на свете, лишь чувство покоя и неземной нежности пропало, стоило ей снова остаться в шуме праздника без этого ласкающего душу голоса, шептавшего про счастье других. — Я просто выпила много, вот и на меланхолию потянуло! Пойдём танцевать!

— Вот чудная, — Лера тоже рассмеялась и обворожительно улыбнулась. — И смешная...

«Мы как дети, — думала Ксюша, ведя Леру сквозь лабиринты уставленных яствами столов. — Хотя мы и есть — дети... мы в самом начале пути. И так хочется просто радоваться жизни! Пока... пока рано думать о том, что могло бы быть, и что будет. Что было бы, как могла бы ещё повернуться судьба? Изменятся ли планы на завтра? Хочу смеяться, танцевать и быть рядом с ней... сегодня, и завтра, и через три дня, и через неделю, и дальше...»

Тут девушка почувствовала, что её решительно потянули назад, развернули, лишь на мгновение глазами спросив: «Согласна?» — и получив ответ: «Всегда!» — поцеловали осторожно, ласково, смеясь...

Не замкнутый круг
Автор : Сулмор, Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
Жизненные будни, жестокость различия между мечтами и реальностью, и - маленькая надежда впереди...
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат автору.

Утро. Небо только-только начинало светлеть, ещё горели фонари на улицах, но по дорогам большого, такого шумного днём, но только не в сумерки, города уже метались в мнимом порядке первые автомобили. Кто-то усиленно старался не закрыть уставшие глаза, вцепившись в руль обеими руками, и напряжённо вглядывался вперёд, на дорогу. А кто-то ел неопределённого происхождения пирожок с мясом, пил свою первую за день

кружку кофе, прекрасно зная, что через полчаса ему, возможно, будет очень плохо от такой еды, но... кого и когда это останавливало?

Перекрёстки дорог и автомагистралей, светофоры, набережная, старый кинотеатр, рядом парк, памятник неизвестному солдату, булочная советских времён, переулок, высокая и длинная арка, небольшой открытый дворик...

А в нём одинокий человек спал на скамейке, свернувшись калачиком от ощущения ночной прохлады, и, положив под голову руку, старался хоть как-то найти удобное положение. Самый первый лучик света отразился от его наручных часов, когда-то, почти бесконечно давно, с почестями врученных за хорошо выполненную работу, и весело скользнул по изуродованному непогодой асфальту...

Бедолага во сне забеспокоился, дёрнул рукой, словно хотел отмахнуться, отогнать от себя что-то плохое, часы с жалобным звоном стукнулись о спинку скамейки и слетели с руки. А солнечный зайчик, друг-отражение, словно испугавшись всего произошедшего, внезапно прыгнул выше и заглянул в приоткрытое окно квартиры на четвёртом этаже...

****

— Да-а-а-ш! Даша, просыпайся!

— М-м-м? — я сонно приоткрыла глаза, стараясь сфокусировать взгляд на своей соседке по комнате, полусидевшей на кровати и с ужасом смотрящей на экран мобильного телефона.

— Мы опять проспали! — пока я усиленно пыталась принять вертикальное положение, она взволнованно и как-то растеряно обратилась ко мне. — Чего делать будем?

— Спать, — потерпев поражение в битве с удобной манящей подушкой, тёплым одеялом и хронической усталостью, я рухнула обратно на кровать, блаженно прикрывая глаза.

— Да-а-аш!

— Ну чего?! Ника, нам всё равно не успеть, — искоса посмотрела на часы, — за 15 минут собраться. Мы за час-то еле

успеваем...

— Опять на лекции забиваем? — Ника встала со своей кровати и подошла ко мне, присев рядом на самый край. — Нехорошо получается. Уже какую субботу встать не можем...

— Блин, — я резко села, оказавшись с ней лицом к лицу, немного смутилась, но всё-таки продолжила:

— Ты предлагаешь нам вот сейчас сорваться, начать лихорадочно собираться и попытаться успеть?!

Ника протянула руку, убрала падающую мне на глаза прядь волос, и, наклонив голову немного набок, задумчиво проговорила, одним тембром своего голоса, слегка хриплого с утра, и просто близостью уже почти сводя меня с ума:

— В общем, да. Но я думаю, что ты права — всё равно уже не успеем. А если прогуливать, то всё...

— Отлично! Спим! — и я, задвинув свою совесть в самый дальний уголок сознания, безвольно упала на подушку, сладко потянулась — чувство безмерного счастья прямо-таки пронизывало каждую клеточку моего тела...

— Эй! Я не то имела в виду! — Ника стянула с меня одеяло, но я поймала её руку и резко дёрнула, смеясь, повалила на себя, обняла за талию и крепко прижала, практически обездвижив.

Мы замерли. Ника закрыла глаза и положила свою голову мне на плечо, устроилась поудобнее, а я прикрыла нас одеялом, чуть ослабив объятья.

— Даш, пойдём гулять? Не хочется такой день терять, — я почувствовала, как она, почти не касаясь, ведёт рукой по моему животу вверх, всё выше и выше пододвигая футболку.

— Ни-и-и-к? — перехватила её ладонь, прижав к своему животу, переплела пальцы, а Ника приподнялась на другой руке, чтобы была возможность видеть выражение моего лица.

— Мы так давно не выбирались никуда... — она улыбнулась и наклонилась, сводя расстояние между нами к опасному минимуму, — ...вместе. Я так по тебе соскучилась... Я хочу быть

с тобой.

Всё ближе и ближе — сердце стучит так громко, что я испугалась, как будто она может услышать его стук и узнать всё то, что мне сейчас представляется.

Но Ника всегда была просто умницей, и, конечно, для неё не являлись особым секретом даже мои мысли. Вот и сейчас она радостно улыбнулась, видя на моём лице вполне недвусмысленную реакцию, и сделала то, о чём я так давно мечтала — ласково, нежно, маняще и страстно поцеловала меня...

***

— Что за чёрт?! — я попыталась нашарить рукой под собой мобильный телефон, служащий мне заменой будильника.

Раздражающая, неуместно весёлая мелодия била по ушам непереносимо, хотелось как можно быстрее избавиться от источника раздражения и снова уйти в мир грёз, в свой сон. Но телефон был неумолим, просто бесчеловечно жесток...

— Вот зараза... — со злостью откинула удобное ватное одеяло, подушку... — Нашла!

— У-у-у, — я свернулась клубком, стремясь сохранить остатки тепла, и обхватила голову руками.

Тишина. И только через пару минут сон частично отпустил моё сознание, и непереносимой тяжестью на меня обрушилось понимание того, что Ника так даже и не поняла те чувства, что я к ней испытывала, не поняла ни единого намёка, что она давно живёт со своим парнем, не думая и возвращаться обратно в ту квартирку, что мы снимали на двоих, чтобы не ютиться на время обучения в общежитии, а я в комнате одна, и сегодня не утро субботы... Пусть за окном и светит яркое весеннее солнце...

Лежа в неудобной позе, я чувствовала, что снова засыпаю, что ещё немного, и я брошу все попытки бодрствовать и сегодня уже не встану до самого вечера. Проснуться было необходимо, надо... Но руки как-то сами собой, по привычке, нащупали одеяло и накрыли измученное тело...

— Ну, ещё минуту и встаю, — я обняла себя руками за плечи и закрыла глаза, всё глубже погружаясь в сладкий омут утренних фантазий.

Проснулась толчком, рывком вырывая сознание из ярких беспорядочных картинок, воспоминаний, суматошных мыслей. Судорожно схватила плохо слушающейся рукой мобильный и посмотрела на время: почти четверть седьмого…

«Ещё есть пять минут, чтобы полежать, а потом надо вставать», — мысленно согласилась с собой и закрыла левый глаз, правым же смотрела, как минуты равнодушно сменяли друг друга на поблёскивающем от солнечных лучей дисплее. Я старалась ни о чём не думать, просто позволила телу расслабиться.

«Минута осталась… Хреново… Так! На счёт три я встаю с кровати», — отдала я себе внутренний приказ, собирая в кучку остатки совести со своей ленивой души.

— Раз… — чуть приподнялась на руках.

— Два… — перекатилась на другой бок ближе к краю кровати.

— И… Три… — скинула правую ногу на ледяной пол, и мурашки тут же побежали по открытым частям тела. Хоть и весна на дворе, но солнце лишь дразнит людей, почти не даря так нужного, необходимого после затяжной морозной зимы тепла.

Преодолевая желание снова позорно свернуться клубочком, я с огромным напряжением воли смогла встать.

Поплелась в ванную, растирая плечи руками и постоянно ёжась от сквозняков, что словно царапали мою беззащитную разгорячённую кожу. Нажала на выключатель, но свет не зажёгся. Только через минуту я вспомнила, что забыла сменить лампочку ещё вчера, оставив незаконченное дело на утро. Пришлось идти на кухню…

— Да где же они?! — теперь я выгребла из ящика огромное количество абсолютно ненужных вещей, которые, как это всегда кажется, нельзя выбросить, потому что они когда-нибудь ещё обязательно пригодятся. Ведь стоит устроить генеральную уборку, как на следующий день, по закону подлости, весь тот

хлам, что был отправлен в мусорное ведро, тут же станет предметом первой необходимости.

Как бы то ни было, отчаявшись найти лампочку, я решила всё-таки помыться, оставив открытой дверь и включённым свет в коридоре.

Вода нагревалась медленно, меня колотило всё сильнее, но определённый положительный эффект всё же был: я начала просыпаться. Остатками шампуня смогла кое-как намылить свои встрёпанные с утра, постоянно вьющиеся на концах волосы, смыла пену, постояла под душем ещё немного и решительно перекрыла кран.

Руками облокотилась на раковину, смотрясь в даже не запотевшее зеркало и видя собственный затравленный и усталый взгляд. Пустота, полумрак ванны, холодная плитка, подобие человека.

— И после таких снов ты по-прежнему будешь утверждать, что тебе наплевать на неё? — моё отражение лишь саркастически ухмыльнулось и пожало плечами.

Высушила феном волосы, оделась, в то более-менее подходящее, что попалось первым под руку, на кухне долго не задержалась — всё равно есть нечего. Чай с вареньем, потому что сахар кончился, подгоревший бутерброд с сыром, овсяное печенье — ну что ещё нужно человеку для счастья?

Уже выйдя из подъезда, вспомнила, что забыла плеер. Минуту раздумывала: возвращаться или не стоит? Быстро вернулась, надела старые и потрёпанные жизнью наушники, включила... Заиграла приятная, позитивна мелодия, что в сочетании с хорошей погодой за окном хоть немного, но улучшило моё настроение. А на обратном пути, на всякий случай, хоть в приметы и не особо верила, посмотрев в зеркало, я даже задорно подмигнула своему отражению:

— Живём!

Закрывая дверь квартиры, немного грустно улыбнулась, через силу и преувеличенно радостно сказав:

— Да здравствует новый день!

Что-то получилось совершенно тихим, неубедительным тоном, без энтузиазма. Мысленно тут же захотелось себя поправить: «Да здравствует чёртов новый день без неё...»

«Но неужели это так важно, что её нет рядом?» — попыталась я мысленно переубедить себя. — «Правда же, можно ведь жить и без своей второй половины?»

***

— Ну, поговори со мной! — сквозь музыку в наушниках я услышала недовольный голос Ники, поэтому удивлённо подняла голову, взглядом спрашивая, что случилось. Она недовольно скрестила руки на груди, как будто закрываясь этим жестом от меня:

— Поговори со мной.

— О чём? — я устроилась поудобнее, перекладывая ноутбук на колени.

— Расскажи что-нибудь! — Ника всё не унималась, очевидно, ей опять было скучно, и совершенно нечем заняться.

— Что? — сказала, не отрывая взгляда от экрана монитора — совершенно не хотелось сейчас разговаривать с ней, усердно делая вид, что мне хочется с ней только дружить. Хотя я уже прекрасно понимаю, что не интересую её, мне это больно.

— Даша! — Ника сердито кинула в меня подушкой, правда, как обычно косо, и чуть не сбила кружку с кофе, стоящую на прикроватной тумбочке.

Я возмущённо отложила компьютер и достала подушку с пола:

— Сдурела?! — возникнул у меня вполне резонный вопрос.

— Сама ты дура! — она скрестила ноги по-турецки, облокотилась спиной о стену и отвела взгляд в сторону, обиженно пробормотав:

— Зациклилась на своём ноуте, а про меня совершенно

забыла, будто я тебе и не лучшая подруга...

— Да мы с тобой целыми днями не расстаёмся! — что, в сущности, правда: живём, учимся, гуляем вместе.

— И это повод сейчас меня игнорить? — по-прежнему не смотрела на меня.

Да, мне нравилось проводить с ней время, но она сама практически не обращает на меня внимания, пока я сама не придумаю интересную затею, допустим, поход в кино или на выставку, либо не начну разговор. К тому же, я пытаюсь смириться с тем, что больше чем подругу она меня никогда воспринимать не будет. Это я уже поняла. И, когда я наконец выбралась пообщаться со своими друзьями в аську, Ника вдруг потребовала внимания, абсолютно не желая понять мою потребность видеться, говорить и дружить с кем-то помимо неё.

— Ни-и-ик, тут моя одноклассница бывшая только на полчаса вышла в инет — подожди, пожалуйста, немного...

— Угу, иди, общайся, — она демонстративно взяла свой мобильный, а я недовольная и крайне обескураженная её поведением, тихо спросила:

— Ника?

— Отвали, — последовал грубый ответ.

— Ну и пожалуйста, — я снова одела наушники и положила на колени ноут.

— Вот и отлично, — она тоже включила музыку, что-то при этом печатая на мобильном телефоне.

Так мы и сидели: я на своей кровати, а она на своей. Запертые, зацикленные на холодных экранах, не видящие взгляды, брошенные друг на друга как бы невзначай, искоса, исподлобья.

Где-то спустя четверть часа мне стало стыдно за произошедшую глупую ссору. Я даже Катьке, той самой однокласснице, пожаловалась на Нику, но не встретила одобрения и понимания с её стороны, что больше укрепило меня

во мнении — я была не права.

Хотела было извиниться, но меня отвлекло пришедшее новое сообщение:

Ник@: Привет...

Ник@: Решила поймать тебя тут, раз уж вживую ты со мной говорить не хочешь...

Затем мы почти одновременно послали друг другу следующее сообщение: «Прости!»

Я подняла голову от экрана и улыбнулась, увидев её слабую, но счастливую улыбку.

Ник@: Как твоя одноклассница?

Йа: Свалила))) Дела там у неё какие-то появились))) может, фильм посмотрим?)

Ник@: Не-е-е)) Не хочется... Я к тебе сяду, можно?

Йа: Да, конечно))

Ник@: А обнять тебя можно?

Йа: можно =))))))))))

Она отложила в сторону мобильный, сползла со своей кровати и подошла ко мне, а я как раз вырубила инет и закрыла ноут...

— Ника, что-то случилось? — взволнованно спросила я, видя слёзы в её глазах.

— Угу, — она села рядом, обняла за талию и положила голову мне на плечо, пряча странную боль.

Я молчала и ждала, лишь робко обнимая её плечи и понимая — душа у меня болит от того, что ей сейчас может быть плохо.

— Я люблю человека и боюсь в этом признаться, — тихо

прошептала она срывающимся голосом.

— Почему боишься? — осторожно спросила я, вдруг почувствовав зародившуюся надежду, но боясь поверить в чудо.

— А вдруг оттолкнут? Вдруг я сломаю дружбу? Вдруг разрушу то, что есть?

Я почувствовала, что сама с трудом скрываю слёзы...

— Понимаешь, скрывая это, ты делаешь плохо, как себе, так и тому человеку, которого любишь. Если твоё признание разрушит дружбу, то, значит, никакая это была не дружба. Настоящая дружба может выдержать много испытаний, и даже если ответной любви не будет — разве это повод обидеться в ответ на твоё признание, не понять тебя? А если ты будешь что-то скрывать, то ложь возведёт между вами ещё более высокую стену.

— Понимаю, но... Может, проще заставить себя разлюбить?

— Нет. Если ты убьёшь любовь, то я в тебе разочаруюсь. Нет ничего хуже, я так думаю, — я мягко взяла её за плечи и немного отстранила от себя, увидев дорожки слёз на лице у неё. Я видела их и не могла понять, как Нику вообще возможно оттолкнуть?

— Я тебя люблю, — призналась я тогда ей и поцеловала, лишь чуть коснувшись губами её щеки, с нежным трепетом стирая глупые слёзы.

— Спасибо, Даш, — она хлюпнула носом и снова кинулась меня обнимать, — я тоже тебя люблю!

Я потеряла равновесие, а она упала вместе со мной на кровать, вот только...

— Я завтра же... Нет! Сегодня! Сейчас ему всё расскажу!...

Сначала эти слова вызвали резонанс боли в моём сердце, а потом... Потом стало пусто: она рядом, мы вместе, но «мы» нет и никогда не будет.

— Даш, ты просто чудо! — Ника отпустила меня со счастливой улыбкой и, неуклюже соскочив с кровати,

бросилась к шкафу — одеваться.

Я наблюдала за ней со странным чувством нежности, глубокой тоски, дикой любовью и смертным отчаяньем. Успела почувствовать, что слеза покатилась по правой щеке, и стёрла резким движением руки, прежде чем моя любовь со счастливой улыбкой посмотрела на меня.

— Ну, как я выгляжу?

— Супер! — я подняла вверх большой палец и улыбнулась. — Желаю удачи!

— Спасибо! Я побежала... — она улыбнулась мне и буквально вылетела, а я безвольно пошла закрывать...

Захлопнула дверь и заревела. В тот вечер Ника не вернулась, а пришла только под утро — сияющая и довольная. Мне осталось только улыбнуться и обнять её, мысленно прощаясь со своей надеждой...

****

«Чёрт! А если бы я тогда побежала за ней? Просто схватила бы за руку и притянула к себе, не дав сделать того шага за дверь? А если бы я тогда, ещё раньше, молчала, а не молола бы той чуши насчёт дружбы и любви?! — я раздражённо крутанула ручку в пальцах, абсолютно не слушая того, что говорил преподаватель у доски. — Этот дурацкий сон совершенно выбил меня из колеи! Я ведь почти смогла поверить, что отпустила, забыла её. Эх, не стоит гадать, как было бы. Всё равно я не могла поступить иначе, пусть и рассчитывала совершенно на другое. Хватит! Соберись, тряпка!»

Злость на себя всё ещё туманила взгляд, да к тому же и ручка вылетела из ладони, укатившись под соседнее сиденье — я попробовала её достать, но не смогла дотянуться.

— Саша, достань, пожалуйста, — отчаявшись, полушёпотом попросила одногруппницу помочь мне, жестом указав примерное местонахождение ручки. Она кивнула и, опираясь одной рукой на стул, сползла под парту. Послышалась возня, чертыханья, шорох, смех, а потом уже Саша, с просто-таки победной улыбкой, вручила мне мой письменный инструмент. Я, немного офигевшая,

но, в целом, благодарная за её старания, смущённо улыбнулась:

— Спасибо.

— Да не за что...

Этот инцидент, как ни странно, отвлёк меня от грустных размышлений и помог в дальнейшем сосредоточиться на лекции, которая всё тянулась и тянулась...

***

— Даша, подожди! — я оглянулась и увидела стремительно приближающуюся Сашу, ту самую Сашу, что сегодня так мило помогла мне на лекции.

— Хм? — остановилась и закинула сумку на другое плечо.

— Уф! Еле догнала! — Саша облокотилась руками о колени, стараясь отдышаться, через некоторое время всё же распрямилась и с самым серьёзным выражением на симпатичном личике спросила:

— Не хочешь сегодня ко мне в гости? У меня собирается почти вся наша группа. Будет просто здорово, если ты придёшь!

— Ну-у-у...

— Пожалуйста! — никогда не могла отказать, когда на меня так умоляюще и с надеждой смотрят.

— Хорошо. Я буду, — кивнула головой, подтверждая серьёзность своих слов.

— Е-ху! — Саша неподдельно обрадовалась и приобрела ещё более довольный и сияющий вид, — Ты ведь в метро сейчас?

— Угум.

— О, тогда нам по пути! Кстати, ты что-нибудь поняла сегодня на лекции?

— Ну только начало пропустила, как-то всё не о том думала, а потом вроде всё поняла, — улыбнулась я и с удовольствием

пустилась в объяснения, чтобы кто-нибудь, ну, всё равно кто, хоть кто-то, был сейчас рядом, шёл, улыбался, отвлекал своим присутствием...

***

— ...Плачет девушка в автомате, кутаясь в зябкое пальтецо! Вся в слезах, и в губной помаде! Перепачканное лицо! Чего там дальше? А, вспомнила! Что-то там... Мёрзлый лёд телефонных фраз, мёрзлый лёд — это в первый раз, мёрзлый лёд на щеках блестит — это след от мужских о-о-о-обид!

Я поддерживала за талию с трудом держащую равновесие Сашу, орущую на весь подъезд старую песню... причём от её голоса, по-моему, уже начинали дрожать стёкла...

— Тише-тише! Мы уже у моего дома. Сейчас как соседи пожалуются кому не надо, и меня выселят за дебош! — постаралась я её успокоить, хотя после такого количества выпитого за вечер достаточно смело было ожидать от этих увещеваний результата.

— Ну ладно! Не буду... Хотя нам можно!... — Саша махнула рукой и чуть не упала, после чего мы наконец-то зашли в подъезд.

— Ты до сих пор уверена, что надо было меня провожать? — мы подошли к моей двери и я, прислонив Сашу к стене, полезла за ключами в портфель.

— Абсолютно!

— Тс-с-с-с! — я, испугавшись уже всерьёз за свою репутацию перед соседями, прижала ладонь к её губам и умоляюще попросила:

— Пожалуйста, тише... Люди же спят, а кому-то вообще завтра на работу.

Саша серьёзно кивнула, а я с подозрением убрала руку. Открыла замок, и мы ввалились ко мне домой...

— Ва-а-а-у! Такого бардака я ещё ни разу в жизни не встречала. Хотя как-то была в гостях у парня-программиста... Не, но у тебя ещё круче!

— Мне стало жутко стыдно, ведь в последнее время я совсем себя забросила, непонятно как существуя. Наверное, погружённая в себя, не замечала ничего вокруг. И, как следствие, соответствующая реакция людей при виде квартиры...

— Ты одна живёшь? — Саша по-хозяйски переложила со стула груду вещей и просто плюхнулась на него. Бедный стул отчаянно скрипнул...

— Да. Чай будешь? — я подумала, что, возможно, после крепкой заварки она хоть чуточку протрезвеет, и можно будет отправить её домой.

— Можно, — Саша зевнула и, качаясь на стуле, попыталась дотянуться до книги, лежащей на тумбочке...

— Сейчас, — направилась на кухню, крикнув напоследок уже оттуда:

— А стул, кстати, уже сто раз...

Послышался треск, грохот, негромкий мат... Я вернулась в комнату, я закончила:

— ...уже сто раз ломался. Поэтому лучше на нём не качаться... было...

— Да уж поняла уже! — Саша возмущённо потирала ушибленный бок, обиженно смотря на меня из-под длинной косой чёлки.

— Не дуйся! — я подала ей руку, помогая подняться. — Будь осторожна, тут вообще-то много вещей нуждается в ремонте...

— Кровать-то хоть нормальная? — спросила Саша и, не дожидаясь моего ответа, тяжко плюхнулась на неё.

— Ну-у-у-у...Тебе честно соврать? — я, ехидно смеясь, ушла на кухню готовить чай.

— Саша! А печенюшки будешь? Саша? — когда я вернулась в комнату, она уже спала.

— Эх, вот ведь привалило… горе ты моё… — я аккуратно вынула из-под неё одеяло, накрыла и устало присела рядом на корточки, положив голову на кровать. Через пару мгновений почувствовала, как Саша, находясь где-то на границе между сном и явью, гладила меня по волосам, пытаясь сказать что-то немного заплетающимся языком.

— М-м-м?

— Прости, что навязалась, но… У тебя такая тоска… дикая тоска во взгляде была…. А меня аж… прям скрутило меня от жалости… Поэтому и провожать пошла… Прости…

— Да не нужна мне жалость… — недовольно проворчала в одеяло, понимая, что в горле поневоле стоит комок и хочется плакать.

— Ты права… Ну, не жалость… Я имела ввиду… ну, сопереживание, сочувствие… — голос у неё стал почти серьёзный. — Обычное… человеческое тепло, участие, забота. Ничего более…

— Спасибо, — и, кляня себя за слабость, я все же расплакалась, чувствуя, как делю отчаянье с ней пополам, заполняя пустоту в себе чем-то новым…

— Т-с-с-с, тихо… Тихо, всё будет хорошо…

****

Утро. Всё повторилось вновь: люди просыпались, одни садились за руль автомобиля, зная, что оставят немалый кусок жизни в бесконечных пробках, другие ехали в метро, толкаясь в толпе точно таких же людей, кто-то, успев сесть, дремал по пути на работу…

Горячие солнечные лучи разрывали в клочья робкие серые тучки, снова обещая ясный день. Какой-то старик тащил за собой громыхающую тележку, везя в ней пустые стеклянные бутылки в приёмный пункт, чтобы получить свои законные две сотни рублей…

Он прошёл мимо дома, у подъезда которого день назад спал на скамейке оборванный одинокий мужчина, остановился

у покосившейся урны. Не увидев для себя ничего ценного, хотел уже уйти, но заметил среди упавшего на землю мусора солнечный отблеск разбитых дорогих часов... С трудом наклонился, поднёс к уху — оказалось, что они работали. Защёлкнул их на своей руке и отправился дальше, страшно довольный своей удачей и сегодняшним днём.

А в этом же доме, на четвёртом этаже, в квартире, где был страшный бардак и беспорядок, на не разобранной кровати спали рядом две пока ещё не любящие, но и не безразличные друг другу девушки...

Одна за другой
Автор : Сулмор
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
О любви и дружбе.
Дисклаймер :
-

— Мне плевать. Если так хочешь — уходи.

— Вот так просто?

— Ага, — пренебрежительно, в сторону, — Прости уж. Я не хотела бы тебя задерживать.

— Ну, конечно, же, ведь тебе всё равно, — сарказм, ирония...? Боль.

— Кто виноват и что делать? — усмешка, — на вечные вопросы не отвечаю.

— Боже, ты себя со стороны слышишь?

— А ты?

— Равнодушная сволочь, — сквозь зубы.

— А говорила, что любишь, — спокойно, отстраненно, холодно. Равнодушно ли?

— Любила. И, наверное, до сих пор люблю. Но не хочу любить того, кому плевать на меня, — лёгкий поворот ручки, еле слышный скрип двери, щелчок замка.

— Ушла, — неверующе, — Ушла. Навсегда…

Слёзы — нельзя, ведь если заплачет, то признает — жива любовь, жива! Держаться, держаться, если выдержать первые мгновения, если не броситься догонять, возвращать её, то этот кошмар закончится…

— Нет, — стирает сердито рукой нечаянную слезу, — Не думать, не думать! Потом поймёшь, что сделала, только не плакать, только не жалеть себя! Забыть…

Стираются слёзы одна за другой — яростно, без надежды остановить… Остановить!

Резкий поворот ручки, дверь с жалобным стуком ударяется о стену, оставляя след на обоях, и только быстрые шаги, да крик в тишине коридора: «Вернись!»

***

Лестничная площадка общежития, приоткрытое окно.

Девушка сидит на ледяном полу, согнув ноги в коленях и положив на них голову. А вниз падают слёзы, и в руке тлеет огонёк зажжённой сигареты. Но за окном ночь, звёзд не видно, как и луны, небо затянуто серыми тучами — ненормально тёплая зима.

Вот только волшебно звенит, поёт песни, в стёклах пойманный лёгкий ветерок; он поёт о возможных чудесах, о позабытом когда-то, о том, что будет, обязательно, скоро. Только ветер ласкает тишину, уносит боль, маскирует, обманом, усыпляет одинокую фигурку, курившую в полумраке лестничной клетки.

«Красиво, чёрт побери! Почему, когда мне хреново, за окном

так красиво! Почему не бушует метель, буран не вырывает с корнем деревья, почему мир не сошёл с ума?!!» — девушка ухмыляется и прислоняется к стене спиной, затягиваясь спасительным ядом сигареты. Губы ещё больше искривляет болезненная гримаса, когда она слышит осторожные неторопливые шаги — кто-то спускается вниз по лестнице.

«Кого это принесло?» — отстранённый интерес, подогретый очередной затяжкой.

— Сигарета есть? — острые скулы, длинные волосы, беззащитная шея, большие-большие глаза.

«Симпатичная, но странная, — девушка протягивает полупустую пачку и теряет интерес — ей не хочется сейчас говорить с кем-либо. Она хочет курить одну за другой, смотреть в окно, ощущать, как замерзают ноги, руки, тело, сердце… душа.

— Спасибо, — ещё один огонёк зажёгся, и сигарета ловко танцует в руке незнакомки, решившей занять более неустойчивое положение — на перилах лестницы.

«Акробатка, блин, — в карих глазах мелькает искра заинтересованности, — Грохнется или всё-таки успеет докурить?»

— Как дела? — девушка ловит взгляд, который тут же трусливо бежит в сторону, скользя по исписанным стенам.

Молчание в ответ.

— Меня Катя зовут, — она подаётся вперёд, чудом сохраняя равновесие, и, кажется, что её глаза смотрят в самое сердце.

— Ира, — невежливо молчать, когда тебе называют своё имя.

«Бред, ничего она не видит и не может знать», — девушка медленно подносит сигарету к губам и принимает решение больше не смотреть в глаза странной чересчур навязчивой собеседнице, так похожей на тень, в неясном свете, льющемся из коридора.

— Как твои дела? — Катя с улыбкой повторяет вопрос.

— Лучше всех.

— Да? Что-то по тебе не скажешь, — мягкая ирония, и сигарета на пару мгновений загорается ярче, заполняя паузу, давая время подумать и сделать следующий ход.

— Моё состояние должно волновать тебя в последнюю очередь, — Ира не глядит ей в глаза, но изучает: внимательно рассматривает широкий, явно, домашний джемпер, самодельные джинсовые шорты, из кармана которых словно бы змеёй выползает белый провод наушников, без дела перекинутых через хрупкие плечи.

— Да ты что?! — фальшивое удивление, — Ты уж извини, Ира, но волнует.

— Почему? — искреннее изумление, и девушка опять ловит себя на том, что бездумно тонет в слишком широких, больших глазах Кати.

— Так вышло, — затяжка — пауза — пепел летит вниз, — Это моё любимое место, а ты уже почти месяц тусуешься здесь каждый вечер. Надоело одной курить площадкой выше, поэтому решила познакомиться. А тут слёзы, сопли — кошмар, в общем!

Ира тушит сигарету и зажигает ещё одну — больше по инерции, нежели из-за желания курить.

— Ну?! Что же заставляет тебя безвылазно сидеть тут каждый вечер?

— Может, отстанешь? — девушка надевает равнодушную маску и снова отворачивается от проблем, смотрит в окно, да курит.

— Не-а, — спокойная констатация факта, — Если бы ты не хотела с кем-нибудь поделиться, то уже ушла бы отсюда, послав меня подальше. Давай, рассказывай!

Молчание. Когда куришь, можно и помолчать.

— Пусть ты права — мне хочется с кем-нибудь поговорить, — Ира добавляет в голос побольше угрожающих интонаций, — Но не с тобой уж — это точно!

— О, как... — насмешливая улыбка, но без злости и раздражения, всего лишь терпеливое ожидание, — А кому ещё, если не мне? Друзьям? Что-то я не вижу их с тобой рядом.

— Не хочу друзей грузить своим плохим настроением, — Ира мотает головой, словно бы окончательно отгоняя от себя эту мысль, как нереальную, даже не подлежащую дальнейшему обсуждению.

— Ну вот, видишь! — Катя щелчком пальцев отправляет сигарету в приоткрытое окно, но промахивается, с явной неохотой спрыгивает с перил и, подняв окурок, аккуратно со всей возможной осторожностью выбрасывает его в форточку.

Она садится напротив Иры и ловко ловит её взгляд, плетя невидимую паутину, заманивая, зачаровывая неестественно большими яркими глазами:

— Расскажи мне.

— Почему тебе? — девушка чувствует, что сдаёт позиции, что теряет себя и не может больше противиться желанию рассказать кому-нибудь о своём, как она думает, исключительном горе.

— Я тебе безразлична. Считай, что просто записываешь всё на листок бумаги, который впоследствии просто сожжешь, — мягкие успокаивающие интонации, нужные обычные слова, — Ведь мы друг другу никто. Я не буду осуждать тебя, не буду жалеть, не буду лезть с советами. Возможно, что вскоре забуду всё, как сон. Но мне скучно, а ты сидишь тут, мучаешься, плачешь. Я не кусок железа, чтобы спокойно слушать твои всхлипы этажом выше.

— Всё-всё, уговорила, — чуть позже Ира объяснила себе согласие тем, что Катя была слишком близко, и словно бывалый психолог, не давала ей отвести взгляд, разорвать тонкую связь, — Да и какая разница? Ведь это ничего уже не изменит. Слушай...

***

У всего есть начало — с этим трудно спорить. Не ухмыляйся, ведь должна и я с чего-то начать рассказывать! Дак о чём я? Угу, как мы познакомились...

В тот день я твёрдо решила сходить в кино с одной из своих подруг, которую не видела уже давно. Учимся в разных универах: у неё дела, а у меня учёба и работа. Да и всегда находилась причина отказаться от встречи. Правда, в этот раз, казалось, что всё решено точно, и мероприятие не должно сорваться. Поэтому я заранее купила два билета на немецкий фестиваль кинофильмов. Вот только жизнь внесла свои коррективы в мои планы...

Короче, она позвонила и сказала, что не сможет. Знаешь, почему-то обидно и как-то паршиво стало на душе. Договорились пойти в следующий раз, но получилось так, что вечер оказался полностью свободным, да два билета просто жгли мне карман!

Хм? Нет, я их не выбросила. Решила подарить кому-нибудь и просто пошляться по улицам. Спустилась в метро и минут пять бездумно ходила туда-сюда по станции. Чего ждала — непонятно, но смотрела на лица людей, выискивая в них что-то, что заставило бы меня не колеблясь отдать им билеты. И что ты думаешь? Я, волею судеб, встретила её.

Примерно одного со мной роста, в бежевом плаще, русые средней длины волосы, высокие сапоги, да книжка в руках.

Что? Какая книжка? Если честно, то не очень помню. Обложка такая коричневая, старая, потрепанная — видно, что-то из классики. Не суть.

Почему меня чёрт дёрнул подойти к ней?! Вот знала бы, что так всё закончится... Хм, будешь смеяться, но, если б и знала, всё равно подошла.

Помню, что в смущении просто застыла перед ней, пока она не соизволила меня заметить. Протянула билеты и, уже коря себя за бредовую идею, постаралась внятно сказать:

— Дарю.

— Что это? — у неё такое тогда милое удивлённое лицо было, что до сих пор умиляет.

— Два билета на сегодня в кино. Бесплатно!

Она неуверенно приняла их и посмотрела на меня

с интересом:

— А почему сами не пойдёте?

Не знаю, но я сказала тогда правду, объяснила, что договорилась с подругой, вот только та не смогла придти, потом высказала своё мнение, что просто выбросить билеты было бы глупо и... Всё это время, пока я разглагольствовала и жестикулировала, она улыбалась — ласково, смешно щурила глаза, да теребила край сложенных вдвое билетов.

— Возьму, только если вы со мной пойдёте.

Удивление, изумление, растерянность, нотка страха, опасения, любопытство, в конце концов...

— А почему бы и нет... — улыбнулась, чувствуя, что вечер не пропадёт зря, — Ира.

— Лена, — она отдала мне один из билетов, а второй положила во внутренний карман.

Вот так мы и познакомились.

****

— Прикольно! — выносит вердикт Катя и тяжело встаёт с корточек, смешно прыгает, разминая затёкшие ноги, потом подаёт Ире руку, — пойдём ко мне чай пить, а то я уже замёрзла.

Девушка принимает протянутую ладонь, рывком, быстро поднимается, чтобы не затягивать контакт между ними.

— Можно, — Ира добавляет лёгкую иронию в голос, — Почему бы и нет?

***

— Угощайся: печенье, шоколадка, зефир есть.

— Сладкоежка ты, однако, — Ира придирчиво осматривает лакомства и выбирает шоколадку — лучшее средство от всех душевных терзаний.

Девушка несколько удивлённо вдруг понимает, что тоска, мучавшая её, отступает, да и нет больше той давящей тяжести на плечах, когда кажется, будто весь мир держится только на тебе. В уютной атмосфере кухни, наполненной ароматами настоящего заварного чая, нельзя, просто невозможно, было и дальше предаваться несчастью.

— Это не я сладкоежка, а моя соседка, — Катя отстранённо уминает шоколадное печенье, а на её губах вдруг появляется задумчивая, мягкая улыбка.

— Где она сейчас? — в принципе, Ире было всё равно, но девушке вдруг захотелось увести разговор на менее опасную тему, заставив собеседницу отвлечься и рассказать что-нибудь о себе.

— Домой поехала, каникулы, как ни как.

— А почему ты тут осталась?

— Билеты не успела купить, да и других дел полно.

Ира думает, что не может быть ничего лучше, чем просто пить маленькими глотками обжигающий горло чай и смотреть в тёмное окно, за которым медленно начинает падать снег. В возникшей тишине отчётливо слышать тиканье настенных часов, да не спешить разрывать молчание, ведь, пока в кружках ещё не остыл чай, можно и помолчать.

Катя встаёт и уходит в соседнюю комнату, чтобы вскоре вернуться с двумя большими белыми свечками. Щёлчок зажигалки, выключается верхний свет, и только весёлое пойманное пламя разгоняет темноту.

— Рассказывай дальше.

— Что-то уже не хочется, — последняя попытка уйти от ответа, но собеседница слишком нагла и настойчива, поэтому Ира продолжает выворачивать себя наизнанку, чтобы хоть немного, но стало легче.

***

Вот мы познакомились и… что ты думаешь? Да ничего. Около

двух месяцев, даже больше, я её вообще не видела, только иногда вспоминала о том вечере, но как-то так. Жила своей жизнью: умудрилась всё-таки встретиться с подругой, успела домой съездить, опять же, работала, училась.

Как получилось, что мы стали общаться? О, это обычная история — всему причина скука... Начну по порядку.

Сама понимаешь, что жизнь в общаге подразумевает шумные компании, бессонные ночи, пьянки, гулянки и так далее. Я, глупая, была уверена, что давно приобрела иммунитет против подобного времяпрепровождения, а нет! Ничего подобного...

Как-то так получилось, что мои «друзья», так называемые, всё-таки умудрились вытащить меня. В честь чего — смутно помню, вроде, по случаю сдачи экзаменов, либо кто-то там курсовую успешно защитил. Не так уж важно.

В принципе, я была рада всех увидеть. Но оказалось, что за время моего отсутствия, в нашей компании появились новые люди, что-то необратимо изменилось, поменялось. И через два часа я с удивлением осознала — кругом все мне чужие. Точнее, я чужая.

Не желая портить никому настроения, засела на кухне, курила, да пила растворимый кофе — употреблять что-либо более крепкое мой организм отказывался. Потом, помню, закрылась ото всех мобильным телефоном, бесцельно тратила время.

Просматривала фотографии, перечитывала смс-ки, неотправленные сообщения, добралась до списка контактов.

Как ты уже догадалась, вскоре, без особой надежды получить ответ, я написала ей, случайно увидев смутно знакомое имя.

Но не прошло и пяти минут, как мне пришло новое сообщение — от Лены. Слово за словом, и время просто пролетело, исчезла ночь, да и давно наступило утро.

Ты не поверишь, но в течение нескольких недель мы только и делали, что строчили друг другу смс-ки, а снова встретиться смогли намного позже.

****

— А что ты к ней вообще чувствовала? Кем она тебе была?

— Не знаю...

***

С одной стороны, мне тогда казалось, что подругой. Я радовалась новой зарождающейся дружбе, не понимая, что чувствую. Знала только — мне интересно с ней и легко.

Легко, потому что не было нужды притворяться кем-то. Я могла говорить правду, высказывала свои мысли, иногда намерено грубо, будто хотела оттолкнуть, проверить на прочность — а вдруг не выдержит, испугается и убежит?

Знаешь, теперь, оглядываясь назад, я думаю, что видела в ней подругу, нежели нечто большее. Ведь что такое друг? Это человек, которому ты доверяешь: свои мысли, желания, чувства, переживания. Я вверяла Лене себя со всеми потрохами, показывала такую, какая есть на самом деле, и, что интересно, находила отклик понимания, узнавания...

Было так забавно, когда я начинала фразу, а она заканчивала её. Вот это, наверное, в моём понимании и есть дружба...

Ещё одна очевидная истина — всё в мире меняется, нет ничего незыблемого и постоянного. Так и наша с ней дружба постепенно перерастала в нечто большее. Нет, не любовь, но рядом.

В какие-то моменты я ловила себя на мысли, что если не прикоснусь к её руке, то точно сойду с ума. А иногда казалось, будто она так же стремится быть ближе. Помню, что у меня подгибались коленки всякий раз, когда Лена ласково гладила меня по голове, либо на прощанье целовала в щёчку.

Да-да, вот это состояние я называю — влюбиться! И нечего ухмыляться... Да, я влюбилась в девушку! Как будто в наше время это такое уж необычное явление. Пф! Да людям наплевать на то, кто ты, что делаешь, пока не приносишь им слишком много проблем. Эгоизм общества — именно это и дало мне возможность оправдать свою тягу к Лене, ведь если что-то не запрещено открытым текстом, значит, это разрешено...

Но, несмотря на все эти бредовые рассуждения, я раз за разом приходила к одному и тому же вопросу: что может быть страшнее и больнее влюбиться в того, кого ты называл другом? Да и как это возможно?!

Лично для меня нет ничего печальнее. Когда знаешь, что можешь, ведь можешь, шагнуть за грань. Можешь приближаться всё ближе и ближе, двигая границы, проверяя, насколько близко дозволено быть рядом. Разрешат ли тебе поцеловать на прощанье не щёку, а губы? Как долго можно обнимать её? А можно ли...? И так далее, пока не почувствуешь, что сошла с ума.

И, уверяю тебя, это точно не любовь! Это... это какая-то пустота, пространство между дружбой и любовью. На этой границе нет ничего, нельзя долго находиться в этом состоянии, а иначе... конец. Как говорится, либо пан, либо пропал!

Но, как последний трус, я просто взяла тайм-аут. Хех, иными словами, сбежала домой на летние каникулы. Это время позволило мне придти в себя, окончательно убедиться, что дружба — это дружба, и не стоит портить её. Да и уже примерно через полтора месяца я смогла засыпать, не думая о Лене, не вспоминая наши встречи, не мечтая о поцелуе, о её руках, глазах...

Ты чего опять смеёшься?! Я была влюблена и могла позволить себе мечтать о чём угодно! Кхм, нет, об ЭТОМ я не мечтала... Да иди ты к чёрту! И прекращай ржать...

Кхм... о чём я там? Естественно, все те стены, что я старательно возводила между нами, рухнули, стоило ей лишь обнять меня при встрече. А как только, в метро, чтобы не потерять друг друга в толпе, мы взялись за руки, я поняла — всё снова, как прежде. Ничего не изменилось, но, как будто, мне стало легче. Ведь стало ясно — отказаться от идеи быть для Лены больше, чем просто подругой, просто не хватит сил. Одна дверь захлопнулась, а из-за сквозняка настежь распахнулось окно.

Вот такие вот дела...

***

— Н-да, что-то у тебя всё сложно, — Катя играет с пламенем

свечи, опасно близко поднося к нему ладонь, — Столько времени мучилась, мучилась, а в итоге вернулась к тому, с чего начинала.

— Не совсем, — Ира отстранённо переводит взгляд на окно, за которым уверенно властвует разгулявшийся снегопад, — Ты не поняла. Я хоть и вернулась на начало, но уже другой. А за то время, что было, по-твоему мнению, бездарно потрачено, смогла разобраться немного в себе, понять, что чувствую, что правда, а что самообман.

— Неужели смогла понять, что такое любовь? — насмешливые глаза, в которых танцует жёлтое пламя свечи.

— Нет. Даже и близко нету понимания, — Ира тоже смотрит на пламя: тёплое, опасное, ласкающее, непредсказуемое.

— Знаешь, вот, хоть убей, не понимаю, как можно любить подругу. Это же друг! Объясни?

— Ты чем слушала? Я же говорю — это не любовь была.

— А что? Ведь был только один вариант. Ты сама сказала, что находилась в пограничном состоянии, а потом поняла, что не сможешь остаться для неё просто подругой? То есть, если это не любовь, и не дружба, то получалось, что ты банально «хотела» Лену? Или что?

— М-м-м, как же тебе объяснить? Я перестала её «банально хотеть» после лета. Но желание быть с ней рядом осталось, даже стало сильнее. А теперь прибавь к этому ещё и понимание, доверие, ту странную связь, что возникает между друзьями. Короче, она уже не друг, не объект желания, а… человек, который стал родным. Рядом с которым чувствуешь, что никогда не будешь одинок, что всегда можно придти, разбудить даже ночью, и тебя выслушают, поймут.

— И чем же это отличается от дружбы? Неужели друг не выслушает любую твою жалобу в самое неудобное для него время?

— Хм, дружба — это доверие, а любовь — самопожертвование. Я полюбила в тот момент, когда запретила себе «хотеть». Отказалась от своих мыслей, желаний, загнала свои чувства в самый дальний тёмный угол, чтобы только Лене было

хорошо. Вот в чём разница...

— Интересно. И что дальше? Вот ты поняла, что чувствуешь и всё такое, но это лишь слова. Как на деле получилось?

***

А на деле получилась хня какая-то! Иногда я чувствовала, что спокойно могу неделями не видеть её, а просто знать — с ней всё в порядке, значит, можно не волноваться и заниматься другими делами. А иногда, чаще всего вечером, словно что-то накатывало, я звонила ей, звала в кино, просто гулять, в кафе вытаскивала — так хотелось увидеться!

Но уже не было того сумасшедшего желания, ничего не сжигало изнутри, не звало становиться лучше, прыгать выше, мечтать, летать. Как будто перегорело что-то... Я поверила, что наконец-то успокоилась, ненормальная влюблённость прошла, и теперь мы сможем быть отличными подругами. Я сама себе уже противоречу, но, извини, говорю так, как чувствовала.

А Ленка, ну, она даже чаще меня звонила и писала, всегда интересовалась, что со мной, да как. Не выпускала из вида. Короче, полная идиллия и, вообще всё вроде бы отлично. И, естественно, что в один момент всё нафиг сломалось. После той глупой ночи.

О, тебе подробно рассказывать? А не пошла бы ты? Нет? Ну, ладно, слушай...

Как-то вечером мы с ней пошли гулять. Завалились в кафе, просидели там часа два — всё обычно, можно сказать, строго по плану. Бродили по торговому центру, мерили одежду, на которую точно не хватило бы денег, смеялись, шутили, подкалывали друг друга — вели себя, как дети. И были вполне счастливы.

По-моему, это была её идея отправиться в клуб, поскольку меня мало такие места привлекали. Но... не прошло и часа, как мы были на месте. Выпили, сошли с ума, отправились танцевать.

Как говориться, зажигали от всей души. Она смогла расшевелить меня! Мы участвовали в конкурсах, снова танцевали, валялись на удобных диванах, смеялись, заглушали разум

алкоголем...

По твоей ухмылке я вижу, ты догадываешься, чем та ночь закончилась?

Все те лживые преграды, границы, что я так старательно чертила на песке, просто... нет, они не стёрлись, но лазейка для чувств всё же нашлась. В какой-то момент, я с ужасом осознала, что целуюсь с Ленкой! Моей Ленкой! И, поверь мне, я ничего не чувствовала! Моё заветное желание исполнялось, но в тот момент... ничего. Ничего в душе не дрогнуло, не было полёта, тепла в сердце, только повышенный градус в крови, да глухое разочарование.

Мы поехали к ней, на такси. Пожалуй, единственная причина, из-за которой я не сбежала — она крепко держала мою ладонь и всё дорогу шептала что-то ласковое, нежное. А у неё дома я в конец расслабилась, вспомнила, что Лена не чужая, не причинит мне боли...

Она обняла меня сзади за талию — настолько привычный жест — продолжила целовать шею. Вот тогда я и начала чувствовать. Словно повернулся внутренний выключатель! Щелчок — и бац! — мы уже в комнате, я с примитивным удовольствием отвечаю на поцелуи. Следующий момент — словно вспышка — кровать... Помню слова в тишине о том, как долго она этого ждала... Только вот в душе у меня так и не «запорхали бабочки»...

***

— В чём же проблема? Разве не этого ты хотела?

— Проблема в том, что утром я сбежала...

— О, как! Почему?! — изумлённый, неверящий взгляд поверх свечи.

— Испугалась. Не знаю! Не знаю... Просто сбежала. Я...

— Дура! Ну, ты и дура! — Катя смеётся, а Ира обижено отворачивается.

— Эй! Полегче! Кто обещал тут не судить меня?

— Уж извини, но... — искренний смех, — Когда человек час изливает тебе душу, говорит, что вот, дескать, мучился, терзался, а получив желаемое — пугается непонятно чего! Как тут не смеяться?

— Тут плакать надо! — Ира огрызается, но внутренне признаёт, что Катя права, поэтому... — Пойдём, покурим лучше.

— Ну, пойдём... Только теперь ты мне точно всё до конца расскажешь...

— Да там уже и рассказывать-то нечего.

— И всё-таки...

****

Лестница, две девушки, две сигареты. Закрыто окно — снегопад, да ветер поёт совсем другую песню.

Катя щёлкает зажигалкой, в полумраке загораются два огонька...

— Почему ты всё-таки убежала?

— Я проснулась и поняла, что хоть и люблю Лену, но это не то... В общем, сейчас, объясню... Что-то не так было, что-то было неправильно. Я не знаю, что на меня нашло, но какая-то паника просто накатила. В лихорадке собирала вещи, стараясь на неё не смотреть...

***

После этой ночи я больше не хотела её. После этой ночи не осталось дружбы — даже и речи не могло быть. Что же в итоге мы с ней сотворили? Хотя... Лена не виновата.

Я любила её. Но мне хотелось быть как можно дальше.

Я любила её. Но не могла представить, что мы сможем жить вместе.

Я любила её. Но не хотела каждое утро просыпаться рядом.

А потом… потом, сама же и пришла к Ленке, уже ближе к вечеру. Позвонила в дверь, а она, заплаканная, несчастная, открыла, увидела и… У меня чуть сердце не разорвалось! Я как идиотка плакала, обнимала, просила простить… Потом она позвала меня жить с ней. Я согласилась.

****

— Что же ты от бедной девушки хотела?

— Хотела вернуть дружбу.

— Ну ты и…

— Сама знаю.

Катя хмурит лоб, на её лице неодобрение, смешанное с непониманием, наконец, она качает головой и задаёт вопрос:

— Послушай, мне кажется, что ты в чём-то не права. По твоим словам выходило, что любовь основывается на дружбе. У вас была и замечательная дружба, потом ты испытывала чувство, похожее на любовь. Но, как только ты получила то, что хотела, тут же потеряла интерес. Знаешь, напрашивается вывод, что ты просто не можешь любить кого-то, кроме себя!

— Не смей судить меня! — Ира зло тушит окурок и плохо слушающимися руками достаёт новую сигарету.

— Что? Правду неприятно слышать? — ядовитые слова, и Катя уже жалеет, что связалась с настолько эгоистичным существом. Ира винит себя за откровенность, ведь ей просто слабовольно хотелось хоть каплю сочувствия, а не злых обвинений.

— Да что ты понимаешь?! Я её любила!

— Ну, конечно! Да ты, похоже, была способна только на то, чтобы окончательно затоптать любовь!

— Много ты об этом знаешь?!

— Поверь мне — знаю!

— И что же?!! — слова звонким эхом разносятся по всем этажам, — ну, давай! Поделись выводами, не стесняйся!!

— Успокойся! — тяжёлый вздох, расшатанные нервы приводит в мнимый порядок новая порция никотина, а ночь продолжается…

— В общем, я верю, что ты любила её, но не могу понять, начиная с какого момента, ты лжешь и себе, и мне, — недолгое молчание, — Чем у вас всё закончилось?

— Ей надоело моё равнодушие, и она просто ушла. Я хотела остановить, но Лена не вернулась.

— И правильно сделала. Что ж, милая история, только… только какая-то нехорошая. Мне бы хотелось услышать другой конец, — Катя садится рядом с Ирой, и обе девушки вместе смотрят на метель за окном, курят, да продолжают нелепый разговор.

— Я тебе не сказку на ночь рассказывала, между прочим!

— Да ладно, успокойся. Зря я на тебя набросилась.

— Угум, но, знаешь, ты ведь тоже права — получается, что я и вправду могу любить только себя, — Ира чувствует тепло Катиного плеча и ей становится легче.

— Да уж… Печальный вывод напрашивается.

— Какой? — слабый интерес, вопрос, заданный исключительно, чтобы заполнить пустоту.

— Что нельзя влюбляться в подруг.

— Хм, почему же? Можно, только осторожно, — Ира улыбается, тихий смешок раздаётся рядом, — ведь и любовь не из воздуха берётся. Просто я не доросла до серьёзных отношений, а Лена приняла мой страх ответственности за равнодушие. Так глупо! Нельзя мне было играть с чувствами родного человека! Надо в себе сначала разобраться, а потом уже требовать что-то от других. Знаешь, я только сейчас поняла… Вот когда мечтала, представляла, как целую Лену и всё такое,

то ни разу не думала о том, а что дальше-то? Поцеловала, она ответила взаимностью, все счастливы и конец истории. Но... оказалось трудно даже представить, как будут развиваться отношения, что нового мы для себя откроем, как дальше-то жить будем?...

— Хм, даже так...

Молчат и курят. Тишина, только вой ветра за тёмным окном.

— Спасибо.

— За что?! — Иру удивляет искренняя благодарность в больших-больших ярких глазах.

— Теперь мне легче. Ты просто не знаешь, насколько мне помогла... — неуверенная робкая пауза, — Я ведь тоже... влюбилась в подругу...

— Ах, ты... сволочь! — Ира широко улыбается и в шутку толкает Катю плечом. Та лишь ухмыляется в ответ и мечтательно прикрывает глаза.

Две девушки стараются понять, что изменилось за эту ночь, возможно ли что-то исправить, стоит ли начать действовать? Или...

— Расскажи, что у тебя-то произошло?

— Хорошо, только с тебя сигареты и чай.

— Договорились, — лёгкий смех тревожит тишину, и, несмотря на метель за окном, рядом есть кто-то, с кем тепло сидеть, да курить одну за другой...

Ведь нельзя же вечно тосковать ночами о совершённом, ведь невозможно каждый раз слушать, как плачут этажом ниже...

Конец?

Мы счастливы
Автор : Сулмор, Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13

Жанр : Fluff
Размер : min
Описание :
Лёгкое солнечное сёдзе-ай
Дисклаймер :
-

Мы сидели на кухне и делали вид, что кроме нас, не существует никого в целом мире… А ведь, собственно, так оно и было: две девушки — два человека, которые не могут жить друг без друга, пили остывший зелёный чай на самой обычной кухне, в квартире, расположенной на десятом этаже. Никто нас здесь не смог бы найти, ведь дверь на замке, мобильные затерялись где-то в сумках, а ночь согласилась сохранить от всех наши тайны…

А ещё мы много говорили, будто стремясь поделиться всем, что появлялось в мыслях. Разговор плавно перетекал с одной абсолютно не важной темы на другую, подчиняясь только нам одним известной логике… Случайные ассоциации, воспоминания, смех, иногда немного светлой грусти, счастливые голоса и улыбки…

А ещё я вдруг поняла, что слова ничего не значат. Что и без них хорошо, когда кто-то может слышать и понимать те чувства, что ты хранишь в самой глубине своих глаз. Поэтому мы не почувствовали ни грамма неудовлетворения или стеснения, когда молчание накрыло нас с ней в эту самую обычную для кого-то другого ночь…

Мне казалось, что вот это и есть то самое пресловутое счастье, которое все так отчаянно и обречённо ищут. Всего лишь двое на кухне, которые сидели за столом задумавшись, молча, держа в руках уже холодные чашки… А всё остальное было не важно: ни дождь за окном, ни чек из супермаркета почти на тысячу рублей, сиротливо лежавший на полу, ни дребезжащий над ухом старый холодильник, ни шатающийся от любого прикосновения стол…

И не было ничего удивительного в том, что мы одновременно подняли глаза от кружек с уже ставшим совершенно невкусным чаем и улыбнулись друг другу. Но, самое главное, мы обе вдруг

поняли, что будем всегда вспоминать наше солнечное лето...

Хотя, если хорошо подумать, то это лето было ничем не примечательное с первого взгляда. И даже началось оно с банальной встречи на дне рождения общего знакомого.

Нас тогда забыли представить, поэтому в течение всего праздника мы ни разу не назвали друг друга по имени. Веселье продолжалось всю ночь, а утром гости стали расходиться. И вот только когда уже стали собираться домой, выяснилось, что нам идти в одну сторону, и, наконец, мы смогли нормально познакомиться. Хотя бы узнали имена, впоследствии посмеявшись над забавной ситуацией, попрощались со всеми, и вместе вышли из квартиры.

Но вот если говорить совсем уж начистоту, то мне тогда жуть как хотелось остаться одной. Просто я чувствовала такую безумную всепоглощающую лень, когда сказать хоть слово — уже великий подвиг. Когда нет ни желания, ни необходимости о чём-либо задумываться, ничего не волнует, всё спокойно, а в мыслях только настоящее. Нет повода что-то вспоминать, не нужно заботиться о завтрашнем дне... Можно просто не спеша идти по истёртому и избитому тысячами ног городскому асфальту...

Но, как ни удивительно, она тоже не хотела ничего говорить, тоже шла рядом со мной молча, и было во всём этом что-то правильное, что-то странное, но именно сейчас — нужное и приятное... Не помню, кто из нас тогда свернул на самую длинную дорогу к дому, да и так ли это важно?

А потом мы просто стали блуждать по городу. Случайно или нарочно, вот честно, не знаю. Просто пару раз свернули в какие-то проулки, пересекли несколько пустых дворов, повстречали двух бездомных псов, которые, лениво виляя хвостом, пытались выпросить что-нибудь съестное... Я думала, что за дорогой следит она, а она, возможно, — что я. Честно говоря, я просто наслаждалась этой спокойной прогулкой. На улице было достаточно тепло, и только когда солнце скрывалось за облаками, иногда налетал порывами прохладный ветер, от которого немного мёрзли кончики пальцев.

Пройдя пару улиц, по которым, кажется, давно уже

не ходила, я поняла, что мы свернули уже с правильной дороги и ходим без всякой цели. Но дома меня так рано никто не ждал, и я была не против ещё прогуляться по утренним улицам. А чтобы всё-таки согреться, я взяла её за руку, осторожно сжав ладонь. Она тогда удивлённо на меня посмотрела, чему-то улыбнулась и так же аккуратно, как и я, переплела наши пальцы. Стало тепло...

Мы понемногу разговорились, хорошая погода согнала молчаливое настроение, и то и дело кто-нибудь из нас замечал что-нибудь необычное, интересное, весёлое, и тут же указывал на это с по-детски счастливой улыбкой. Мы обсуждали какие-то совершенно не важные мелочи, рассказывали забавные истории из жизни. А ещё я, наверное, давно так часто не смеялась. Казалось, что пополам с воздухом мы дышали этим волшебным утром, начинающимся летом, ветром, высоким небом и, конечно, друг другом...

Помню, потом мы всё-таки устали и долго искали скамейку, но смогли найти лишь невысокий, примерно выше колена, но ниже пояса, каменный забор в маленьком сквере. Я тогда с удовольствием присела, а она стояла рядом, напротив меня, поставив ногу на какой-то уступчик. Снова говорили о чём-то, видели счастливые улыбки друг друга, и часто, немного смущаясь, смотрели друг другу в глаза, затаив в них весёлые искорки своей радости.

Мне стало немного зябко, ведь сидела на холодном камне, но уходить не хотелось, поэтому я просто пододвинулась на самый краешек. Прохладный утренний ветер трепал мои волосы, забирался под лёгкую кофточку, явно подходившую больше для похода в гости, чем для прогулки. Мы всё с таким же воодушевлением и интересом разговаривали, наслаждаясь обществом друг друга, и нам было необыкновенно легко и хорошо. А я замёрзла и, наверное, стала заметно дрожать, потому что она вдруг подошла поближе и прикрыла своим плащиком, придерживая его руками на моих плечах.

Сквозь легкий шелест ветра в кронах деревьев я слышала птичий щебет, гул трамвая где-то вдалеке и еле различимый стук её сердца. Стало жарко и хорошо... Почему-то всё это вызывало во мне чувство бескрайней нежности и совершенно счастливую умильную улыбку.

Ветер всё равно обходил преграды, окончательно превратив мою причёску во что-то фантастически перепутанное и развевающееся. Она рассмеялась и попыталась пригладить мои волосы, ласково и осторожно пропуская их сквозь пальцы... А когда я удивлённо пробурчала, что так причёска совсем испортится, втайне всё же надеясь, что её это не смутит, она заявила, что я и так лохматая, и хуже уже не будет. А потом посмотрела с безумно счастливой улыбкой в мои шутливо-возмущённые и радостные глаза.

Не было причин думать, почему нас так тянуло друг к другу, почему, смотря на неё, я молила время идти медленно, так, чтобы можно было почувствовать и запомнить каждую секунду... Почему два человека, познакомившиеся так недавно, смогли всего за одно утро стать настолько близкими друг другу? В те мгновения я точно знала, что ни её, ни меня такие мелочи просто не волновали, а ответ был совершенно не нужен. Ведь всякое бывает и, собственно, почему бы и нет?

Наконец, огромным усилием воли я уговорила себя встать, только вот ни она не убрала руки с моих плеч, ни я не разжала лёгких объятий. И снова мы долго просто стояли вместе, безгранично нежно смотря друг другу в глаза, улыбаясь, словно сошедшие вдруг с ума...

Летнее солнце восходило всё выше, постепенно согревая улицы и прогоняя холодный ветер, а мы безумно медленно шли по улицам города, нехотя просыпающегося в выходной день. Пора было отправляться по домам, отдыхать и отсыпаться после празднования, в квартиры, в замкнутое пространство четырёх стен, но... ещё не прошло ощущение нереальности и волшебства всего происходящего, ещё возможно было позволить себе небольшую слабость. А именно, на прощанье, перед подъездом, ласково коснуться её щеки губами, прошептав: «Увидимся». И в ответ получить тёплую улыбку, озорной взгляд и столь бесконечно желанный сейчас ответ: «Конечно!»

Я пришла тогда домой безумно уставшей и счастливой, желая поскорей уснуть, не дожидаясь вечера, и как можно быстрее проснуться следующим утром, чтобы начался новый день, который, я была уверена, мы проведём вместе с ней.

Собственно, не было ничего удивительного в том, что моё желание сбылось, но для меня это было равнозначно маленькому

чуду, самому настоящему волшебству. Мы встретились ближе к вечеру и снова пошли гулять по улицам...

Нельзя сказать, что каждый день, проведённый вместе, был для нас чем-то особенным или запоминающимся. Первое время мы просто узнавали всё друг о друге, начиная от привычек и увлечений, и заканчивая чем-то личным и сокровенным. Вызволяли из глубин памяти самые яркие воспоминания, рассказывали о своих планах на будущее, мечтах, страхах, надеждах. Делились всем тем, что обычно люди прячут ото всех, оставляя это что-то только для себя. Но рассказывать всё это было так же естественно, как просто жить и дышать.

Мы очень часто смеялись и улыбались, покупали друг другу забавные безделушки и самое дорогое мороженое, а иногда заглядывали в небольшие кафешки, если были деньги. А если денег не было, то наскребали мелочи из недр сумок, карманов джинс и курток, чтобы купить на двоих простой вафельный стаканчик. А ещё мы всё так же много гуляли по городу, весело болтая, периодически отдыхая на скамейках, либо сидели, держась за руки и иногда робко обнимаясь, в каком-либо парке.

****

Помню, проснулась как-то утром, а за окном моросил мелкий дождик. В квартире не было слышно ни звука, никто не гремел чашками на кухне, не пытался прибираться, отец не смотрел телевизор, а брат не слушал музыку.

Я встала и пошла на кухню налить себе кофе. Для этого пришлось, правда, сначала подождать, когда вскипит чайник, слушая тихий шум дождя. Как всегда, на автомате заглянула в кухонный шкафчик, с грустной ухмылкой обнаружив, что моей чашки в очередной раз нет на месте, и неохотно пошла в свою комнату. Нашла чашку на подоконнике, вернулась обратно. Я щедро сыпанула кофе, много-много ложек сахара, залила всё молоком, и только после всего этого ритуала добавила вскипячёной горячей воды.

Забралась с ногами на кухонную кушетку, обняла коленки руками, положила на них голову, из-под отросшей чёлки наблюдая, как вьётся пар над чашкой, закручивается спиралью

и уходит вверх, растворяясь в этом странном утре.

Зазвенел мобильный телефон, я тогда вздрогнула, возвращая себя в реальность, и быстро подняла трубку:

— Слушаю...

— Привет, не разбудила? — осторожные, робкие извиняющиеся интонации.

Моя улыбка стала ещё шире:

— Нет, я только встала... Как там в деревне?

— Скучно без тебя, да и дождь идёт.

— У нас тоже...

Взяла чашку кофе, переложила мобильный в другую руку и пошла в комнату:

— У тебя деньги не кончатся на телефоне?

— Нет, у меня безлимитка.

Я закуталась тогда в одеяло, сделала небольшой глоток кофе и довольно сказала:

— Это хорошо... Знаешь, я по тебе очень скучаю. Приезжай.

— Скоро уже, через пару дней. Сходим, погуляем.

— Угу...

Теперь каждый раз, когда я просыпаюсь одна в квартире, а за окном идёт дождь, я вспоминаю то серое летнее утро, безграничное счастье и долгий разговор ни о чём...

****

Когда же, когда? Как получилось так, что я уже не могла без неё? В какой момент она и я стали просто «мы»? И так ли это важно?

Да, важно. Я не хочу забывать тепло её рук в тот вечер, хочу всегда помнить, как подошла к ней сзади и обняла за плечи, чтобы посмотреть, что такое она пишет на моём компьютере уже почти полчаса, подбирая данные для своего реферата.

Наверное, я могла себя пересилить и остановиться, могла не обратить внимания на то, что она, немного помедлив, перестала копировать какой-то текст с сайта, поменяла шрифт и написала крупными буквами: «Я тебя люблю!» Я могла просто закрыть глаза на это и отойти, как будто ничего не было. Но...

Вместо этого я осторожно потёрлась щекой о её волосы, провела по ним, чуть касаясь, губами, судорожно вздохнула и крепче прижалась всем к ней, прошептав:

— Я тоже тебя люблю...

Ещё не поздно было сделать вид, что это шутка, но... Не хотелось. Хотелось слышать её частое-частое дыхание, осознавать, как медленно и осторожно она запускает пальцы в мои волосы, как приподнимается и изгибается на стуле, чтобы посмотреть на меня. Помнить, что в тот момент я не испытывала ничего, кроме, пожалуй, безмерного любования и страха того, что это драгоценное мгновение может оказаться сном, который вдруг оборвётся... Мне казалось, что сердце стучит очень-очень громко, что краска полностью залила моё лицо, что невозможно не увидеть моего волнения...

Она шумно сглотнула и тихонько начала притягивать меня к себе... В какой-то момент моё терпение кончилось, я не выдержала и слишком резко подалась вперёд. В итоге, наш первый поцелуй получился нелепым и немного болезненным, потому что мы стукнулись зубами, и я даже чуть прикусила себе язык. Вот только это уже было не важно...

Если в первые секунды я чувствовала только страх и удивление, казалось, что это не со мной, то чуть позже не могла представить, как это было возможно — жить, дышать, просто быть счастливой без неё?

Когда я услышала шаги в коридоре, затихшие рядом с дверью, и мамин вопрос: «Девчонки, вы тортика не хотите?» — то мы резко отпрянули друг от друга.

Я отошла от неё подальше и хриплым голосом прокричала ответ:

— Сейчас! Через пару минут...

— Хорошо. Я тогда чайник поставлю, — и моя мама ушла, а мы так и застыли в нелепых позах.

Помню, что села на диван и убито запустила пальцы себе в волосы, а она подошла и опустилась передо мной на корточки, пытаясь заглянуть мне в глаза. Я ничего не хотела видеть, слышать, не хотела понимать, в какое-то мгновение вдруг захотелось закричать. Не на кого-то, а просто так, чтобы выпустить переполнявшие меня чувства.

Я глубоко вздохнула и, подняв голову, встретилась с её глазами, в которых застыли слёзы и немая просьба не отталкивать, а попытаться понять. Слегка улыбнулась — как она хоть на секунду могла подумать, будто я могу причинить ей боль, обидеть ту, что по-настоящему люблю? Я обняла её за плечи и долго-долго шёпотом рассказывала всё то, что сейчас чувствую. Наверное, это надо было сейчас нам обеим — откровенность и нежные слова. И так приятно было смотреть, как на её лице снова появляется счастливое выражение...

— Пойдём чай пить, — я снова улыбнулась и быстро поцеловала, потом поднялась с ней, переплетя пальцы рук, и мы отправились на кухню.

На вопрос моей мамы: «Чего это вы так радостно улыбаетесь?» — мы просто одновременно пожали плечами и засмеялись от всей души...

***

Что же произошло дальше? Ну, ничего особенного, самая банальная вещь: нас раскидало по разным городам. Она там, а я где-то...

Так глупо. Так больно! Так неправильно! Так нельзя, нельзя, нельзя! Так хотелось всё бросить, наплевав на учёбу, устроиться работать, да хоть официанткой, лишь бы быть рядом с ней! Но... родители, здравый смысл, да и просто, как тогда думалось, судьба — иногда так хочется свалить всю вину на «так должно

было случится». Всё-таки мы ещё почти дети…

Вот и закончилось наше лето, вот и началась «настоящая» жизнь.

Сборы чемоданов, слёзы, ссоры, чтобы только не молчать, дикое желание разбить часы во всём мире, чтобы остановить время…

Но так получилось, что в итоге мы сидим на кухне квартиры, которую мне сняли родители, в совершенно другом городе, пьём зелёный остывший чай, потому что другого просто нет, и понимаем, что скоро опять окажемся порознь… Только это всё будет завтра: перроны, поезда, плацкартные вагоны… И разлука — только на время. А здесь и сейчас мы счастливы, и всего-то через пару лет мы будем вместе. Хотя нет, вместе мы будем уже через пару-тройку недель: в следующий раз я поеду к ней на выходные. Только тогда мы будем вместе ненадолго, но потом мы точно будем вместе насовсем. Обязательно будем!

О чём мы молчим?
Автор : Сулмор
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Angst
Размер : min
Описание :
О том, как тяжело может быть разобраться в своих чувствах.
Дисклаймер :
-

Я вышла из дома без мобильного телефона, без денег, без плеера. У меня даже не было ключей — просто захлопнула посильнее дверь. Не взяла, как обычно, ни книгу — почитать, ни сигарет, чтобы сидеть, курить и чего-то ждать. Я вышла одна, зная, что сегодня не назначала никаких встреч. Не было неотложных дел — была только я.

И я побежала.

Сначала медленно, робко даже, но постепенно всё ускоряясь. Бежать было легко, потому что сегодня я надела старые

разношенные самые обычные джинсы, удобные кроссовки, любимый топик. На руках не было ни браслетов, ни цепей, ни тем более часов. За плечами не болтался тяжёлый рюкзак, набитый бесполезными мелочами. Ничего не мешало мне бежать и начинать уставать. Ничего не мешало мне смотреть не себе под ноги, а наверх.

Я засмеялась для неба, для закатных лучей, и несмело улыбнулась, себе. Чтобы стало легче, светлее. Чтобы было легче бежать от себя.

Дыхание стало глубже, я слышала биение сердца, кровь в висках стучала ему в такт. А мне было плевать. Я умела бегать от себя, от мыслей.

Ноги налились приятной тяжестью, хорошо-то как! Вот только всё труднее заставлять себя следовать заданному темпу. Хотелось позорно замедлиться, остановиться, упасть на дорогу и заскулить. Но я знала, что ещё могла пробежать примерно три раза по стольку же. И я бежала.

Правая нога у меня всегда немела первой. Почему? Для меня это загадка. Вскоре я перестала чувствовать и левую. Уже не следила за дыханием, ставшим рваным, шумным, слишком глубоким. Лёгкие требовали кислорода, а моя душа хотела бежать. Я ухмыльнулась и рывком вернула себя к заданному темпу.

Пот попадал в глаза и катился дальше по щекам вместе со слезами. А мне плевать! Плевать! Плевать...

Я выбежала на длинную, тянущуюся вдаль дорогу. И побежала навстречу садящемуся солнцу, которое уходило отдыхать, засыпать. У меня вдруг возникла безумная мечта догнать его, сделать так, чтобы вечность бежать за ним, ловить ртом алые лучи и смеяться. Сердце радостно затрепетало, но затрещала грудная клетка. Глупое тело просило остановиться, только усилием воли, своей обречённостью и отчаяньем я толкала себя вперёд. Рывками, почти прыжками. Дальше, быстрее, выше, дольше...

От соли жгло глаза — я их закрыла. Ноги споткнулись — я упала. Руки не уберегли такое красивое, всеми так любимое лицо, а острый асфальт и не думал жалеть меня. Ему так же, как

и мне, плевать.

Лежала и не могла найти силы подняться. На некоторое время моя голова обрела долгожданную свободу от мыслей, душу больше не волновали какие-то там глупые детские чувства. Нет, я не убежала от проблем, не решила их, просто тело моё дрожало от счастья — оно могло дышать! Вот так просто ... дышать.

Вдох-выдох...

Так просто не думать...

Вдох-выдох...

Так легко жить, не чувствуя.

Вдох-выдох...

Так просто не задавать себе глупых вопросов: зачем, да почему?

Вдох-выдох...

Ответ всегда один...

— Потому что хочется... быть... только с ней. Потому что... мне нужно... любить... её. Потому что... мне... так... хочется, — я перевернулась на спину и раскинула руки, глядя в сумеречное небо. Слёзы, сладкий привкус крови на разбитых губах и горький вопрос:

— Почему... почему она не верит?!

Я закрыла глаза, зажмурилась и сильно ударила кулаком по асфальту, содрав чуть-чуть кожи на руке:

— Почему...? Почему...?! ПОЧЕМУ!!!!

В горле больно запершило, я с трудом поднялась, попыталась вытереть слёзы, но...

Согнулась пополам и закричала. Бессмысленно, глупо, безнадёжно. Только так и надо кричать, чтобы там, где-то бесконечно далеко, кто-нибудь услышал. И чтобы чьё-то сердце

тревожно застучало, отвлеклось от своих обыденных дел и эгоистичных мыслей. Чтобы кто-то тоже посмотрел на небо и грустно улыбнулся, провожая глазами закат.

***

Слушала гудки телефона и мысленно молила её взять трубку. Ведь это так легко — услышать и ответить на звонок! Я хотела лишь...

— Слушаю.

— О... Э, привет! — от неожиданности я чуть не выронила телефон. Ответила!

— Ну, привет, — в её голосе странно сочетались неуверенность, усталость, ирония и насмешка. Меня передёрнуло от такого приветствия, но я смело продолжила разговор:

— Как дела? Чем занимаешься?

— Нормально. Стираю кроссовки.

— Понятно, — я решила оставить это без внимания.

Молчание. Ненавижу вот такое, тянущееся, противное молчание между нами. Поэтому мне всегда хочется хоть чем-то заполнить пустоту...

— Пойдём в кино!

— Я вчера ходила, — она намеренно выделяет интонацией эти слова, как бы предупреждая, намекая. Но я уже давно не верю ей, просто знаю, что это ложь. Бесконечная ложь между нами... Так и хочется закричать в телефонную трубку: «Прекрати мне врать! Прекрати лгать самой себе!» — но надо держать себя в руках, если я не хочу потерять, оттолкнуть Лику навсегда.

— Давай просто погуляем.

— Я...

— Пожалуйста! — как можно это проигнорировать? Как можно раз за разом не замечать мольбу в моём голосе?

Я сознательно давила на жалость. И вот, наконец...

— Хорошо. Где и когда? — она попалась? Нет, это я пропала, как всегда.

***

Я тихо подошла к ней и закрыла ладонями глаза. Она вздрогнула.

— Саша.

— Угадала, — я прошептала это ей на ушко, но всё же пришлось неохотно сделать шаг назад. Главное — это не спешить.

— Ты опять опоздала, — Лика повернулась ко мне и укоризненно покачала головой, а я лишь виновато улыбнулась.

— Считается, что если человек всё время опаздывает на встречи с тобой, это означает, что эти встречи ему не важны. И не нужны вовсе. А иначе бы он помнил, нервничал и, соответственно, выходил раньше, боясь не успеть вовремя.

— Лика, я всегда спешу к тебе. Честно! Просто...

— Да ладно, не оправдывайся, — она устало машет рукой и улыбается, — Помнишь, я как-то перевела часы на твоём мобильнике?

— Ага, — я широко улыбнулась, радуясь тому, что Лика не злится: — На 15 минут.

— И ты опоздала на 10.

— Но я честно всегда стараюсь придти вовремя, — растерянно смотрю на неё, и она смеётся. Обожаю её смех. Когда ей хорошо, то и я счастлива. Когда ей плохо, я готова горы свернуть, чтобы снова увидеть нежную улыбку, подаренную только мне. Эгоизм в действии? О-о-о, нет, простое человеческое

желание почувствовать себя нужной, любимой.

— Куда пойдём?

— А куда получится.

— Хорошо.

Мы шли тихо, не спеша, наслаждаясь тёплым днём. Вот такое молчание мне нравилось — лёгкое, невесомое, связывающее души.

Когда слышен шёпот несказанных слов. Когда она и так знает, о чём я молчу.

— Саша.

— Ум?

— Что у тебя с лицом?

— Упала.

— Откуда? — иронично, — С крыши дома?

— Нет. Просто споткнулась и упала.

— М-м-м.

***

— Знаешь, а я тебя вчера вспоминала, — Саша снова заговорила первая.

— Да? С чего бы это?

— Даже не знаю, — она смущённо улыбнулась, — смотрела на закат и вдруг… Как-то тебя представила.

— Жесть, — я даже остановилась… Не может же так быть!

— Ты чего? — она удивлённо на меня оглянулась, а я помотала головой:

— Ничего. Просто странное совпадение. Вот и всё.

— Ладно. Как хочешь.

И мы пошли дальше. Свернули в какой-то старый переулок, и попали в тихий двор. Там не было ни машин, ни людей, зато стояло много удобных скамеек.

— Ох! Старая я стала — всё болит, — я приземлилась на ближайшую лавочку, а Лика легла рядом, удобно устраивая голову у меня на коленях.

Я растерялась:

— Лик?

— Мне так хочется, — просто объяснила она.

Угу, ей хочется, а у меня тут же возникло желание приласкать её. Про надежду быть, наконец, вместе вообще молчу — она и так всю душу изъела.

— Что? Я теперь вместо подушки...? — ядовитые слова сорвались, и поздно кусать себя за язык и корить за резкость.

Она посмотрела на меня внимательно, чуть прищурившись из-за ярких солнечных лучей, и мягко сказала:

— Я скучаю по тебе, — моё сердце пропустило удар, — Как по другу.

Мне захотелось застрелиться.

— Тебе что? Так неприятно, когда... — договорить я не смогла и поэтому просто коснулась её щеки рукой, вкладывая в прикосновение всю накопившуюся нежность. Мягко продолжила движение, добралась до ушка, пощекотала кожу на шее, добившись мурашек, и судорожного вздоха от Лики. Положила руку ей на плечо, легонько сжав.

— Приятно... Просто. Это пройдёт. По-настоящему ты меня не любишь, — она закрыла глаза и продолжила рвать меня словами. Уж лучше б она молчала! Хотелось зажать ладонью ей рот, только бы остановить тот нескончаемый поток слов,

ранящих меня!

— Я оказалась рядом, когда тебе было плохо. Ты очень хотела понять, что чувствуешь, как это — любить. А тут я. Утешала тебя, была рядом, понимаешь? И ты не придумала ничего лучше, чем влюбиться в меня...

Ты — умная, красивая, добрая, нежная. Зачем я тебе? Я постоянно вру. И себе и другим, быть может, тебе чуть поменьше, чем остальным. Не суть... Я маленький ребёнок с кучей несуществующих проблем. Живу в своём придуманном мирке, пишу бездарные стихи, ночами жду рассветов, а с утра пью литрами кофе... Я люблю зиму, а ты лето. Я слушаю тяжёлую выворачивающую сознание музыку, а ты любишь классику и старые детские песни, такие как «33 коровы» и «Зурбаган». У тебя много друзей, ты очень общительна, популярна, твой мобильный не звонит сейчас по той простой причине, что ты его выключила. Когда мы дружили — ты ещё помнишь это время? — то неделями не могли встретиться. Я знаю, что стоит мне ответить тебе и... Я навсегда тебя потеряю. Ты добьёшься своего и поймёшь, что я не та, кто тебе нужен. Потеряешь интерес, но будешь из жалости продолжать быть со мной! Это начисто уничтожит остатки дружбы, если таковая вообще когда-либо была между нами. Я вообще не понимаю, как мы умудрились столько протянуть вместе и не стать злейшими врагами? Саша, пойми, так нельзя. Это подмена любви, только какая-то извращённая детская игра в любовь.

— Нет! — а в голове лишь одна мысль: «Только не реветь. Только не реветь...».

— Что ты знаешь о любви? — Лика посмотрела на меня спокойными карими глазами, а я увидела, несколько капель у неё на щеках. Она плакала? Нет, это всё моя боль.

— Я тебя люблю! Мне достаточно знать это! — уже не держала себя, но всё-таки откинула голову назад, чтобы не залить слезами свою любимую.

— Не плачь, — она пытается не заплакать, улыбнулась и протянула руку, стирая эти глупые, солёные дорожки с моего лица: — Это пройдёт. Нужно время.

— Время не лечит, — сквозь стиснутые зубы, шептала

небу, — Ни хрена не лечит.

— Знаю, — я уловила похожее на своё отчаянье в её голосе. Сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, приказывая не думать.... Переждала, когда буря немного улеглась, и посмотрела на Лику.

Я увидела — она не успела спрятать — что-то напоминающее любовь, нежность и боль в глубине карих глаз. Через мгновение снова равнодушная маска. Эх, вот бы и мне так научиться когда-нибудь — прятать чувства, так виртуозно врать себе. Но я умею только бегать и падать, раздирая асфальтом кожу на руках, на ногах, на лице...

— Саша, — Лика поднялась и села напротив меня. Убедилась, что я смотрю на неё и, что слышу каждое её слово. Потом мягко сказала:

— Если ты продолжишь, то я скоро сдамся. Я и так на грани. Просто знай, что я могу поверить. Могу убедить себя в чём угодно. Хочу этого! Хочу попробовать быть тебе не только подругой. Но, прошу тебя, умоляю, — голос у Лики сорвался, и ей пришлось ненадолго замолчать. Вскоре она взяла себя в руки и продолжила: — Спроси себя, правда ли это? Настоящее или страсть, самовнушение? Может быть, замена другой любви? — горько, но с надеждой, — Если «нет», то я рада быть тебе другом.

— А если «да»? — я попыталась приблизиться к ней и поцеловать, но она отстранилась.

— Подумай. Нет, не так... Почувствуй. Я серьёзно. Что мы можем знать о любви?

Лика поднялась и хотела уйти, но я вдруг разозлилась и, резко встав, преградила ей дорогу:

— Я столько раз уже думала! Я больше не хочу думать!! Хватит трепать и себе и мне нервы — просто поверь мне, наконец!

Лика тоже сорвалась, как будто мои слова порвали в ней что-то, державшее её всё это время на невидимой границе:

— Думала?! Да?! А я как будто тоже не извожу себя! Как будто я робот, совсем без чувств и эмоций! Ты дорога мне

и значишь очень много! Пойми, я люблю тебя, но не уверена, что смогу быть с тобой так, как того хочешь ты! Я не то, что тебе не верю! Я себе не верю!

Она попробовала обойти меня с краю, но я крепко обхватила Лику за талию, прижав к себе.

— Отпусти! Я не верю, понимаешь, не верю!

Но я держу её и не даю вырваться, чтобы не потерять.

— Ты всегда говоришь одно, а делаешь — другое! Ты стесняешься меня, да и вообще абсолютно не знаешь! Иногда мне кажется, что для тебя я — всего лишь игрушка! Нечто такое, что можно взять с полки, а когда надоест, выкинуть в самый дальний угол... — она кричала, высказывая накопившиеся обиды, а я слушала.

Лика извернулась и упёрлась ручками мне в плечи, удерживая таким образом на расстоянии.

Из моих глаз покатились по щекам слёзы боли и обоюдоострой обиды, а горькие слова поневоле вырывались из сердца:

— Откуда это в твоей башке?!!! С чего ты взяла, что мне не интересна? Что я тебя стесняюсь, либо стыжусь?!! Хватит мучить нас! Пойми, мне тоже больно... Очень! Я тебя люблю! Люблю! — кричала и в промежутках между словами глотала слёзы, стараясь, всё же не отпускать её, ни на мгновение не ослаблять объятий. Ведь если Лика сейчас уйдёт, то не вернётся, не позволит снова приблизиться к ней. Будет опять ложь и обман, и только длинные телефонные гудки.

Разве может настоящая любовь причинять столько боли? Разве это правильно? Почему вместо ощущения полёта у меня такая тяжесть на душе, почему так хочется зарыться в землю и умереть, тихо скуля. Почему мы причиняем друг другу боль, почему просто не можем попытаться быть вместе?!

Она прекратила вырываться и обессилено прижалась ко мне, тонким ручками обнимая за шею, уткнулась лбом в моё плечо. А я гладила нервными неловкими движениями её по голове, судорожно сглатывая и повторяя вновь и вновь: «Люблю, люблю,

люблю...» — периодически срываясь на бессвязный шёпот, полухрип.

Постепенно мой голос стих, а тишину больше не разрывали пополам наши слёзы, мир замер, а мы вместе с ним, укрывшись тяжёлым давящим одеялом молчания. Но даже это было для меня наградой — впервые за долгое время я смогла так долго и так близко находиться рядом с любимой. Возможно, именно тогда и пришло решение заставить её поверить во что бы то ни стало.

— Саша, мне страшно и плохо.

Я вздрогнула, когда её тихий голосок ворвался в мои мысли, но через мгновенье, почувствовав, как Лика крепче обняла меня, позволила себе грустную улыбку и слова, обращённые больше к небу над нами, чем к моей любимой:

— Я так боюсь любить. Я так хочу любить. Если это не любовь, то подожди, научи, позволь быть рядом, чтобы доказать, что я...

Меня перебил её яростный и надрывный голос:

— «Я, я, я»... от тебя всегда слышится только «Я»! Ты эгоистка. Возможно, ты и знаешь, что другим может быть больно, но тебе от этого знания, ни горячо, ни холодно! Но зачем тебе я-то нужна? Вот ответь мне честно и прямо: зачем тебе нужна я!? Отпусти меня! Я ведь не железная, я мучаюсь от того, что тело моё реагирует на тебя, хотя я и не желаю этого. Или желаю? — она вопрошающе подняла на меня глаза, — Вот что ты хочешь от меня?!

— Я хочу быть с тобой, — другого ответа ко мне просто придти не могло.

— Это «Я» уже слышала. Хватит! Хватит, пожалуйста, пусть этот кошмар кончится, пожалуйста... — она вырвалась из моих объятий, а потом как-то безнадёжно и обречённо присела на корточки, обняв себя руками за плечи.

Жалость острой иглой кольнула в сердце — я почувствовала себя мерзко и виновато.

— Прости, — села рядом прямо на асфальт и осторожно

погладила Лику по волосам, стараясь утешить больше как подруга, нежели нечто большее.

— Что изменит твоё «прости»?!

— Прости, что люблю тебя, — я не знала, что ещё сказать, поэтому просто обняла её, нежно поцеловав в висок.

— Да пошла ты, — я почувствовала горькую насмешку и злую иронию над ситуацией, которая со стороны, наверное, действительно могла показаться забавной, даже смешной. Но, сказать по правде, я немного испугалась, ведь столь резкое проявление эмоций никогда не было свойственно ей, что могло означать только одно: Лика доведена до предела, а виновата в этом я. Но что мне делать, если без неё мне в сто раз хуже?

— Я хочу выпить, — Лика подняла на меня заплаканное лицо.

— Ты шутишь?! Кто же в таком состоянии пьёт? — сегодня всё было неправильно и странно, как будто это либо сон, либо мы, наконец-то, обе сошли с ума.

— Выбирай. Либо я напьюсь с тобой, либо одна, — по выражению её глаз я поняла, что всё будет так, как она сказала. Поэтому, хоть напиваться мне решительно не хотелось, я выбрала первый вариант.

***

Мы оказались добровольно запертыми в лифте, в котором отсутствовало какое-либо освещение кроме холодного мёртвого света наших мобильников. На пол постелили куртки, мало заботясь о сохранении их внешнего вида, между нами поместили начатую бутылку вермута.

— Да, — я.

— Нет, — Лика.

— Люблю, — я уверенна в этом.

— Нет, — она мотает головой.

— Я не вру-у-у! — намеренно превращаю всё в шутку

дурашливой интонацией.

— Врёш-ш-ш-шь! — Лика поддержала мою игру.

— Не-е-е-т, — невольно почувствовала себя неразумным ребёнком.

Делаем по очереди глоток из горла бутылки и продолжаем спор, который, кажется, длился уже вечность...

И, кажется, что так будет теперь всегда: что-то среднее между раем и адом, ведь не вместе, но всё-таки рядом. Алкоголь позаботился о том, чтобы в голове не осталось никаких лишних мыслей, а только самое главное, то, что действительно важно. Но ответов так и не появилось, единственное, что изменилось, было то, что границы замкнутого круга стали более чёткими.

Кто мы: подруги? враги?

Больше не плакали и не закатывали друг другу истерик, только облегчения это не принесло ни ей, ни мне.

Что мы чувствуем: Любовь? Ненависть? Жалость?

В конце концов, мы замолчали, снова погружаясь в тишину. Как будто молчание — это единственное, что может соединить нас, избавить ото лжи, наигранной фальши, позволить слышать мысли друг друга.

«Безнадёга, — подумала я, — так мы ничего не добьёмся, только хуже сделаем, станет ещё больнее. Если я или она, либо мы обе сейчас перешагнём эту черту, если я поцелую её, то всё испорчу. А, может, и нет. Может быть, всё изменит именно этот поцелуй. Если что-нибудь почувствую, то люблю. Но что, если...».

В задумчивости прикрыв глаза, я как-то упустила момент, когда её рука мягко приподняла мою голову, а губы осторожно коснулись щеки. Я удивлённо распахнула глаза и в тишине замкнутых стен услышала робкое: «я попробую», — слова, заставившие меня отбросить сомнения и действительно попробовать вырваться из паутины взаимной лжи.

Она улыбнулась и позволила мне продолжить поцелуй, от которого внутри, в душе, всё перевернулось, дрогнуло и распалось на части.

С каждым последующим мгновением во мне что-то умирало, но тогда я этого не чувствовала, точнее, просто не замечала, отдаваясь во власть желания, так долго и неумело сдерживаемого.

В лифте на грязном полу, с пустой бутылкой вермута под ногой, при холодном свете мобильника, мы целовались без любви, мы были вместе, связанные только мёртвым молчанием и алкоголем в крови.

Очнулась от наваждения я только тогда, когда почувствовала солёный привкус на губах, и поняла, что Лика плачет. Поняла, что натворила, когда она отстранилась от меня, качая головой и приговаривая:

— Прости. Не могу без любви. Прости.

А потом Лика резко поднялась, схватила свою куртку с пола и, положив мобильный в карман джинс, открыла двери лифта, нажав на кнопку.

Ослеплённая ярким непривычным светом, я не сразу поняла,

что осталась на полу одна, а в подъезде гулко слышались уже где-то далеко быстрые тревожные шаги Лики.

***

И снова я бежала, как и тем вечером, когда вышла из дома в надежде хоть как-то приглушить боль. Только в этот раз бежала не от себя, а за любимой. И пусть она не любит меня, но хорошо, что Лика не смогла соврать себе, обмануть своё сердце.

Я бежала и чувствовала необъяснимую лёгкость, как будто то наваждение, владевшее моим сознанием, на века осталось заперто в том тёмном душном лифте, похоронено и забыто.

Так правильно, нельзя обманом заставить себя любить.

Не разумом любим мы, а сердцем, душой!

Глупо, как же глупо, было принуждать её верить в несуществующее, эгоистичное чувство, по незнанию принятое за любовь!

— Ли-и-ика! Лика! Подожди! — я ускорилась и протянула руку вперёд, к ней. На секунду показалось, что я не смогу ухватиться, но у меня получилось. Чуть не упав, я развернула Лику к себе и, крепко обняв, срывающимся из-за быстрого бега голосом, почти прокричала:

— Прости! Прости, прости, прости...

«Прости, что всё-таки люблю тебя. Прости», — и только эхо несказанных слов между нами.

Нечто большее...
Автор : Сулмор, Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : R
Жанр : Эксперимент
Размер : min
Описание :
это произведение можно назвать зарисовкой или черновиком, здесь мало слитного повествования, это скорее кадры, картинки, действия и эпитеты, Эмоциональные образы, сливающиеся в единый сюжет... при желании, наверное, можно найти что-то

общее с белым стихом, или с рассказами Мураками, но по сути - это просто история одной жизни на двоих, история одной любви...

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат их создателям.

Интересно, любопытно, осторожно, на грани, попытками, узнавали, понимали, находили общее, молчали о грустном, говорили нежно, делились мечтами и тайнами, улыбались счастливо, видя друг друга, встречаясь случайно и намеренно, стремились быть рядом, но становились ближе даже на расстоянии...

Засыпали с мыслями о неизведанном, с недозволенными картинками, с робкими мечтами... думали о непорочности, о том, чему учили родители, о мнении общества, о своей неправильности, но стёрли границы обычного, поддавшись внутреннему чувству, ведь влечение сердца — слишком манящее...

Не знали будущее, забыли прошлое, дышали настоящим, осыпали друг друга поцелуями, забывали о рассудке от ласковой нежности, теряли терпение от прикосновения, случайного и робкого, волнующего, двусмысленного...

Доверились друг другу, перешли грань, приближались робко, но срывались внезапно, сгорая от нетерпения, изучали тела, целовали настойчиво, касаясь запретного, теряли дыхание, разжигали пожары, тушили беспомощными доводами — но стирали сомнения, вновь бросаясь в объятия, глаза закрывали в минуты страсти, в темноте непознанного оставляли следы...

Держались за руки, сцепляя пальцы, сближались нетерпеливо, чувствовали тепло, прижимались друг к другу, кусали не больно, осторожно, страстно, просто от нетерпения, отчаянно желая, двигались быстрее, обрывая дыхание сладкими ласками — неразумными, животными, теряли свой облик... вспоминали вдруг о том, что можно говорить, самыми искренними словами дарили мгновения неземной нежности...

Осознали, что сделали, что теперь — что-то важное

изменилось, кто-то есть несравнимо близкий рядом, мир стал другим, всё снова обычное, но расцвеченное новыми красками… боялись, что померкнут, уже надо думать о будущем, заботясь друг о друге, отвечая за поступки, что были продиктованы страстью… и каждая любила другую больше, чем себя, и переживала больше…

Пережили, смогли не сломать, что построили, не сбежали, не сдались, остались собой, удержали друг друга, окружив любовью и нежностью, отдавая каждая всю душу своей единственной, получили взамен одно счастье на двоих, такое повседневное, простое, родное, но бесконечно нужное, самое-самое… настоящее счастье, найденное понимание и чувство близости…

Дни, полные ожидания, сладкие мгновения встречи, спокойные и тихие вечера, жаркие ночи, снова долгие дни… иногда срывались, ошибались, оступались, падали в пропасть, но — возрождались снова, понимая друг друга ещё лучше, боясь потерять то, что обрели, прощали ошибки, находили новое, принимая прошлое — как должное, загадывая на будущее…

Стояли под ливнем, путая слёзы с дождём, гуляли по городу, смотрели в окно на серые улицы, обнимали друг друга ещё крепче, счастливо держались за руки, как дети, смеясь и улыбаясь искренне, радовались жизни, видели, как красив мир, смотря на лицо любимой… жили настоящим и мечтали о том, что будет, вечерами под светом тусклых фонарей любовались друг другом, целовались на тёмных улицах…

Люди не видели их, не обращали внимания, не знали о неподдельной ласковой нежности между двумя странными девушками, что любили друг друга, что делились своим счастьем с миром, но избегали лишних взглядов, что теряя что-то незначительное — всегда находили нечто большее, что ценили свои чувства как величайшее сокровище, хранили и оберегали тёплый свет самой обычной, самой естественной, самой прекрасной любви…

Между нами…
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)

Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Fluff
Размер : min
Описание :

Города и расстояния могут разделять два любящих сердца. Такое испытание — как сильный встречный ветер в лицо. Сложно сохранить любовь, когда любимая не рядом, а где-то за сотни километров… И возможны только короткие встречи. Но как сказал кто-то из поэтов, «сильный ветер гасит свечи и разжигает костры…»

Дисклаймер :

-

— Алексей Витальевич, можно Вас попросить? — я подошла к столу преподавателя и тихо его позвала, стараясь сделать так, чтобы ничего не выдало моего беспокойства и волнения.

— Да, Мария, — он поправил очки, сложил руки на животе — его любимый жест — и посмотрел на меня снизу вверх, — Нужно что-то объяснить?

Я сглотнула комок в горле и выдавила из себя улыбку:

— Нет-нет, я не по теме лекций. Просто… Завтра я не смогу придти к вам на практику, и…

Я замолчала, надеясь, что конец фразы будет вполне очевиден, и он закончит её за меня.

— Вот как, хм-м-м, — Алексей Витальевич кивнул каким-то своим мыслям, потом где-то с минуту молчал, держа меня в невероятном напряжении на грани срыва.

Наконец, он соизволил тихо, меряя каждое слово, проговорить, глядя куда-то выше моего плеча:

— А ведь завтра как раз очень важная для Вас лекция и контрольная…

— А-а-а, может… — начала я, но он меня перебил, посмотрев прямо в глаза:

— Но, если причина уважительная, то я Вас отпущу. Контрольную разрешу написать позже. Итак? Где же Вы будете?

Я хотела было сказать заготовленную заранее отговорку, то есть практически соврать, но… Что-то мне подсказало, что лучше ответить честно:

— Я еду в другой город навестить любимого и очень близкого человека.

Казалось, что он прекрасно видел все мои внутренние бури, моё волнение, все такие простые и человеческие терзания… Это всегда старательно пряталось где-то глубоко внутри меня, чтобы никто никогда не узнал, какая я есть на самом деле. А вот он запросто вытряхнул весь мой личный мусор, заставив меня почувствовать себя незащищённой и безумно одинокой. Поэтому ничего удивительного, что моё желание поехать к ней стало ещё сильнее. Ведь как можно остаться равнодушной к такому сообщению, присланному буквально пару минут назад: «Ты всё-таки меня забыла».

— Мария, Вам нужно больше думать об учёбе, а не отвлекаться на посторонние вещи.

— Угу. Понятно, — я чуть наклонила голову, стараясь, чтобы волосы закрыли часть лица, а в особенности мои увлажнившиеся и блестящие от сдерживаемых слёз глаза. Просто поняла, что это конец. Если бы я уехала сегодня, то завтра бы уже была рядом с ней, успела бы поймать её до отъезда, объясниться, доказать, что ничего не забыла… Но…

«К чёрту! Даже если он и не отпустит, то всё равно поеду!» — я резко вскинула голову, почувствовав бесшабашную злую радость, решимость наплевать на всё, только бы успеть…

И увидела, что Алексей Витальевич довольно улыбался, как сытый кот, вальяжно расположившись на стуле, и одобрительно кивал головой в такт каким-то своим неведомым мне мыслям.

— Что ж, я думаю, один день ничего не изменит: вы как ничего не знали, так и не будете знать. Можете завтра не приходить, но извольте хорошо подготовиться к контрольной работе, потому как специально для Вас я выберу задачки

посложнее...

— Спасибо! Обязательно всё выучу! Спасибо! — и, уже выбежав из аудитории, резко развернулась, вернулась за курткой и благодарно улыбнулась несколько опешившему от такой бурной реакции Алексею Витальевичу. — Спасибо большое! До свидания!

И побежала прочь, не оглядываясь больше, лишь бы идти вперёд, чтобы просто хоть раз в этой жизни успеть...

****

— Добрый вечер, мне билет на сегодня до N, — просовываю паспорт в узкую щель, нервно барабаня пальцами по стойке.

— Хм, остались только купейные как туда, так и обратно. Вас устроит?

— А-а-а, плацкарта точно нет? — вот этого я точно не предусмотрела, всегда было полно билетов, а тут что-то не повезло, причём существенно так.

— Девушка, я же говорю, что нету ничего, кроме купейных! Так берёте или нет?! — полноватая женщина с раскрасневшимися щеками и затуманенными вечной серой тоской глазами зло швырнула мне паспорт назад. Не понимая причин её внезапной раздражённости, почти ненависти, я всё-таки робко улыбнулась и аккуратно просунула документ, подтверждающий, что я — это действительно я, обратно в щель, спокойно сказав:

— Беру. Сколько стоит?

Она перенесла данные обо мне в компьютер, что-то ещё пощёлкала, посмотрела на меня по-прежнему с затаённой злобой в глазах:

— Две тысячи девятьсот восемьдесят семь рублей сорок копеек.

— Минутку, — я открыла плоский тоненький кошелёк и подала ей три тысячи ровно.

Вскоре я стала обладательницей двух билетов (туда, к ней,

и обратно, от неё), горсти монет, в сумме составляющей 12 рублей и 60 копеек, испорченного настроения и паспорта с дурацкой фотографией, ну ни капельки не похожей на меня.

До отправления поезда у меня оставалась ещё около двух с половиной часов, поэтому я решила просто прогуляться по привокзальным магазинчикам. Возможно, даже удастся насмотреть что-нибудь приличное в подарок для моей любимой, ведь не с пустыми же руками к ней завалиться.

Но сначала я всё-таки зашла в книжный магазин. Выбирать книги я могла часами: просто бродить между полок, брать первую попавшуюся на глаза книгу, открывать где-нибудь посередине и пытаться понять, о чём идёт речь. Но ещё больше мне нравилось загадывать какой-либо вопрос, мысленно называть страницу и строчку, а потом читать, что там написано, как бы считая эти слова ответом.

«Что мне не хватает для счастья?» — я взяла книгу в мрачной серой, блеклой обложке и нашла нужную страницу, потом внимательно отсчитала пятнадцать строк снизу:

«Мы народ необразованный, не наше солдатское дело разбираться в таких мудрёных вопросах».

Закрыла книгу, немного обескураженная таким ответом на обычный, в сущности, вопрос, который задают себе люди на протяжении сотен веков.

Допустим, сейчас мне не хватает моей любимой, ведь она так далеко, пишет сообщения, которые просто разрывают мне душу, заставляя совершать полностью нелогичные и безрассудные поступки. Ну, что мне стоило просто написать ей, что я ничего не забыла, что она зря волнуется, ведь я по-прежнему безумно люблю её? Разве стоило рисковать и чуть не испортить отношения с преподавателем, от которого зависит моё будущее обучение? А ведь говорят, что у Алексея Витальевича очень тяжёлый характер, что многих он просто до слёз доводил. Да и билеты оказались дорогие, придётся потом в долг брать...

А ведь ещё и не ясно, как она меня встретит? Может, просто уже по привычке пишет каждый раз, что ещё помнит меня? Сама же недавно говорила мне, что ждёт дня, чтобы, наконец, уехать в другой город и начать новую жизнь. Говорит, что всё

напоминает ей о нас, что это и сладко, и больно одновременно. Завтра вечером она уже уедет... А там всё будет иначе, не будет наших воспоминаний...

Я вернула книгу на её законное место и вышла из магазина, терзая себя пустыми мыслями, лишёнными смысла сомнениями, глупой ревностью и прочим, и прочим, и прочим...

****

Я удобно расположилась на большом подоконнике в зале ожидания на втором этаже. Рядом лежала наспех собранная сумка, правда, почти полупустая, близко к краю стоял пластиковый стаканчик с остывшим дешёвым кофе за семь рублей и коробочка в подарочной упаковке. Чтобы убить оставшиеся до отправления поезда сорок минут, я бездумно смотрела в окно, вниз, на ярко освещённую привокзальную площадь...

Огромные толпы людей носились из стороны в сторону, иногда что-то крича друг другу, тащили за собой большие чемоданы и цветастые хозяйственные сумки. И смотрели куда угодно, но только не вверх. И шли как-то быстро и нелепо, не вперёд, а пытаясь почти на каждом шагу метнуться в сторону, чтобы поскорей проскочить очередное скопление таких же мечущихся людей, суетясь и толкаясь...

Мне это быстро надоело, и я не нашла ничего лучшего, как просто закрыть глаза, мягко погружаясь в себя, уходя куда-то далеко, туда, где не существует этих избитых вопросов: зачем, почему, и что же будет дальше?

****

Я всё-таки умудрилась не проспать и отправилась искать нужную платформу. Пришлось выйти на улицу, на ту самую площадь, и влиться в бесконечный поток лихорадочно спешащих куда-то людей. Потом, словно в насмешку, нашла взглядом то самое окно, на котором сидела, и улыбнулась, потому что... да просто потому, что смотрела вверх...

Проводница оказалась довольно милой очаровательной девушкой — правда, с несколько потухшим взглядом, но всё-таки доброй усталой улыбкой — и пожелала мне приятного пути. Конечно, я уверена, что часть её работы — говорить эти слова

всем пассажирам, но... стало гораздо лучше и теплее на душе.

Мне досталась верхняя полка, что, собственно, не так уж и плохо, ведь бельё уже заправлено и койка-кровать готова. Закинув наверх сумку, я с трудом (недавно была физкультура — всё болело) забралась следом.

Плеер привычно лёг в ладонь, опутав запястье чёрным проводом, пальцы автоматически нажали на кнопку включения и выбрали нужную мне сейчас песню. Музыка ударила по ушам, пришлось убавить громкость, пока не привыкну. Второй рукой достала мобильный телефон, почти полностью разряженный, и с горькой ухмылкой прочитала новое сообщение:

«Ты даже отвечать мне не хочешь? Почему молчишь?!»

«Да потому, моё солнышко, что у меня банально только что закончились деньги, а положить мне их негде», — я тяжело вздохнула, поставила будильник на 6 утра, выключила телефон, потом положила его под подушку.

Накрылась простынкой, поставила максимальную громкость у плеера, крепко обняла свою сумку и устало закрыла глаза, подумав, что для счастья мне сейчас не хватает трёх вещей: полностью заряженного мобильного телефона, баланса со знаком плюс и моей любимой девушки рядом...

****

Проснулась я в замечательном расположении духа, правда, спала всего около четырёх часов. Потому что посреди ночи в купе зашёл молодой папа с ребёнком. Мальчик всё никак не желал успокоиться, поэтому отец обнимал его, рассказывал только что придуманные сказки...

А поезд всё равномерно стучал, иногда заглушая тихий шёпот моего случайного попутчика, слова которого я старательно пыталась услышать. А за плохо вымытым окном были видны звёзды, мелькали пустые станции, освещённые жёлтыми фонарями, леса, поля, дороги, уводящие куда-то вдаль...

Но вот сейчас, выйдя на своей станции и в который раз уже зевая, я нисколько не жалела, что спала так мало, ведь ради такой ночи можно и пожертвовать сном, особо не задумываясь.

Правда, моё тело считало иначе, поэтому после того, как положила сотню на телефон, я решительно направилась искать автомат с кофе. Жаль, что завалиться в кафешку нельзя — небольшие города всегда просыпаются в 10 утра. Раньше бесполезно даже пробовать искать.

Но, к счастью, удача улыбалась мне, поэтому, заплатив всего тридцатник, я смогла выпить вполне сносный капучино. Настроение моё стремительно взлетело вверх, ведь до встречи с ней мне оставалось всего ничего: полчаса езды на автобусе и десять минут ходьбы.

****

Я поднималась по лестнице, слушая свои шаги, гулко отдающиеся где-то в груди. Сердце отчаянно то замирало, то убегало вслед за душой, стремящейся к ней и всё никак не желающей чуть-чуть подождать меня. Так страшно, так безумно радостно, так и разрывало от нежности, а улыбка не помещалась на лице...

Вот только мысль о том, как отнесутся её родители к моему появлению, заставила меня растеряно замереть перед дверью. Они и так меня невзлюбили чуть ли не с первой встречи. Что если это не понравиться ей? Не хотелось бы испортить такой день глупой ненужной ссорой. Поэтому я, скрепя сердце, почти рывком заставила себя убрать руку от звонка и отойти подальше от двери.

Деньги на мобильный до сих пор не дошли, позвонить не было никакой возможности и, как следствие, мне оставалось только ждать. Я поднялась на площадку выше, чтобы не пропустить момент, когда её родители уйдут на работу.

«Всего немного подождать, и я буду счастлива», — подумала, усаживаясь на собственную куртку и проверяя баланс на мобильном телефоне: а вдруг деньги появились...

****

Когда я умудрилась уснуть, в какой момент? Ей богу, не знаю. Но проснулась я от ощущения дикого холода. Мышцы ломило от неудобной позы, голова страшно болела, потому что всё это время в ушах играл плеер на полной громкости, но глаза

всё равно упорно отказывались открываться...

Я медленно приняла полусидячее положение, доставая мобильный и с ужасом отмечая, что проспала в таком положении примерно два часа.

«Ну, по крайней мере, теперь можно не бояться кого-то разбудить», — я улыбнулась, с трудом разогнувшись, подхватила сумку и почти резво сбежала вниз, к заветной двери...

Когда через пять минут беспрерывного нажимания на кнопку звонка мне никто так и не открыл, я начала потихоньку отчаиваться.

Потом попробовала набрать её номер на мобильном, но, когда и он по всемирному закону подлости «сдох», я со злостью пнула железную дверь.

Я села на корточки, прислонившись к стене спиной. Задумалась. В небрежно закинутых на шею наушниках весьма некстати заиграли Снайперы : «...процент сумасшедших в нашей квартире увеличится, если ты не придёшь...»

«В принципе, подождать её здесь можно, но я тогда либо усну снова, либо действительно сойду с ума», — какие-то мысли всё вертелись рядом, но я не могла ухватиться ни за одну. Зато упорно лезла в голову сумасшедшая идея, а я не была уверена, что будет правильно, если это воплотиться в жизнь. Избавил меня от тяжёлых дум мой живот, призывая найти за этот день что-нибудь посущественнее кофе.

****

Я брела по такому родному, близкому когда-то городу, кутаясь в куртку и то и дело поправляя сползающий ремень сумки. Моё настроение чуть улучшилось, когда смогла довольно плотно поесть в любимом бистро — хорошо, что за время моего отсутствия хоть что-то здесь не изменилось.

Заходить домой и вообще видеться с кем-либо из знакомых не хотелось, не знаю почему... А что самое странное, безумная мысль, что посетила меня с утра, так и не желала покидать мою пустую голову. Сомнения разрешил магазинчик строительных материалов...

Я купила кисточку, белую краску, небольшой пакет, чтобы положить в него всё это, и с глупой предвкушающей улыбкой направилась к её дому...

****

В течение получаса я старательно выводила слова на сером асфальте белой краской под пристальными и неодобрительными взглядами старушек.

Странно, но я всегда считала вот такой способ выражать любовь — глупой театральщиной, показухой... А сейчас с детской непосредственностью, почти счастливо смотрела на дело рук своих. Почему почти? Да потому что до сих пор не встретила её, ту, ради кого и наплевала на все дела и обязанности... и на серьёзность.

— Не, ну неплохо вышло! — я довольно улыбнулась и спрятала краску с кисточкой в ближайших кустах. — Надеюсь, что она поймёт, и сегодня мы всё-таки встретимся...

И я последний раз окинула взглядом надпись: «Помню, люблю и скучаю))) Жду... Твоя Маша».

****

Этот город, по моему мнению, может гордиться тремя вещами: большой библиотекой, качественными дорогами и потрясающим парком. Деревья посажены таким образом, чтобы верхние ветви переплетались, образуя коридоры, бесконечные лабиринты... Осенью даже кажется, что все люди в городе под вечер стягиваются к этому волшебному месту, чтобы прогуляться по дорожкам и тропинкам воплощённой сказки... Именно осенью, кстати, мы и встретились. Совершенно случайно, прогуливаясь, решили присесть и отдохнуть, и познакомились вот на этой самой скамейке. Помню, что сидели, о чём-то говорили, и уходить совершенно не хотелось. А вокруг с тихим шелестом спускались на землю яркие осенние листья...

В моей душе остался тот момент: упавший жёлтый листок на рыжих, как мягкий ласковый огонь, волосах, ямочки на щеках, когда она мне улыбнулась, её рука в моей ладони, потому что было холодно...

Вот тогда, наверное, я и влюбилась...

А сейчас я просто подложила под голову сумку, легла, согнув ноги в коленях, и блаженно прикрыла глаза, всё глубже падая в воспоминания...

Мы общались на грани нежной ласки, прикосновений, ловили случайные взгляды, становясь ближе друг другу с каждым днём...

Мы немного боялись своих чувств. Было время, когда просто пытались убежать друг от друга. Но не смогли продержаться и недели...

Я до сих пор помню в мельчайших подробностях, как после такой разлуки, в один зимний вечер она постучалась в мою дверь, без шапки и шарфа, замёрзшая, вся в слезах...

Кинулась ко мне от порога, обнимая и согреваясь мной... А я тогда была счастлива, вот просто так, оттого что она рядом... Снег таял на её ресницах, на рыжих волосах, на одежде, сделав её похожей на маленького потерявшегося котёнка...

В тот вечер она никуда не ушла, осталась ночевать, но спать мы так и не легли... Смотрели какую-то сентиментальную комедию у меня на кровати, пили горячий чай, а я всё это время не отпускала её из кольца своих рук... Потом хоть забрались под одеяло, но до утра говорили, говорили и говорили...

Невыносимо близко касаясь друг друга...

Так безумно нежно пытались сдержать рвущийся наружу восторг души...

Нам где-то к утру надоело валяться в кровати, и спать совсем не хотелось, поэтому мы быстро позавтракали, и целый день провели вместе. Были на ледяной горке, лепили снеговика, играли в снежки с детьми, а потом позорно спасались от них бегством, весело смеясь...

Сушили рукавицы на батарее в подъезде. Я грела руки, положив их ей на талию, а она свои ладони держала на моих плечах и шее.

Потом сидели около часа в кафе и съели наверное целый килограмм шоколадных пончиков, запивая их чаем...

Долгая дорога домой. Бесконечная возня в снегу, которая закончилась тем, что я упала прямо на неё... Попыталась даже встать, правда, сильно смущаясь при этом, но она просто не дала мне этого сделать: крепко обняла и... я уже целовала своё рыжее странное счастье...

Но моё чудо потом пыталось уверить меня, что инициатором поцелуя была именно я.

Но, что я никогда не забуду, так это вкус шоколадных пончиков на её постепенно согревающихся от поцелуя губах.

****

А то, что нас раскидало по разным городам, это ведь ничего не значит. Я уезжала учиться, но была убеждена, что мы всё равно будем любить друг друга. Я говорила, что мы будем ездить друг к другу, писать, общаться в интернете... Что мы не забудем наши чувства, что будем помнить друг друга, что бы ни случилось, и обязательно встретимся.

Она не верила. Со слезами боли на глазах провожала меня, хотя и старалась не плакать. А я? Я думала, что умру от чувств, разрывающих меня. Я молила её не молчать, просила сказать хоть что-то. Но она лишь кусала губы, стирала рукавом бегущие слёзы, хлюпала носом и упорно молчала.

Так мы и простились тогда. И сегодня мы в последний раз можем встретиться в нашем городе до того, как она уедет куда-то безумно далеко. Кто знает, будут ли в том далёком и не родном городе «мы»? Или всё останется только красивым воспоминанием?

— Маша!... Маша!...

Я привстала на скамейке и, увидела бегущую ко мне, спотыкающуюся через шаг от желания скорей догнать меня любимую. Счастливо улыбнулась...

«Чего мне не хватало для счастья? — думала я, обнимая самого родного и любимого человека. — Да всё нормально.

Я была счастлива, потому что у меня в моём прошлом была она. Я счастлива, потому что сейчас она рядом со мной. И я всегда буду любить её и ждать встречи, какие бы расстояния не разделяли нас временно. Я буду счастлива, потому что знаю: где-то там, в городе, мне незнакомом, будет жить, вспоминать о нас, любить и ждать меня моё самое настоящее, самое близкое, самое прекрасное рыжее счастье...»

Ночь перемен
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, POV
Размер : midi
Описание :
...волшебное мгновение: звёздная ночь, игривый ветер, онемевшие от поцелуев на холодном ветру губы и ставший вдруг безумно близким человек... Способна ли ты на отчаянный поступок - наперекор этому миру быть рядом с любимой..?
Дисклаймер :
-

Ярко светило солнце, впервые за несколько дней даря тепло и мягко лаская кожу. Весна уходила, позволяя лету поселиться в наших сердцах и душах. Всё вокруг словно просило людей улыбаться, быть добрее, напоминало, что и другим в такие дни тоже не должно быть больно. Даже казалось, что под таким ярким, пронзительно голубым небом не может произойти ничего плохого, и что всё обязательно будет отлично.

На секунду я поддалась всеобщему замешательству и попыталась робко улыбнуться случайному прохожему. Должна заметить, что одежда моя была, мягко говоря, вызывающей: коротенькие плетёные шортики, такой же топик, чёрные перчатки и небольшой чёрный же плащик с обрезанными рукавами. Макияж соответствовал экипировке, с акцентом на подведённые глаза. Свои длинные волосы я забрала в высокий хвост, который всегда смешно качался из стороны в сторону при ходьбе.

Я считаю, что вполне нормально выглядела для человека, который полночи провел, зажигая в клубе вместе со своими друзьями, а вторую половину просто гуляя по улицам ночного города.

Только вот молодой парень, которому я подарила робкую улыбку, вздрогнул и ускорил шаг. Ну да, косметика немного смазалась, и чувствовала я себя уставшей, но это не повод так реагировать на молодую девушку!

— Болван и трус! — я гордо распрямила плечи и подняла голову, решив, что мне не нужно внимание настолько слабонервных и субтильных личностей.

Но на душе всё равно стало мерзко и тоскливо, а настроение упало до нуля, усугубив мою усталость. До дома ещё топать и топать (прогуляла все деньги), мобильный разряжен. Так что вариант позвонить кому-нибудь и, нагло вырвав из постели, заставить себя подвезти, ну или хоть приютить, дать отоспаться, не рассматривался...

Хотя... А что? Хорошая идея! У меня тут одногруппница рядом живёт — я как-то забирала у неё конспекты. Посижу, чай попью, бутербродик какой-нибудь схаваю, а потом, как бы невзначай, одолжу денег на маршрутку. Конечно, нехорошо это вламываться к человеку, которого особо-то и не знаешь, но выбора сейчас у меня нет. Своими двоими я точно не дойду — свалюсь под ближайшим столбом и всё.

В подъезд я попала без проблем — дверь открыл низенький старичок, как раз выходивший из дома. Окинув меня презрительным взглядом и проворчав что-то насчёт нынешней молодёжи, он двинулся дальше. Я только пожала плечами — это моя жизнь. К тому же, я ведь никому зла не делаю, учусь нормально и родителей не забываю. А как я выгляжу и провожу своё личное время, его не касается.

Лифт не работал. Почему, интересно, все законы подлости всегда срабатывают в моём случае? И почему она живёт на седьмом этаже?! Я стиснула зубы и из последних сил потащилась вверх по лестнице.

Устало прислонившись к стене рядом с её дверью, машинально достала из кармана плаща пачку сигарет. Задумчиво

посмотрела на заветные «палочки» и тяжело вздохнула: нельзя!

Дело в том, что я безуспешно пыталась бросить. Начала курить на втором курсе университета, а поскольку скоро заканчиваю учёбу, то решила избавиться от этой пагубной привычки. Но иногда срываюсь: примерно каждую неделю.

Очередной срыв произошёл совсем недавно, так что курить мне было нельзя. Но, обозвав себя слабохарактерной тряпкой, я тем не менее решительно щёлкнула зажигалкой и прикурила.

— А чёрт! — устыдившись своей слабости, я со злобой затушила начатую сигарету и положила её в пачку, для напоминания на будущее. — Все люди, как люди, а я... Я даже покурить не могу!

А всё из-за совести, чтоб её! Иногда она так мешает мне жить, но, боюсь, что без неё стала бы просто невыносимой даже для самой себя, не говоря уже об окружающих.

Тяжело вздохнув и набравшись побольше наглости, я нажала на звонок.

За дверью раздались быстрые шаги, потом глухой стук, звук удара об пол, раздражённое шипение и явно риторический вопрос «какого...?».

Наконец, мне открыли дверь.

— Анжелина? — Соня, потирая локоть, удивлённо на меня смотрела. А, заметив мою экипировку, изумлённо чуть приоткрыла рот, явно пребывая в глубоком культурном шоке.

— Лина, — привычно поправила я. Она отрешённо кивнула, а я продолжила:

— Сонь, прости, что так рано, но у меня просьба небольшая есть...

— Заходи тогда, — Соня пропустила меня в квартиру и закрыла дверь.

— Хм, я хотела у тебя на проезд одолжить, но вижу, что в долг давать придётся мне...

Вокруг царил полный хаос. Обрывки газет, тряпки, вёдра, всевозможные виды банок и кисточек. Ещё более усугубляло впечатление то, что обои были полностью ободраны, а часть мебели, очевидно, убрана в другую комнату.

— Ремонт, — буркнула Соня, а я многозначительно кивнула. — Пойдём на кухню, там хоть посидеть нормально можно.

Соня, перескакивая через опасные места, прошла коридор довольно-таки быстро. Я же постаралась идти очень аккуратно и медленно, так как после бессонной ночи обладала способностью споткнуться и упасть на абсолютно ровном месте. Что уж говорить об этой импровизированной полосе препятствий?

— Тебе чай? — Соня посмотрела на мою уставшую физиономию и тут же сама ответила. — Так, ясно... Кофе с молоком или без?

— С молоком. И сахара, если можно, три ложки.

— Держи, — Соня поставила передо мной кружку с нарисованным тигрёнком на ней и тоже налила себе кофе. — Ты откуда такая нарядная?

Прежде чем ответить, я сделала большой глоток и почувствовала, что жизнь потихоньку возвращается. Настроение робко поползло вверх.

— На концерте была. Промотала все деньги, а идти до дома далековато. А тут вижу знакомую улицу...

Соня лишь качнула головой, словно мыслями была далеко-далеко отсюда.

Я указала в сторону коридора и спросила:

— И давно ты терпишь бедствие?

— С тех пор, как соседи нас затопили, и пришлось менять обои, белить потолок и прочее. Месяц с чем-то. Всё времени нет закончить. Сама знаешь, какие у нас завалы были.

— Ага. Преподы совсем озверели.

После этой фразы разговор как-то сам собой увял. Максимум, на что нас хватило, это перемыть косточки злым преподавателям.

Да и о чём нормальные люди могут говорить в девять часов утра? Оставалось лишь молчать, пить кофе и тихонько таскать печенюшки, лежавшие в вазочке на столе.

Поняв, что если не буду говорить, то рискую просто-напросто заснуть, я попыталась воскресить разговор:

— А ты ведь уже не спала перед моим приходом? Чего в такую рань встала? У нас же законный выходной.

— Да, жду одного старого знакомого — он обещал помочь с ремонтом, — Соня взяла печенье, вяло посмотрела на него и положила обратно.

Странное что-то с ней происходит. Она обычно весёлая, жизнерадостная, и характер у неё яркий, эмоциональный. Может накричать иногда — но так, видно, что не серьёзно. Потом обязательно извинится, улыбнётся, и снова всё нормально. Надо отдать Соне должное, учится она хорошо, старается быть вежливой и при этом особо не пользоваться благосклонностью преподов. А в группе помогает по возможности, но не навязывается. Короче, она могла бы быть душой компании, но абсолютно к этому не стремилась.

Чем-то Соня мне нравилась, но особой дружбы у нас никогда не было. Так, конспектами обменивались, болтали иногда на общие темы. Ерунда, в общем-то, по большому счёту. Но даже я видела, что с ней что-то не так: взгляд потухший, хмурится много.

— Не хочешь его видеть что ли? — предположила я.

— Да нет, — Соня удивлённо подняла на меня взгляд. — Он же, как ни как, мой друг. А почему ты так решила?

— Просто ты даже сейчас это таким траурным тоном, что жуть...

— А, понятно, — подумав немного, она ухмыльнулась. — Так

заметно, что я не рада его видеть?

Я кивнула, а Соня тяжело вздохнула.

— Просто он как-то ведёт себя со мной... ну, не как друг, — я снова понимающе кивнула, а она продолжила, глядя куда-то выше меня, — хотя прекрасно знает, что меня это не интересует...

— М-м-м, даже так...

— Да, даже так.

И разговор снова заглох.

Потом я зевнула, Соня тоже зевнула и с укоризной посмотрела на меня:

— Ну, вот, — она опять сладко потянулась, — теперь я зевать буду! И не стыдно?

— Неа, — я ехидно улыбнулась, — Спасибо, кстати, за кофе. И печенье.

— Да не за что! А-а-а, вот, — Соня достала из заднего кармана джинсов полтинник и протянула его мне, — Хватит?

— Да, спасибо еще раз! Ты мне просто жизнь спасла!

Соня улыбнулась, и что-то внутри меня слегка изменилось, радостно и легко стало на душе.

Мы вышли из кухни. А мне так хотелось посидеть ещё немного с ней и поговорить, пусть даже ни о чём. Даже просто помолчать: почему-то здесь мне было по-домашнему уютно и хорошо.

Задумавшись и забыв об осторожности, я споткнулась о пустое ведро, и, пошатнувшись, ударилась лбом об приоткрытую дверь в соседнюю комнату.

— Блиииииииин...! — я зажмурила глаза от острой боли и села на пол, прижавши руку ко лбу, стараясь хоть немного убрать неприятные ощущения.

— Лина! Ты как? Ну-ка убери руки, дай посмотреть, — она осторожно отняла мою ладонь от лица.

— Уф, ничего серьёзного, — Соня улыбнулась мне, и я нашла в себе силы улыбнуться в ответ. Сердце моё бешено застучало и мысли начали путаться, но одна из них была чёткой и ясной: сейчас она чертовски красива! Полные заботой глаза просто завораживали меня...

Я испугалась. Нет, не так... Я была в панике — захотелось бежать отсюда, несмотря на усталость. Почему? А кто меня знает?

— Шишка будет, причём офигенная, — Соня снова улыбнулась, но на этот раз её улыбка не вызвала во мне того непонятного страха (страха ли?), что немного успокоило меня. Опираясь о стену и с другой стороны поддерживаемая Соней, я смогла встать. Но, видно, сделала это слишком быстро и резко, так что неудивительно, что на пару секунд у меня закружилась голова, а в глазах зарябило. Соня подхватила меня и не дала упасть снова. Мы невольно оказались в довольно таки странной ситуации: Соня обнимала меня за талию и чуть прижимала к стене, а я тупо смотрела в её глаза, не в силах сделать что-либо ещё.

— Э! Не падать! — наконец сказала Соня и отступила назад.

— Спасибо, — я улыбнулась. — Сегодня мне что-то не везёт.

— Пить и гулять меньше надо! — Соня подмигнула мне.

— Да ну тебя! Я сегодня не пила! — проговорила я обиженным тоном, поскольку это была чистая правда. Вот до двенадцати пила, это да, но после — ни капли!

— Охотно верю, — Соня с важным видом покивала и издевательски засмеялась. Я сделала обиженную рожицу, но тоже улыбнулась, и мы со смехом дошли до входной двери. Не знаю почему, но напряжение между нами куда-то ушло, и я опять резко пожалела, что сейчас мне надо уходить. Да и Соня заметно оживилась, по крайней мере, она чуть-чуть улыбалась, а в её глазах появилось то самое выражение, за которое её все так любят: доброе лукавство, лёгкая насмешка и что-то ещё, чего я раньше не замечала.

Тогда я подумала, что неплохо было бы узнать её лучше, может, стоит даже попытаться подружиться. Наверное, Соня решила так же, потому что вдруг спросила:

— Лина, помнишь, ты как-то пообещала мне диск с аниме, но так до сих пор и не принесла...

Я закончила зашнуровывать ботинки и удивленно подняла на неё глаза. Я обещала? Ах, да! Точно, что-то такое было, но давно, год назад, не меньше.

— О, чёрт! Извини, — я прикинула в уме, сколько времени примерно займёт у меня сон, прочие дела и спросила, — Может, я сегодня вечером часиков в семь занесу? Заодно и долг отдам.

— Идёт, — Соня широко улыбнулась. — Буду ждать. Только не забудь!

— Как я могу забыть или опоздать?! — я притворно ужаснулась и изобразила на лице искреннее раскаянье.

— Ты всегда с ума сводишь... своими вечными опозданиями... — Соня сказала это тихо, но с таким расчётом, чтобы я услышала. — Ну, ладно, пока! Удачно доехать.

— Спасибо! Тебе тоже удачи с ремонтом. До вечера!

Соня закрыла за мной дверь, и я начала спускаться по лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек сразу, а на губах у меня играла лёгкая улыбка.

— Я пришла! — войдя в коридор, я с трудом стянула ботинки и бросила плащ на крючок в прихожей.

— Лина, пришла наконец-то... — Лёха, мой сосед в снимаемой вскладчину квартире рядом с универом, и просто хороший друг детства, вышел из моей комнаты и заискивающе улыбнулся. — Ты ведь не будешь сильно ругаться?

— Что случилось? — я замерла в ожидании плохого известия, ведь обычно такое начало фразы в его исполнении гарантировало мне крупные неприятности и головную боль как минимум на неделю.

— Там комп не включается...

Я сломя голову бросилась в свою комнату и кинулась к компьютеру. Дрожащей рукой нажала на кнопку включения, стараясь сильно не нервничать — вдруг ничего страшного не произошло. Комп загудел и начал загрузку, но дальше дело не пошло — замер на пустом синем фоне.

— Что ты с ним сделал? — сквозь зубы, еле сдерживая злость, спросила я.

— Ничего! Клянусь, я делал всё, как обычно! А он потом не включился, — на Лёху было жалко смотреть. Мой друг топтался на пороге комнаты и смущённо смотрел в пол, пряча руки за спину. Я тяжело вздохнула и, закрыв голову руками, села на кровать. Лёха осторожно подошёл ко мне и сел рядом, всем своим видом выражая смирение и покорность. Но сейчас я почему-то не могла сильно и долго злиться: на душе было по-прежнему светло и легко.

— Так. Спокойно, может, ты всего лишь запорол Windows, — я достала номер и позвонила своему бывшему молодому человеку, с которым смогла расстаться без лишних переживаний, тихо и спокойно. И с которым до сих пор поддерживаю приятельские отношения.

— Андрей? Привет, это Лина! Как дела?

— Привет! Да нормально, а у тебя?

— Не очень... Мне помощь с компом нужна. Там экран пустой...

— Монитор включить не пробовала?

— Ха-ха! Очень смешно... Вроде система полетела, но у меня нехорошие предчувствия. Приходи, пожалуйста! Сам посмотришь.

— Ладно, не психуй. Приду через полчаса. А кто сломал? Лёха?

— А кто ж ещё! — я хмуро посмотрела на притихшего во время разговора мелкого пакостника, — Ладно. Жду! Пока.

— Пока!

Я обессилено легла на кровать и тихо застонала. Даже если ничего серьёзного, то переустанавливать все программы придётся весь день. Но если полетел ещё и диск, то мороки прибавится в квадрате. Конечно, после того случая (Лёха что-то делал на балконе и догадался при включённом компьютере врубить какой-то энергоёмкий перфоратор и не предупредить. Из-за скачка напряжения компьютер чуть не сгорел, хорошо, что первым сетевой фильтр накрылся...) я копировала все важные данные на отдельно хранящийся диск. Но тогда придётся покупать новый, ставить систему и всё копировать обратно. А это означает, что выспаться сегодня у меня не получится.

— Лёха, молись, чтобы диск не пострадал, а иначе я тебя убью.

— Угум, — Лёха неуверенно кивнул и попытался скрасить моё настроение своей коронной улыбкой, на что я лишь показала ему кулак. Он тут же сник и грустно сказал:

— Лина, прости, пожалуйста. Я вправду не хотел.

— Верю. Но...

— А хочешь есть? Я тут кое-чего приготовил с утра...

Живот предательски заурчал.

— Эх, давай, — я тяжело присела на кровати, — Только мне бы лучше кофе, а он кончился.

— Так я уже успел сбегать в магазин! — Лёха обрадовано улыбнулся.

— Всё предусмотрел, сволочь! — я отвесила ему лёгкий подзатыльник и тут же потрепала по голове. Мир был восстановлен.

— Лина! Лиина...

— Отстань, — я наугад пнула ногой, но не попала.

— Не отстану! Мне идти надо — у меня дел по горло! —

я снова пихнула ногой, на этот раз ориентируясь на голос. Кто-то сдавленно охнул. Попала.

— Свинья ты неблагодарная!

— Ну что?! — я рывком села на кровати и тупо уставилась на Андрея, пытаясь понять, что он тут делает. Мозг тут же подкинул воспоминания о произошедшем с утра, и я даже чуть устыдилась своих действий. И вправду свинья. Человек несколько часов устанавливал программы, трудился, а я его нагло пинаю.

— Прости, Андрюш! Я просто так устала, что спросонья не поняла кто ты.

— Бывает, — Андрей демонстративно потирал бок, по которому я заехала, — Короче, большую часть я смог спасти, но тебе ещё сидеть и сидеть. С тебя, кстати, я потом потребую компенсацию, будешь мне угощение с домашним тортом устраивать!

— Угу, спасибо! А сколько сейчас времени?

Андрей посмотрел на свои наручные часы и сказал:

— 6:12. А что?

— Да я что-то должна была сделать, только вот после сна этого дурацкого вспомнить не могу...

— Ну, это обычное дело. Как всегда наобещаешь, а потом забудешь. Из-за этого ничего не можешь довести до конца!

— Не правда! Я обещания выполняю всегда!

— Ага, — Андрей собрал в сумку все диски с программами, а потом серьёзно на меня посмотрел, — Только с годовым опозданием, когда твоя помощь уже не требуется.

Хоть голова у меня и была тяжёлая, соображала плохо, но его слова всколыхнули во мне какое-то воспоминание. Я подняла руку вверх, призывая к молчанию, и попыталась не спугнуть робкую мысль. Что-то связанное с долгом, сегодня, с утра...

— В семь! Вот чёрт! — я вскочила и начала лихорадочно

рыться на столе. Достала сумку и покидала туда все диски с мультиками и аниме, для верности кинула туда же и пару сборников комедий — сколько раз пихала диски не в свои обложки. Просмотрю, что где лежит, по пути. Нашла кошелёк, в нём оказались всего-то две десятки. Не густо. Вынула деньги и кинулась к другой заначке, а именно к книжному шкафу. Открыла любимую книгу Стивена Кинга «Тёмная Башня» и... Ура! Пятихатка. Не так плохо, если учесть, что жить мне на них всего-то неделю. Конечно, не густо, но при особой экономии с голоду я не помру. Да и Лёха теперь у меня в должниках ходит... В общем, живём, братцы, живём.

— Опаздываю! Чёрт! Чёрт! Чёрт! — бегая по комнате, я, абсолютно не стесняясь Андрея (чего он там за полтора года, пока мы с ним встречались, рассмотреть не успел?), быстро сняла шорты и надела рваные джинсы, и, скинув топик, натянула свою любимую футболку. Макияж пришлось просто стереть салфеткой. Хвост я распустила и, наскоро причесавшись, завязала снова. Повернулась к офигевшему Андрею и, схватив его за руку, потянула к выходу из квартиры:

— Быстрее! Мне ехать минут 40, а там ещё и идти минут десять от остановки.

— Ты куда так спешишь-то? На свидание? — Андрей последовал моему примеру и тоже начал пытаться надеть обувь в ускоренном режиме.

— Нет! Надо мне. Между прочим, долг вернуть.

— На тебя это не похоже, — заметил Андрей, а я, гремя связкой ключей, пыталась закрыть замок.

Ключ выпал у меня из рук и я, в очередной раз чертыхнувшись, уткнулась в дверь лбом — холод двери чуть остудил меня и заставил успокоиться. Я глубоко вздохнула, подняла связку, медленно выбрала нужный ключ и закрыла наконец-то проклятый замок.

— Я знаю, но... — я виновато улыбнулась. — Ни хрена не понимаю, что со мной. Понимаешь?

— Да, — Андрей улыбнулся мне широко и открыто, а потом приторно ласковым голосом добавил:

— Кстати, сейчас 6:20. Удачно тебе добежать!

Я сорвалась с места, закидывая рюкзак за плечи.

Естественно, я опоздала. Правда, всего на 15 минут, и учитывая, сколько Соня ждала эти диски, это несущественная мелочь. Да и понимаю я, что они ей не особенно-то нужны. Просто она почему-то решила таким образом пригласить меня к себе в гости, ёжику понятно.

Меня волнует другое — почему, прекрасно зная всё это, я неслась как сумасшедшая через весь город?

— Да? — голос у Сони уставший и недовольный.

— Привет! Это Лина.

— О, заходи! — траурные нотки сменило бескрайнее удивление.

Домофон противно запищал, и дверь открылась, пропуская меня внутрь.

— Вот. «Блич», как и обещала, — я обворожительно улыбнулась и протянула Соне внушительную стопку дисков.

— Если честно, я думала, что ты опять забудешь, — Соня несколько рассеяно посмотрела стопку дисков и положила всё на тумбочку рядом с входом.

— Можно подумать, это такое великое чудо — моё появление, — проворчала я и неуверенно начала топтаться на пороге, не зная, то ли я не вовремя и лучше мне уйти, то ли приглашение в гости всё ещё в силе, и Соня всё-таки додумается напоить меня кофе либо чаем...

— Ой, проходи, — она как будто очнулась и сказала, виновато улыбаясь. — С этим ремонтом совсем о манерах забыла. Ты как, кушать сильно хочешь?

— Да нет, наверное...

Я прошла на кухню и уселась туда же, куда и утром.

Иррациональное чувство, что я никуда не уходила, на пару мгновений привело меня в лёгкую растерянность. Но вместе с тем мне было чертовски хорошо. Почему-то действительно захотелось надолго остаться на этой кухне, смотреть, как Сонька что-то достаёт из холодильника, варит кофе...

— Хорошо-то как, — я поддалась моменту и, неожиданно для себя, озвучила своё состояние.

— Ум-м? — Соня прекратила беготню по кухне и посмотрела на меня.

— Да так, ничего. Мысли вслух.

Соня кивнула и, сняв с плиты кофе, торжественно разлила его по чашкам. Мне снова достался тигрёнок. Я широко улыбнулась.

— Ты чего улыбаешься? — Соня, смотря на меня немного подозрительно, ответно улыбалась.

— Теперь это моя любимая чашка в этом доме.

— Ха, обойдёшься! Она общественная.

— Э, нет. Теперь это только моя!

Соня хотела рассердиться, но лишь махнула на меня рукой и засмеялась. Я тоже улыбалась, удовлетворённо отметив, что из её глаз потихоньку уходит неясная тоска и грусть.

— Знаешь, а ты, оказывается, другая, — Соня лукаво на меня посмотрела из-под длинной косой чёлки.

— Кхм... В смысле? — я чуть не поперхнулась печенюшкой.

— Ну, в институте ты кажешься такой таинственной и неприступной. Даже немного холодной. Отвечаешь вежливо, но равнодушно, и как мне кажется, даже отстранённо. Готичная девушка, со сложным характером, богатым внутренним миром. А смотришь так, как будто тебя здесь нет, будто ты где-то безумно, недостижимо далеко.

Я слушала внимательно, стараясь не пропустить ни слова.

Было безумно интересно взглянуть на себя со стороны, но в тоже время с кое-чем я не согласилась:

— Ну, таинственной и неприступной — это сильно сказано. Если со мной заговаривают о чём-либо, я всегда вежливо отвечаю. Вроде не отталкиваю людей. К тому же, ну какой богатый внутренний мир может быть у неразумного ребёнка? Я же ещё дитё! Мне бы погулять, да повеселиться. Я вообще без царя в голове.

— А я всё равно боялась именно твоей равнодушной вежливости.

— Зря, — сказав это, я почувствовала, как у меня вдруг ёкнуло сердце. Захотелось дать себе хороший подзатыльник — из-за своей надменности я упустила возможность лучше познакомиться с интересным человеком.

Соня наклонила голову, опершись на руку, и задумчиво на меня посмотрела. Под её взглядом я начала краснеть, хотя причин для этого не было. Мне всё казалось, что она что-то мысленно взвешивает, решается на какой-то поступок, оценивает меня. Не сказать, что это было очень неприятно, но я невольно чувствовала беспокойство, очень похожее на то, испытанное с утра.

— Соня, не смотри на меня та-а-ак, — я намерено произнесла это плаксиво и по-детски наиграно, чтобы снять напряжение, сковавшее меня.

— К-а-а-ак? — промурлыкали мне в ответ, наградив снисходительным взглядом.

— Так! — я скорчила глупую рожицу.

— Неправда! Я не так смотрю! — Соня рассмеялась, я тоже, опять же мысленно отметив, что беспокойство прошло.

Мы замолчали, наслаждаясь тишиной и возникшим между нами доверием. При мысли, что скоро мне уходить, у меня в груди что-то болезненно сжалось. Поэтому я решительно прервала молчание и спросила:

— Соня, а пойдём сейчас погуляем?

— Хм, куда? — заинтересовано.

— Мест что ли мало?! Найдём!

— Ну, не знаю, — Соня посмотрела на часы, а я мысленно взмолилась: «Согласись, согласись!»

— Ладно, — наконец сказала она, подтверждая свои слова кивком головы.

— Отлично, — я одним глотком допила кофе и встала. — Пошли! Гулять вечером всегда сплошное удовольствие.

— Всё любопытнее и любопытнее... — Соня тоже встала и, выходя из кухни, коснулась моей ладони. Мимолётно, чуть дотрагиваясь. Я бы наверное даже не заметила, если б от такого невинного жеста у меня не пробежала целая армия мурашек от руки к спине.

— Лина, а ты уверена? Эта штука не грохнется?

— Ну, вроде нормально всё. Конечно, старое и частично ржавое, но надёжное.

— Ну-ну, как будто верю...

— Не бурчи! Всё нормально будет, — я вступила на шаткую, проржавевшую лестницу и оглянулась на Соню. Та стояла, не шевелясь, и жалобно смотрела на меня.

— Я боюсь высоты и прогнивших ржавых лестниц. Не хочу закончить жизнь так глупо и бездарно.

— Хорошо, — я подошла к ней и посмотрела прямо в глаза, чуть снисходительно ухмыляясь, — Тогда мы не пойдём туда. Раз ты такая трусишка.

На её лице отразилась тяжёлая внутренняя борьба и, когда я уже решила, что страх окажется сильнее, она вдруг оттолкнула меня в сторону и гордо вступила на первую ступеньку.

— Не тормози, — Соня демонстративно бросила мне это через плечо и продолжила восхождение.

Её запала хватило ровно на четыре этажа, затем на моих подколках и насмешках она прошла ещё два.

— Я дальше не пойду! — Соня вцепилась в мою руку и зажмурилась. Я хотела было снова пошутить, но поняла, что заигралась — она, кажется, была уже на грани истерики.

— Т-ш-ш-ш, всё нормально, — я робко обняла её и чуть погладила по голове.

Соня судорожно стиснула меня в ответ и прижалась ко мне. Из-за этого мы чуть не упали, поскольку такого я точно не ожидала.

— Хочешь, вниз спустимся? — предложила я, сетуя на себя, что вообще предложила свернуть в этот переулок. Но, увидев лестницу, просто не смогла удержаться — с детства люблю забираться куда-нибудь, будь то чердак, какие-нибудь развалины, или, вот как сейчас, пролёты подъезда недостроенного дома.

Она помотала головой, боясь сделать ещё хоть какое-нибудь движение.

Соня застыла на одном месте, и, как мне кажется, сильно жалела, что всё-таки решила пойти наверх. Она немного дрожала, а ветер совсем растрепал её волосы. Я совсем не знала, что сейчас лучше сделать, и решила просто ласково погладить её по волосам. Это, кажется, помогло ей успокоиться, поскольку дыхание её стало менее судорожным и прерывистым.

Сначала я жутко стеснялась, но поняв, что если сама она не пойдёт, то мы так и будем стоять здесь всю ночь, продолжала гладить её по голове и шептала ласковые слова, сама себе поражаясь.

Соня перестала вздрагивать, но всё равно не спешила меня отпускать и стояла, закрыв глаза. На секунду мне показалось, что она заснула, настолько умиротворённое у неё было лицо.

Так мы и замерли, обнявшись.

— Ты как? — спросила я, посмотрев на её спокойное уже лицо.

— Вроде нормально, — хрипло ответила Соня.

— Прости. Я думала, ты насчёт страха шутишь или просто прикалываешься.

— Думала она... Чем?! — сколько ехидства и сарказма... И ведь не поспоришь.

Соня вдруг переместила руки мне под футболку, крепче обхватив мою талию. Я шумно вздохнула, потому что мне почему-то стало необъяснимо приятно.

— Мне рукам холодно, — тут же объяснила она свой поступок.

Я вынуждена была поверить: её руки действительно первые мгновения обожгли меня холодом — конец мая, и ночи до сих пор холодные. Мой разум быстро нашёл логичное объяснение: имеет право человек замёрзнуть и захотеть согреться? Имеет. Абсолютно нормально.

Соня передвинула уже согревающиеся руки на тёплый участок моей спины, случайно царапнув по коже.

— Ой, прости! Я не специально.

— Да ничего, — мне было так хорошо, что я почти потеряла способность здраво мыслить. Появилось ощущение ирреальности происходящего, как сон или лёгкое опьянение.

Я вовсю наслаждалась моментом: ночь, тепло другого человека, ветер, который постоянно играл с нашими волосами, заставляя смешно морщиться, и ночной воздух.

И, главное, меня приводило в дикий восторг небо, видимое сквозь ступени лестницы.

— Смотри, — я почему-то сказала это шёпотом и головой указала наверх.

— Красиво-то как, — восхищение в её голосе было неподдельным и хорошо чувствовалось.

Она смотрела на небо, а я смотрела в её глаза и видела в них отражение настоящего счастья.

— Ты когда-нибудь видела что-либо такое же прекрасное и волшебное?

— Даже не знаю... Понимаешь, мне почему-то всегда кажется важным запоминать вот такие моменты. Ловить мгновения, а когда плохо либо грустно, перебирать их в памяти, чтобы знать, что жизнь — это нечто очень ценное и безумно дорогое.

— Угу, — она ласково и нежно посмотрела мне в глаза, а потом мягко положила голову мне на плечо. — Странно, но я поступаю так же. Мне иногда хочется поделиться всем этим, но так сложно рассказать всё...

Мы почему-то говорили очень тихо, почти шепча друг другу слова на ушко, обжигая дыханием кожу. Во всём этом было что-то завораживающее, безумное и нежное. Чувство чего-то запретного, на грани понимания, когда уже знаешь, но ещё не можешь принять...

— Пойдём наверх. Только, — Соня закусила губу и добавила голосом, полным ехидства и очаровательного лукавства, — ты будешь вести меня за ручку, как маленькую девочку.

— Ладно.

Она очень медленно, плавно, не торопясь провела руками по моей талии, вынимая их из-под футболки. Мне захотелось охнуть от сильного наслаждения, но чудом смогла сдержать себя. Вот только, когда Соня невинно так посмотрела на меня, чуть подняв голову, то я безумно испугалась: возникло непреодолимое желание её поцеловать.

— Кхм... это, — я намерено отвернулась, якобы смотря на небо, но перед глазами всё равно видела только её губы, — Пошли?

— Ага, — она слишком близко! Так близко, что нельзя не почувствовать горячее дыхание на своей шее. Так близко, что нельзя было не вздрогнуть от приятной тяжести её рук, когда она снова меня обняла...

«Спокойно! Тихо, всё нормально! Без паники!» — мой разум лихорадочно искал объяснения, но не находил, потому что признать это очень сложно. Всегда трудно признаться самой себе в том, что необычно, ново, странно...

Чуть выровняв сбившееся дыхание, я всё же снова опустила голову вниз, что было моей ошибкой: даже случайного касания губами уголков её губ хватило, чтобы не найти сил остановиться... Самоконтроль был послан далеко и надолго...

...Робкое прикосновение, дыхание на двоих, я закрываю глаза, чтобы полностью отдаться нахлынувшим чувствам...

...Лихорадочный поцелуй, когда при резких движениях судорожно хватаешься за шаткие перила, когда больно царапаешься спиной о шершавую кирпичную стену, когда лестница опасно скрипит, но сердце замирает отнюдь не от этого...

— М-м-м, а я и не знала, что ты тоже... ну, любишь девушек, — Соня дышала часто-часто. И её слова было сложно понять, потому что в моей голове царил первозданный хаос.

— А? Да нет, я тоже не знала, — я устало, но удовлетворённо обняла её.

Не было сил ни думать над произошедшим только что, ни волноваться о будущем, ни пытаться как-либо объяснить себе это. Пока я просто пыталась запомнить это волшебное мгновение: звёздная ночь, игривый ветер, проржавевшая лестница, онемевшие от поцелуев на холодном ветру губы и ставший вдруг безумно близким человек.

***

Коридоры университета, где-то около физкультурного зала, были пустынны.

— Пара начнётся только через 10 минут, — Соня прижалась ко мне всем телом и поцеловала в шейку, чуть прикусив кожу.

— М-м-м, погоди..! С ума сошла?! А если кто-то увидит?! — я пыталась собраться с мыслями, но это, знаете ли, трудно, когда чувствуешь нежные и настойчивые поцелуи.

— Ты так боишься, что кто-то узнает? — Соня чуть отстранилась и серьёзно посмотрела мне в глаза, заставив меня стыдливо отвести взгляд.

— Боюсь, — честно призналась, — Я к этому не готова... Странно всё... И ещё не привыкла.

— Угу, понимаю, — Соня отпустила меня и сделала шаг назад, — Стыдишься наших отношений?

Я почувствовала себя немного неуютно, а в душе появилось мерзкое чувство: я действительно до безумия боялась «людского суда». Боялась, что на меня будут кидать косые взгляды, кидать вслед грязные оскорбительные слова, что, узнав, изменят ко мне своё отношение, начнут травить... Да много чего боялась. Но... Соне как будто незнакомы подобные чувства. Она открыто села ко мне на паре, всегда старалась прикоснуться, и писала на лекциях такие записки, что после прочтения я всегда краснела и ловила удивлённые взгляды соседа.

Мне нравилось с ней, мне было всегда хорошо и легко, как ни с кем другим. Соня всегда была рядом и успокаивала, сглаживала все острые углы моего характера, внимательно выслушивала мои иногда смущённые и бессвязные мысли. Только преодолеть собственное чувство стыда и неправильности происходящего я пока была не в состоянии.

— Прости... я не могу. Честно. Я пока не готова смириться, признаться... — я закрыла глаза и вскоре почувствовала ласковое прикосновение её губ к своей щеке, а потом и тихие слова, сказанные с едва уловимой грустью:

— Ничего. Всё нормально, солнышко. Я понимаю.

— Угу, — я крепко обняла Соню, на мгновение забывая о том, что кто-то может нас увидеть, и поцеловала её....

***

— Точно стоит знакомить меня с твоей компанией? — Соня, в который уже раз, спрашивала это, но я лишь снова и снова повторяла:

— Да, стоит. Ты им понравишься! Да и они меня уже достали вопросами: где я пропадаю целыми днями?

— Хм, ну раз завалили вопросами, то ладно, — Соня тепло мне улыбнулась, а я безумно захотела её поцеловать, но на улице было так много людей... Поэтому я просто взяла её за руку, постаравшись улыбнуться так же ласково и нежно.

— А куда мы пойдём?

— Тут концерт одной местной группы будет. В принципе, посидим, пообщаемся, послушаем новые песни... Ты не против? Я могу сказать, что мы не сможем придти.

— Ну, в клубах я очень редко бываю, но... — Соня приблизилась ко мне и на ушко прошептала, — с тобой я пойду куда угодно...

Краска залила моё лицо, а Соня усугубила положение, чуть прикусив самый кончик ушка.

— Соня!

— Да, да, всё помню. Прости, — и немного обижено отвернулась от меня, делая вид, что смотрит на окружающие нас дома. Я опять почувствовала себя немного виноватой...

— Лина! Мне тут не нравится! Давай уйдём!

— Что?!

Соня жестами показала мне, что хочет уйти, а я почувствовала лёгкое разочарование — хотелось задержаться ещё немного.

— Ещё десять минут! Ну, пожалуйста! — я умоляюще сложила ручки и жалобно посмотрела на Соню, а она лишь кивнула головой, махнув на меня рукой.

Я в порыве радости крепко обняла её и поцеловала в губы, ведь чем хороши тёмные и шумные клубы — все смотрят на сцену или на своих друзей, а не по сторонам, и никто не слышит разговоры окружающих. Соня довольно улыбнулась и захотела продолжить поцелуй, но тут я заметила своего старого знакомого,

которому до нас оставалось обойти ещё пару танцующих людей, поэтому слишком резко отстранилась.

Мой друг, как оказалось, шёл совсем не к нам. Что-то вечер не ладился...

— Эй! Продолжаем веселиться! Давай, давай! — молодой парень со сцены старался расшевелить народ, хотя в этом уже и не было необходимости. — Вам нравится?!

— Да-а-а! — безумная толпа радостно закричала в один голос. Ощущения после такого у меня всегда оставались двоякие: с одной стороны — чувство единства, а с другой — страх, что ты можешь затеряться в толпе.

— Окей! Для следующей песни нам понадобятся две девушки! Кто согласен?! Поднимаемся! Не стесняйтесь!

Я почувствовала, что Соня тянет меня к сцене и что-то кричит тому пареньку. Солист наконец-то обратил внимание на нас, а гитарист помог залезть из толпы на сцену. Народ восторженно закричал и зааплодировал.

— Отлично! Как вас зовут?

— Я Соня!

Микрофон передали мне, и я еле проговорила:

— Лина.

— Замечательно! В общем, от вас требуется только танцевать и зажигать на сцене от всей души! Справитесь?

Соня взяла микрофон и, улыбаясь, сказала:

— Конечно! Правда, Лина?!

Я лишь кивнула, частично пребывая в глубоком шоке — такого я от неё не ожидала ну никак.

Заиграла быстрая музыка, и Соня подала мне руку, приглашая потанцевать с ней. Не знаю почему, но вдруг показалась, что мы одни, что кроме нас нет никого, а все люди

вокруг лишь массовка. Что мы сейчас — актёры на сцене... В тот момент я не думала ни о друзьях, ни об их мнении, что они подумают, скажут... Всё это не важно... Важны только отражающие мигающий свет глаза Сони, её руки, обнимающие меня, ритмичные движения, связывающие нас в этот странный волшебный момент.

Начался припев, а может быть, всего лишь конец песни, и музыка стала более плавной, спокойной... И вот в душе у меня какие-то преграды наконец сломались, потеряли смысл и лицемерную важность. Я наклонилась и поцеловала Соню, с удовольствием отметив её удивлённый взгляд. А потом ничего не видела и не слышала... Не слышала, как зал и музыка на мгновение смолкли, а потом взорвались громкими и шумными аплодисментами, криками и восторженными завываниями...

И не могла видеть тёплый, но всё же немного ревнивый взгляд Андрея, своего бывшего молодого человека...

***

— А-а-а-пчхи! Апчхи, апчхи!

— Я так рада тебя видеть, — Соня пропустила меня в квартиру, по-прежнему, чихая, — Будь здорова, солнышко!

— Ага, спасибо...

Я обняла её и попробовала поцеловать, но она лишь упёрлась руками мне в плечи и замотала головой:

— Э, я тебя заражу! А-а-а....пчхи!

— М-м-м, ну и плевать! Я соскучилась, — что правда, то правда: защита курсовой отняла много сил и времени, поэтому на этот период мы приняли решение видеться реже, отдавая все силы учёбе. Но зато теперь, когда все экзамены сданы, можно и отдохнуть. Только вот...

— Когда ты успела заболеть? — я всё же ласково обняла Соню, наслаждаясь просто тем, что она рядом.

— Позавчера под ливень попала, — она прильнула ко мне и блаженно закрыла глаза. — Я так соскучилась! Ты просто

не представляешь.

— Почему же? Представляю, — я мягко погладила её по голове и, посмотрев в родные глаза, всё же мимолётно коснулась губами её губ.

Соня хлюпнула носом и счастливо улыбнулась. Только сейчас я заметила, что она была закутана в шарф и одета в тёплую кофту, хотя на улице стояла довольно-таки тёплая погода.

— Да, что-то ты совсем никакая. Пойдём, ляжешь, я приготовлю тебе чаю с вареньем, поухаживаю за тобой, спать уложу...

— Вот спать — не надо, только три часа дня, а вот насчёт остального я не против, — Соня улыбнулась. Как же я скучала по её улыбке!

— Договорились! — я ласково поцеловала её в щёчку и повела за руку в комнату...

— Ли-и-н, а оставайся сегодня у меня ночевать, — мы сидели с Соней на диване, смотрели комедию, которую я принесла, и периодически отвлекались на приготовление горячего чая с малиной или с мёдом.

— Можно, но...

Соня почему-то всегда старалась деликатно отказывать мне, когда я хотела остаться с ней на ночь. Она выпроваживала меня настолько осторожно и незаметно, что я осознавала ситуацию, только когда уже шла домой одна.

— Просто хочется, чтобы сегодня ты была рядом.

— М-м-м, я рада, — интересно, а вот счастливую улыбку можно как-то убрать, или же она навеки теперь останется на моём лице?

Вечер пролетел незаметно. Соня иногда засыпала у меня на руках, а я сидела и боялась шелохнуться, чтобы не потревожить её ничем. И всё пыталась понять: кто мы друг для друга?

Вынужденное расставание далось мне и тяжело, и легко в каком-то смысле. Тяжело потому, что я действительно скучала по ней, мне не хватало нежных прикосновений, понимания, ласки... Каждый день, получая от неё смс, я радовалась и чувствовала прилив сил. А потом бралась за учёбу и просто выключалась из мира на некоторое время. Вот только мысли о ней грели меня всегда, пусть я иногда и отвлекалась на другие вещи.

А легко — ну потому что таково свойство моего характера. Я всегда ищу какой-то непонятной свободы. Я нормально отношусь к одиночеству, хоть и общаюсь всегда легко, а ещё люблю спонтанно строить планы на ближайшее время. Могу, допустим, уехать, сорваться с места, никого не предупредив, а потом вернуться тогда, когда захочу.

Но так хорошо знать, что ты нужен кому-то, что тебе есть к кому вернуться, что тебя будет кто-то ждать...

Вот только я никак не могла понять: люблю или просто играю в любовь? «Но что я сделала для того, чтобы заслужить её любовь?» — случайная мысль заставила меня вздрогнуть и сильнее прижать к себе свою любимую.

Одно было ясно точно — я не хотела потерять её.

— М-м-м, я опять заснула?

— Да, — целую заспанную мордашку, Соня смешно морщиться и улыбается. А я чувствую, что теряю себя безвозвратно, что покорно дарю себя ей, всего лишь вот за эту чуть сонную, но такую милую и родную улыбку...

А когда мы уже засыпали, Соня вдруг тихо спросила меня:

— Лина, а не хочешь жить здесь?

— Хм... ну я к своей квартире уже привыкла... — она вздрагивает от моих слов.

— А, понятно, извини.

— Но я хочу жить с тобой, а где, не так уж и важно, — я чувствую, как Соня расслабляется, а в голосе её я слышу улыбку

и благодарность:

— Спасибо. Я тебя люблю...

Моё сердце замирает, в груди как будто что-то разорвалось. Я хотела сказать, что люблю её всей душой, но всего лишь проговорила:

— Я тоже. Спокойной ночи, милая.

— Угу, доброй ночи...

Вот только почему я не смогла этого сказать? Почему?!

Странно, но я так мечтала, так хотела заснуть вместе с ней в одной кровати, обнимать её, слушать ровное дыхание. Иногда представляла, что Соне приснится кошмар, а я успокою, приласкаю, а потом она снова уснёт...

Но это всё мечты. В реальности же всё вышло совсем не так, как я того хотела: сон отказался приходить ко мне. Поворочавшись с одного бока на другой, решила всё-таки встать и не мучить себя. Кроме того, не хотела мешать Соне отдыхать.

Квартира уже успела стать для меня знакомой. Я уверенно прошла на кухню, свободно ориентируясь даже в темноте, поставила кипятиться чайник и достала из шкафа свою любимую кружку.

Чайник зашумел, а через некоторое время автоматически выключился. Налила кофе — раз уж всё равно не спится — и села за стол, привычно смотря на небо за окном.

Невольно вспомнила наш первый с ней поцелуй и улыбнулась: такое я точно никогда не забуду!

«Почему же я не могу быть просто счастливой? Что мешает? Вечно что-то анализирую, разбираюсь в себе, мучаю себя сомнениями, создаю какие-то мнимые проблемы... Она меня любит... А я...», — делаю глоток кофе, со странной гордостью отмечая, что Соня варит его гораздо лучше.

Мысли скачут в беспорядке, случайные образы рождаются и тут же сменяются другими... Просто понимаю вдруг, что сейчас

вот ночь, я сижу на кухне, пью паршивый кофе, в соседней комнате спит человек, который меня любит… А вот эта квартира скоро станет моим домом… Так странно!

Вот только, с чего начать эту новую жизнь? Что, если я ошиблась? Что, если это и не любовь вовсе? Может, лучше уйти, пока не поздно?

Не мучить ни себя, ни её? Да и что я вообще сделала для неё за это время? Чем заслужила любовь?

— Так встань и уходи прямо сейчас, — сказала сама себе, но что-то держало. Стало вдруг так тоскливо оттого, что я больше никогда её не увижу, если вот сейчас закрою дверь с другой стороны.

Подошла к раковине и вылила туда так и не допитый кофе, прошла мимо комнаты, где видела, несомненно, хорошие сны Соня, и начала как можно тише одеваться.

Взяла со стеллажа копии ключей (она их вечно теряет, вот и сделала так много), затем тихо открыла дверь и вышла из квартиры.

Повернула в замке ключ, положила его в карман лёгкой куртки и неуверенно начала спускаться вниз по лестнице…

— Эх, ночь чудо как хороша! — я довольно потянулась и вдохнула относительно свежий городской воздух.

Сначала я шла по пустым дворам, пугающим и неизвестным, стараясь всё же избегать уж слишком подозрительных мест. Потом мне надоело шугаться каждой тени, поэтому, немного поплутав, вышла на главную улицу.

Город как всегда не спал. Шумел и жил своей суетливой жизнью. Каждый в нём мог найти себя, а мог и наоборот потеряться. Сколько сейчас таких же, как и я, кто меряет шагами минуты и часы? Кто идёт в полумраке по мостовой и смотрит на небо, мучаясь одним и тем же вопросом — почему я не понимаю, что сейчас со мной происходит?

Сколько я ходила, так и не поняла… В конце концов устала и, посчитав деньги в кошельке, решила заглянуть в кафешку.

В ночном похождении по городу было что-то привычное и успокаивающее. Казалась, что вот это и есть жизнь. Но мысли всё возвращали меня к той, от которой я ушла этой ночью.

Я достала мобильник и попыталась напечатать ей смс, чтобы она не пугалась, когда не увидит меня утром рядом с собой, чтобы попыталась меня понять... Всё печатала и печатала, пытаясь загнать свои сумбурные чувства в рамки текста, в буквы и значки, но никак не получалось.

Пришедшее внезапно сообщение заставило меня нервно подпрыгнуть на стуле, чуть не выронив телефон.

«Привет, — начала читать я. — Это не ты сейчас сидишь в кафе и усердно что-то набираешь вот уже 5 минут?»

— Андрей? — приподнялась и оглядела зал, справа от себя увидев ухмыляющуюся физиономию друга, — Привет!

— Здорово! — он подсел ко мне за столик, — Какими судьбами?

— Да вот, решила опять быть одной, — я смущённо улыбнулась и развела руками, дескать, ничего не поделаешь, это правда.

— Шутишь?

Я покачала головой.

— Ну и дура ты, Лина!

— Чего?! — за всё то время, что я с ним общаюсь, он ни разу меня подобным образом не обругал. А тут вдруг такая бурная реакция...

— Ты что? От неё ушла?!

— Тише ты! — редкие посетители кафе с удивлением косились на нас, поэтому пришлось перейти на театральный шёпот.

— Почему?!!!

— А я откуда знаю?! С чего такая забота? Что ты вообще можешь знать?

— С чего? Я себя вообще-то другом твоим считал! — Андрей попытался встать, но я удержала его:

— Прости. Я не права… Ты мой друг. Прости… Прости…

И, непонятно от чего, заплакала.

— Я… не знаю… Не могу! — я просто утирала бегущие слёзы рукавом или салфетками, что заботливо подавал мне Андрей, не зная как ещё можно помочь.

— Я хочу быть с ней! Хочу… Но… Боюсь! Вообще не знаю, что мне делать дальше?! Как жить? Как найти себя в жизни?… Я не хочу быть обузой, не хочу мешать ей жить! Не хочу стесняться любви к ней… Но я не могу найти в себе силы, чтобы стать кем-то, кто будет опорой и поддержкой! Понимаешь? Я просто слабачка, а она…

— Она любит тебя, — спокойный голос, как будто он разговаривает с умалишённой… хотя определённая доля истинности в таком обращении есть…

— Я… я тоже люблю… Но…

— Знаешь, — Андрей прямо посмотрел на меня, убедился, что я его понимаю и сказал, словно вырывал из себя эти слова, — Я тоже боялся. Я тоже думал, что недостоин любви. Думал, что тебе не нужен дохляк без работы и образования. Думал, что должен обязательно стать кем-то важным и авторитетным, но… Знаешь, погоня за совершенством, за деньгами, за властью, она никогда не кончается. Я хотел быть счастлив когда-то там, далеко в будущем, и забывал, что просто нужно было каждый день, каждый миг улыбаться тебе, просто так любить тебя. Я ни разу не поблагодарил тебя за любовь, что ты дарила мне тогда каждое мгновение. Хотел отдать всё потом. А потом так и не наступило, и потому я потерял тебя… Вот такие вот дела.

Он рассеянно отпил кофе из пластикового стаканчика, задумчиво глядя в большое широкое окно на тёмную улицу. А я смотрела на него и узнавала в нём себя.

— Андрей.

— У?

— Спасибо, — улыбнулась, когда он, наконец, посмотрел на меня, — Кстати, а проводи меня обратно.

— Ага. Только кофе допьём...

— Вот я и дома. Ещё раз спасибо!

— Ну теперь ты уверена, что это твой дом? — он кивнул на Сонин подъезд.

— Ага, точно... Ладно, не забывай, звони! Пока.

— Подожди. Ещё одна вещь... Лина, ты изменилась за это время.

— Что? — я удивлённо посмотрела на явно смущённого друга.

— Стала сильнее, ответственнее, чем раньше. Ты ещё ребёнок, но всё-таки ты взрослеешь. Просто не бойся, хорошо? Пообещай мне не убегать больше, ведь ты до сих пор должна мне за починку компа, — он улыбнулся той самой улыбкой, за которую раньше я готова была продать ему душу, но...

— Обещаю! Больше не буду! — я радостно обняла его и побежала к подъезду, не видя грустного взгляда прощающегося со мной старого друга...

А уже утром, когда Соня проснулась рядом со мной и сладко потянулась, подарив мне полную счастья улыбку...

— С добрым утром, милая! — я поцеловала её. — Я тебя люблю!

— М-м-м-м, я тоже тебя люблю... Не знала, что у тебя есть привычка ходить по ночам, а шумишь ты, кстати, сильно, — она улыбнулась. — Главное, если снова уйдёшь куда-то ночью, не забудь вернуться...

Ещё одна встреча
Автор : Сулмор
Бета : Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Angst
Размер : min
Описание :
Обернуться назад, чтобы понять своё настоящее...
Дисклаймер :
-

Я шла по улице и задумчиво смотрела на яркое летнее небо. Редкие облачка лениво плыли по режущей глаза синеве, заставляя меня смешно морщиться и старательно отводить взгляд от солнышка.

Время ползло неторопливо... или так казалось из-за изматывающей душу жары? Неважно. Моих денег хватило лишь на банку колы, после которой, правда, захотелось пить ещё сильнее. Но оставалось только терпеть, ведь возвращаться домой катастрофически не хотелось, поскольку я не хотела идти в нашу скромную квартирку.

Самое плохое, крайне раздражающее меня, помимо жары и плавящегося под ногами асфальта, было то, что я не могла понять причину своего возникающего желания не видеться с ней.

Ведь всё хорошо, даже отлично! Мы с ней почти не ссоримся, да если и бывают конфликты, то она всегда находит компромисс. Мы с ней уже год как вместе, мы привыкли друг к другу. Она готовит кушать, старается обеспечить нам уют в квартире, никогда не срывает плохое настроение на мне, даже если очень устала... Она не требует особой помощи по дому, не просит объяснений, когда я возвращаюсь домой поздно или вообще посреди ночи — только оттого, что было желание побродить по городу или зайти к старым друзьям. Я свободна настолько, насколько вообще может быть свободен человек. И она меня любит...

Но... почему тогда я прошла мимо дома уже, наверно,

в десятый раз?

Я не знаю, что нашло на меня, такое чувство, что я просто устала… не знаю от чего… или чего-то боюсь… и что забыла что-то важное… Я пошла в магазин без какой-либо цели, просто побродить и посмотреть на полные разнообразных интересных мелочей прилавки. Меня всегда радовала приятная прохлада, царившая в супермаркетах во время летнего зноя: кондиционеры всё-таки отличная вещь. И как всегда, вход через продуктовый отдел… Хорошо, что хоть народу немного.

— Девушка, вы не поможете мне достать вон ту банку с полки, а то мне сложно… — я остановилась и повернулась к изломанному старостью мужчине, умудрившемуся, как ни странно, и в эти годы сохранить яркие горящие жизнью глаза.

— Да, конечно, — я с улыбкой кивнула и, немного неловко подтянувшись на цыпочках, подцепила заветную банку тушёнки.

— Спасибо, — старичок положил её в корзинку к остальным продуктам и почему-то заинтересованно посмотрел на меня: — А скажите, вы не сильно заняты?

— Да я свободна, как никто другой!

«Хотя уже и тошнит от своей свободы — хочется, чтобы она хоть раз устроила мне порядочный скандал за мои гулянки и бардак, который вечно развожу», — несмотря на свои мысли, я по-прежнему улыбалась и была готова помочь, если он попросит ещё что-нибудь. Странно, но именно она и научила меня помогать людям — бескорыстно, ничего не требуя взамен.

— Так уж и свободна? — пожилого человека почему-то очень заинтересовала эта фраза, и он аж весь подобрался и задумчиво потёр свою короткую бороду, смотревшуюся по мне так неуместно и немного жалко.

— Хм, ну да, — я широко улыбнулась, мысленно поздравив себя с тем, что кажется, напоролась на немного сдвинутого с ума старика:

— Что в этом такого?

— Ничего, ничего, — очередная рассеянная улыбка, но глаза

его так и светились лукавством, — а скажите мне, Маша, почему же вы домой не идёте?

— Ну-у, просто не могу пока...

«Стоп! Он назвал меня по имени? — я натянуто улыбнулась и сделала неуверенный шаг назад, — Откуда он знает? Хотя, ну так и что здесь такого, Маша распространённое имя... Посмотрел и знакомую свою в молодости вспомнил», — я задумалась и чуть не засмеялась, но что-то в его поведении меня настораживало.

— А что так? Неужели никто не ждёт?

— Да нет, ждёт, — я невольно устыдилась случайных слов этого человека, ведь она всегда ждала меня и никогда не осуждала, что бы ни произошло. Всё в ней хорошо, всё отлично! Хотя... может не надо сейчас думать о ней вообще, как-то тяжело на душе становится...

Странный старик подошёл ко мне настолько близко, что явно почувствовался острый запах табака и дождя:

— А что, если вы, Машенька, никогда не сможете вернуться домой, к ней? До тех пор, пока не определитесь, что вам действительно нужно?

Я испугалась, когда он слишком приблизился, и мысли судорожно заметались — надо сказать, чтобы он от меня отвязался — уж очень его слова резали, рвали что-то глубоко внутри.

— Как это не смогу?! Куда мне ещё идти? И вообще, откуда вы меня знаете? Кто вы такой?!

— Да... никто, — в его глазах, как мне показалось, мелькнула искра сумасшествия, — Просто мимо проходил... А вот попробуйте-ка пожить немного, не помня себя и своего дома, в который вы так не хотите возвращаться...

Старик рассмеялся и, развернувшись, тихонько что-то пробормотал, но я не смогла разобрать что... Только моя голова сильно закружилась, а потом предметы смазались, перед глазами замелькали разноцветные круги, а гладкий, чисто вымытый пол

супермаркета вдруг неожиданно оказался очень близко...

— Девушка, девушка... — чьё-то лицо надо мной, — девушка! Очнитесь!

— М-м-м...? Что? — я попыталась приподнять голову и открыть глаза, но со стоном потерпела поражение, снова опустившись на чьи-то коленки.

Чувствовала себя, мягко говоря, хреново — у виска постоянно пульсировала обжигающая боль, тошнило, а тело совершенно отказывалось слушаться меня. Да ещё и кто-то звал... Судя по голосу, вроде девушка... в голове шумело...

А коленки у неё уютные, ручки, что гладят по головке, такие ласковые, нежные...

Я блаженно мурлыкнула и улыбнулась, не открывая глаз:

— Мммм, что?

— Ох, слава Богу, с вами всё в порядке, — голос приятный, но излишне взволнованный, — Я так испугалась! Ведь вы сильно ударились головой, хорошо хоть кровотечение само остановилось...

Я на ощупь поймала её ладонь и прижалась к ней щекой, приоткрыв один глаз:

— Спасибо...

Довольно-таки хорошенькая девушка, с милыми веснушками на курносом симпатичном личике, смущённо заулыбалась и отвела глаза в сторону, но руку не убрала — что я с удовольствием отметила для себя, как хороший знак.

— А как вы... То есть... Извините, как к вам обратиться, не знаю... Как вас зовут?

— А я тоже не знаю... — я попыталась ей ответить, но сбилась... я не врала...

— Что?! Вы так шутите что ли? — девчушка широко открыла глаза и, кажется, явно мне не поверила.

— Нет! — как ни странно, но я действительно не могла вспомнить ничего о том, кто я, как здесь оказалась, какое моё имя и, тем более, где мой дом...

— Но... — она ахнула и прикрыла свободной ладошкой, которую я не держала, свой очаровательный ротик, — Господи, вы наверно, очень сильно головой ударились! И что же делать?!

— Не знаю... — почему-то меня эта ситуация не настолько испугала, как её.

Перед моими глазами мелькали лица разных людей, и постепенно я даже поняла, что вот эта пожилая женщина со смешным милым лицом — моя мать. А вот этот сердитый и серьёзный мужчина — мой отец.

Девушка из служащих магазина, кажется, уже совсем потеряла самообладание и начала причитать.

— Помолчи! — возможно, я сказала это слишком резко, но было необходимо, чтобы она перестала паниковать и позволила мне просто полежать с закрытыми глазами и попытаться вспомнить ещё что-нибудь...

— Да, хорошо, — девушка опять смутилась, покраснела, но так и осталась сидеть на неудобном полу, боясь лишний раз повредить моему самочувствию.

А я всё никак не могла ухватить что-то очень важное... Что-то или кто-то ускользал от меня, когда я подбиралась к воспоминанию об этом человеке. А так хотелось узнать! Сердце сладко сжималось, казалось, что вот-вот, ещё чуть-чуть, и всё вспомнится, но в следующую секунду голова начинала сильно кружиться, и живот сводило от подступающей тошноты.

— Всё. Не могу вспомнить, — я со вздохом села на вымытый пол и только сейчас заметила собравшихся людей, окружавших нас и негромко комментирующих ситуацию, свидетелями которой они случайно стали.

Девушка (на бейджеке я прочитала имя «Дарья Лаксо») окончательно покраснела до самых кончиков ушей, выглядывающих из-под длинных светло-русых волос.

— Спасибо большое, мне уже лучше, — я обратилась к Даше, а потом сделала что-то очень странное: наклонилась, заправив выбившую прядь своих волос, и легонько поцеловала, лишь чуть коснувшись нежной кожи её щеки.

В толпе кто-то заулюлюкал, а кое-где послышалось осуждающее ворчание, но я чувствовала лишь странное переполнявшее меня веселье.

— Ты чего?! — она, наконец, поняла, что я сделала и быстро-быстро встала, заставив меня тоже осторожно подняться, — я не из ЭТИХ!

Я поморщилась от того, как Даша выделила последнее слово, почему-то мне стало очень больно и неприятно от её реакции, но я всё-таки улыбнулась и тепло сказала:

— Просто, такое вот спасибо. Извини, если что не так...

Я слишком поспешно развернулась, отчего закружилась голова и больно дернуло висок, но проигнорировала слова, кинутые вслед:

— Но ты же ничего не помнишь! Куда ты пойдёшь?! Тебе нужна помощь!

Не глядя, я махнула рукой из-за плеча и вышла наконец из этого магазина, попутно роясь в карманах и пытаясь вспомнить ещё хоть что-нибудь.

В джинсах нашла потёртый паспорт, говорящий мне, что меня зовут Мария Юрьевна. В другом кармане обнаружила визитку из парикмахерской — тоже очень старую. К поясу был прицеплен брелок с тремя ключами: большой ключ был от дома родителей — это я почему-то помнила. Маленький открывал почтовый ящик, но вот этот, средний по размеру и серебряный — я всё никак не могла понять — для чего, от какой двери? Осознала только, что он связан с тем самым человеком, который мне, чувствую, безумно дорог, но вот...

Мобильный я решила просмотреть потом, а пока занялась кулоном, висевшим на шее, пытаясь подцепить мелкую защёлку на крышке. И всё никак не получалось сдвинуть её.

— Машка! Маша, привет! — кто-то налетел на меня, крепко обнял сзади за талию и радостно что-то заорал на ухо. Я тоже заорала в ответ, только вот только совсем не радостно, а просто испуганно:

— Что такое?! Ты кто?! — я высвободилась из объятий и в растерянности посмотрела на девушку приблизительно моего возраста, с гривой каштановых волос до середины спины, губами, вызывающими желание поцеловать, тонкой талией, которую так хотелось обхватить...

«Оп-па, да я хочу почти каждую встречную девушку... Это уже становится интересным — а что ещё я забыла?» — я помотала головой, убрав несвоевременную улыбку с лица, и внимательно всмотрелась в лицо стоящей напротив меня девушки. Очевидно, она меня знала, а иначе бы сейчас не стояла недовольная и разобиженная.

— Ты что? Не помнишь? Я же Катька! Мы с тобой тем летом, когда в поход ездили, ну...

— Погоди, не таратрь, сейчас попытаюсь вспомнить, — видя её растерянность, я пояснила, — голова очень болит, поэтому мало что вообще понимаю сейчас...

— А-а-а, похмелье что ли? — она весело и с пониманием подмигнула.

Я лишь покачала головой и сосредоточилась: припомнила кучу палаток на берегу озера, поезд, потом дачу своего друга, вечеринку по случаю дня рождения кого-то мне не знакомого...

Два бокала с недопитым вином, мы с Катей в тёмной комнате отдельно от всей компании, сидим на диване и она курит, хотя пепельница уже полна обломками сигарет. О чём говорили, совершенно не помню. Хотя...

Катя вроде тогда сказала, что покажет интересную вещь, старый прикол, связанный с сигаретами... Помню свою удивление и широко распахнутые глаза, помню что не было уже ни сил, ни желания оттолкнуть её, когда она сделала затяжку, наклонилась ко мне и поцеловала, и лишь затем, не отрывая губ, выдохнула дым мне в лёгкие... А вот потом...

Я смущённо посмотрела на стоящую в ожидании передо мной девушку и кивнула:

— Кажется, вспомнила... Так называемый прикол с сигаретой я долго не забуду.

Катя радостно засмеялась и снова кинулась обнимать меня, но я не знала, куда деть руки и вообще что делать, ведь чувствовала, что не должна отвечать на слишком уж недвусмысленные попытки меня поцеловать, и я пыталась уклониться, как могла. И сердце подсказывало: всё, что сейчас происходит — не правильно, но с ней рядом я смогу вспомнить и понять что-то важное для себя.

— М-м-м-м, у тебя кто-то есть? — она недовольно отстранилась и требовательно заглянула мне в глаза, — а то я совсем не прочь продолжить ту ночь.

— Я... не знаю, честно. Всё так сложно сейчас, — я потёрла висок и поморщилась, задев свежую ссадину.

Катя, наконец, заметила, что я нахожусь в несколько потрёпанном состоянии:

— Что случилось? Машка, ты где так ударилась? Кстати, а поехали с нами, отдохнёшь — тут машина недалеко. Просто приехала к друзьям, отправились за продуктами, а тут я тебя встретила. Пойдём, ребята будут рады тебя встретить, ведь давно не виделись! Ну, пожалуйста, пожалуйста!

— Хорошо, только не кричи ты так, голова раскалывается...

— Ур-раааааа!!!

«Боже, какой эмоциональный человек! — мне опять пришлось чуть повернуть голову, чтобы Катя поцеловала лишь мою щёку, — Пока всё не вспомню, ничего такого делать не буду».

Физическое состояние моё не улучшилось, но от принятого решения внутри разлилось мягкое тепло и возникло чувство, что я поступила правильно.

— Кому всё пишешь-то? — Катя подсела поближе и положила

голову мне на плечо, а я машинально отклонила экран мобильного телефона чуть в сторону.

— Никому. Просто просматриваю записную книжку и читаю смски.

— М-м-м, чего-то ты сегодня какая-то невесёлая. Обычно буянишь и отжигаешь так, что твои похождения люди потом месяцами вспоминают, — она чему-то улыбнулась и вдруг ни с того ни сего лизнула мою шею, положив руку мне на колено...

— Катя! Прекрати!

— Ну, да ладно! Ты вроде, сколько тебя знаю, не хранила никому верность, что же изменилось? — меня резко взяли за плечи и повалили на кровать. Катя легла сверху и попыталась поцеловать, но я извернулась и удержала её руками.

-Сказано: «Нет!» — значит, не лезь! — её поведение меня очень сильно раздражало. Да и вся эта компания тоже. Взрослые уже люди напивались почти до потери сознания, горланили песни, матерились, ругались, кто-то с кем-то дрался, а в соседней комнате уже давно раздавались вполне недвусмысленные звуки и стоны. И вот эта пьянка называется встречей с друзьями? Да все эти люди, если о них ещё можно сказать — люди, безумны!

Живут без какой-либо цели, смысла... Но память ехидно подсказывала мне, что не так давно я считала такой образ существования самым наилучшим, вот только кто-то меня изменил...

— Ну и иди ты! — Катя обиженно села рядом, а я вдруг успокоилась.

— А и вправду, пойду-ка я, — я резко встала и вышла из комнаты, а затем, надев кеды, покинула этих странных людей навсегда. Почему-то не было ни капли сожаления от того, что я кого-то из них позабыла...

Душный вечер, тяжёлая голова, плохое настроение, абсолютное непонимание того, что мне делать и как быть. Конечно, можно было бы поехать к родителям, поймав попутку, но пока не хотелось этого делать. Мне хотелось просто

вспомнить. Да и чувствовала, что родители — это немного не то. Это другой дом, а мне нужно было найти место, в которое звало бы сердце — но память молчала.

Покопавшись в мобильном телефоне, удалось кое-что вспомнить, но, опять же, совсем не то, что хотелось бы.

Да и эта невыносимая духота просто не давала мне дышать! Хотелось пить, очень сильно, но денег уже не было, одна мелочь. Что, в общем-то, неудивительно, ведь я нигде не работала. Видите ли, из принципа. Ха! Как же, из принципа! Просто было лень. Возможность получить хорошую работу была — нужно только восстановиться на последнем курсе универа и сдать пару экзаменов. Делов-то немного, а там и образование закончить, найти работу, благо родители всегда с этим помогут.

Почему же я бросила всё? Ушла, так и не доучившись? Чем думала — не понятно! Странно, раньше всё помнила, но жила, не задумываясь о своих поступках. А сейчас еле обрела воспоминания — и так хорошо понимаю, сколько ошибок натворила... Эх, надо что-то срочно менять в жизни, но ведь надо ещё вспомнить что-то важное. Так хочу вспомнить, что душу выворачивает, а не могу!

Почему-то легче пытаться вспоминать на ходу, блуждая по безлюдным улицам. Ноги болят, жарко. Постепенно, правда, воздух холодает, и поднимается сильный порывистый ветер, а значит — скоро будет очередная гроза.

Тут я вновь вспомнила о кулоне у себя на шее и попыталась его открыть. Для этого пришлось даже присесть на какую-то лавочку, чтобы ничего не отвлекало от кропотливого занятия.

— Так... Ну, давай, ещё чуть-чуть... Чёрт, ноготь! — ругаясь и кляня всё на свете, я провозилась ещё минут пять, прежде чем удалось подцепить крышку и открыть её.

— И кто же ты, красавица? — я рассматривала фотографию, а сердце почему-то радостно билось в груди, да я ещё и улыбалась, сама не понимая почему.

Девушка на фото в кулоне казалась мне идеалом: веснушки на лице, симпатичные губки, широкая открытая и добрая улыбка, горящие жизнью тёмно-голубые глаза, вьющиеся, чуть

взлохмаченные волосы.

Чем-то Даша, девушка из магазина, да и Катя тоже, внешне были на неё похожи, но… вот именно эта девушка с фотографии и заставляла меня рвать душу в надежде вспомнить имя. Она — мой ангел…

— Люблю…Люблю… — лихорадочно повторяла снова и снова, — Так… хочу… к тебе… Хочу домой… — я заплакала, как в детстве, когда потерялась, а мама потом долго на меня кричала, потому что тоже испугалась. А мне было страшно от пережитого, но хорошо, и я улыбалась сквозь слёзы — ведь меня нашли.

Вот и сейчас я безумно хотела — глотая слёзы, размазывая остатки косметики по лицу — чтобы меня нашла она, та девушка, моя любимая…

— Хочу… домой… — я согнулась пополам и упёрлась головой в коленки, судорожно всхлипывая. Так устала, что не было сил, только слёзы и просьбы, обращённые непонятно кому — позвольте вернуться домой!

Снова заболела голова… Спустя некоторое время, когда я немного успокоилась и взяла себя в руки, зазвенел мобильный.

— Да, — я ответила тихим голосом, почти что шёпотом, стараясь не выдать того, что плачу. Не хотелось бы сейчас объясняться с кем-то мне не важным…

— Привет, — чистый, взволнованный голос, полный заботы и нежности, — я помню, что ты не очень любишь, когда я тебе названиваю, но… Машуль, с тобой всё хорошо? Объявили штормовое предупреждение — я волнуюсь. Может, домой пойдёшь?…

Я слушала и глупо улыбалась, но на последней фразе не выдержала и просто снова заревела.

Срываясь и комкая слова, попыталась рассказать ей всё, что сегодня случилось. Странно, но я хотела выговориться, и совсем не задумывалась, что она мне не поверит — хотя любой другой точно решил бы, что это глупая шутка. Но она всё терпеливо выслушала, успокаивая, говоря нежные слова. Она мне верила… Даже не так, не верила, а просто… безгранично доверяла…

и любила.

— Маша, успокойся, милая! Всё хорошо, я, кажется, знаю, где ты находишься. Часто там люблю гулять. Пройди по улице дальше, там будет парк. Найдёшь памятник, что в самом центре, будешь ждать. Я буду через пятнадцать минут — возьму такси. Только не волнуйся! Давай, жди!

— Угу, жду...

Я хотела ещё что-то добавить, но она уже повесила трубку. Впрочем, это всё уже было не важно — воспоминания начали потихоньку возвращаться.

Дождик начался робко, несмело, небольшими капельками покрывая асфальт, по которому я бежала сломя голову. Бежала и вспоминала то, как встретила её в кино, как познакомилась, как мы долго-долго дружили, пока я не выдержала и первая не поцеловала её. Вспоминала, как часто она мне помогала, заботилась, а я зачастую платила равнодушием и воспринимала всё как должное, вела себя снова как до встречи с ней, беззаботно — убегала, пропадала днями... Но всегда возвращалась. Жалкая, уставшая, противная самой себе, но всегда приходила к ней и засыпала в тёплых объятьях. Просто знала, что она любит меня, но так и не сказала самого главного...

А дождь уже набирал обороты и превратился в настоящий ливень, сплошной стеной смывая дневную жару, грязь и пыль. Ничего не видя перед собой, я бежала вперёд, как будто знала, что она уже стоит и ждёт, что она не могла не прийти. Странно, но даже не возникло сомнения, что она, словно ангел-хранитель, могла мне не помочь. Хоть я и понимала, что, возможно, на её месте уже бросила бы такую как я на произвол судьбы. Нашла бы того, кто ценил бы меня и заботился, а не вёл себя, как сволочь!

— Какая же я дрянь... Да как я могла так?! — наконец появилась ограда парка, а затем и обещанный памятник...

Но никого не было! Я посмотрела на мобильный, приставив руку козырьком над экраном, чтобы потоки дождя не залили его. Прошло уже больше пятнадцати минут! Где же она?!

— Не придёт... — я поняла это после того, как прождала под

холодным ливнем ещё четверть часа, постоянно смотря на часы.

— Так мне, твари, и надо! — я села на корточки, крепко обняла себя за плечи руками и снова заревела, подставляя лицо дождю, позволяя очистить себя от грязи.

Пусть он льёт, пусть никто не видит меня, пусть я никому не нужна — сама виновата! Во всём виновата только я одна — я недостойна её! Никогда не была... Глупый потерянный ребёнок, глупый и жестокий...

Я почему-то улыбнулась, а на душе стало теплее и приятней. Даже просто мысли о ней грели меня, не давая окоченеть под тяжёлыми струями дождя. Казалось, что что-то изменилось... Я сама смогу измениться, смогу стать лучше, сильнее! Для неё...

Я широко улыбнулась и стряхнула с лица капли воды вместе со слезами: хватит себя жалеть, пора что-то менять.

Встала — и с удивлением поняла, что ураганный ливень благополучно кончается, унося с собой что-то неприятное, от прошлой меня. Так легко, как никогда раньше! Это правильно, что она всё-таки не пришла... Ведь когда-то я должна научиться жить самостоятельно?

— Вот и хорошо...

— Маша! Маша!... Прости, пожалуйста!... Я... никак не могла... поймать такси... пришлось бежать к метро!... — Оля устало прислонилась к памятнику спиной и пыталась отдышаться. Вся раскрасневшаяся, промокшая насквозь, со спутанными и растрёпанными волосами, она казалась мне самой прекрасной в этот момент...

— Я тебя люблю! — я, наконец, смогла вклиниться в её беспорядочную речь и сказать самое главное, что не хотела признавать. Увидев растерянную, но чертовски радостную и удивлённую улыбку, нежно поцеловала любимую. Так, как будто в первый раз...

— М-м-м, если бы я знала, что нужно всего лишь раз опоздать, чтобы услышать от тебя эти слова, то заставила бы тебя ждать ещё часик, — она улыбнулась и прижала меня к себе, даря так нужное мне сейчас тепло.

Но в этот раз я знала, что тоже грею её, отвечаю на улыбку искренней улыбкой, на заботу ответной лаской, на любовь ещё большей любовью...

— Я тебя люблю, — Оля прижалась ко мне, позволяя себя обнять, и ласково уткнулась в плечо, чтобы я не видела её счастливой улыбки и нечаянных слёз.

— Чудо, пойдём домой, а? — с каким наслаждением я это сказала, кажется, спустя целую вечность...

— Угу. Идём! — самая чудесная девушка на свете улыбнулась мне и взяла меня за руку, чтобы я точно не потерялась больше... никогда.

***

— Кстати, а что за памятник-то? Этого скрюченного старика с нелепой бородкой я, кажется, где-то видела...

Я удобно села в мягкое большое кресло и притянула Олю, крепко обнимая и мысленно защищая своего ангела от всех бед мира. Я наконец-то снова учусь в институте, а вечером работаю, хоть и тяжело. Мне приятна эта мысль — вот теперь я действительно независима.

— Памятник, в парке? Да, философ какой-то не очень известный. Помню, что он что-то написал про взаимоотношения людей... Ещё про семью что-то... Намного опередил современников... Можно сказать, психолог... Хоть и не говорили так в его времена... Давай спать, а? — она сонно прикрыла глазки, что-то ещё невнятно сказав в полудрёме, и сладко устроилась рядом со мной.

А я задумчиво посмотрела в тёмное ночное окно, за которым снова начинался дождь, и улыбнулась:

Одна зимняя ночь
Автор : Сулмор, Dark_Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Angst

Размер : min

Описание :

Странная вещь - поступки, продиктованные чувствами, когда интуиция берёт верх над логикой, над стереотипами, столь крепко сжившимися с нашим сознанием, как театральная маска... Мир вокруг становится странным и сумбурным. Что есть реальность, а что - сон разума? И в какой момент становишься честнее по отношению к себе?

Дисклаймер :

-

«Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...»

Сергей Есенин «Чёрный человек»

— Поговорим? — он садится напротив меня и внимательно смотрит, пытаясь разгадать мои мысли.

Но, увы, равнодушно-ироничная маска так прочно пристала к лицу, что слишком больно будет отдирать.

— Нет, — мотаю головой и отвожу взгляд.

— Почему? — волнение в голосе и, я чувствую, звенят нотки обиды.

— Устала, — и это правда, пожалуй, единственная, сказанная мной за весь вечер.

Он поднимается с удобного кресла, чтобы опуститься передо мной на колени. Как мило. Едкая ухмылка помимо воли искажает моё лицо.

Он смотрит на меня, пристально, в глаза, и мне становится снова не по себе. Я чувствую себя последней скотиной, но собрав побольше злости в кулак, отталкиваю его от себя.

Ему больно, наверное. Но я слишком малодушна, чтобы

смотреть ему в глаза.

Быстро накидываю куртку, надеваю ботинки, длинный шарф, и нервным движением закидываю рюкзак за плечи.

— Выходи за меня... — его ласковый голос тихо резанул мне по нервам, заставил вздрогнуть и придержать дверь. Секунды сомнений... Нет, задумываться сейчас не время...

Ничего не говоря, закрываю за собой дверь — и бегу, бегу, бегу...

Перила, ступеньки, площадка, окно... Ступеньки, через три, вниз, к мнимой свободе. Кажется, что ещё можно убежать, ещё не защёлкнут ошейник, и можно спастись. Ещё ступеньки, тёмная нижняя площадка, дверь... Наконец-то!

Вдыхаю острый зимний воздух, резко, так, что кажется будто лёд внутри...

Светлое вечернее небо... Интересно, сколько сейчас времени? Чувствую себя безумно усталой... Еды бы надо бы купить на завтра...

— Ну, конечно, думай о чём угодно, только не о нём, — опять душу свою совесть, опять ехидная усмешка, жалостливый всхлип носом и бездумные шаги вперёд. Всё равно куда — лишь бы идти.

Метро. Монотонный шум успокаивает чувства, пустые сиденья, темнота за окнами вагона...

Стук колёс замедляется, лёгкий толчок, и равнодушный женский голос объявляет очередную станцию. В вагон заходит мужчина лет тридцати, но на лицо он выглядит на все пятьдесят: двухдневная щетина, забитый взгляд, морщины и круги под глазами. Следом молодая девушка, устало садящаяся на первое же ближайшее сиденье. Интересно, чем она так привлекла моё внимание?... Джинсовая одежда, рюкзачок, наушники... плеер так громко играет, что можно расслышать часть слов. Я прислушиваюсь и думаю, что это, скорее всего, звучит рок.

Заходят ещё несколько людей, таких же серых и непримечательных в общей суете, и в тоже время — особенных.

Каждый из них чем-то отличается от соседа, у каждого в глазах своё счастье, печаль, боль, надежда. Кто-то любит сидеть, положив одну ногу на другую, кто-то предпочитает стоять и держаться за поручень. Такие разные, вроде бы обычные, но попробуй узнать их получше… Попробуй стать ближе, и, если они позволят, увидишь их глазами совсем другой мир… Совсем иные взгляды…

На какое-то время я чувствую единство с ними со всеми, со своими случайными попутчиками. Мне хочется взглянуть на себя с их точки зрения, поймать искажённое отражение в тёмном окне вагона. Кажется, так легко оставить своё тело и стать на секунду другим человеком. Так легко и так просто.

«Странное стремление найти себя в другом… Как будто не хватает части меня… А что же вроде как обретённая свобода?» — я задумываюсь и всё же немного улыбаюсь, представляя, что возможно сейчас зайдёт тот единственный человек, который действительно будет моей судьбой.

Эта мысль мне нравится. Случайности, стечения обстоятельств, жизнь как игра.

«Кто зайдёт сейчас в вагон первым, тот и есть моя мечта, вторая половинка меня».

С нетерпением жду, когда же стук колёс замедлится, вагон легко качнётся и двери откроются…. Жду… Адреналин в крови поднимается, сердце стучит всё сильнее, как будто вот-вот…

Иногда необходимо верить в чудо, просто взять и поверить…

Стук колёс замедляется, сердце бешено колотится со скоростью миллиарда мыслей в минуту…

Неуместно равнодушный сейчас женский голос, пронзительный звук останавливающегося состава, двери открываются и… никто не заходит… станция пуста…

Разочарование, странное ощущение потери и совсем немного облегчения. Чувство обиды — совсем как в детстве, — больно, хочется заплакать и обнять себя руками, крепко-крепко.

Женский голос объявляет о следующей станции. По-прежнему

смотрю на двери.

Я успеваю заметить, что к вагону подбегает девушка, наверно моя ровесница, но буквально на доли минуты не успевает, двери захлопываются перед ней. Единственное, что я чётко запоминаю, это шляпка, съехавшая ей на глаза, и длинный чёрный шарф. Я еду дальше, а внутри пустота.

«Значит, это судьба», — от такой мысли всё во мне переворачивается, сжимается и кричит от боли обречённого на одиночество. Ненавижу себя за эти чувства! Глупо, нелепо... Да плевать сейчас на логику!

Я выхожу на следующей станции. И жду... Долго.

Ругаю себя, на чём свет стоит ругаю и жду. Секунды идут, как и шли, как обычно, не спеша и не опаздывая. Времени нет дела до моих проблем, моих чувств. Время вообще очень равнодушная особа.

Вскоре слышится звук подъезжающего поезда.

Где же? Где? Где та девушка в шляпе и длинном чёрном шарфе?

Бегу к другим вагонам, но там тоже пусто, никого. Обследовать их все мне не хватает времени, а в тех, куда я успела заглянуть, её нет.

Равнодушный женский голос... Двери закрываются.

Устало прислоняюсь к холодной мраморной колонне и закрываю глаза. Так больно и грустно...

Я срываюсь с места к выходу из метро, бегом, быстрее, выше...

«Мы ещё повоюем!» — сжимаю зубы и перепрыгиваю через две ступеньки.

А в спину меня подталкивает сквозной ветер — ему интересно видеть метанья обречённых, поддерживать людей в их пустых надеждах, а потом нашёптывать их смешную до слёз историю тем, кто умеет слушать.

Выбегаю на улицу и растерянно замираю.

Закрываю глаза и позволяю чувствам взять верх, что не разрешала себе года два-три. Отпускаю себя... Маска равнодушия даёт еле заметную трещину, с краю, у виска...

Гул машин... Громкие разговоры пьяных людей, крики молодёжных компаний... Нервный стук каблучков спешащей куда-то женщины...

Делаю неуверенный шаг... Холодная логика, что уже привыкла править моим миром, вкрадчиво шепчет: «Остановись. Поверни назад. Это глупо — теряешь время. Вернись к нему. Он тебя любит. У него квартира. Своя фирма. Приползи к нему и извинись. Прекрати идти прочь».

Я не иду — я бегу...

Сегодня балом правят чувства, так глупо неожиданно проснувшиеся жалкие чувства. Что-то подсказало мне сегодня убежать от него, ведь не люблю, а только позволяю.

И это что-то просит меня бежать, рвать себя на части ради призрачной надежды — найти.

Я бегу и смотрю в глаза редким прохожим, спрашиваю взглядом: это была моя судьба, или — просто воображение? Мне кажется, что если я не буду смотреть на каждого проходящего мимо, то обязательно упущу своё счастье, чего-то не замечу.

Я бегу, следуя за интуицией, за сердцем. Сворачиваю в немыслимых местах, пробегаю мимо тёмных страшных дворов, арок, парков... Каждый шорох, посторонний звук кажется мне чем-то иным, необъяснимым... А эхо своих же шагов больно отдаётся в груди — кажется, что она бежит за мной. Та девушка в забавной шляпе и слишком длинном шарфе.

Двигаться дальше стало слишком сложно, тяжело, поэтому просто иду быстрым шагом. Иду, улыбаясь.

Потому что вспомнила детскую игру, казаки-разбойники. И мне почему-то кажется, что те наивные солнечные летние дни воплотились в этом нелепом и холодном зимнем вечере. А тайны спрятались, но любезно стрелочками нарисовали путь к мечте, к свободе. К ним. Но увидеть подсказки можно, только если не думать, а чувствовать. И улыбаться.

В висках ноет, ноги заплетаются, кругом темно, ведь на небе совершенно не видно ни луны, ни звёзд.

Иду, на лице улыбка, а слёзы одна за другой...

Маска тихонько трещит от мороза, но я впервые за долгое время прислушиваюсь к стуку сердца.

Спотыкаюсь и падаю. Больно, но терпимо, я поднимаюсь с промерзшей земли и сажусь на колени, смотря вверх, в тёмное-тёмное зимнее небо. Замечаю робкие первые снежинки. И наравне со стуком сердца слышу тихую музыку, откуда-то слева и дальше...

Вскакиваю слишком резко — голова кружится. Сцепляя зубы, пытаюсь понять, где играет музыка, и срываюсь, бегу на источник манящего звука.

Странный клуб — его почти не видно за деревьями. Либо закрытый, либо для знающих. Либо для таких, как я, которые сошли с ума всего за один вечер...

Захожу внутрь. Всё очень обычно, этот факт меня даже немного разочаровывает, ведь сегодня мне хочется чудес, хочется загадок и исполнения всех тайных желаний. Желаний, что долго-долго травила в себе, думая, что я и есть хозяйка своей жизни.

Сдаю вещи и жду, когда принесут номерок. Взгляд скользит по курткам других людей и... натыкается на злосчастную шляпу... Совпадение? Случайность? Судьба... и сладко ёкает сердце...

Прошу бармена налить мне чего-нибудь покрепче, чтобы сегодня уж точно до конца расслабиться. Чтобы самоконтроль, чтобы проклятая мной логика полетели к чертям! Чтобы всё было,

как в тех глупых сказках...

Залпом пью, не глядя. Горло обжигает будто огнём — да что он мне налил?! Неважно.

Музыка зовёт, отталкиваюсь от барной стойки и почти падаю в толпу танцующих людей. Как давно я не танцевала? Как давно не отдавала себя ритму рваных движений, мерцанию огней, искусственному туману, что душит с непривычки? Плевать... Сегодня балом правят чувства, отдавая дань слабому к искушениям телу.

Приятное тепло разливается по венам, кожа покрывается мурашками, и волоски на руках встают дыбом из-за резкого контраста между холодной улицей и жарким залом...

Мелькает светомузыка... Танцевать так, как будто умеешь... Так, как хочется... Ведь никто не осудит, для них ты тоже — никто.

Поэтому всегда так обидно, когда кто-то для тебя совсем не важный вдруг вмешается в твою жизнь, войдёт, потопчется, наследит и исчезнет, не оставляя после себя ничего, кроме чувства разочарования. Так больно — начинать судить о людях по этому человеку. Это как смотреть изображения великих картин на фотографиях. Чувствуешь — ведь совсем не то, отражение неба в луже, бледная копия, фальшивка!

Вот так и сейчас кто-то случайно толкнул меня, сильно, и вроде извинился. А может и нет, может это всего лишь показалось — только заметно, что губы шевельнулись. Музыка звучит слишком громко, можно и не трудиться думать о вежливости, правильности манер и поступков. Ведь никто не услышит. Никто не узнает.

Мысли, проскальзывающие почти бесконечной чередой, мгновения как вечность... я ведь падаю... Но, если верить, то обязательно поймают. Ещё доли секунды — и чьи-то нежные руки держат.

Я поворачиваюсь и первое, что вижу — яркие зелёные глаза. Их нельзя не заметить, даже при таком освещении. Они сами горят — жизнью, страстью, мерцающим светом звёзд... А потом уже понимаю, что в нелепой позе стою рядом с потрясающе

красивой девушкой, которая улыбается мне. Я не слышу, но читаю по её губам: «Держись!»

А я и держусь за неё, так же, как и она, шепча громче музыки: «Спасибо!»

С тайным желанием никогда её не отпускать — потихоньку отодвигаюсь... вспоминаю вдруг всё привычное, цепляюсь за него: логика, разум, маска, чтоб их!..

Но она странно улыбается и — смотрю на движения её губ — вроде предлагает: «Потанцуем?» Не уверена, но киваю, и девушка с потрясающими зелёными глазами вновь притягивает меня обратно к своему горячему телу.

И, похоже, ей не важно, что играет быстрая музыка: движения независимы от неё, но в то же время непостижимым образом со звуком гармоничны — мы танцуем медленно, близко, нежно...

Её руки на моей талии, а я обхватываю руками её шею. Запускаю пальцы ей в волосы, провожу другой рукой от шеи до ключицы, мягко возвращаюсь назад, ласково, но несколько несмело дотрагиваясь до кожи. Всё так, как будто раньше не было ничего, не было никаких переживаний и ошибок, как будто начинаю жить заново. Улыбаюсь — её очередь играть.

Она наклоняется к моему уху, касаясь меня щекой, как будто хочет поделиться сокровенной тайной. Потом, словно передумав что-то говорить, наклоняется ещё ниже и устраивает голову на моём плече. Я уже не чувствую запаха её тела — слишком людно, слишком много дурацкого тумана, который перебивает вкус. Зато чувствую, как её волосы щекочут мои губы, лицо...

А потом чувствую прикосновение тёплых губ к шее — её надоело играть в невинность. Я теряюсь. Разум пытается достучаться до меня, говоря, что так нельзя, и призывая открыть глаза и посмотреть. Ведь это девушка!.. Улыбаюсь, а что делать?.. Ну не слышно же ничего в этой музыке! А разума и тем более не слышно!

Она прикусывает кожу, постепенно усиливая нажим, то отпускает, то снова кусает, следуя бешеным ритмам музыки. А я наконец-то окончательно теряю контроль от удовольствия, от близости её тела, от уверенных рук, так нежно и так

неторопливо пробирающихся мне под кофту. Я вспоминаю про время и неожиданно для себя улыбаюсь — слишком медленно!

Сжав в руке пряди её волос, осторожно, но всё же слишком резко отрываю её от себя и, посмотрев в невероятно растерянные глаза, целую в губы.

Она с силой прижимает меня к себе, не оставляя уже никаких шансов вырваться и убежать. Да и, собственно, зачем? Так приятно чувствовать её язык, покусывать мягкие губы, не видеть, но чувствовать улыбку...

Целуемся бешено, губы немеют, ритм дыхания становится слышен через звук музыки, или это только кажется?.. Кто бы знал, как мне этого не хватало! Все эти условности, рамки, правила, попытки зацепиться за холодное мышление — всё это лишь наигранная ложь... А сейчас...

Может, ей захотелось чего-то большего? Не знаю. Но она вдруг оторвалась от меня и, взяв за руку, потянула куда-то. Я же покорно пошла за ней. Только один раз вдруг вздрагиваю, когда вдруг вижу двух таких же девушек, держащихся за руки и идущих куда-то. Только через минуту до меня доходит, что это было просто обычное зеркало. Но почему у меня такое грустное и по-детски удивлённое лицо?

Она затащила меня куда-то на нижние подвальные этажи — пустые бетонные стены, сырость, каким-то странным гулом слышится ритм музыки наверху. Зачем? Тут не грязно, но мне неуютно.

Зеленоглазая незнакомка становится настойчивей и уже расстегивает мои джинсы, другой рукой лаская грудь, и оставляет страстными поцелуями следы на шее. Мне нравиться, но...

Хлопает дверь в конце коридора, и я распахиваю глаза. Вижу буквально мельком, что зашла девушка, но, увидев нас, что-то пробормотала и быстро ушла. Лица её я не заметила — слишком быстро, да и на другое отвлеклась. Только вот возникло небольшое подозрение...

Я забываю о своём наваждении, выскальзываю из объятий и бегу. Догоняю странную девушку только на лестнице.

— Скажи, а в чём ты сюда пришла?

— Разве это так важно? — она шепчет хриплым голосом, я вижу на ней небрежно накинутый и почти уже сползший вниз от быстрого бега чёрный шарф. На лестнице темно, и я страшно жалею, что опять не могу разглядеть её лицо. Голос дрожит, но через силу спрашиваю:

— Ну, а всё-таки..?

— Ну, плащ, шарф, шляпка... странно, правда? Сейчас их почти никто не носит, но я люблю шляпки...

Моё сердце радостно бьётся... Нашла!..

— А давно ты в клубе находишься?

— Да с самого вечера! Было скучно, но увидела тебя... Но ты ведь не хочешь знать меня... — в её голосе слёзы.

Я наклоняюсь и хочу её поцеловать, но она отталкивает меня. Со словами «Прости!» выбегаю наверх, к выходу из клуба...

Она хочет мне помешать, что-то кричит вслед, но я не успеваю расслышать — уже выбегаю на улицу.

Метель завывает, яростно бросает снег мне в лицо, толкает назад, но я бегу вперёд. Всё кажется, что где-то иногда мелькает одинокая фигура в съехавшей на глаза шляпке и длинном чёрном шарфе.

Как же холодно! Тонкие перчатки совершенно не греют... Рюкзак мешается при каждом движении, всё норовя сползти с плеча. Так неудобно, так стыдно, так глупо бежать за ней... за чем бежать? За мечтой, за судьбой? За... собой... за второй половинкой себя?

Поворот, ещё один, сквозь арку, перехожу почти на бег, эхом гулких шагов пугая серых кошек. И восхищённо замираю...

Мост. Ночной, весь в огнях, окутанный волшебной бесовской метелью. Стою с открытым ртом, а в груди защемило от переполнившего чувства... сказки, нереальности, яркой до неуместности красоты — среди привычной и надоевшей

обыденности... Мир вокруг так прекрасен, но с детства нас учат быть как все, следовать определённым целям, носить привычную для общества одежду, тёмные очки и наушники. Скрывать себя... Чтобы, не дай Бог, не почувствовать, не услышать, не заметить...

Иду вперёд, на мост, глубоко дыша. Уже как-то не замечаю холода, метания ветра, словно взывающего и молящего о чём-то...

Чуть не сбивает машина, но я лишь недовольно морщусь от слишком громкого противного гудка. Решаю перейти мост — на другой стороне высокие и залитые светом здания, хоть какая-то иллюзия защиты от холода...

Иду и замечаю одинокую цепочку следов, которые уже с трудом различимы под свежим снегом, однако по-прежнему видны на фоне гладкого снежного покрывала моста. Сердце относится к открытию уже довольно равнодушно — слишком устало надеяться, переживать, сбиваться с привычного ритма... Оно и так знает, что это конец моего сегодняшнего пути... Что скоро я найду то, что так долго искала...

Вижу девушку, стоящую на широких перилах моста. Мне страшно, но ей, похоже, очень нравится своё неустойчивое положение. А ветер... он как будто наоборот не мешает стоять, а защищает её, держит и не даёт упасть. Я подхожу и облокачиваюсь о перила, смотря вниз, но ничего не могу увидеть. Только пустоту и завывающую тьму внизу...

— Залезай! — она протягивает мне руку, а я качаю головой — мне страшно. К тому же шляпа у неё опять съехала на глаза, и я не могу разглядеть её лицо.

— Трусишка! Ты всегда всего боишься! — девушка с немного кривой, но счастливой улыбкой протягивает мне руку.

— Неправда!

— Правда. Я не могу тебе врать, — присаживается рядом со мной, спиной к пропасти.

— Почему? — я боюсь смотреть на неё, а ещё больше боюсь, что она упадёт вниз из-за шального порыва ветра.

— Потому что тебе — врать не могу, — в голосе

её недовольство, я чувствую, что она хмурится, — Зачем ты искала меня?

— Я увидела тебя и...

— Решила, что я твоя судьба? — я совсем не могу понять, какие эмоции звучат в её словах... Кажется, что она сейчас зла на меня...

Киваю. Не о такой встрече я мечтала, когда задыхалась от бега этой ночью.

— Глупо... Ну сама подумай же — глупо!

— Почему ты так уверенно обо мне судишь?! Ты меня совсем не знаешь!

Она смеётся и чуть не падает, а я судорожно хватаю её за руку, чтобы не потерять так внезапно и бездарно.

— Насмешила! — судя по голосу, ей всё равно, что она чуть не упала, а у меня так скоро и сердце не выдержит, в груди уже болит от чувств и постоянного бега... за кем? За судьбой? Или от себя?..

— Ты что, так и не поняла моих подсказок? Неужели не заметила?

— Чего?

— Залезай, — она даёт мне вторую руку, и я почему-то с готовностью хватаюсь за неё. С трудом, но я забираюсь на высокие каменные перила моста.

— Кстати, никогда не замечала, что у нас в городе есть этот мост. А вроде и гуляла тут часто, — я держусь за её руки крепко-крепко, дрожа от страха и холода.

— А его и нет, — совершенно уверенная интонация, словно она произносит неопровержимую истину.

— Не говори ерунды! Мы стоим на нём, значит, он есть!

Она снова смеётся и вдруг резко разворачивает меня

вплотную к себе. Я теряю на мгновение равновесие и закрываю глаза, успевая заметить, что её шляпу срывает ветром.

— Посмотри на меня.

— Не-а, — мотаю головой и зажмуриваюсь сильнее. Не хочу смотреть!

Почему? Почему не хочу, почему так страшно? Не знаю...

— Но ты же так хотела меня найти и увидеть. Открой глаза...

Я медленно открываю и вижу... отражение себя. Только чёрные глаза, бесчувственные, пугающие, и злая усмешка, да чёрный длинный шарф.

— Не повторяй ошибок, — она зло скалится и толкает меня вниз с перил, прямо в тёмную пропасть...

Маску срывает ветер и уносит куда-то, да мне уже и не важно... Мне просто страшно... страшно до безумия, мне жалко себя, свою жизнь, жалко даже нелепых горьких воспоминаний... Я кричу...

— Проснись! Проснись! Эй! — он трясёт меня, а я открываю глаза, то ли с облегчением, то ли с ужасом понимая, что по-прежнему сижу в мягком удобном кресле. Уснула, разморило после двух бокалов вина и сытного ужина... Кошмар. Всего лишь пустой глупый сон...

— Я так испугался, когда ты начала кричать. Не пугай меня так! — интонация заботы в голосе, но только гораздо сильнее от этого заметно моё безразличие. И странный сон не отпускает, всё ещё держит, словно напоминая о чём-то очень важном, но забытом в суете...

— Скажи хоть что-нибудь? — он стоит на коленях и смотрит прямо мне в глаза.

«Не повторяй ошибок...» — тихий шёпот из сна. Пора что-то менять...

— Извини. Но я от тебя ухожу. Навсегда, — на этот раз не отвожу малодушно глаза и смотрю прямо на него, пытаясь

отыскать намёк на страдание, боль от моих слов. Но... ничего, пусто, только лёгкое разочарование: что-то привычное внезапно изменилось... Мне кажется, что я почти вижу, как мысли его скачут в попытках разобраться, что же произошло. Значит, правильно.

— Почему? Что не так? — удивление и непонимание на его лице, и никакой боли.

Я встаю с кресла, одеваюсь и открываю дверь, чтобы просто молча, сразу, не оглядываясь захлопнуть её. Уйти, потому что не любила... Потому что — позволяла себя любить.

Спускаюсь вниз, особо не спеша никуда, выхожу на улицу и полной грудью вдыхаю морозный воздух — красота! Голубоватое зимнее небо, без единого облака, пустое, но светлое, как новый лист в моей жизни. И хорошо-то как... солнце... и не надо мне больше никакого притворства и масок... искренне улыбаюсь.

Гуляю по городу, почему-то такое лёгкое настроение. Хочется летать, прыгать, смеяться и смотреть на небо. Впервые за столько лет я жива! Как я могла забыть, что жизнь — это такая классная штука! И когда я успела перестать радоваться тому, что существую? Почему? Да и так ли это важно?..

Я смеюсь, но вдруг замираю — чего-то не хватает... Что-то я забыла...

— Девушка, извините, но я не могу найти обратную дорогу и, кажется, уже начинаю замерзать... — я оборачиваюсь на чуть хриплый голос, — вы не подскажете, как отсюда до метро добраться?

Большой тёплый красный шарф, без шляпы, яркие зелёные глаза, улыбка и...

— Конечно! Я даже могу вас проводить! Кстати, я Маша, — улыбаюсь и протягиваю руку для знакомства. Она широко улыбается в ответ и некрепко, совершенно по-девичьи пожимает протянутую руку...

Вот теперь всё правильно. Теперь я буду самой собой... Теперь я — живу.

Единственное желание
Автор : Сулмор
Бета : Dark Flame
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : midi
Описание :

Заблудившись в большом городе, девушка-студент встречает незнакомку, которая на ее глазах падает в обморок прямо на снег. Сама не понимая почему, она решает помочь ей...

Дисклаймер :

Все права на персонажей принадлежат их создателям.

Не спеша, иду домой, слушая старенький плеер, который работает, только если им хорошенько постучать перед использованием обо что-нибудь твёрдое. Но не суть, работает — хорошо, нет — когда-нибудь я его обязательно отдам в ремонт, честно.

Сегодня начинаются мои зимние каникулы, а я почему-то единственная из всей нашей группы не рада этому. Я не заучка, но не знаю... Наверное, я настолько уже привыкла к динамичной жизни студента, что боюсь просто свихнуться от такого большого количества свободного времени.

Допустим, завтра я устрою генеральную уборку, благо соседка уедет к родственникам, и мой труд не будет напрасным. На следующий день можно прошвырнуться по магазинам. Потом встречусь со всеми друзьями, которых давно не видела. И всё. Больше делать нечего. Хотя можно, наверное, будет попробовать поискать работу. Но и это не вариант: каникулы всего две недели с лишним. Ладно, как говорится: хочешь рассмешить богов — расскажи им свои планы. Так что, не буду загадывать наперёд. Вот сейчас приду домой, выпью кофе, залезу в Интернет...

Стоп! А где я вообще нахожусь-то?!! Удивлённо оглядываясь, понимаю, что за размышлениями я совершенно не следила за тем, куда иду. И как следствие — заблудилась. А всё из-за

ремонта дороги: приходится делать крюк по пути к дому, ну, и такие растяпы, как я, становятся жертвой мегаполисов, пустынных страшных дворов и зимних тёмных вечеров.

Одно утешает — я должна быть где-то рядом с домом. Осталась малость — найти здесь хоть кого-нибудь, кто не будет похож на маньяка и спросить дорогу.

Чёрт! Вот так всегда — стоит мне расслабиться, уйти в себя, как я тут же попадаю в неприятности.

— И за что мне всё это? — спрашиваю у безучастного тёмного неба. Оно молчит. Ну и фиг с ним.

Пытаюсь сориентироваться и наугад иду в какую-то арку — я вроде оттуда пришла. Иду и понимаю, что что-то не так, тихо как-то. Блин!

Путаясь в проводах, достаю плеер из кармана и тупо смотрю на погасший экран. Всё. Не везёт. Со злости пинаю банку из-под колы и... поскальзываюсь на невидимом под снегом льде.

Вот тут я не выдерживаю и начинаю ржать во весь голос. Смеюсь долго, пока меня не окликает чей-то насмешливый, но какой-то отстранённый, слегка даже неживой голос:

— Может, всё-таки уползёшь с дороги?

Я поворачиваю голову и просто теряю дар речи. Надо мной, скрестив руки на груди, стояло нечто: пепельные волосы, льдисто-серые глаза, миниатюрная фигура в сочетании с небольшим ростом давали потрясающий эффект. Но это всё ерунда, это чудо почему-то зимой вышло на улицу в одних рваных джинсах, тоненькой кофточке и длинном шарфе.

Я торопливо встаю под её надменным взглядом и уступаю дорогу, при этом снова оступаюсь и падаю в соседний сугроб.

— Меньше пить надо, девушка, — усмехается и презрительно смотрит на меня.

— Я не пила! Я просто заблудилась! — не знаю почему, но мне хочется перед ней оправдаться.

— Не важно, — она небрежно машет на меня рукой и проходит мимо.

— Подожди, пожалуйста!

Я наконец-то выкарабкиваюсь из сугроба и догоняю её.

— Слушаю, — она чуть поворачивает голову, показывая, что видит меня, но продолжает идти вперёд. Впрочем, это не удивительно, я даже в тёплой куртке мёрзну, а что говорить о ней: если она остановится, то точно окончательно окоченеет. Вон как дрожит вся, бедная.

— Скажи, как отсюда добраться до улицы N****? — она недоумённо смотрит, и я решаю пояснить, — Ну, которая рядом с центром этим новым...

— Тебе в противоположную сторону.

Б-р-р-р, робот, а не человек. Может, у неё от холода все эмоции пропали?

— Спасибо, — благодарю за помощь, хоть и не уверена, что она сейчас меня вообще видит.

Идёт дальше быстрыми шагами, но немного шатающейся походкой. А я стою по колено в сугробе, и смотрю, и не могу заставить себя повернуться, чтобы навсегда вычеркнуть из воспоминаний эту высокомерную, гордую, надменную и холодную девушку.

Вижу, как она звонит в домофон и ждёт, когда ей ответят. Почему-то тот факт, что ей есть куда идти и она не замёрзнет насмерть, меня успокаивает, и я нахожу в себе силы отвести от неё взгляд. Но стоит мне сделать лишь пару шагов, как сердце вдруг начинает ныть, и я, сама не понимая почему, решаю оглянуться в самый последний раз.

— Блин! — бегу к ней что есть сил. По-моему, я побила собственный рекорд скорости, ведь даже на физкультуре так быстро не бегала никогда! А всё потому, что эта гордячка, дура, сползла на землю около двери и, похоже, лишилась чувств.

Подбегаю к ней, попутно снимая с себя куртку — ей она

сейчас нужнее. Приподнимая с холодной земли (такое ощущение, что она ничего не весит!) и укутываю её.

— Эй! Очнись! — трясу, но она слабо реагирует на мои попытки привести её в чувство.

— Боже, сколько же времени она провела на улице? — растираю ей руки, попутно пытаясь вспомнить, что там нужно делать во время обморожения и подобных случаев. Но ничего кроме как напоить водкой в голову не приходит, вот что значит прогуливать ОБЖ в школе!

— Ну очнись, пожалуйста! — никогда не думала, что мой голос может звучать настолько жалобно.

Йес! Она начинает шевелиться и что-то бормотать. Я, окрылённая успехом, трясу её сильнее и попутно несу какую-то чушь на тему: «На что ты нас покидаешь!»

Как я не заметила, ещё там, на тропинке, что она находится в ужасно плохом состоянии: чёрные круги под глазами, худоба, бледность, губы вообще синие. Можно, конечно, всё списать на недостаток освещения, но не думаю, что это сильно поможет.

Самое смешное, я никогда не замечала за собой тяги к геройству. Нет, родители привили мне определённые человеческие качества: не убей там, не матерись, много не прогуливай. Но почему я так волнуюсь? Как будто у меня на руках потерял сознание самый дорогой мне человек? Чушь! Надо по-быстрому привести её в порядок и поскорее домой, пока я сама не свалилась тут рядом с ней. Хм, интересная картина получится: и найдут нас через миллион лет, посмотрят и закопают обратно.

«Ненавижу...» — я наконец, понимаю, что она там шепчет и содрогаюсь: её голос пропитан ненавистью. Отстранённой, ледяной, вечной, отравляющей.

— Ну, не всё так плохо, — пытаюсь осторожно приподнять её. Она с трудом встаёт, но как-то равнодушно. Такое чувство, что ей сейчас плевать на то, кто её тащит, куда, зачем, что ей при этом говорят. Бедный ребёнок!

Совесть хватает меня за глотку и, вежливо скаля зубы,

намекает, что хрен она позволит мне оставить эту девушку тут, на улице. Тяжело вздыхаю и, достав мобильный телефон, набираю номер такси. Отвечают не сразу, но всё-таки обещают приехать через несколько минут. Хорошо, что тут, оказывается, табличка рядом висит с названием улицы.

Поддерживаю её в вертикальном положении, стараясь не дать ей опять упасть в бессознанку. То и дело девушку пробивает крупная дрожь — меня это пугает, и я крепко к ней прижимаюсь. Так становится чуть теплее, да и её трясёт меньше.

Не знаю почему, но я не хочу звонить в первую попавшуюся квартиру и просить о помощи. Наверное, во мне уже хорошо закрепилось мнение, что люди боятся чужих проблем и совсем даже не стремятся открывать дверь незнакомым людям. Да и кто знает, кто откроет дверь — а вдруг маньяк? Извращенец? Да мало ли ещё кто...? Конечно, людям нужно уметь доверять, но она уже звонила в эту дверь, сама видела, и ей не открыли. Как после этого можно им верить? К тому же, я чувствую личную ответственность за неё. Тьфу! Тоже мне, мать Тереза!

— Да, пора собачонку заводить или парня на худой конец, а то так и до психушки недолго....

Раздражённо смотрю на часы — где это дурацкое такси! Мало того, что денег сдерут столько, что при желании можно неделю питаться, так ещё и ждать приходится!

Но вот и мигнули фары, подъехала новенькая десяточка и принялась сигналить — типа, где вы, а то я тут стою, видите ли, жду уже давно, а вас всё нет!

— Тут мы! — кричу и пытаюсь дотащить пострадавшую до машины, такой недостижимо далёкой, когда пытаешься вести к ней девушку в почти бессознательном состоянии.

Водитель, видно не совсем отморозок, выходит и помогает погрузить её на заднее сиденье. Я сажусь следом.

— Нам на N****. И, если можно, побыстрее, — устраиваю её поудобнее, она не сопротивляется, лишь непонимающе смотрит мутными глазами

— Что с девушкой? Напилась? — любопытный попался.

— Нет. Замёрзла она. Как бы воспаление не заработала.

— Ну-ну... — водитель тихо бурчит, но я всё равно слышу уже второй раз за сегодняшний день, — Пить меньше надо!...

Доезжаем довольно быстро. Да и шофёр, молодой парень, содрал не так много, как мог бы. И напоследок даже пожелал:

— Ты береги подругу-то.

Я внимательно посмотрела на него и даже нашла силы улыбнуться в ответ:

— Спасибо. Постараюсь.

Пусть будет благословен тот, кто изобрёл лифт! А иначе, не представляю, как бы я её дотащила до квартиры — она постоянно стремится свалиться на пол. И как я могла решить, что она почти ничего не весит!? Весит, и ещё как!

Единственный плюс — я успела согреться, пока дошла до квартиры и открывала дверь, а потом ещё и укладывала незнакомку на диван. Достала кучу одеял — не знала, что их у нас так много — и закутала её так, что только голову и было видно. Потом побежала на кухню ставить чайник, попутно звоня маме (а у кого ещё спрашивать?):

— Алло, мамочка! Скажи, если человек долгое время был на морозе в одной футболке... Нет, это не я! Так вот, в футболке и сейчас лежит почти без сознания, то что делать? Ну, щас посмотрю... Так, дышит медленно. Сердцебиение? — прикладываю руку к запястью, вызволенного из-под одеял ради такого дела, и пытаюсь прощупать пульс. — Вроде в порядке... Нет, сейчас уже в сознании. Напоить чем-нибудь сладким и тёплым? Хорошо. А может, спиртного?... Да не ори. Нельзя, так нельзя. А врача вызывать? Думаешь, пока не стоит? Хорошо. Спасибо! Пока! Я тебя тоже люблю! Ещё раз, спасибо!

Наливаю чай и щедро бухаю туда сахара — сладкий, так сладкий. Разбавляю холодной водой, чтобы не обжечь ненароком человека, и торопливо иду в комнату.

Блин, не понять, то ли она без сознания, то ли просто спит.

Хотя дыхание вроде ровное, но разбудить придётся. Осторожно привожу её в сидячее положение и аккуратно встряхиваю. Через минуту добиваюсь того, что один глаз открывается, другой отвоевать мне так и не удалось.

— Пей. Тебе лучше станет, — подношу чашку и поддерживаю, когда она пьёт небольшими глотками. — Умница. Нет, нет, глазки не закрываем. Ну же, я в тебя верю. Ну, солнышко, ещё немного выпей, а потом сможешь поспать.

Ещё через пару минут гостья приходит в себя настолько, что уже может сидеть самостоятельно и шатает её уже не так сильно, в глазах прояснилось. Но я по-прежнему приобнимаю её за плечи, мало ли. Потом думаю, что неплохо было бы дать таблетки, ну, витамины там, аспирин, или что ещё может полагаться в этом случае?

— Подождёшь? Я принесу тебе что-нибудь от простуды... — дождавшись слабого кивка головой, я пошла искать в этой квартире аптечку.

Ей надо бы ещё одежду поискать сменную, хотя, я думаю, проблем не возникнет — мы с ней почти одного роста и телосложения.

— Ну как ты тут? — присаживаюсь рядом с ней на диван и протягиваю пару таблеток. Она послушно берёт, что даже удивительно, ведь у меня уже успело сложиться впечатление, что эта девушка не любит подчиняться ни в чём.

— Жить буду... — вот, появились ироничные нотки, значит оживает человек, а то я испугалась немного.

— Отлично, — улыбаюсь, — Переночуешь в другой комнате — там хоть кровать не надо разбирать. Стоять можешь?

Она снова кивает, но как-то отстранённо, словно думает, что всё это либо сон, либо глюк, и это происходит не с ней, и она лишь наблюдатель. У меня такое состояние после недели зубрёжки перед сессией.

Помогаю ей подняться, и мы вместе доходим до комнаты. Там я уже успела приготовить пижаму — широкую футболку с шортами — и расправить кровать. В процессе переодевания

я отворачиваюсь, хотя ей, кажется, совершенно всё равно, что кто-то находится рядом. Краем глаза замечаю болезненную худобу, от которой меня передёргивает. Виновато смотрю ей в глаза, но в ответ получаю лишь кривую усмешку уставшего от жизни человека.

— Если будет что нужно, зови. Я в соседней комнате. Ну, спокойной ночи, — улыбаюсь ей и утомлённо зеваю. Хоть и времени всего ничего, но за этот вечер я вымоталась, как никогда.

Уже у двери меня настигает её слабый шёпот:

— Спасибо. Я твоя должница.

— Не за что.

— Кстати, меня Катя зовут, — мне кажется или её голос чуть потеплел?

— А я Лена.

— Спокойной ночи, Лена. И ещё раз спасибо.

Я выхожу из комнаты с абсолютно тупым, но счастливым выражением лица. Почему я так решила? А потому, что увидела свою улыбающуюся физиономию в зеркале, стоящем в прихожей. С чего бы это?...

Открываю глаза и с удивлением осматриваюсь: почему я сплю на диване, и какого чёрта я не в институте? Потом вспоминаю вчерашний вечер и успокаиваюсь. Со стонами и охами сползаю с дивана — хотелось бы поваляться подольше, но стоит проверить, как там Катя.

Пробираюсь к своей комнате и осторожно открываю дверь так, чтобы она не скрипела. Я училась этому трюку года два, зато теперь могу бесшумно делать ночные вылазки к холодильнику или вот так как сейчас проверить самочувствие больного.

Что и следовало ожидать — Катя спит и, ей, похоже, снится что-то хорошее. Дотрагиваюсь рукой до её лба, пытаясь померить температуру. Да, голова-то у неё немного горячая, боюсь, что Катька всё-таки заболела. Хотя ей повезло, вчера было ещё

относительно тепло, всего -10, и ветра не было.

Пусть поспит, а я пока пойду что-нибудь приготовлю, а то у неё вид, как будто её дней пять не кормили. Качаю головой и даже боюсь предположить, что же произошло. Пусть мне и жуть как любопытно, но я не буду ничего у неё спрашивать — сама решит, рассказывать мне или нет. То, что я ей помогаю, ещё не означает, что она будет мне полностью доверять и откроет все свои тайны, которых, я уверена, у неё немереное количество.

Как бы то ни было, я быстро приняла душ и взялась за самое ненавистное дело в моей жизни, а именно за чистку картошки. Но сегодня мне почему-то это наоборот доставило необъяснимое удовольствие.

Вот так и мурлыкая мелодию, игравшую в наушниках (плеер с утра одумался и соизволил включиться), я не заметила, как Катя проснулась и зашла на кухню. Вздрагиваю от неожиданности, увидев её, и выключаю музыку:

— С добрым утром. Картошку будешь? — Катя кивает, а я продолжаю говорить, — Потом выпьешь пару таблеток. Горло не болит?

— Болит, — Катя хрипит через силу.

— Ну-ка, дай посмотреть, — Катя послушно открывает рот, а я, держа её за плечи, осторожно разворачиваю к свету, — Да, ты влипла, подруга. Очень похоже на ангину. Температуру померяем, ладно?

— Угу, — видно, что Катя старается говорить как можно меньше.

Накладываю ей тарелку и наливаю чай с малиной:

— Вот. Я понимаю, что тебе щас не очень есть охота, но надо. Так что, кушай, сколько сможешь.

— Спасибо, — Катя несмотря на мои опасения тут же набрасывается на еду, хоть и морщится, когда глотает. Я кладу себе оставшуюся картошку, попутно соображая, стоит ли вызывать врача или так пронесёт?

Наконец, всё было съедено и все необходимые таблетки Катей были выпиты. За это время мы ни слова друг другу не сказали, но, как ни странно, молчание не было тягостным. Катя начала клевать носом, и я уговорила её поспать ещё — надо соблюдать больничный режим.

— Телик включить?

Катя кивнула головой и начала устраиваться поудобнее. В грудах тетрадок и учебников я ухитрилась откопать пульт сравнительно быстро и протянула его Кате.

— Посидишь со мной? — Катя смотрит на меня почему-то очень внимательно и серьёзно, я не могу найти причин ей отказать, да и не хочу. Потом она пододвигается, и я тоже удобно устраиваюсь рядом с ней.

Катя нервно переключает с канала на канал так, что я ничего не успеваю разобрать, но молчу. Наконец находит музыкальный канал и вроде успокаивается на этом. Немного посмотрев в экран, она садится ко мне вполоборота и, кажется, смотрит на меня, чуть наклонив голову вправо, ужасно напоминая при этом встрёпанного воробья. Её вид вызывает у меня невольную улыбку.

— Ты чего улыбаешься? — Катя чуть хмурится, и я уже замечаю небольшие, только намечающиеся, морщинки у её глаз и рта — видно, она часто бывает не в настроении или просто грустит.

— Ничего.

Меня так и подмывает спросить, кто она такая и где живёт, но я молчу.

— Ты одна живёшь? — Катя решает первой начать разговор. Что ж, я не против.

— Нет, с соседкой, Олей. Но она сейчас к родичам уехала на каникулы, так что недели две-три её не будет. Мы с ней из экономии делим квартплату пополам.

Катя надолго замолкает — я не мешаю ей думать. Наконец, она осторожно, тщательно подбирая слова, говорит:

— Лена, как ты смотришь на то, что я поживу здесь это время? Конечно, я заплачу!

Я в шоке. Хоть и ожидала чего-то подобного. Для меня её предложение даже выгодно — деньги лишними не бывают, да и мне не скучно будет. Вот только, что она за человек? Разумно ли будет впустить Катю в свой дом, учитывая состояние, в котором я её нашла? Уж больно эта девушка похожа на сбежавшего пациента психбольницы. Но, посмотрев ей в глаза, я вдруг решаю рискнуть:

— Буду только рада!

Мне кажется, что она заметно расслабляется после моего согласия, как будто это для неё многое значило. Дальше разговор уже не был таким напряжённым, но спрашивала в основном она, я же успела рассказать о своей жизни в общих чертах. На мои вопросы Катя отвечала скомкано, неполно. Я смогла узнать, что она живёт с братом, родители у неё развелись, что её заставляют учиться на финансиста. Особых проблем в институте у неё нет, но даже я поняла, что ей не нравится её будущая профессия. Мама у неё почти не бывает дома, поскольку постоянно в командировках, и за детьми почти не следит. Но они не жалуются — привыкли быть самостоятельными.

— Ну, давай, спрашивай! — Катя широко улыбается мне. — Извелась уже вся.

— Ну, — отчаянно краснею и задаю так мучавший меня вопрос, — Что вчера с тобой произошло?

Катя ухмыляется и оценивающе смотрит на меня, потом говорит спокойным и равнодушным тоном, как будто это не с ней происходило:

— Мой глубоко «любимый» брат решил вчера устроить небольшую вечеринку со своими... — она сделала небольшую паузу, — ...друзьями. Они напились и перешли кое-какие границы. В итоге я выбежала из квартиры, в чём была, успев захватить только шарф.

— А как ты тут оказалась? — я вся обратилась в слух, боясь пропустить хоть слово. Ведь Катя явно не горела желанием расписывать всё в подробностях, да и скрытная она. Но мне это

даже нравится.

— Моя девушка здесь живёт, только, похоже, вчера она решила так не вовремя меня бросить и, не дослушав, не пустила даже на порог. Как какую-то шавку подзаборную.

Сижу и, тупо открыв рот, смотрю на Катю. Под её холодным взглядом я совершенно теряюсь и не знаю, что сказать. Хочется обнять её, посочувствовать, пожалеть. Но Катя слишком гордая и может обидеться. Да и не настолько мы близки, чтобы можно было позволить такие вольности.

Но вот, что меня действительно возмущает, так это её брат. Я его уже заведомо ненавижу! Как он так может обращаться с собственной сестрой?!! А эта, её девушка (странно, но я сейчас даже не задумывалась о словах «моя девушка» — меня гораздо больше сейчас шокировала ситуация с Катей, так внезапно оказавшейся на улице)? Как можно вот так вот просто кинуть человека через домофон!?

— Твой брат — козёл. Да не обидится на меня бедное животное, — подумав, для приличия добавляю, — Извини, если что не так. Но это моё мнение о нём уже ничего не исправит.

Катя хмыкает, но ничего не говорит, лишь заинтересованно на меня смотрит. Я начинаю краснеть и суетливо предлагаю ей чай с малиной, она чуть ли не смеётся, но соглашается. Бегу на кухню и пытаюсь привести своё сердцебиение в порядок. Уф, на секунду я подумала, что она смотрит на меня так, как я обычно оцениваю симпатичных парней. Хотя для неё ведь это нормально — Катя упоминала свою бывшую девушку, но не может быть, что я её заинтересовала! Бред. Да и не могу я понять таких отношений!

Захожу в комнату и, подавая ей чай, пытаюсь заметить то самое выражение на её лице, но Катя снова ведёт себя прилично, держит дистанцию и не делает никаких намёков. Пронесло… Но почему я не чувствую особой радости, словно разочарована? Нет, пора лечиться…

— Лена, мне позвонить надо. Есть телефон?

— Да, сейчас принесу.

Я радуюсь, что моё временное помутнение рассудка никак не повлияло на наше с ней установившееся взаимопонимание. Даю Кате беспроводной телефон, а сама ухожу в другую комнату, сославшись на какую-то ерунду. Просто не хочу смущать её (даже б если и хотела, не думаю, что у меня хоть что-нибудь получилось), да и подслушивать явно личный разговор тоже.

— Лена, — Катя зашла на кухню и хрипло спросила, — У тебя адрес какой?

Я диктую Кате название улицы и номер дома, а сама думаю, что вместе с новой соседкой имею все шансы в её лице получить ещё и интересную подругу.

Катя заканчивает разговор и преувеличено сердито мне говорит:

— И зачем ты ушла из комнаты? Из-за тебя мне пришлось встать с кровати!

— Я… прости…

Катя смеётся, и я понимаю, что она шутила, и смеюсь вместе с ней, осознавая всю странность событий последних дней и своего поведения. Но тут она начинает тяжело кашлять, и я чуть ли не пинками загоняю её в кровать. Катя притворно ноет, что ей уже надоело лежать, но подчиняется. И когда её голова касается подушки, она почти мгновенно засыпает. Я же, в который уже раз, любуюсь выражением невинности и спокойствия на серьёзном лице. Потом вспоминаю, что хорошо было бы сделать уборку…

Неделя пролетела, а я и не заметила. Очнулась лишь тогда, когда получила напоминание (мобильник не такая уж и плохая вещь), что завтра день рождения моей подруги по институту и надо бы выбрать ей подарок.

Всю эту неделю шёл крупный, пушистый снег, и казалось, что нет никого кроме нас. Я совершенно потеряла связь с внешним миром. Для меня существовала только моя квартира и Катя. Не знаю почему, но мы обе чувствовали какую-то непривычную легкость в общении, наверное даже можно сказать что странное родство душ, ну может, это и звучит слишком, но именно как-то так…

За эту короткую неделю произошло много всего: от ссор и ругани по мелочам до весёлого смеха и лёгких улыбок по утрам. А что делать? Ведь всегда трудно двум разным людям ужиться вместе. У каждой из нас есть свои предпочтения и мнения, привычки и традиции. Например, Катя любит засыпать при включённом телевизоре, а у меня чуткий сон. Готовить она умеет, и очень хорошо в отличие от меня, но заставить Катю встать к плите — дело нескольких часов и беспрестанных уговоров. Особенно, если она сама не хочет. К тому же, как оказалось, я зря проводила генеральную уборку: всего за три дня Катя умудрилась вернуть квартиру к прежнему состоянию. Но это не так уж страшно — сказывался мой опыт проживания с привычной уже моей соседкой, Ольгой.

У нас с Катей получился негласный уговор: я убираюсь в квартире, а она готовит мне капуччино. Никогда не забуду, как мы вместе сидели на диване, пили кофе, сваренный Катей (настоящий и офигенно вкусный!), окно непрерывно содрогалось от сильного ветра, а мы смотрели какой-то ужастик. Если честно, то фильм я даже не запомнила — наслаждалась тем, что Катя была рядом, и тем, что мне было тепло и непривычно уютно. Кажется, я даже уснула, положив голову ей на плечо, несмотря на весь выпитый за день кофе.

Кстати, за эту неделю Катя почти выздоровела, и я без ложной скромности могу приписать эту заслугу себе, но насморк и лёгкий кашель у неё ещё остался. Хотя мне всё-таки чуть-чуть обидно, что Катя так быстро поправилась — было приятно заботиться о ней.

И вот вспоминая о всяких милых сердцу мелочах, я иду по обледенелой улице, кутаюсь в тёплую куртку от пронзительного ветра и глупо, но счастливо улыбаюсь. Хорошее настроение и проснувшийся во мне оптимист клятвенно заверяли меня, что я смогу купить подарок до того, как окоченею.

Выбирая Светке, подруге, подарок, вдруг замечаю серебряный браслет — несколько простоватый, но в тоже время изящный, почти невесомый и просто красивый. И только купив, вспоминаю, что у Светы аллергия на всё серебряное. Не беда, подарю Кате! И от этого решения внутри всё трепещет в предвкушении её чуть гордой, но ласковой улыбки.

— Девушка, вам завернуть подарок?

— Да, если можно, — говорю и опять улыбаюсь. Да что же это такое!? Если так и дальше пойдёт, я челюсть себе сломаю! Никогда так часто не улыбалась.

Потом вспоминаю о Светке:

— А можно ещё в-о-о-н ту подвеску?

— Эту? Тоже завернуть?

Я киваю, и продавщица, молодая девушка, аккуратно принимается заворачивать ещё один подарок.

— Вот, пожалуйста, — она тоже улыбается и добавляет:

— Упаковка бесплатна. Спасибо за покупку!

— Вам спасибо! — прощаюсь и, окрылённая радостными предчувствиями, я мчусь домой, к Кате, забегая по пути в продуктовый.

— Привет! Ну как сходила? — Катя открыла мне дверь и взяла из моих рук пакеты с едой.

— Привет! Замёрзла, но довольна! Там такая метель, что просто жуть! Как здоровье, кстати?

Катя ответила уже с кухни:

— Да так же как и с утра! Хватит уже спрашивать меня об этом по сто раз в день.

— Ну я же волнуюсь — вдруг хуже стало, — я захожу на кухню и помогаю ей разбирать пакеты, — Ух ты! Это то, что я думаю?!

Подбегаю к плите и поднимаю крышку одной из сковородок:

— Макароны с сыром!

— Я подумала, что ты проголодаешься и придёшь усталая, вот и... — Катя немного смущённо отводила взгляд в сторону,

стараясь сохранить независимый вид. В этом вся она и есть: на самом деле добрая, но почему-то изображает из себя какую-то Снежную Королеву. Только не все это, к сожалению, понимают.

Не удержавшись, я обняла её и сказала:

— Спасибо!

Катя ласково потрепала меня по голове. Она так часто делала. Причём на других, когда они делали нечто подобное, я обижалась и проявляла недовольство, а тут была даже рада и позволяла ей это с лёгкостью.

Катя быстро накрыла на стол, и, пожелав друг другу приятного аппетита, мы принялись за еду. Кстати, ещё одна её особенность — она не любила говорить за обедом. А я не против помолчать, так что особых трудностей сейчас не испытываю. К тому же грех это, отвлекаться на что-то от такой вкуснятины!

Поев, я иду мыть посуду. А то нечестно получается: Катя готовила, и ей же мыть? Исходя из этих простых соображений, смело закатываю рукава домашнего свитера, в который уже успела облачиться, и с вызовом смотрю на грязные кастрюли.

— Включи магнитофон, пожалуйста! — с музыкой всё как-то быстрее делается.

— Сейчас, — Катя выбирает станцию, которая нравится мне, но сильно раздражает её. Я ей благодарна, ведь музыку мы любим разную.

Я спокойно домываю, слушая одну из ретро-песен. Честно говоря, думаю, что Катя уже ушла, и поэтому вздрагиваю, когда она осторожно обнимает меня за талию.

— Уф! Не пугай меня так — я думала, ты давно в комнате, — поворачиваюсь у неё в руках так, чтобы видеть её лицо. Но держу свои руки поднятыми, потому как боюсь забрызгать Катю пеной.

— Прости. Не хотела, — ухмыляется. Так я ей и поверила, что не хотела она!

— Лена, у меня такой вопрос... Ты где Новый Год встречать

будешь? — Катя говорит это намеренно небрежным, скучающим голосом, но я-то вижу, как она волнуется. У неё всегда кончики ушей краснеют.

Руки у меня начинают затекать, поэтому я кладу их ей на плечи, чтобы было удобно думать. Если честно, то я даже не вспоминала о надвигающемся празднике. Обычно я сужу о том, что скоро Новый Год, по тому, что начинают крутить рекламу с поездом и кока-колой, а обычно в каникулы заняться совершенно нечем, и я целыми днями просиживаю перед теликом. Но в этот раз всё не так. Следствие — теперь не знаю, что и ответить, но ведь надо уже задуматься, а то осталось где-то две недели!

— Даже не знаю... Обычно я с родителями праздную. Давай, я уточню и скажу тебе чуть позже.

— Хорошо, — она немного огорчается, но не сильно, а потом лукаво смотрит на меня и мимолётно касается губами моей щеки: — Если не будет планов, то предлагаю тебе встретить его со мной.

Я ошалело киваю, а Катя отпускает меня и говорит, как будто ничего необычного не произошло:

— Пойдём, там скоро интересная комедия начинается!

— А? Сейчас...

Мою посуду я уже на чистом автопилоте. Чувство иррациональности происходящего кружит мне голову, ещё немного и я... в общём поверю, что этого не было. Что Катя не обнимала меня, не поцеловала меня и не предложила мне встретить с ней Новый Год. Мне это приснилось?

— Но, если это сон, то кошмар или мечта? — я касаюсь рукой того места, куда Катя меня поцеловала (Это было! Это было!...) и решаю махнуть на всё рукой. В конце концов, разве это хоть что-нибудь изменит в моём отношении к ней?! Провести праздник вместе — обычное поведение двух подруг.

Я беру мобильный и набираю номер родителей:

— Алло, мама? Привет! Всё нормально! А вы как там? Угу.

Слушай, а где вы Новый Год собираетесь отмечать?...

Я сажусь рядом с Катей на диван и удобно устраиваю голову к ней на плечо. Мне плевать на двусмысленность своего поведения — в квартире дубак и сквозняки гуляют, а рядом с ней тепло. Катя укрывает нас одеялом и недовольно ворчит:

— Ты чего так долго? Кино уже минут двадцать идёт.

— Да так. С мамой говорила, — нарочно делаю паузу и чувствую, как Катя напряглась, хотя спрашивает она абсолютно спокойным голосом (если честно, то я скоро начну завидовать этой её способности):

— Ну и как? К ним поедешь?

— Теоретически, я могу поехать вместе с ними в Египет по путёвке, которую подарили моему папе на работе, и праздновать Новый Год под палящим солнцем пустыни...

— А практически? — я не вижу её лица, но улыбку всё равно чувствую.

— Практически я наверняка обгорю, мне будет плохо, потому как акклиматизация у меня всегда болезненно проходит. К тому же считаю, что раз это зимний праздник, то его надо праздновать там, где есть зима.

— Логично.

— Я тоже так думаю... Но если честно, я просто не могу оставить на тебя хозяйство — ты захламишь тут всё к чёртовой бабушке!

— О, это точно веская причина!

Я думаю, что мы обе услышали и поняли настоящую причину: не хочется расставаться, ну никак...

— А что за фильм-то?

— А фиг его знает.

Мы сидим и играем в карты, в дурака. Уже второй день

подряд это наше единственное развлечение, не считая разговоров друг с другом.

— Знаешь... Бита! ...я схожу с ума, — я отрешённо киваю головой, смотря в свои карты. Мне катастрофически не везло — ни одного козыря и картинок нету!

— Согласна. А что делать? — делаю ход, на который Катя презрительно приподнимает бровь

(две шестёрки под конец игры — это смешно!)

— Может, сыграем на желание? — она без проблем кроет мои карты, а мне даже нечего подкинуть — у меня таких больших нет!

— Вдвоём? Бита!

— Ну да. Или боишься? — Катя ходит и мне не остаётся ничего, кроме как взять.

— Я?! Да ничего не боюсь! — похоже, меня аккуратненько так берут на слабо, а я не особо и сопротивляюсь — делать-то всё равно нечего, вот и развлекаемся, как можем.

— Я выиграла, — Катя собирает карты и протягивает мне колоду, — Мешай.

— Не хочу! Давай ты, а то я всегда себе сдаю какую-то муть.

— Ты проигрываешь даже тогда, когда у тебя хорошие карты, — Катя мешает колоду, как истинный шулер. Потом быстро раздаёт карты. — Ну что? На желания?

— Да. Хоть это и глупо — ну что тут можно придумать?

— Например, — Катя задумывается и с ухмылкой продолжает: — Можно попросить рассказать о чём-либо. Просто считай, что у тебя будет своеобразный долг, вот и всё.

— Ну ладно, уговорила, — я зеркально повторяю её улыбку, похоже, что мне повезло на этот раз...

Проходит один час.

— И что мы имеем, — Катя демонстративно берёт листочек, на котором мы отмечали наши победы, и издевательски так говорит: — У меня раз, два, три… семь побед. А у тебя…

— Издевайся, издевайся… Я отомщу!

— …а у тебя одна победа.

Угу, единственная, которая была в самом начале.

— Не везёт мне в картах, повезёт в любви. Вот, — и по-детски показываю Кате язык. Она смеётся и взлохмачивает мне волосы.

— Чудо! И что же мне с тобой сделать? — она, не отнимая руки, проводит по моим волосам и чуть приподнимает мне голову, чтобы наши глаза были на одном уровне. — У меня есть целых семь желаний…

Я нервно сглатываю и, заворожённая, смотрю в её серые ледяные глаза. Руки сами собой тянутся к её талии, и я робко притягиваю её к себе. В голове вертится одна мысль: «Что я, чёрт возьми, делаю!?»

— Моё первое желание: закрой глаза и не шевелись, — Катя ласково шепчет эти слова мне на ушко. Я закрываю глаза, гадая — что же будет? А если это то, что я думаю… Как мне поступить?

Но у Кати явно другие планы, потому что она мягко высвобождается из моих объятий и осторожно встаёт:

— Подожди. Я сейчас.

Я сижу и пытаюсь унять дрожь в руках. Так же слышу её торопливые шаги, то, как она расстегивает сумку и видно достаёт что-то оттуда. Потом подходит ко мне и снова ласково гладит меня по голове. От её прикосновений мне хочется мурлыкать, но я держу себя в руках, только вот улыбаюсь помимо воли.

— Смотри.

Я открываю глаза и вижу два пригласительных билета в фото-галерею. Восхищённо ахаю и крепко обнимаю её:

— Как ты узнала?! — отодвигаюсь и счастливо смотрю Кате в глаза, — Это ведь на ту, которая состоится через два дня, да? И на которую невозможно достать билеты, если нет нужных связей? Там собраны все мои любимые работы — я так мечтала об этом!

Катя пользуется моментом и по-хозяйски обнимает меня, но я не против — ей позволено всё.

— Ну, ты как-то сказала, что любишь фотографировать...

А что я могу сделать? Как сказать то, что невозможно сказать? Пусть могуч и богат наш русский язык, но мне остаётся сейчас только одно — крепко обнять её и постараться не отпускать как можно дольше. Ведь даже самый щедрый человек не захочет отпускать своё счастье.

Если все её желания будут такими, то я не против, я двумя руками «за»!

— Ка-а-а-ть! Ты мою флэшку не видела?

— Хм? Нет, а что? — Катя поднимает глаза от книги и задумчиво смотрит на меня.

— Да нет, ничего. Просто ты хотела посмотреть мои фотографии, а они там хранятся, — я присаживаюсь на край кресла и читаю название книги:

— «Основы современной философии». Ничего себе! И как? Интересно?

— Как ни странно, да, — Катя иронично улыбается, — Аж не оторваться.

Она поворачивается ко мне и говорит таким серьёзным, профессорским тоном:

— Здесь сказано «Чтобы познать мир вокруг себя, научись задавать себе вопросы...».

— И к чему это?

— Ну, задай себе вопрос, где ты в последний раз видела флэшку?

— Ну тебя к чёрту! — шутливо щёлкаю её по носу. — Пойду, поищу лучше.

— Удачи! — Катя продолжает чтение, а я отправляюсь на поиски.

Промаявшись минут тридцать и перерыв всю комнату, я решаю выпить чаю. Медленно пью — горячий! — и вспоминаю последний раз, когда видела свою флэшку. Так, я что-то скинула на неё, потом мне позвонили, и я положила её в карман джинсов, чёрных, которые сейчас... стираются... Блин!

— Катя! Иди сюда на секундочку.

— Что? — Катя заходит на кухню по-прежнему с книгой в руках.

— В твоей книжке случайно не написано, что делать, если ты постирала флэшку?

Катя задумчиво садится рядом со мной на пол, и мы вместе смотрим на то, как крутится барабан стиральной машины.

— Н-н-да. Может, с ней ничего не случится?

— Не знаю. Сейчас прокрутит, посмотрим...

Машина остановилась через десять минут. Я быстро достаю свои джинсы и вынимаю из заднего кармана флэшку.

— Может, её феном посушить? — Катя явно издевается над моим горем.

— Вредина ты! Ну ни грамма сочувствия.

— А если серьёзно, то раз воду вытряхнула, то теперь подожди, когда она высохнет сама, потом включишь, вдруг повезёт...

— Ладно... Будь что будет.

Мы с Катей быстро развешиваем оставшуюся одежду, и я уговариваю её сварить мне кофе. Флэшку же от греха подальше отношу в комнату.

— Давно хотела спросить, где ты научилась так готовить?

Катя продолжает варить кофе, и поэтому я не вижу её лица, когда она после минуты молчания мне отвечает:

— Отец любил готовить. И меня научил. Особенно он любил готовить кофе, блины и макароны с сыром.

— Странное сочетание.

— Мама тоже так думает. А мне тогда это казалось самым обычным.

— А...? — я хочу спросить, но вовремя себя одёргиваю: вдруг это ей неприятно?

Катя поворачивается и осторожно разливает кофе по чашкам. Одну ставит передо мной, другую берёт себе. Я отпиваю и удивлённо замечаю, что он получился немного горьковатым.

— Почему я говорю о нём в прошедшем времени? — Катя опять смотрит на меня своими пронзительными глазами, и у меня хватает смелости только на то, чтобы робко кивнуть на её вопрос.

— Нет, он не умер. Просто мама выгнала его, когда мне было одиннадцать. За то, что он пил много. Когда у него случались неудачи, а это происходило довольно-таки часто, он пил, пил и пил, пока не доводил себя до полной потери способности мыслить. И, конечно же, однажды настал момент, когда он ударил мать, находясь под градусом, и замахнулся на моего брата. Хорошо, что остатки мозгов включились, и он вовремя смог остановиться. На следующий день мама собрала его вещи, а я, как дура, всё не могла понять, куда он уходит, и почему я не могу поехать с ним. Я звонила ему, писала письма, но либо мама не отправляла их, либо он не хотел отвечать. А брат так вообще его возненавидел. Мы часто с ним ругались, потому что я по-прежнему любила папу, а он называл его придурком и даже хуже. Кстати, помнишь, я сказала, что в том доме, ну у которого я отключилась, живёт моя девушка? Так вот, я соврала. Просто в тот вечер отец решил, что знать меня не желает. У него новая

семья, и зря я вообще тогда пришла. Я — его прошлое, о котором он не желает вспоминать, — она немного молчит и добавляет, — Прости, что соврала.

Почему с Катей я никогда не знаю, что сказать и как правильно поступить? Единственное, на что меня хватает, так это просто на то, чтобы подойти и обнять её сзади за плечи. Думала ли я, что когда-нибудь увижу человека, который плачет без слёз? Нет, но я бы отдала всё, чтобы ей стало легче.

— Я тебя загрузила? Прости, не сдержалась. Не думай, что меня надо жалеть и всё такое. Я вполне счастлива и довольна жизнью. Особенно сейчас. Да и случай мой совсем не оригинальный, такое было, есть и всегда будет.

— Как скажешь, — я целую её в макушку и сажусь на свое место.

Мы в молчании пьём кофе. Я думаю о том, что она мне рассказала. Катя, наверное, мысленно ещё раз всё переживает, поскольку её взгляд рассеяно блуждает по кухне, надолго не задерживаясь ни на чём. Вскоре она встаёт и хочет выйти. Я ловлю её у порога, обнимая, и тихо, но решительно говорю:

— Спасибо, что поделилась. Рассказала, хоть тебе и неприятно.

— Ага. Кст-а-а-а-ати, я придумала тебе второе желание, — Катя поворачивается у меня в руках и продолжает:

— Я хочу, чтобы ты не боялась спрашивать у меня всё, что тебя интересует. Считай это официальным разрешением лезть в мою жизнь.

Она легко щёлкает меня по носу и, смеясь, выходит из кухни. А я стою и думаю, что если мир ещё можно хоть немного понять, то её — никогда.

— Лена, ты как, спишь?

— Уже нет. Что-то случилось? — сонно протираю глаза и смотрю на часы. 10-30 утра.

— Да я зашла сказать, что у меня дела и мне срочно бежать

надо, — Катя подаёт мне чашку свежего кофе, и я прощаю ей утреннюю побудку. Да и залежалась я что-то.

Вскоре до меня доходит смысл её фраз и я осторожно интересуюсь:

— Это надолго? Ты успеешь на выставку?

— Как раз успеваю. Если что, то подъеду прямо туда. Я позвоню, хорошо?

— Ага, — вспоминаю о её вчерашнем желании и честно стараюсь его выполнить:

— А что за дело?

— Мама вдруг приехала. Всего на день. Я тебе потом всё расскажу — опаздываю.

— Удачи! Дверь сама закроешь или...?

— Лежи уж, лентяйка! — Катя выходит из комнаты, но через секунду возвращается:

— Кстати, можешь в магазин сегодня сходить? Я последние продукты вчера на обед перевела.

— Хорошо! Иди уже!

— Ну, пока!

Выглядит Катя радостной, но немного взволнованной. Наверное, давно маму не видела. Что-то меня совесть мучает за то, что я о родителях даже не вспоминаю в последнее время. Надо бы позвонить, узнать, как им там отдыхается?

Я бегаю по квартире и лихорадочно наношу последние штрихи макияжа, пытаясь не повредить причёску и не помять платье. А ещё я нервничаю. Такое бывало, редко правда, когда я спешила на свидание с каким-нибудь симпатичным парнем.

Катя позвонила и предупредила, что встретит меня уже там. Сказала, что хочет меня кое о чём попросить, но о чём — говорить отказалась. Лишь злорадно хихикнула и попрощалась.

Любопытство заставило меня с нетерпением поглядывать на часы, но я всё равно умудрилась долго провозиться. И как итог вполне могу опоздать и получить от Кати нагоняй.

Есть ещё один повод спешить — я действительно хочу попасть на эту выставку. Я начала фотографировать ещё давно и случайно — у моего на тот момент парня был старенький цифровик, который он подарил мне, махнув рукой. Сказал, что сам не любит фоткать, а чего тогда технике без дела лежать? Ну, и понеслась душа в рай. Сначала никто не обращал на это внимание, но, когда прошло полгода, все как-то поверили, что я всерьёз увлеклась. Но делала я это не для других, скорее для души. Мне просто хотелось этого, и я фотографировала. Только вот людей не люблю снимать, почему, не знаю. Друзья говорят, что у меня неплохо получается, но я не особенно верю, считаю себя полной посредственностью, без грамма гениальности. А однажды наткнулась на сайт, посвящённый фотографии. Потом начала читать историю создания, посмотрела на фотографов с точки зрения художников. Оказалось, что это целое искусство, которому надо уделять много времени, сил, вкладывать в дело просто всю душу, не жалея себя и не жалуясь на неудачи. Я так пока не могу. Но увидеть художественные фото, а если повезёт, то и пообщаться с авторами — такой шанс выпадает ох как редко, и меня всё это радует, хоть и что-то страшно немного… Особенно мне греет душу то, что Катя будет рядом со мной — не так буду нервничать.

Я надеваю высокие сапоги на удобном каблуке, накидываю пальто и, удовлетворённо окинув себя взглядом в зеркале, подмигиваю и быстро выхожу из дома. Поскорей бы…

Стараюсь идти быстро — но на каблуках, по льду, зимой… В который раз получаю доказательства того, что я дура. Но ничего уже не исправить — остаётся только сжать зубы и постараться не упасть. Хорошо, что осталось недолго.

Перехожу улицу и, поднявшись из перехода, почти сразу вижу нужное здание. Да, с такой вывеской его трудно не заметить.

Оглядываюсь по сторонам — где же Катя? Может, позвонить? Роюсь в сумке в поисках мобильного телефона, но пока не удачно. Вдруг, кто-то закрывает мне ладонями глаза, и я невольно улыбаюсь:

— Катя? — говорю и сразу же поворачиваюсь.

— Угадала. Пойдём? — Катя даёт мне руку, и мы заходим внутрь.

Раздевалку находим быстро. Я снимаю пальто и жду, когда принесут мой номерок. Беру его и ищу глазами Катю. На секунду мелькают её пепельные волосы, и я иду в том направлении.

— Катя?!

Она поворачивается, и я впадаю в лёгкий ступор. Катя выглядит просто потрясающе в воздушном небесном (первая ассоциация: ясное зимнее утро) платье, чуть приталенном, но абсолютно свободном. Неброский макияж, явно профессиональный, как и причёска. Кажется, что платье шили ей на заказ — настолько идеально оно стелилось по фигуре, прекрасно сочетаясь с цветом серых, пасмурных глаз. Глядя на неё, можно было поверить, что зима бывает не только холодной, жестокой и суровой — она приносит радость и счастье тем, кто любит её несмотря ни на что.

— Ты прекрасна... — колени подгибаются, в горле пересохло — я волнуюсь, как никогда.

Катя подходит ко мне и, слегка привстав на носочках, целует меня в щёку:

— Спасибо. Только ты тоже великолепно выглядишь. Вон тот парень тебя глазами прямо... хм... рассматривает, — она улыбается и берёт меня за руку, — Пойдём.

Да, вместе мы действительно смотримся впечатляюще: девочка-весна и леди-зима.

— Знаешь, тебе очень идёт зелёный цвет, особенно в сочетании с рыжими волосами. Да и глаза у тебя как будто ярче стали, — Катя тоже смотрит в зеркало вместе со мной и улыбается каким-то своим мыслям.

— Наверно.

Мы входим в зал, и я забываю обо всём: столько фотографий, просто дух захватывает! Помещение разделено на несколько

секций, посвящённых различным темам: природа, человек, техника и города-мегаполисы. Почти каждая из них заставляет меня замирать и восхищённо смотреть. Вот это действительно фотографии, не то, что у меня! Да я даже и рядом не стою, но всё равно не смогу прекратить фотографировать — это уже стало частью меня. Но сейчас всё не важно — я просто радуюсь, наслаждаюсь каждой минуткой жизни. Не знаю как, но автор сумел так соединить краски, оттенки, контрасты, что картина просто врезалась в память, западала в душу. Как он смог поймать такие моменты? Где? Когда? Ведь это абсолютно иное видение мира!

Мы с Катей переходим из одного зала в другой, по-прежнему крепко держась за руки. Я — так просто боюсь потеряться, а каковы её мотивы, мне не дано понять. Хотя и есть кое-какие предположения... И я не заметно для себя вдруг осознаю, что буду не против, если Катя станет относиться ко мне не только, как к подруге или соседке.

И когда только успела влюбиться? А то, что я влюбилась в неё по самое не могу, уже не оставляет никаких сомнений. А иначе объяснить дрожь, в которую меня бросает только от одного её прикосновения, либо взгляда, не могу. Есть правда один неясный момент... А как она себя ведёт с другими? Вдруг для неё это обычное поведение, а я возомнила незнамо что? Вот только логика ещё сопротивляется, а сердцу уже пофигу, мягко выражаясь.

— Катя, тебе хоть нравится или спишь с открытыми глазами? — я стараюсь говорить шутливым тоном, показывая тем самым, что она может говорить правду. Я не обижусь, ведь так даже лучше, если у людей отличающиеся взгляды и мнения. Можно поговорить, поспорить, потом помириться и весело посмеяться — всё это проявления жизни, то, что заставляет нас дышать, отличая от роботов и потерявших свою душу нелюдей.

— Ну, кое-что нравиться, а кое-что не очень, — Катя отвечает уклончиво, но я не отстаю.

— Что именно нравиться? Покажи.

Катя чуть ли не наугад указывает на ближайшую фотографию, на которой был изображён взъерошенный воробей. Потом более внимательнее смотрит и ухмыляется:

— А ведь действительно нравиться, — говорит тихо, еле слышно.

Я радуюсь и в порыве чувств быстро целую её в щёчку. А захотелось мне, вот и всё!

— Хм, а мне ещё тогда вон та, та и во-о-о-н та нравятся! — говорит и многозначительно так смотрит.

— Я рада за тебя! — врёт ведь, сволочь, и не краснеет. Зато я краснею за нас двоих.

Быстро перевожу тему:

— Ты хотела меня о чём-то попросить? О чём?

Теперь настала очередь Кати отводить глаза:

— Помнишь, я говорила, что у меня мама приехала? — дождавшись моего кивка, она продолжает: — Так вот... Я, конечно, её люблю и знаю, что и она меня любит. Но... Иногда общение с ней даётся мне слишком тяжело, особенно, если мы говорим с ней один на один. Ну и...

— И?

— Не хочешь завтра ко мне в гости сходить? — Катя волнуется, по глазам вижу.

— Хочу!

Она облегчённо вздыхает, и мы идём дальше. Я подробно расспрашиваю Катю о её матери, стараясь заочно узнать получше человека, чтобы не наделать глупостей.

— Ладно. Ну не съест она меня в самом деле! — я решаю закончить трепать нервы и себе, и Кате. Будь, что будет!

— Это как посмотреть... — Катя говорит в сторону, а я шумно сглатываю. На что я подписалась?!

Мы идём дальше, в секцию, посвящённую людям.

— Знаешь, я немного завидую этим людям.

— Каким? — Катя недоумённо на меня смотрит.

— На фотографиях. О них будут помнить. Люди склонны всё забывать, а у них есть возможность навсегда войти в историю, если фотограф окажется по-настоящему гениальным. Но и это не главное. Ты только посмотри! Вон парашютист, а там девушка на берегу моря. А вон там взрослые прыгают на батуте. Они счастливы по-своему. Они все живые на этих фотографиях и останутся таким ещё очень и очень долго.

— А ты хотела бы попробовать что-нибудь, что изображено на этих фотографиях? — Катя смотрит на меня серьёзно, но в глазах её горит азарт и странная обречённость.

— Наверное, а что?

Она кивком указывает на фотографию, к которой мы только что подошли.

Хм, на ней две девушки, на мосту, целуются, а весь мир вокруг размыт и как бы проносится мимо. Есть только они.

У меня замирает сердце, когда Катя мягко обнимает меня и заставляет повернуться к ней. Низ живота наполняется огнём и дыханье перехватывает. Смотрю в её глаза и… первой наклоняюсь Кате на встречу.

Чувствую её губы, язык, руки. Мы улыбаемся, почти смеёмся. Я чувствую почти детский восторг, играю с ней, Катя отвечает тем же. Всё моё существо заливается смехом, хочется кричать о своём счастье, но губы заняты, поэтому приходится держаться. Только бы ещё секунду чувствовать её!

Дыхания уже давно не хватает, сердце бьётся как сумасшедшее, мы прерываем поцелуй, чтобы немного вздохнуть. Я тяжело и глубоко дышу от страсти, желания, и в мыслях творится страшный сумбур. Я хочу ещё, и в её глазах я вижу своё отраженье. Улыбаюсь — она прекрасна. Боги, что мы наделали?!

Вдруг два раза вспыхивает вспышка фотоаппарата, и мы синхронно поворачиваем головы на источник раздражения. Им оказывается мужчина среднего возраста, с аккуратной

бородкой, в дорогом светло-бежевом костюме. Он снова нас фотографирует и обезоруживающе улыбается:

— Девушки! Простите меня, пожалуйста! Я не мог не сфотографировать вас!

— А вы кто такой? — Катя говорит так, что на месте мужчины я бы давно уже убежала.

— Это моя выставка. Я Эрик Вильсон, — сейчас он больше походил на мальчишку-шалопая, чем на модного фотографа. Я его сразу простила, когда он ещё и грустно улыбнулся, и спросил:

— Вы сильно сердитесь? Если хотите, я сотру эти фотографии, но сделаю это с огромным сожалением и скрепя сердце.

— Катюшь, не злись. Может, сначала посмотрим, что получилось?

— Ладно, — Катя сдаётся, но по-прежнему холодно смотрит на Эрика.

Эрик весь сияет и радостно, словно ребёнок, получивший бесплатную шоколадку, говорит:

— Можно ваш номер телефона — я позвоню, когда фотографии будут готовы.

Ага, ага, я готова ему ещё и адрес продиктовать, но одёргиваю себя из-за недовольного взгляда Кати. Обменявшись номерами, мы распрощались. Я провожаю его взглядом — замечательный человек, живой!

— Нахал.

— А мне понравился! Такая улыбка милая, — я вижу, Катя злится и нервничает.

— Не вижу ничего милого! — Катя обняла меня и сказала очень ласковым голосом: — Может, домой поедем?

— Ты меня уже ревнуешь? — я рассмеялась и чмокнула

её в носик.

— Нет, просто... — Катя помотала головой и устало улыбнулась, но в глазах её плясали тёмные огоньки: — Я так намаялась и перенервничала за сегодня.

— Ну, уговорила... врунья...!

Мы заходим в квартиру. Нет, просто вваливаемся. Пальто и куртка летят в угол, туда же и сапоги, которые долго не желали сниматься.

Каким-то чудом мы оказываемся в комнате. Катя старается сдерживаться, наверное боится, что если поспешит, то я испугаюсь. Да, я боюсь так, как никогда не боялась. Сомнения, угрызения совести, ведь меня воспитывали совсем иначе! Но, если я чувствую себя счастливой и хочу подарить счастье именно ей, то неужели это плохо? Да и как можно оттолкнуть её?! Я чувствую, что ещё могу остановиться... Но я не хочу сдерживаться — и так терпела долго!

Я сама тяну её на кровать, расстегивая платье.

— Уверена? — Катя садится на меня сверху и прижимает мои руки к кровати.

— Ага!

Катя целует меня в шею, чуть прихватывая и покусывая кожу, но по-прежнему крепко держит, не даёт мне ответить.

— Точно? — она улыбается и проводит языком по моим губам, словно кошка. Потом касается губами, но только я хочу углубить поцелуй, отстраняется.

— Тсс, — Катя снова наклоняется и смотрит мне прямо в глаза. Я чувствую запах её духов и едва уловимый вкус её тела. Я схожу с ума, смотря в её глаза. Наверное, и она что-то видит в моих, потому что освобождает мои руки и сладко целует. Ну, наконец-то я свободна!

Я обнимаю её за шею и перекатываюсь, оказываясь сверху. Шепчу ей на ушко:

— Ну и кто круче?

— Конечно, я!

Мы смеясь боремся, лаская друг друга. Она удовлетворённо улыбается и каждым своим новым прикосновением доводит меня до невменяемого состояния. Я всё чувствую очень остро: её руки, пальцы, обжигающее дыхание на своей коже, глаза напротив моих, тёплые губы… И в то же время, я не могу избавиться от мысли, что это сон, странный, пугающий, прекрасный сон. Для меня всё ново, дико… Но вскоре я забываю свои мысли — остаются только чувства. А логика летит к чёрту!…

— Мммм… — Я чувствую лёгкое прикосновение к своей шее и сладко ёжусь от щекотки. Хочу прекратить это безобразие и зарываюсь головой под подушку. Но не тут-то было! Мой мучитель не оставляет меня и там: нежные, ласковые прикосновения, почти не ощутимые. Но почему я тогда так сильно возбуждаюсь? И это после такой ночи?!

— Катя, я спать хочу, — мой голос жалобно доносится из-под подушки. Рукой нашариваю мобильный и смотрю на время, — Мы легли всего несколько часов назад!

Катя пользуется моментом и проводит по моей руке кончиками аккуратно подстриженных ногтей. Мурашки смелыми рядами маршируют по всему телу, заставляя сладко выгнуть спину от удовольствия.

Катя ныряет под одеяло, и поцелуями добирается до моего ушка, и шепчет в него:

— Я понимаю, солнышко. Но нам надо к моей маме, а она ждёт нас к 12. Если мы сейчас не встанем, то опоздаем.

Я заставляю себе понять, что именно Катя мне говорит, и донести информацию до мозга. Но знаете, как трудно думать, когда тебя умело возбуждают, а ты не можешь, да и не хочешь этому мешать?!

Я обвиваю руками Катю за шею и стараюсь прижаться к ней всем телом:

— Как думаешь, у нас есть часик в запасе?

— Есть, если ты готова отказаться от горячего, крепко сваренного кофе, душа и прочих радостей жизни.

— Ты жестока!

Катя ухмыляется и с издёвкой так говорит:

— Не-е-ет, я просто даю тебе возможность выбора.

С кем я связалась?! С монстром, не иначе!

Меня озаряет действительно гениальная мысль:

— А душ-то можно и вдвоём принять...

— Ну и? — мы идём с Катей по улице и избегаем смотреть друг на друга.

— Что?

— И как давно ты знала, что уезжаешь?

— До выставки.

Я хмурюсь — никак не ожидала, что визит к её маме начисто перечеркнёт все мои мечты, стремления, всего лишь одной фразой:

«Катя, ты не забыла, что мы сразу после Нового Года уезжаем? Будь готова».

— А ты остаться не можешь? — спрашиваю, но, по-моему, ответ и так ясен, если б она могла, то осталась бы.

— Не могу. Я нужна ей. У неё сейчас всё сложно... — Катя не смотрит на меня, взгляд её блуждает по хмурому пасмурному небу. Такому же, как и её глаза.

— Понятно... Когда вернёшься? — равнодушно пинаю застывший и покрытый корочкой льда небольшой камушек. Он укатывается далеко вперёд.

— Не знаю... не знаю вернусь ли вообще, — мы не спеша

доходим до того места, куда отскочил камень, и Катя, замахнувшись, отправляет его косым ударом прямо на дорогу. Я с сожалением провожаю его взглядом.

— А какого… какого ты тогда вообще со мной заигрывала? Зачем обняла там, на выставке, зачем дала понять, что хочешь? Не могла уехать по-тихому? Сделать так, чтобы мы были просто случайными подругами-знакомыми?!

— Я не справилась… Не сдержалась. Прости.

— Прости?! — я резко торможу и возмущённо разворачиваю её к себе: — А ты подумать не могла? Не сдержалась она! А то, что я не хочу, чтобы ты уезжала? Что я хочу, чтобы ты была рядом? Что у меня всё внутри разрывается, тебе плевать, да? Поиграла, влюбила в себя и убежала?!!…

— Лена, успокойся! Пожалуйста… — она хочет взять меня за плечи и притянуть к себе, но я отмахиваюсь от её протянутых рук. — Лена, там…

— Да плевать мне, что там! Мне плевать! Езжай, куда хочешь! Мне плевать!…

— Ленка, чтоб тебя! Послушай! — Катя снова делает попытку схватить меня за куртку, но я отскакиваю. По-моему, у меня началось что-то вроде истерики. Я вижу всё расплывчато и как-то нереально, словно сон.

— Не хочу слушать! Не буду! — кричу, как маленький капризный ребёнок.

— Бл*, там…! Отойди от дороги!

Но… поздно, слишком поздно я оглянулась и увидела, как снегоуборочная машина проезжает мимо, посыпая меня грязным снегом пополам с песком. Вот теперь я точно ни хрена не вижу.

Возмущённо отплёвываюсь, на зубах скрипит песок, на сердце — скребут кошки. Я вся грязная, беспомощная, жалкая… Хочется плакать. Я без сил падаю на колени и обнимаю себя за плечи — крепко, пытаясь унять боль и разочарование.

Лена подошла ко мне и то ли платком, то ли салфеткой

стёрла грязь с моего лица, стряхнула, сколько смогла, снега с одежды и, сев рядом, крепко обняла.

— Только не давай мне смотреться в зеркало, пока не придём домой и я не помоюсь.

— Угу.

Я захожу в Катину комнату и содрогаюсь от холода, а она сидит на подоконнике с открытым настежь окном и смотрит на падающий снег.

— Бр-р-р, у меня обои отклеятся при такой температуре! — подхожу к ней и обнимаю за талию, засовывая руки под её большой домашний свитер, и чувствую тепло ставшего таким родным тела.

— Не отклеятся, — опять этот равнодушный тон. Катины глаза широко распахнуты, кажется, что внешним холодом она стремиться заморозить свои чувства, эмоции, боль.

— Отклеятся, — упрямо продолжаю глупый спор, — ты уедешь, а мне что? Ремонт делать прикажешь?

— Я заплачу, если будет надо.

— А я заплАчу, даже если будет не надо.

Катя чуть улыбается и ласково треплет мне волосы, легонько почесав за ушком. Странно, но мне хочется одновременно мурлыкать и плакать.

— Вот уедешь и забудешь, — говорю несколько обиженным тоном, но так, чтобы она уловила серьёзные нотки в моём голосе. Для меня это действительно важно.

— Не забуду.

— Забудешь, я тебя немного уже знаю. Ты не из тех, кто пишет письма.

— Хочешь, я заведу в Интернете дневник и каждый день буду туда писать, чтобы ты знала, что со мной и как?

— Нет, наверное. Я подумаю. Не хочу, чтобы ты делала это ради меня. Дневник — это что-то личное и зачастую только для себя.

— Будем в аське переписываться?

— Нет. Так ещё больнее будет.

— Что же ты от меня хочешь?! — раздражённо.

— Да хотя бы того, чтобы ты заткнулась, — говорю и прижимаюсь головой к её животу, пряча слёзы. Не могу больше говорить — в горле першит.

Я, всё ещё крепко прижимаясь к Кате, смотрю сквозь слёзы в открытое окно. Дикое сочетание тепла и холода. Но так гораздо лучше — когда смотришь в серое небо, кажется, что боль не может быть бесконечной...

Новый Год мы встретили несколько странно: сначала долго сидели, обнявшись в квартире, потом ходили по городу, встречали толпы счастливых людей, радостно запускающих фейерверки. Стали свидетелем, как вроде бы взрослый на вид мужчина отправил ракету прямиком в чьё-то окно. А потом сломя голову пробежал мимо нас с весёлой улыбкой. Вслед ему неслись проклятья.

Мы почти не говорили — устали от слов. И так всё понятно. Просто ловили счастье, глотали его, не боясь подавиться, потому что запивали слишком большие куски слезами. Так легче.

— Проводишь?

— Нет. Не хочу.

— Ладно. Тогда до встречи, — Катя улыбается и мимолётно целует меня в губы.

— Прощай, — закрываю дверь... Конец?

Захожу в комнату и сажусь на подоконник, стараясь не смотреть вниз, потому что и так слышно, как хлопает дверь такси и, пробуксовав колёсами, машина уезжает. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу — зима навеки моё время года.

Звонит мобильный, я недовольно достаю его из кармана джинс и прижимаю, не глядя, к уху:

— Да?

— Ленка! Привет! С прошедшим тебя! Прости, что не позвонила раньше — связи вообще не было! Скоро приеду...

Поговорив ещё пару минут, я устало кидаю мобильный на кровать — жизнь возвращается в прежнее русло. Снег падает несмотря ни на что, планета не остановилось, а сердце всё так же гоняет кровь по венам. Смешно? Смешно...

Мобильный звонит снова, а я задумчиво смотрю на мигающий экран — подходить, не подходить? На седьмом звонке вскакиваю и кидаюсь к телефону:

— Катя?! — и почему я решаю, что это она?

— Нет. Это Эрик. Эрик Вильсон.

— А-а-а, здравствуйте.

— Вижу, что вы мне не рады, — чуть насмешливый голос невольно вызывает у меня улыбку.

— Да нет.

— Обожаю этот чисто женский ответ: «Да нет». Понимай, что называется, как душе угодно. Но не суть. Я звоню сказать, что фотографии готовы, и я могу отдать вам их хоть сейчас. Что скажете?

— Давайте сейчас! И, если не трудно, то как можно быстрее. У меня мало времени!

— Хорошо, — Эрик удивлён, но в целом доволен моей реакцией — его всё это, видно, забавляет.

Забрав фотографии, я пулей понеслась в аэропорт. Время ещё было, но мало. Так хотелось успеть, ведь я должна. А иначе, никогда не прощу себе этого! Меня злили пробки, меня бесила толпа в метро. Я злилась на Катю, на то, что она уезжает, на себя,

на то, что позволяю ей это. Но...

«У меня мать на грани, понимаешь. Мне кажется, что она скоро сломается. Я не могу бросить её! А у неё работа. Которую она тоже не бросит, и сюда никогда не приедет насовсем, мне придётся к ней ехать...».

Не понимаю! Не понимаю! И никогда не пойму! Но... отпускаю, потому что наверное так правильно...

Вбегаю в аэропорт и растеряно замираю — куда дальше-то? Пробую набрать её номер, но она не отвечает. Чёрт!

Подхожу к стенду с объявлениями и пытаюсь найти нужный рейс. Как она там говорила, Лондон, город под цвет её глаз... Когда там её самолёт отправляется, и главное — где её сейчас можно найти?! А если она уже прошла пропускной контроль?

Так, спокойно, мыслим логически. Ближайший рейс на Лондон только через два с половиной часа, значит, скорее всего, все сидят в залах ожидания, а это вон там...

Я бегу, расталкивая окружающих, огибая тележки с вещами и беспокойных людей. Именно в такие моменты я жалею, что прогуливала физкультуру — в боку уже минут пять как колет нещадно, а лёгкие просто разрываются...

— Сколько людей... Что делать?

Набираю побольше воздуха и срывающимся голосом кричу:

— Катя! Кать! Ты где?!

Все оглянулись, но нигде я не вижу её. Сердце отчаянно колотится — ну, не может всё так закончиться! Не могу я отпустить её, не сказав, что...

— Лен? Ты чего буянишь?

Изумлённо оборачиваюсь и вижу перед собой своё лохматое ухмыляющееся чудо... моё чудо... и моё чудовище...!

— Катька! — с визгом бросаюсь её на шею. Она опять треплет меня по голове и улыбается.

— Ты чего? Решила проводить?

— Ага! Прости, я как дура себя вела! Вот, — роюсь в карманах и, найдя заветный конверт, торжественно ей вручаю.

— Что это? — Катя недоверчиво берёт его и с интересом заглядывает внутрь.

— Там те фотографии. Я хочу, чтобы ты не забывала! Помнишь, у меня есть одно желание? Ну, которое ты проиграла мне в карты?

— То единственное? — Катя с любовью смотрит на фотографии и качает головой, словно не веря, что на ней мы.

— Ага. Так вот. Я хочу, чтобы мы когда-нибудь обязательно встретились! Обещаешь?

— Конечно! — Катя радостно обнимает меня, а я крепко-крепко сжимаю её в ответ. Всё будет хорошо, мы встретимся. Мы не забудем друг друга. Карточный долг самый важный — его нельзя не выполнить! Ведь, правда? Да?

Мечтаю… ненавидеть
Автор : Сулмор
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance, Angst
Размер : min
Описание :
От любви до ненависти один шаг. Но что, если они существуют вместе?
Дисклаймер :
Все права на персонажей принадлежат их создателям.

"…То ненависть пытается любить
Или любовь хотела б ненавидеть?"
Игорь Северянин.

Звонок в дверь. Я, тихо матерясь сквозь зубы, обречённо пошла открывать, лихорадочно пытаясь понять, кого принесло в такую рань? По пути умудрилась споткнуться о свои же туфли,

что, конечно, не улучшило моего настроения.

Мимолётный взгляд в зеркало, заставил меня поморщиться от жалости к себе. Каштановые, средней длины волосы после сна сильно взлохмачены, глаза опухли, лицо всё какое-то помятое. Да и пижама моя тоже так себе выглядит: драная майка хрен знает сколько лет, короткие шортики и единственная моя гордость — большие домашние тапки в виде зайцев.

Положение усугублял тот факт, что я довольно-таки хрупкого телосложения. Сколько раз я пыталась отъесться, кормила себя, как на убой, но... Ничего не получалось. Да не убьют меня жертвы диет и прочей фигни для похудания! Просто у меня в семье все такие. И не считайте это чем-то хорошим, ради всего святого! Это только кажется, что быть худенькой — мечта! На самом деле мне очень трудно купить одежду себе по размеру, хоть в детский мир идти закупаться. Про обувь я вообще молчу... Да и на ребёнка я очень сильно похожа. Повезло, что хоть рост у меня средний, а то полный финиш бы наступил. Представьте, подходит такая маленькая девочка к преподавателю в институте и говорит: «Дяденька, поставьте мне зачёт, пожа-а-а-а-луйста»! Ну да ладно, не всё так плохо, насколько могло показаться. Просто утро, кофе не успела выпить и вообще день тяжёлый, благо, что не понедельник.

— Иду! Иду! Я уже почти открыла! — что правда, то правда. Мои родители, золотые люди, так заботятся о своём единственном чаде, что специально установили мне новомодную дверь с тысячей замков. Ну, конечно, не тысяча, а всего три обычных, один амбарный засов и маленькая цепочка. Согласитесь — это мелочи.

Справившись с замками, я открыла дверь, но, поняв, кто за ней, тут же попыталась закрыть обратно. Но не тут-то было! Сильный толчок заставил меня сделать шаг назад, но и этого хватило. Поздно, дверь открыта.

— Привет! Надо поговорить, — Рита по-хозяйски закрывает мою дверь и спокойно так снимает ботинки, вешает лёгкую осеннюю куртку на крючок. Потом излюбленным жестом взлохмачивает свои длинные потрясающие волосы цвета тёмного шоколада и, отбросив с глаз чёлку, ласково смотрит на меня.

А я стою, как дура, впрочем, почему «как»? Нефиг кому

попало двери открывать! Зря здесь столько замков, что ли?

Как обычно, при взгляде на неё у меня внутри всё начало дрожать, коленки подгибались, а о том, чтобы мыслить здраво и хладнокровно, не могло быть и речи! Всё смешалось в доме…

Хотя меня хватает на то, чтобы возмущённо замычать, отрицательно покачать головой и ткнуть рукой в сторону двери. Знаю я эти её «поговорим»! Щас! Мне прошлого раза хватило. Так, не вспоминать прошлый раз, а то совсем контроль потеряю.

Рита сделала попытку приблизиться ко мне, но я резво отскочила.

Зря, что ли на мне тапочки зайцев? Как там в песенке: «Не боимся мы ни волка, ни лису»? Дак вот, сообщаю всем желающим слушать, сейчас я не боюсь всяких там лисичек и зубастых собачек по той простой причине, что мой самый страшный кошмар стоял прямо передо мной!

— Пожалуйста, мы действительно просто поговорим! — Рита улыбнулась мне так честно и открыто, всем своим видом показывая, что говорит правду и только правду. Но её глаза, хранящие вечный оттенок лета (такие же зелёные), светились лукавством. Для достоверности она даже подняла руки вверх, как бы говоря, что она безобидна и безоружна. Охотно поверила…

Я сделала ещё шаг назад и споткнулась о те же самые злосчастные туфли, чуть не упав, умудрилась сохранить равновесие. Только это уже ничего не значило — я опять пропала. Рита воспользовалась моментом и успела подойти ко мне и крепко обнять.

— Осторожней надо быть, лисёнок! — чуть ухмыльнулась и нежно поцеловала меня в уголочки губ.

— Я ненавижу это прозвище! — огрызнулась, но это так, последний вздох приговоренного.

Я попыталась оттолкнуть Риту от себя, но она лишь засмеялась и прижала меня к стене, и завела мои руки мне за голову, держа их одной рукой, чтобы я не вырвалась. Вторая рука уже уверенно гладила меня по талии, мягко щекоча живот. Я ненавидела себя за это, но всё же не смогла сдержать сладкого

на грани слышимости стона удовольствия. Но эта сволочь всё услышала и нагло ухмыльнулась — это её любимый момент — заставить меня добровольно сдаться.

— Мне опять будет больно, — это звучит очень жалобно и с такой настоящей обречённой тоской, что Рита остановилась и посмотрела мне прямо в глаза. Наклонилась ближе, хотя, казалось бы, куда ближе-то, и прошептала так, что я почувствовала её горячее нежное дыхание на своих губах:

— Тебе больно… сейчас?

— Нет. Будет больно, когда ты в очередной раз поимеешь меня и тихо смоешься на месяц или вообще на полгода, — обычно я не плакала, но сегодня что-то не так было. Может, во всём виноваты проблемы, которые на меня навалились, ведь я недавно сломала компьютер, а там половина моей жизни, мой парень меня бросил, с учёбой что-то не то, диплом скоро писать. Короче, не знаю почему, но слёзы просто потекли из моих глаз. Сначала медленно, по одной, но вскоре уже уверенно капали с моих ресниц.

— Лисёнок…

— Иди на х*й. Оставь меня в покое, — сил моих хватило лишь на жалкую попытку ударить Риту в плечо, но она спокойно отнеслась к этому. Это меня и добило, хоть и не знаю почему, но потом я просто зарыдала в голос.

Рита мягко обняла меня и начала гладить по голове, что-то шептала мне на ушко, успокаивала. Когда слёзы вроде бы кончились, за ручку отвела меня в ванную, умыла, нашла где-то расчёску и причесала меня. Пинками довела до кровати, уложила, даже закутала в одеяла, потом, мягко касаясь моего плеча, тихо сказала:

— Посиди немного или полежи, а я приготовлю тебе кофе. Идёт?

Я опять кивнула и предвкушающе улыбнулась — за её кофе можно душу продать! Очевидно, такой ответ устроил Риту, и она пошла на кухню. Я невольно залюбовалась её движениями, походкой. Она всегда мне казалась хищником, дикой кошкой, а я была лишь её жертвой.

Неожиданная ассоциация, пришедшая мне в голову, заставила меня долго и с упоением ржать. Истерика, ничего не попишешь.

Рита пришла через некоторое время, неся в руках мою любимую чашку с кофе. Торжественно вручив её мне, она поинтересовалась:

— Ты чего так смеялась?

— Скажу, когда допью, а иначе, ты меня убьёшь, — а что? Вполне разумное решение. Ну, не говорить же мне ей, что у меня шорты фирмы Puma? А это так символично, что то ли плакать, то ли смеяться...

— Как скажешь, — Рита залезла ко мне под одеяло и аккуратно обняла сзади, — Я не хочу, чтобы ты плакала.

Я откинула голову ей на плечо и вдохнула неповторимый аромат её тела: кофейные зёрна, шоколад и что-то ещё, неуловимое. Внизу живота появилось знакомое томление, и я поспешно сосредоточилась на горячей кружке и своём отражении в ней, чтобы прогнать несвоевременные мысли.

— Рита, я тебя ненавижу, — сказала спокойно, даже особо не думая. Эти слова я повторяла уже не один раз, но сейчас они почему-то заставили Риту едва уловимо вздрогнуть.

— Катя, ты и вправду меня ненавидишь? — вопрос был задан минут через десять, и я уже успела немного задремать в её объятьях, поэтому сильно удивилась. К тому же она назвала меня по имени, а это повод для серьёзного беспокойства.

Я повернулась к Рите и внимательно вгляделась в её милое личико. Как всегда мне пришлось приложить усилия, чтобы просто глупо не сидеть и бездумно не смотреть в её потрясающие глаза. Я сосредоточилась и попыталась честно ответить на её вопрос, понять, что чувствую:

— Да, я тебя ненавижу. Ты причиняешь мне боль. Когда ты в очередной раз уезжаешь, у меня остаётся противное опустошающее чувство в груди. Мне хочется иногда выть, беситься, кусаться, царапаться, а иногда просто забиться в угол

и сдохнуть как последняя подзаборная шавка. Моя жизнь рушится после каждого твоего недолгого визита. Пойми, я завишу от тебя. Ты, как наркотик, яд. Определённо, мне есть, за что тебя ненавидеть.

Рита лишь кивнула, но взгляда не отводила. Она всегда прямо смотрит на свои проблемы, не отворачивается. Рита сильный человек, но я смогла заметить отголосок боли и в её глазах. Признаться, я получила от этого странное удовлетворение — не такая уж она и бездушная, как хочет казаться. Мои слова ранят её, очень сильно! Я внезапно это поняла.

— Хочешь, чтобы я ушла? — равнодушный тон, которому я теперь не поверю.

— Да, вали отсюда, — о, с каким удовольствием я произнесла эти слова. Я так хотела сделать ей больно. И у меня получилось!

Рита кивнула и спокойно поднялась с кровати, я встала вслед за ней. И уже около двери добавила ехидным тоном:

— И не забудь купить в магазине сыра, колбасы, хлеб тоже вроде кончился. Ах, да! Ещё и кетчупа нет.

Рита замерла и удивлённо посмотрела на меня, от чего её глаза стали большими-большими, а лицо таким беззащитным и ранимым, что меня чуть ли не затрясло от сдерживаемой нежности.

— Э?!!! — да, не у одной меня проблемы с устной речью.

— Сходи в магазин и купи продуктов. Я хочу, чтобы хоть раз наша встреча прошла по-моему! Хочу нормально позавтракать, хочу поговорить, хочу, чтобы ты снова приготовила кофе, и…

Договорить я не смогла по техническим причинам — Рита поцеловала меня и крепко обняла. Моё сердце бешено застучало, воздуха не хватало, а внутри всё завибрировало, запело. Да и вообще, тот, кто хоть раз целовал любимого человека, меня поймёт. А так и объяснить невозможно — всё равно не поверите.

— Значит, ждёшь? — Рита отстранилась от меня, вся прямо-таки светясь изнутри счастьем и радостью.

— Да, жду. Давай быстрее, — и я со строгой миной открыла дверь, а Рита, уходя, чмокнула меня в щёчку.

Закрыв дверь, я устало сползла по стеночке. Какой-то рваный, надрывный смех помимо воли вырвался у меня из груди. Мне показалось, что что-то изменилось к лучшему, даже та боль немного притупилась и отошла на второй план. Я не понимала, правильно ли поступила, я ничего не знала за исключением того, что хочу быть рядом с ней. Даже, если это значит, что придётся опять попрощаться утром, что мне снова придется мило скалиться, улыбаться этому миру без неё.

— Я тебя люблю, но ты этого не услышишь от меня! А иначе я потеряю тебя навсегда, — сидела и глупо улыбалась, и ждала, когда Рита вернётся. Как верная, любящая собачонка, скулила под дверью и ждала, когда хозяйка возвратится домой.

— Ну, о чём ты хотела поговорить? — спросила я уже в который раз за день.

— Хм? — Рита приоткрыла правый глаз и посмотрела на меня взглядом удовлетворённой кошки. Хотя, ничего удивительного...

— Поговорить. Ты хотела, — строго напомнила я ей, надеясь, что, уловив опасные нотки в моём голосе, она соизволит ответить.

— Да? Ну... О, пошли, погуляем? — Рита приподнимается и лукаво смотрит, сквозь длинные ресницы.

— Мы целый день гуляем. И в кино ходили, и в кафе сидели, и в парке были. И сладкую вату жрали, и в фонтане ты меня искупала. Хватит. Скажи, что ты хотела, когда с утра нагло ворвалась сюда?

— Тебя, — о, небо, опять я еле сдержала стон, потому что её рука нежно убрала прядку моих растрёпанных волос за ушко. Огромным усилием воли я не закрыла глаза и отдёрнула голову:

— Хватит уходить от ответа! Либо говори, либо уматывай.

— Какая ты грозная, лисёнок, — она насмешливо улыбнулась, а мне опять захотелось закричать.

— Не называй меня лисёнком!

— Прекрати! — Рита попыталась меня обнять, но я вскочила с кровати и зло произнесла:

— Вон! Всё! Уходи!

— Хорошо-хорошо. Твоё слово — закон, — Рита лениво потянулась, наблюдая за тем, как я заворожено смотрю на изгибы её стройного тела, чуть приоткрытые губы...

Я закрыла глаза, чтобы не видеть. Так легче... Но, к сожалению, я услышала, как она встала с кровати и подошла ко мне, и почувствовала, как она обняла меня за талию, прижавшись всем телом.

Я зажмурилась ещё сильнее и вся сжалась, как будто испытывала очень сильную боль.

— Ненавижу... — две слезинки вырвалась из глаз, и потекли по моим щекам. Но им не суждено было сорваться вниз — горячий язычок слизал их одну за другой.

Я уткнулась лицом в основание её шеи и подавила постыдный всхлип.

— Эх, лисёнок... — грустно и нежно. Так, как будто она действительно меня любит.

— Да хоть кенгуру, бл*! Сколько можно?

Рита засмеялась и отпустила меня, а я так и застыла, по-прежнему не открывая глаз.

Я слышала, как она одевалась, ходила по комнате и собирала свои вещи. Всё, как обычно. И сейчас она опять уйдёт, а я останусь подбирать и заметать веником осколки своей прежней жизни, чтобы потом попытаться склеить их. Пора бы уже привыкнуть к тому, что для неё важнее работа, семья, а не глупая влюблённая в неё девчонка.

— Пойдём. Закроешь дверь.

— Ага, — тупо ответила, почти на автомате. С горьким вздохом открыла глаза и пошла провожать.

— До встречи, — Рита мягко поцеловала меня, стоя у двери. А мне было пофиг. Мне слишком больно, ла-ла-ла.

Она чуть нахмурилась — ей всегда не нравилось, что на прощальный поцелуй я никогда не отвечаю. Обычно, она уходила, но сегодня...

Резко прижала меня к двери, больно укусила за губы, заставив распахнуть глаза от удивления, лёгкой злости и... вспыхнувшего желания. Равнодушие спало, а оцепенение прошло, но боль, не физическая, а та, другая, осталась.

Мне захотелось сделать ей больно, и я прокусила Рите губу, до крови. Только почувствовав сладкий металлический вкус во рту, я поняла, что натворила: чуть не разодрала ей весь рот.

— Прости! Я ...

— Всё нормально, — Рита облизнулась и отпустила меня: — Я довольна.

Она развернулась, чтобы уйти, а я... я не хотела, чтобы она снова вернулась. Не хотела ждать её. Не хотела! Был способ, как я думаю, заставить её уйти навсегда...

Поэтому я набралась смелости, сделала большой глоток мучающего меня отчаянья и со всей возможной ненавистью сказала, глядя ей в спину:

— Я тебя... люблю! Уходи! И не возвращайся!

Она вздрогнула, но не развернулась, а просто ушла.

А я тихо закрыла дверь, защёлкнула все замки и надела цепочку. Так правильно, так нужно... Теперь она не придёт. Теперь, когда я призналась, она потеряет ко мне интерес, перестанет мучить меня, играть мной. Рита победила — она добилась этих слов, будь всё проклято! Я так устала...

Странно, но я не плакала. Лишь вернулась к кровати, взяла одеяло и подушку и легла на пол — утром поменяю бельё, а сейчас... спать. Впервые со спокойной улыбкой.

Пусть больно, пусть одиноко, но правильно...

Звонок в дверь. Я лежу на полу. Память чуть стёрлась, делая вчерашний день похожим на любимый кошмар.

Всё-таки заставила себя подняться и подойти к двери. Промучившись с замками, наконец, открыла дверь, опять совершенно забыв поглядеть в глазок.

— Ты...! Что здесь делаешь? Ты должна быть в другом городе, ехать к своему мужу, мчаться на грёбаную работу! Оставь меня, мать твою!

— Мою маму не трогай, — она чуть хмурится, но почему-то... улыбается? Чему?

— Уйди, а? Почему не ушла? Вернулась сказать веское «прощай»? Так говори и проваливай. Всё, прощай!

— Не психуй, лисёнок, — а потом она улыбнулась мне светло и ярко, так, что я почти поверила, будто она меня любит:

— Я разве вчера не сказала, что у меня отпуск на месяц? Кать, и проведу я его с тобой...

Вам и не снилось
Автор : Сулмор
Пара : (Оригинальные истории)
Рейтинг : PG-13
Жанр : Romance
Размер : min
Описание :
История на сладкой и опасной грани, между сном и реальностью.
Дисклаймер :

-

— Ты… мы… Я… что за?!!!- Света резко отскочила от меня, стараясь увеличить расстояние между нами на максимально возможное. К несчастью для неё, кровать была хоть и немаленькой, но всё равно недостаточно большой для двоих девушек. Да и легла она у стены, и так получилось, что сейчас Света сама загнала себя в угол.

— Я? — сделала вид, будто ничего не понимаю спросоня, и состроила невинное, полное искреннего недоумения и удивления лицо.

— А кто тогда… — даже в темноте я увидела, что Света отчаянно покраснела: ночь выдалась лунная и светлая, к тому же лето ведь.

— Что «тогда»? Я тебя во сне ударила случайно? Если да, то прости пожалуйста! Я просто часто ворочаюсь… Что я сделала-то?

— Ну… Ты… Твои… — Света нервно сглотнула, а потом, подумав пару секунд, решила замять это происшествие — Мне показалось. Сон видно плохой приснился. Прости, ничего не случилось…

— Кошмар? Расскажи — легче станет, — я почувствовала, что её слова на счёт «плохого сна», признаюсь, задели меня не на шутку — не так плохо всё было, лично мне дак очень понравилось!

— Да нет! Не кошмар, а… — Света вздрогнула всем телом и с шумом вдохнула воздух, — Просто, так странно и… Аня, давай не будем об этом, ладно?

— Хорошо, — неохотно, но я всё же уступила ей — так умоляюще она на меня смотрела. Правда, для вида помучила её ещё немного расспросами, но азарт уже пропал. На смену ему пришла тягучая, чёрная грусть. Пришлось желать спокойной ночи, чтобы попытаться справиться со своими эмоциями, да и просто понять, что я сейчас наделала. Света, обрадованная

благополучным разрешением, с её точки зрения, инцидента, тут же пожелала мне в ответ «спокойной ночи».

Я лежала с открытыми глазами и восстанавливала в памяти недавние события. После успешной сдачи экзаменов мы со Светой решили отдохнуть. Но поскольку денег было мало, а в городе было слишком шумно, мы порешили поехать на Светкину дачу. Хотя назвать одноэтажный домик с единственной комнатой, не считая кухни, дачей было, по-моему, слишком, но мне всё равно тут ужасно нравилось: соседи доброжелательные, детишки носятся по округе, да и сам дом вполне чистый, опрятный, а главное — по-домашнему уютный. Всё здесь было сделано отцом Светы, а потому и не надо было ничего больше.

Мы весело проводили время: купались, загорали, ходили ягоды собирать, часто сидели у костра и пытались на нём пожарить что-нибудь так, чтобы это что-то не сгорело полностью до угольков. Странно, но именно здесь я поняла, что ближе Светы подруги у меня просто нет. С ней было безумно легко, хотя характер у неё тот ещё, хотелось смеяться и жить рядом, просто жить.

Дружба со Светой значит для меня много, даже слишком много. Но, конечно, существовал существенный минус — я лесбиянка, но Света об этом не знает. Просто, я по натуре скрытный человек и в первый период нашей дружбы ясно дала ей понять, что не хотела бы разговаривать о своей личной жизни — боялась, что она испугается и убежит от меня. Сейчас-то я понимаю, что это были беспочвенные опасения, но привычка молчать об этом накрепко закрепилась в наших отношениях, сделав их сладко мучительными для меня. Дело в том, что для Светы являются нормой прикосновения и объятия при встрече, лёгкие поцелуи в щёчку при расставании и т.д.

Но мне-то этого мало! Сколько раз я чуть не до крови закусывала губу, пытаясь удержать себя в руках. А тут… Домик-то маленький, места тоже нема, вот и пришлось, блин, спать в одной кровати. Первые дни я, помню, ещё держалась, но сегодня ночью…

Я долго не могла заснуть из-за того, что Света была рядом. Её рука привычно обнимала меня за талию, а её размеренное дыхание при каждом выдохе легонько щёкотало мне шею. Помню, привычно постаралась успокоить свои чувства и желания,

но в этот раз получалось как-то плохо. Да и Света добавила масло в огонь — во сне мурлыкнула что-то и придвинулась ко мне ближе так, что наши груди соприкоснулись.

Так что я имею полное право оправдать свои следующие действия в своих глазах, моя совесть чиста и молчит в тряпочку. Ведь не сумев себя сдержать, я провела рукой по линии её талии, оставив руку пониже спины. Осторожно приблизила лицо к ней и легко лизнула её шею, потом мягко коснулась губами пшеничных волос, с наслаждением вдыхая ставший таким родным запах спелых яблок и росы, лета. Накатившая на меня волна нежности и любви к моему милому ангелу унесла последние остатки самоконтроля. Я поцеловала её в губы, не забывая всё же следить за её реакцией, держа глаза чуть приоткрытыми. Не прерывая поцелуй, одной рукой прижала Свету к себе, а другой начала легко поглаживать её по спине. Я почти смогла взять себя в руки, напомнив, что это в общем-то несправедливо и нечестно лапать свою подругу, когда она спит. Уже даже начала потихоньку отстраняться, как Света вдруг ответила на мой поцелуй.

Вихрь эмоций — от растерянности и приятного удивления до отчаянья, когда поняла, что Света не понимает, кому отвечает на поцелуй — разорвал мою душу. Но как бы то ни было я полностью отдалась таким долгожданным ощущениям, запоминая каждый миг случайного счастья. Моё сердце в испуге пропустило пару ударов, когда Света, наконец, открыла глаза и, осознав ситуацию, оттолкнула меня.

Мне ничего не оставалось, кроме как притвориться спящей и свалить всё на неконтролируемость действий во время сна. Хотя хотелось кричать, кричать от острой боли в груди или, где там душа человека находится?

Я прикусила язык в надежде приглушить душевную боль физической. Помогло слабо, но хотя бы в голове прояснилось. Строго настрого запретив себе плакать и распускать нюни, прислушалась к дыханию своей подруги (ну, я надеюсь, что всё ещё подруги). По тому, как неравномерно она дышала, я поняла, что Света до сих пор не может успокоиться и заснуть.

Не в силах больше лежать, я решила сегодня больше не спать. К тому же небо за окном начало светлеть, значит можно пойти побродить где-нибудь.

— Света, ты спишь?

Тишина. Я попробовала обратиться ещё раз:

— Света, я пойду, погуляю, хорошо? А то чё-то сон пропал, — я решительно встала и начала одеваться, выбирая всё же одежду потеплее, потому как с утра было довольно прохладно.

Ответа не последовало, значит, она решила притвориться спящей. Хорошо, я предполагала такую реакцию, но сердце как всегда не хотело слышать голос разума.

Больно, душно, плохо... Ранее такой любимый дом, теперь показался тюрьмой. Невыносимо!

Я выбежала на улицу, забыв надеть куртку, но возвращаться не стала, решив, что не замёрзну, если буду идти быстро.

Глоток холодного воздуха немного притупил боль, а пронизывающий ветер заставил меня бежать от себя, от всего, от неё... Я не контролировала свой сумасшедший бег, просто отдалась чувствам, позволяя взять им вверх над собой, но в тоже время держала их под контролем. Мимо проносились дома, мелькали заборы, слепые тёмные окна...

Ноги принесли меня к берегу реки, такой равнодушной к моим проблемам. Я рухнула прямо на землю, мало заботясь тем, что запросто могла простудиться. Лёгкие горели огнём, глаза слезились, всё тело онемело, но на душе было пусто и хорошо.

— Она не поверила, что я спала. Она всё поняла и оттолкнула меня, — слова, обращённые к рассветному небу, вызвали слабый отклик боли, но в целом я осталась равнодушной. — Я всё испортила. Как всегда.

Всё вокруг меня оживало и просыпалось, но мне было плевать. Я чувствовала себя ужасно глупо, мне было стыдно и горько оттого, что всё так получилось. Я ругала себя за то, что я такая, какая есть. За то, что испортила дружбу. Теперь всё будет иначе, но я решила, что во что бы то ни стало не потеряю её.

— А любовь? — какая-то часть меня всё ещё надеялась, но выбор уже был сделан, а потому — любовь пусть идёт к чёрту!

После этих слов я неожиданно осознала, что лежу на ледяной земле и рискую заработать себе воспаление лёгких. Неуверенно встала и покачиваясь двинулась к дому, то и дело содрогаясь от холода и ветра. Трясясь я поднималась на невысокую горку, сейчас казавшуюся мне Эверестом. Я думала, что принятое решение должно было сбросить груз с моего сердца, но вместо этого плечи гнулись под невыносимой ношей, которая тянула меня назад.

Как я оказалась перед домом — не запомнила, всё было словно в тумане. Я ввалилась в комнату и, сняв только кроссовки, упала на кровать, но краем сознания удивлённо отметила отсутствие Светы и провалилась в забытье.

* * *

Света открыла глаза, как только за Аней захлопнулась дверь, и задумчиво посмотрела ей вслед сквозь окно дома. Она и сама не поняла, что заставило её притвориться спящей, но сделанного не воротишь. Света перевернулась на спину и подложила руки под голову. Так ей всегда лучше думалось, а подумать надо было о многом.

«Что мы имеем. Я просыпаюсь посреди ночи и обнаруживаю, что целую свою лучшую подругу. Она, бедная, пугается и убегает куда-то ни свет ни заря. Я вместо того, чтобы бежать за ней, лежу и пялюсь в потолок. Почему? Вот именно, почему? Почему я вообще её поцеловала? Я прекрасно помню, что мне ничего такого не снилось! Даже если предположить, что всё-таки снилось, то значит подсознательно я хотела её. Да как так вообще можно? Это ведь неправильно — мы подруги! Пусть мы не очень долго дружим, но… Она стала мне родной, даже больше того. Признаюсь перед собой, я всегда считала Аню красивой, неординарной личностью, меня тянет к ней, но… Неужели я ещё и хочу её?» — Света тяжело вздохнула и постаралась вспомнить свои ощущения во время поцелуя: нежность, сдерживаемая страсть, ласка на грани, острое наслаждение и чувство, что так правильно, что так и должно быть. Света мечтательно улыбнулась, но через секунду ей пришла в голову другая мысль:

«Стоп! А если предположить, что это она первая меня поцеловала. Допустим, это правда, хоть и маловероятно. Это что-то меняет? Я по-прежнему хочу снова её поцеловать, пусть это

и абсолютно дико для меня».

«Почему я тогда её оттолкнула, раз хотела этого? — Света резко встала с кровати и принялась быстро одеваться: — Как я могла оттолкнуть её?! Как могла отпустить одну?! Аня сейчас ходит, бог знает где, а я... Я во всём виновата, я и должна всё исправить».

Света подхватила Анину куртку и выбежала прочь из натопленного дома в холодное сумеречное утро.

Света обежала всю деревню и окрестности, была у реки, но так и не нашла Аню.

«Где мне теперь её искать? Зайду домой, может, Аня вернулась, — Света повернула обратно и ускорила шаг, хотя в боку уже кололо нещадно: — Но что я ей скажу? Как объясню то, что и сама-то не понимаю? А что я вообще хочу от неё? Вернуть то, что было или...»

Света растерянно остановилась, удивлённо прислушиваясь к своим чувствам: что-то странное, новое, а потому и пугающее рождалось в ней, но это чувство было хорошим, тёплым, добрым. Не очень понимая, что с ней происходит, Света помотала головой, отбрасывая от себя все ненужные мысли и сосредоточилась на главном — найти Аню во что бы то ни стало.

Света испытала огромную радость, когда зайдя в дом увидела свою подругу, лежащую в одежде на кровати. Она подошла к ней и задумчиво всмотрелась в её лицо, прекрасно понимая, что не хотела бы потерять настолько дорогого сердцу человека ни при каких обстоятельствах. Повинуясь чувствам, а не разуму, Света протянула руку и ...

* * *

Очнулась я оттого, что кто-то ласково гладил меня по голове. С трудом разлепив глаза, я увидела Свету, сидящую перед кроватью.

— Ты куртку забыла — я тебя искала, но не нашла.

— Прости, — вместо моего пусть и не слишком приятного, но нормального голоса получился страшный хрип.

Я вспомнила о своём решении быть для неё только другом и с сожалением осторожно отодвинулась от её руки, сделав вид, что просто устраиваюсь поудобнее. Похоже, мой манёвр остался не замеченным, поскольку Света отвлеклась на моё самочувствие и принялась лихорадочно бегать по комнате, ища лекарства.

За всеми её метаниями я наблюдала с тихой грустью и нежностью. Не смотря ни на что мне было приятно, что она обо мне заботится. Я даже поймала себя на мысли, что радуюсь простуде, ведь не заболей я, кто знает, как сложились бы наши отношения в дальнейшем. Может, этот случай встал бы между нами молчаливой стеной, а может...

— Вот. Выпей чай с мёдом, — я привстала на кровати и с благодарной улыбкой приняла кружку. С наслаждением сделала осторожный глоток, стараясь не обжечься.

— Выпьешь вот эти две таблетки: одна — витамин «С», другая — антибиотик. Потом переоденешься и ляжешь спать! — Света строго на меня посмотрела, и я поняла, что она сердится.

Не выдержав, я всё же спросила:

— Ты сильно на меня злишься?

Слова прозвучали до того жалобно, что Света престала хмуриться, широко улыбнулась и присела рядом со мной на кровать.

— Нет, конечно! Глупая, я просто волнуюсь, вот и всё, — Света закутала меня в одеяло и прижала к себе.

Я чуть не пролила горячий чай от такого поворота событий. И как тут прикажете остаться друзьями, да так, чтобы ненароком не обидеть её?! Решив, что в этом нет ничего страшного, я позволила себе расслабиться и откинула голову Свете на плечо.

— Ты из-за меня убежала? — ничего себе вопросик!

От неожиданности я вздрогнула и пролила на себя чай, который успел лишь чуть остыть.

К счастью, я не обожглась, но вот одеяло промокло.

— Прости! Я щас принесу новое, оно где-то тут лежало, — Света попыталась встать, но я удержала её за руку и рывком вернула на кровать.

— Почему ты так решила? — это единственное, что меня волновало. Мне вдруг захотелось выяснить всё и не мучить себя надеждой, которая от её слов вновь подняла голову и нещадно вгрызлась в сердце.

— Ты ведь помнишь? — Света тоже стала серьёзной.

Наверное, я бы смогла соврать, сказать, что не понимаю, и мы бы остались подругами, но я ответила:

— Да.

— Ты… испугалась того, что я сделала? — её голос дрожал и я с трудом понимала, что она говорит, но, когда до меня дошёл смысл фразы… мне захотелось завыть от переполнявших меня эмоций.

Получается, что она себя винит?! Считает, что это она меня поцеловала, а не наоборот?!! Но почему Света так решила, разве что… Сердце сжалось от радостного предчувствия, а в голове была полная каша из мыслей и логики. Света истолковала моё молчание по-своему и снова попыталась встать, но я опять поймала её и на этот раз легла сверху, прижав руками к кровати.

— Я испугалась того, что я сделала, — прошептала на грани слышимости, но Света всё поняла.

Я смотрела ей в глаза, ожидая увидеть в них приговор, но получила то, что мне и не снилось — поцелуй. Ну, и простуду, конечно же!

КОНЕЦ